

Я.В. Комиссарова

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕРТА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Монография

**Издательство «Юрлитинформ»
Москва
2014**

УДК 343.13-051
ББК 67.410.2
К63

Автор:

Комиссарова Я.В. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Рецензенты:

Эксархопуло А.А. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Николок В.В. — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская академия экономики и права».

Комиссарова Я.В.

К63 **Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика: монография.** — М.: Юрлитинформ, 2014. — 368 с.

ISBN 978-5-4396-0777-8

В монографии с современных позиций юриспруденции, психологии, философии на основании результатов исследований, выполненных автором с учетом собственного многолетнего опыта работы в качестве государственного судебного эксперта, предлагается решение научной проблемы обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при использовании специальных знаний в ходе осуществления в Российской Федерации правосудия по уголовным делам. Обоснована необходимость изменения правового положения эксперта, исходя из производного характера его процессуальной функции по отношению к профессиональным составляющим деятельности вне судопроизводства. На примере применения полиграфа в ходе раскрытия и расследования преступлений продемонстрирована эффективность использования деятельностного подхода при решении проблем становления новых видов экспертиз.

Для сотрудников правоохранительных органов, государственных и негосударственных экспертных учреждений, частнопрактикующих специалистов, судей, адвокатов, преподавателей и студентов вузов, а также всех тех, кого интересуют проблемы теории и практики экспертной деятельности.

УДК 343.13-051
ББК 67.410.2

ISBN 978-5-4396-0777-8

© Комиссарова Я.В., 2014
© Издательство «Юрлитинформ», 2014

Введение

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Возложенная таким образом на государство обязанность реализуется посредством различного рода деятельности, в том числе правоохранительной. В статье 18 Конституции Российской Федерации подчеркивается: права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Применительно к сфере уголовного судопроизводства это означает, что потребность личности и общества в правоохране удовлетворяется за счет результатов уголовно-процессуальной деятельности в целом. Вместе с тем надо признать, что каждый из участников процесса, осуществляя свои функции, вносит важный вклад в реализацию назначения судопроизводства. Следовательно, оптимизация правового статуса и определяемой им деятельности участников процесса является условием повышения эффективности российского правосудия.

Социальная значимость уголовно-процессуальной деятельности обуславливает необходимость ее подробной регламентации. Особенно важна четкая законодательная регламентация доказывания, которое сегодня немыслимо без использования специальных знаний, прежде всего путем проведения судебных экспертиз. Участие эксперта в уголовном судопроизводстве существенно расширяет возможности правоприменителей по собиранию, проверке и оценке доказательств, законному, обоснованному и справедливому разрешению уголовных дел. Заключение эксперта, составленное лицом, не заинтересованным в исходе дела, с опорой на фундаментальные научные положения и апробированные методики проведения исследования, которое, при необходимости, может быть перепроверено, а также показания эксперта являются доказательствами по уголовному делу.

Указывая на востребованность специальных знаний в процессе доказывания, не следует забывать о том, что эксперт – это физическое лицо, назначаемое в установленном законом порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения, обыкновенный человек, признаваемый субъектом права, правоотношений или деятельности. В каком бы контексте не шла речь об участниках уголовного судопро-

изводства, говорится об индивидах либо социально организованных общностях людей. С позиций психологии каждый член общества, будучи субъектом сложной системы социальных отношений, решает стоящие перед ним задачи, исходя из имеющихся психических возможностей, руководствуясь своими привычками и предпочтениями, социокультурным опытом, приобретенными знаниями и т.д. Эксперт не имеет собственных материально-правовых интересов в уголовном деле. Как следствие, при отсутствии заинтересованности в профессиональном росте стремление эксперта получить предусмотренное процессуальным законом вознаграждение за исполнение возложенных на него обязанностей, оказавшись ключевым, может негативно сказаться (и на практике зачастую сказывается) на качестве проводимых им исследований.

Современная юриспруденция, насколько возможно, стремится учитывать целостность человеческой личности. Вместе с тем типизация общественных отношений, предопределяя необходимость деления права на отрасли и институты, далеко не всегда позволяет на уровне отраслевого законодательства в полной мере отразить значение данного фактора. Постулируя, что экспертом может быть лишь тот, кто обладает специальными знаниями, законодатель производному характеру процессуальной функции эксперта от профессиональных составляющих деятельности лица, назначенного таковым, должного внимания не уделяет. При конструировании норм, определяющих уголовно-процессуальный статус эксперта, как правило, учитывается формальная сторона судебно-экспертной деятельности, а не ее специфика.

Причины такого подхода очевидны. Появление фигуры эксперта в уголовном судопроизводстве было обусловлено необходимостью использования специальных знаний для уяснения вопросов, возникающих при расследовании преступлений и осуществлении правосудия по уголовным делам. Поскольку функция эксперта не изменилась, носители специальных знаний с точки зрения процессуального права, несмотря на научно-технический прогресс, расширение информационных потоков, социально-экономические и прочие преобразования, до сих пор воспринимаются в качестве «помощников», оказывающих посильное содействие правоприменителям в решении стоящих перед ними задач.

О том, что в сфере обеспечения производства судебных экспертиз должен быть достигнут баланс интересов государства в лице государственных органов и представителей экспертного сообщества (в первую очередь тех, для кого вовлечение в судопроизводство стало частью про-

фессиональной деятельности), свидетельствует внимание Президента Российской Федерации к вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности, нашедшее отражение в специально подготовленном Перечне Поручений Президента Российской Федерации, утвержденном 3 февраля 2012 г.¹

Многоаспектный характер судебно-экспертной деятельности, осложняя правовое регулирование деятельности эксперта на уровне процессуального законодательства, порождает иллюзию возможности решения разноплановых проблем использования специальных знаний в различных сферах жизнедеятельности общества за счет принятия самостоятельных нормативных актов, определяющих порядок применения отдельно взятого технического средства или технологии. Данная тенденция наиболее отчетливо проявляется при становлении новых видов экспертиз.

Пример тому – многолетняя история разработки проекта федерального закона «О применении полиграфа», внесенного 24 декабря 2010 г. группой депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Законопроект предусматривал широкомасштабное проведение «обязательных опросов с применением полиграфа», несмотря на вероятностный характер всех известных современной науке психофизиологических закономерностей, на которые опираются специалисты-полиграфологи при вынесении своих суждений. Неудивительно, что на заседании Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, состоявшемся 13 февраля 2012 г., было принято решение согласиться с предложением Комитета по безопасности и противодействию коррупции – вернуть указанный проект федерального закона авторам законодательной инициативы в связи с несоблюдением требований ч. 3 ст. 104 Конституции России и ст. 105 Регламента Госдумы ФС РФ².

Пока законодатель рассматривает возможность использования правовых средств для решения научно-методических проблем в одной отдельно взятой области человекознания, отсутствие унифицированного подхода к обеспечению прав и законных интересов участников

¹ Перечень Поручений Президента Российской Федерации по вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности, утв. Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 3 февраля 2012 г. Пр-267 (извлечение) // Эксперт-криминалист. 2012. № 2.

² Законопроект № 478780-5 «О применении полиграфа» (находится в архиве). Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=478780-5&02> (дата обращения: 11.04.2014).

процесса в ситуациях использования в доказывании по уголовному делу специальных знаний из тех областей, что ранее не были охвачены производством экспертиз, делает их заложниками профессионализма лиц, назначаемых экспертами, проверка компетентности которых уголовно-процессуальным законом не предусмотрена.

По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2009–2010 гг. (в первый год после создания Управления организации экспертно-криминалистической деятельности в структуре Главного управления криминалистики), полиграфологи – сотрудники на тот момент Следственного комитета при прокуратуре РФ – в 70 субъектах Российской Федерации провели более 2500 исследований и экспертиз с применением полиграфа. Два года спустя, в 2012 г. в рамках оказания практической помощи при раскрытии и расследовании уголовных дел таковых было проведено порядка 5700 (в том числе составлено свыше 4500 заключений специалиста и 1100 заключений эксперта по уголовным делам). В настоящее время показатели продолжают расти.

Число исследований и экспертиз, проводимых в России частнопрактикующими специалистами-полиграфологами, неизвестно. В Верховном Суде Российской Федерации специального изучения судебной практики по вопросу использования в качестве доказательства по уголовным делам результатов исследований с применением полиграфа не проводилось. О масштабе проблемы косвенным образом свидетельствует предложение «исключить практику проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа частными специалистами и негосударственными экспертными учреждениями», содержащееся в Обзоре практики проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений (по итогам I полугодия 2011 г.), направленном в региональные подразделения за подписью заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации.

Изложенное свидетельствует об актуальности научных изысканий, обуславливаемой необходимостью разрешения комплекса проблемных ситуаций в сфере противодействия преступности за счет оптимизации правового режима использования специальных знаний при производстве по уголовным делам.

Определяя цель и задачи исследования, автор исходила из гипотезы, что экспертная деятельность как обособленный вид общественно полезной деятельности, независимо от характера используемых знаний и многообразия сфер применения, представляет собой самостоятельный социально-правовой феномен. Поэтому цель исследования

была сформулирована следующим образом: используя деятельностный подход, с позиций науки уголовно-процессуального права, криминалистики, судебной экспертологии, психологии определить концептуальные основы деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве с учетом единства ее профессиональной и процессуальной составляющих, выявив таким образом основания и ключевое направление изменения процессуального статуса носителей специальных знаний для повышения эффективности российского правосудия.

Необходимость достижения указанной цели предопределила постановку и решение следующих взаимосвязанных задач:

- изучить соотношение понятий «уголовно-процессуальные отношения» и «уголовно-процессуальная деятельность», «субъект уголовно-процессуальной деятельности» и «участник процесса», «судебная экспертиза» и «деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве»;
- раскрыть сущность судебной экспертизы как структурного элемента одновременно уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности;
- обосновать необходимость дифференциации и предложить систему понятий объекта и предмета судебной экспертизы как процессуального действия и объекта и предмета экспертного исследования как познавательного действия;
- провести ретроспективный анализ истории обособления судебно-экспертной деятельности как самостоятельного вида общественно полезной деятельности и формирования профессии судебного эксперта;
- на основе комплексного психолого-правового анализа деятельности эксперта в судопроизводстве определить степень влияния психологических признаков, свойственных труду эксперта, на качество выполнения им своей процессуальной функции;
- определить комплекс мер, направленных на поддержание готовности лиц, назначаемых экспертами, к осуществлению процессуальной функции на высоком профессиональном уровне;
- выявить специфику правового положения носителей специальных знаний в уголовном судопроизводстве за счет классификации субъектов судопроизводства в зависимости от соотношения их процессуального и профессионального статусов;
- раскрыть сущность уголовно-процессуального статуса эксперта как профессионального участника судопроизводства, анализируя его элементы (гражданство, уголовно-процессуальную правосубъектность, права и обязанности, законные интересы, гарантии их осуществления, ответственность);

– разграничить ситуации назначения экспертизы и обращения за заключением к специалисту, учитывая профессиональный характер деятельности эксперта в статусе участника процесса;

– на основе отечественного опыта использования полиграфа в раскрытии, расследовании и профилактике преступлений выявить основные проблемы становления новых видов судебной экспертизы;

– сформулировать авторское определение полиграфологии и разработать систему понятий объекта и предмета психофизиологического исследования с применением полиграфа (далее – ПФИ) и, соответственно, объекта и предмета судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее – СПФЭ).

Теоретическую основу исследования составили труды специалистов в области уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы, философии, психологии, теории государства и права, других наук:

– Т.В. Аверьяновой, И.А. Алиева, Л.Е. Ароцкера, В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, С.Ф. Бычковой, А.И. Винберга, В.М. Галкина, Г.Л. Грановского, Ф.М. Джавадова, А.М. Зинина, М.К. Каминского, В.Я. Колдина, Ю.Г. Корухова, И.Ф. Крылова, Н.П. Майлис, Д.Я. Мирского, В.С. Митричева, А.В. Нестерова, В.Ф. Орловой, Ю.К. Орлова, А.Я. Палиашвили, И.Л. Петрухина, А.С. Подшибякина, Н.Н. Полянского, С.М. Потапова, Р.Д. Рахунова, Е.Р. Россинской, Ф.С. Сафуанова, М.Я. Сегая, Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова, И.Н. Сорокотягина, М.С. Строговича, Н.В. Терзиева, М.А. Чельцова, Б.И. Шевченко, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсмана, А.А. Эксархопуло, И.Н. Якимова, Я.М. Яковлева и др., активно способствовавших становлению и развитию института судебной экспертизы в уголовном процессе, а также формированию общей теории судебной экспертизы;

– О.Я. Баева, А.Р. Белкина, А.Н. Васильева, Н.Т. Ведерникова, Л.М. Володиной, А.Ф. Волынского, Ф.В. Глазырина, В.Н. Григорьева, В.А. Жбанкова, О.А. Зайцева, Е.П. Ищенко, А.В. Дулова, Л.Л. Каневского, Л.Д. Кокорева, В.М. Корнукова, М.Г. Коршика, И.А. Матусевича, В.А. Образцова, В.А. Семенцова, А.Б. Соловьева, С.С. Степичева, С.А. Шейфера, В.Ю. Шепитько, С.П. Щербы, Н.П. Яблокова и др., много внимания уделявших криминалистическим и процессуальным аспектам изучения личности и правового положения участников судопроизводства;

– Б.Г. Ананьева, В.А. Бодрова, Л.С. Выготского, В.Ф. Енгальчева, Ю.М. Забродина, И.А. Зимней, Е.А. Климова, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.К. Марковой, К.К. Платонова, С.Л. Рубинштейна,

Ю.К. Стрелкова, В.Д. Шадрикова и др., в разные годы интенсивно разрабатывавших проблему деятельности, в том числе в рамках психологии труда.

Нормативную правовую основу образуют положения Конституции Российской Федерации, российского уголовно-процессуального и иного федерального законодательства, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также нормативные правовые акты, принятые в Республике Казахстан, Украине, США и других странах, имеющие отношение к исследуемой проблематике.

Достоверность и обоснованность выводов, сформулированных в монографии, обеспечены комплексным подходом к процессу сбора, анализа и использования эмпирического материала. В течение десяти лет автором проводилась исследовательская работа, способствовавшая формированию концептуального видения теоретических, правовых и организационно-психологических основ деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

В целях обоснования предложений, касающихся наиболее проблемных вопросов деятельности эксперта как участника процесса, за период с 2001 г. по 2012 г. было изучено:

- 965 уголовных дел, приговоров, постановлений о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела (в качестве объекта для изучения были выбраны дела о преступлениях против личности ввиду их повышенной общественной опасности, а также в силу распространенности – дела о преступлениях против собственности);

- 1638 заключений эксперта и специалиста (1211 и 427 соответственно), составленных по уголовным делам по итогам проведения различных видов исследований государственными судебными экспертами, сотрудниками государственных органов и негосударственных экспертных учреждений, частнопрактикующими специалистами на основании постановлений и поручений уполномоченных на то должностных лиц, запросов адвокатов и защитников;

- 294 заключения эксперта, составленные по гражданским делам по итогам проведения различных видов исследований (в том числе 170 товароведческих и 62 почерковедческих) государственными, негосударственными экспертами, частнопрактикующими специалистами на основании определений суда;

- 170 заключений специалиста (актов экспертизы), составленных по итогам проведения различных видов исследований (в том числе 54 товароведческих и 95 исследований с применением полиграфа) государственными, негосударственными экспертами, частнопрактику-

ющими специалистами на основании запросов юридических и физических лиц.

Немаловажное значение в осмыслении рассмотренных проблем сыграл опыт практической деятельности автора (свыше 20 лет) по производству трасологических, товароведческих, психофизиологических (с применением полиграфа) исследований и экспертиз, полученный в период работы в судебно-экспертных учреждениях Минюста России (в 1990–2004 гг.) и Минобороны России (в 2007–2013 гг.) в статусе государственного судебного эксперта (была аттестована на право самостоятельного производства трасологической и товароведческой экспертизы не только в России, но и в Украине).

В ходе исследования учитывались обобщения и обзоры, статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России за период с 2003 г. по 2012 г., а также результаты:

- выборочного анкетирования сотрудников правоохранительных органов, экспертов России и Украины, проведенного в 2003–2004 гг. по инициативе автора и при его непосредственном участии управлением криминалистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, отделом криминалистики Генеральной прокуратуры Украины, управлением судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, департаментом экспертного обеспечения правосудия Министерства юстиции Украины (1347 чел.);

- выборочного анкетирования сотрудников правоохранительных органов и государственных судебно-экспертных учреждений России, проведенного автором в 2009–2010 гг. (262 чел.);

- выборочного анкетирования полиграфологов России, проведенного автором в 2003–2004 гг. (243 чел.) и в 2012 г. (167 чел.);

- интервьюирования 109 участников международных конференций «Актуальные проблемы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях» (г. Уфа, апрель 2009 г.), «Актуальные вопросы проведения комплексных психолого-лингвистических исследований текстов в судебной экспертизе» (г. Калининград, май 2009 г.), «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, июнь 2009 г.).

Предпринятый автором комплексный междисциплинарный анализ деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве в единстве ее процессуальной и профессиональной составляющих позволил получить качественно новые знания о предмете исследования:

– с учетом современных положений философии и психологии раскрыт сложный характер взаимосвязи правоприменительной и познавательной деятельности в ситуации использования специальных знаний в ходе расследования преступлений; проанализированы сущность и значение судебной экспертизы как структурного элемента одновременно уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности;

– выявлено соотношение процессуального и профессионального статусов эксперта; доказан производный характер процессуальной функции эксперта от профессиональных составляющих его деятельности вне судопроизводства;

– обоснован оптимальный с точки зрения необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина при использовании специальных знаний в доказывании вариант разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста;

– на примере применения полиграфа в ходе раскрытия и расследования преступлений продемонстрирована эффективность использования деятельностного подхода при решении проблем становления новых видов экспертиз; сформирована система понятий судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.

Достоверность результатов исследования подтверждается широким внедрением в практику предложений и рекомендаций, изложенных в монографии.

Автор является одним из разработчиков:

– Государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», утвержденных заместителем Министра образования Российской Федерации 5 марта 2004 г., введенных в действие приказом Министерства образования России от 8 апреля 2004 г. № 1547, и Программы профессиональной переподготовки специалистов для получения указанной квалификации (объемом 1078 ч.);

– Программы переподготовки специалистов для выполнения нового вида профессиональной деятельности – проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа (объемом 560 ч.), подготовленной в 2004 г. во исполнение приказа в целях обеспечения осуществления единой государственной политики в области дополнительного образования по заданию ЭКЦ МВД России, которая послужила основой при разработке и реализации программ переподготовки специалистов-полиграфологов в Московской государственной юридической академии (2006), Саратовском юридическом институте

МВД России (2007), реализуемых в настоящее время несколькими вузами страны (например, МосУ МВД России);

– Видовой экспертной методики производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа, утвержденной в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий» (Москва, 2005), в 2006–2009 гг. в установленном в органах МВД порядке прошедшей апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан, в настоящее время в полном объеме используемой при проведении психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа в Следственном комитете Российской Федерации (далее – СК РФ), 111 Главном государственном центре судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации (далее – 111 ГГЦСМиКЭ Минобороны России), ряде иных государственных и негосударственных экспертных учреждений;

– Единых требований к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (подготовлены в ходе научно-исследовательской работы, выполненной в Академии управления МВД России по заданию Бюро специальных технических мероприятий МВД России согласно Плану научного обеспечения деятельности ОВД и ВВ МВД России на 2008 г.).

Выступила рецензентом:

– Рабочей учебной программы профессиональной переподготовки психологов подразделений морально-психологического обеспечения органов внутренних дел для выполнения нового вида профессиональной деятельности: «Проведение психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств» (МосУ МВД России, 2012);

– Методических рекомендаций по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ФСКН России, 2014).

Основные теоретические положения, методические рекомендации и предложения нашли отражение в четырех монографиях (две изданы в соавторстве), в более чем 150 статьях в научных журналах, сборниках материалов конференций и т.п., а также в четырех учебниках по криминалистике (подготовлены отдельные главы), семи учебных и учебно-практических пособиях (шесть – в соавторстве, в том числе одно издано в Республике Казахстан).

Материалы научных исследований используются автором при чтении лекций и проведении практических занятий по криминалистике

в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА); при проведении занятий со слушателями Высших курсов повышения квалификации адвокатов Российской академии адвокатуры и нотариата (с 2005 г.), Академии Следственного комитета Российской Федерации (с 2012 г.); были использованы при проведении занятий со слушателями курсов повышения квалификации прокуроров-криминалистов на базе Главного управления криминалистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а затем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (2004–2010 г.), чтении курса лекций в Таврическом национальном университете им. В.И. Вернадского и Крымском юридическом институте Национального Университета внутренних дел МВД Украины (2003 г.).

Ряд идей автор реализовала непосредственно при участии в качестве организатора в проведении: международного научно-практического форума «Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью» (Москва-Саратов, 2006); круглых столов «Полиграфология: реалии сегодняшнего дня» (Уфа, 2008), «Криминалистика и Экспертная деятельность» (Москва, 2009), «Уголовное судопроизводство и полиграф» (Москва, 2012), «Применение полиграфа: проблемы и перспективы» (Москва, Общественная палата РФ, Общероссийский профсоюз Негосударственной Сферы Безопасности, 2013), «Концепция применения полиграфных устройств в Российской Федерации» (Москва, ТПП РФ, НП «Национальная Коллегия Полиграфологов», 2014); форумов полиграфологов России по актуальным аспектам и перспективам использования современных методов диагностики лжи (Москва, 2011, 2012); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы криминалистической тактики» (Москва, 2014).

Не преувеличивая, но и не преуменьшая значения проделанной работы, автор надеется, что её видение ситуации, сложившейся в сфере производства судебных экспертиз, способно придать новый импульс научным и прикладным изысканиям в области защиты прав и свобод человека и гражданина при использовании специальных знаний в ходе осуществления в Российской Федерации правосудия по уголовным делам.

Глава I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Деятельностный подход к исследованию судебной экспертизы

В современном мире право является одним из наиболее мощных регуляторов общественных отношений. Очевидно, что выполнять свое назначение без соответствующего механизма реализации нормы права не могут. В юридической литературе классификация форм реализации права проводится по различным основаниям. По характеру действий субъектов, степени их активности традиционно разграничивают соблюдение, исполнение, использование и применение права. Применение права — особая форма его реализации, сложный многостадийный процесс, сопровождающийся вынесением индивидуального правового акта, исходящего от субъекта правоприменения; это государственная деятельность, направленная на обеспечение регулятивной и охранительной функций — основных, специально-юридических функций права¹. Принято выделять две формы правоприменения — оперативно-исполнительную и правоохранительную деятельность.

Под правоохранительной деятельностью понимается государственная деятельность, осуществляемая с целью охраны права уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка². Самостоятельным видом правоохранительной деятельности является деятельность уголовно-процессуальная. В наиболее общем плане ее можно охарактеризовать как государственную деятельность по применению соответствующих правовых норм при расследовании преступлений и осуществлении правосудия по уголовным делам³.

¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. С. 453–455.

² Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, 2000. С. 10.

³ Обзор мнений по вопросу о понятии «уголовно-процессуальная деятельность»

Термины «уголовно-процессуальная деятельность», «уголовное судопроизводство», «уголовный процесс» близки по значению, в науке и практике их часто употребляют в качестве синонимов¹. Такой подход не лишен оснований. В русском языке слово «процесс» обозначает ход, последовательную смену состояний в развитии чего-либо, а также порядок разбирательства судебных и административных дел; под судопроизводством понимается рассмотрение дел в суде².

В статье 1 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого 17 февраля 1996 г. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (далее – Модельный УПК СНГ), уголовное судопроизводство рассматривалось как деятельность по установлению преступности либо неправомерности деяний, содержащих признаки преступлений, а также виновности либо невиновности лиц, которым приписывается их совершение³. В статье 5 УПК РФ уголовное судопроизводство характеризуется как досудебное и судебное производство по уголовному делу, а участниками уголовного судопроизводства именуются лица, принимающие участие в уголовном процессе.

Некоторые ученые указывают, что термины «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс» можно использовать не только для обозначения практической деятельности, но и науки, самостоятельной отрасли права, учебной дисциплины⁴. Эта точка зрения возражений не вызывает, в отличие от позиции С.И. Гирько, который считает

см.: Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность (общие положения): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 42–56.

¹ Советский уголовный процесс. Вопросы Общей части / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.Я. Чеканова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С. 4–10 ; Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 6–8 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 17–22 ; Словарь-комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. И.В. Смольковой. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 153 ; и др.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

³ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ // URL: <http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=31&nid=1> (дата обращения: 26.12.2012).

⁴ См., например: Семенов В.А. Уголовно-процессуальное право. Часть Общая: курс лекций. Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2008. С. 7–8.

понятие «уголовный процесс» сугубо теоретическим (более широким по отношению к уголовному судопроизводству) и предлагает использовать его исключительно применительно к уголовно-процессуальной деятельности, науке и учебной дисциплине¹. Здесь необходимо пояснить следующее.

В теории государства и права соотношение юридической деятельности и юридического процесса отражает баланс философских категорий «содержание» и «форма». Юридический процесс рассматривается в качестве комплексной системы правовых порядков (форм) деятельности субъектов права². Он регулируется процедурными и процессуальными нормами, его результаты закрепляются в соответствующих правовых актах — официальных документах. Речь идет о правовой конструкции, создаваемой в целях упорядочивания юридически значимой деятельности субъектов права, в структуре которой выделяются правовые процедуры и судебные процессы.

Судебный процесс — это «установленный законом порядок деятельности суда и участников процесса, правовая форма судебной юрисдикции по применению санкций соответствующих юридических норм для защиты и охраны субъективных прав граждан и организаций, а также для раскрытия преступления, изобличения и наказания виновных либо осуществления конституционного контроля за нормативными актами и правоприменительной практикой»³.

Таким образом, с позиций теории государства и права уголовный процесс следует рассматривать в качестве формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

В ходе уголовно-процессуальной деятельности особое значение придается доказыванию — установлению существенных для дела обстоятельств, которое в современном мире невозможно представить без использования знаний из различных областей науки, техники, искусства, ремесла. Только сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел ежегодно выполняют более миллиона экспертиз. Кроме того, за год ими проводится в среднем 1,1 млн исследований, свыше 2,3 млн проверок по экспертно-криминалистическим учетам. Они принимают участие почти в 4 млн след-

¹ Гирько С.И. Деятельность милиции в уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во Московского ин-та права, 2004. С. 33–34.

² Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985. С. 8.

³ Теория государства и права: курс лекций... С. 447.

ственных действий, в том числе в качестве специалистов – в 1,5 млн осмотров мест происшествий¹.

Совокупность правовых норм, определяющих предмет, пределы, средства, порядок собирания, исследования и оценки доказательств (среди которых – заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста²), представляет собой подотрасль уголовно-процессуального права – доказательственное право, а теория доказательств является неотъемлемой частью науки уголовного процесса. Понятие, содержание и структура доказывания неоднократно исследовались на монографическом уровне, тем не менее по целому ряду вопросов научная дискуссия все еще далека от своего завершения³.

Сущность доказывания обычно раскрывается с позиций гносеологии. По мнению А.Б. Соловьева, речь идет о познании обстоятельств преступления, осуществляемом специально уполномоченными должностными лицами в особой процессуальной форме, состоящем в собирании, проверке, оценке, а также использовании совокупности доказательств для принятия процессуальных решений, включая законное и обоснованное разрешение уголовного дела⁴. В то же время ученые отмечают многоплановость процесса доказывания, который не следует ограничивать познанием обстоятельств, имеющих значение для дела⁵.

Термин «познание» используется в науке и практике для обозначения творческой деятельности субъекта, ориентированной на

¹ Мартынов В.В. Экспертная служба: новые рубежи // МВД РФ // URL: http://www.mvd.ru/mvd/structure/unit/criminalistic/publications/show_103426/ (дата обращения: 24.08.2012)

² Проведенное автором монографии изучение практики по делам о преступлениях против личности (ст.ст. 105–119, 131–135 УК РФ) показало, что при постановлении 100% обвинительных приговоров суд использовал в качестве доказательств не одно, а два и более заключения экспертов. Кроме того, в 2001–2004 гг. в 110 изученных приговорах по делам о преступлениях против личности и против собственности были обнаружены всего три ссылки на заключения специалистов, что составляет 2,7%. В 2009–2012 гг. заключения специалистов 40 раз использовались в качестве доказательств. Это 16% по отношению к 250 изученным за указанный период приговорам.

³ См., например: Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 79–113; Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 19–39; и др.

⁴ Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии): науч.-практич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 6.

⁵ Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев, 1990; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 31–36.

получение знаний о мире¹. Рассматривая познание в качестве самостоятельной философской категории, не умаляя достижений гносеологии, надо признать, что познание – один из видов человеческой деятельности, и в этом качестве оно может и должно анализироваться с позиций психологической теории деятельности². Без обращения к достижениям психологии невозможно выявить подлинный баланс общественных и личных интересов, раскрыть глубинный смысл индивидуальной и совместной групповой (в том числе коллективной) деятельности, дифференцировать цели и задачи совершаемых людьми действий.

Общие контуры деятельностного подхода в психологии были обозначены в начале XX в. Л.С. Выготским; к середине столетия его идеи получили развитие в трудах С.Л. Рубинштейна – разработчика субъектно-деятельностного направления в исследовании обозначенной проблематики; всесторонний анализ структуры и механизма деятельности провел А.Н. Леонтьев; обосновав необходимость использования системного подхода в исследовании деятельности, Б.Ф. Ломов в общем виде сформулировал и раскрыл предмет психологического изучения деятельности³.

Сегодня ни философия, ни психология «монополистами» в изучении деятельности не являются. Это общенаучная категория, что осложняет выработку универсальной дефиниции понятия «деятельность», несмотря на высокую степень разработанности проблемы. Обычно (вне зависимости от ракурса исследования) говорят о форме активного взаимодействия живых существ с окружающей действительностью⁴;

¹ Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: Прогресс, 1994; Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998; и др.

² Характеристику деятельностного подхода см.: Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 120–122; Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. С. 192–200.

³ Суворова Г.А. Психология деятельности: учеб. пособие для студентов психологических и педагогических вузов. М.: Пер Сэ, 2003. С. 16–17. Ученики и последователи А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна по-разному оценивают наследие каждого из ученых, отмечая наличие спорных воззрений и расхождений во взглядах. Однако в пределах предпринимаемого анализа специфики деятельности эксперта как субъекта уголовного судопроизводства имеющиеся разночтения не имеют решающего значения, при обосновании своих выводов автор использовала только общеизвестные тезисы.

⁴ Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. С. 91; Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 153–154.

специфической форме функционирования субъектов, способе их реального взаимодействия с миром (от пищеварительной деятельности животных до научной деятельности человека)¹.

Анализ, предпринятый Г.В. Суходольским, показал, что в ходе изучения деятельности человека указанное понятие применяется в четырех основных значениях: активность, поведение, труд, работа². Имеется в виду сугубо человеческое отношение к окружающему миру, предполагающее целесообразное изменение мира и одновременно преобразование самого субъекта деятельности. С.Л. Рубинштейн справедливо подчеркивал: деятельность человека — это, как правило, и воздействие, изменение действительности, порождение тех или иных объектов, и общественный акт, позиция по отношению к людям, обществу, которую человек всем своим существом, в деятельности проявляющимся и формирующимся, утверждает³.

Во всем многообразии понятие «деятельность» применительно к ситуации использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам в рамках одной работы по юриспруденции проанализировать невозможно. Поэтому в соответствии с целью и задачами данного исследования необходимо сосредоточить внимание на структуре и содержании деятельности лица, которое может быть назначено экспертом в порядке, определенном УПК РФ.

Любая человеческая деятельность представляет собой сложную динамичную систему. Учеными было предложено несколько концептуальных схем деятельности, в том числе ставшая классической триада «цель, средство, результат» и ее многочисленные производные. Не вдаваясь в дискуссию относительно того, какие элементы и почему включаются в структуру деятельности, надо сказать, что многие из вносившихся предложений имеют под собой серьезное научное обоснование. Однако их нельзя использовать в качестве универсалий, поскольку исследователи в подавляющем большинстве ситуаций ограничивались изучением определенных видов, а чаще — аспектов деятельности, избегая ее системного анализа.

¹ Иванников В.А. Подходы к анализу деятельности // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 41–42.

² Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. С. 7–36 ; Его же. Введение в математико-психологическую теорию деятельности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 5–13.

³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 350.

Так, в психологии на протяжении десятилетий основное внимание уделялось мотивационно-целевым и оперативно-техническим схемам деятельности, исследовалась не деятельность в целом, а ее основная единица — действия, причем нередко вне контекста деятельности¹. Подобные тенденции имели место и в юриспруденции.

При том, что история использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, процессуальные и общетеоретические проблемы судебной экспертизы анализировались многими известными русскими, советскими и российскими учеными², до появления Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³ (далее — ФЗ о ГСЭД) в ходе изучения деятельности эксперта как участника процесса понятия «судебная экспертиза», «судебно-экспертная деятельность», «экспертная деятельность» чаще всего использовались в качестве синонимов. С позиций деятельностного подхода рассматривалось действие — судебная экспертиза, но не экспертная деятельность как самостоятельный социально-правовой феномен.

Неудивительно, что развитие общей теории судебной экспертизы оказалось прочно связано с праксиологией⁴ — междисциплинарной концепцией деятельности, активно разрабатывавшейся немецким экономистом Людвигом фон Мизесом, а затем польским логиком и философом Тадеушем Котарбиньским в первой половине XX в. Возводимая в ранг метатеории на этапе формирования, праксиология сегодня — это

¹ Большой психологический словарь... С. 123–124.

² См., например: Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000 ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996 ; Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1949 ; Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госюриздат, 1953 ; Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964 ; Эйман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юридическая литература, 1967 ; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М.: Юридическая литература, 1979 ; Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе: учеб. пособие / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1982 ; Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002 ; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005 ; Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006 ; и др.

³ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М.: Юристь, 1999. С. 262–264.

область социологии, сфокусированная на изучении методик анализа различных действий в целях определения их эффективности¹.

Безусловно, надо признать, что праксиологический подход в исследованиях судебной экспертизы сыграл важную роль, его использование во многом способствовало разграничению в середине 90-х гг. прошлого столетия образовательных специальностей «Юриспруденция» и «Судебная экспертиза» (об этом речь пойдет далее). Однако в настоящее время он в большей степени представляется сдерживающим фактором в научно-прикладных изысканиях, так как не позволяет в полном объеме проанализировать специфику судебной экспертизы в единстве процессуальной и познавательной составляющих, определить реальное соотношение понятий «деятельность эксперта», «судебная экспертиза», «судебно-экспертная деятельность», «экспертная деятельность».

В контексте настоящего исследования особого внимания заслуживает позиция А.Н. Леонтьева по проблеме деятельности, для которого, в отличие от многих предшественников и последователей, именно деятельность была самостоятельным предметом изучения. Ее структура и содержание в трудах А.Н. Леонтьева раскрыты наиболее полно.

Используя собирательное понятие «деятельность», ученый пояснял, что реально мы всегда имеем дело с «особенными» деятельностями (в том числе такими сложными, как практическая, познавательная и пр.), обусловленными потребностями субъекта. Составляющими человеческой деятельности являются действия – не единичные акты, а процессы, подчиненные представлению о том результате, который должен быть достигнут. Способы осуществления действия А.Н. Леонтьев называл операциями. Анализируя строение деятельности, он выделял²:

а) мотив, предмет потребности (то, на что направлена деятельность человека); цель (представление о результате действия); условия (способы осуществления действий), отмечая, что обозначенная в определенных условиях цель становится задачей деятельности;

б) отдельные (особенные) деятельности, обособляя их по критерию побуждающих мотивов; действия – процессы, подчиняющиеся созна-

¹ Праксиология (реже – праксеология), от греч. praxis – действие, практика; термин впервые был использован французским социологом Альфредом Эспинасом в конце XIX в. (см.: Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998; Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001; и др.).

² Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. С. 102–109.

тельно поставленным целям; операции, зависящие от условий достижения конкретной цели.

При таком подходе деятельность предстает перед нами как активность, предмет которой и предмет потребности (реальный мотив деятельности человека) совпадают. Действием в составе какой-либо деятельности считается активность, предмет которой с мотивом не совпадает, но отвечает осознанной человеком цели. Это означает, что цели и задачи любой человеческой деятельности (включая охватываемые ею действия-процессы) следует соотносить с возможностью удовлетворения потребности, обуславливающей ее существование.

Проследивая данный вывод на примере психологии труда, А.Н. Леонтьев указывал, что даже простейшее, чисто техническое разделение труда неизбежно приводит к выделению «промежуточных» результатов, которые достигаются отдельными участниками коллективной трудовой деятельности и которые сами по себе не способны удовлетворить их потребности¹. Потребность субъектов труда удовлетворяется не «промежуточными» результатами, а долей продукта их совокупной деятельности, получаемой каждым в силу связывающих субъектов друг с другом общественных отношений. Очевидно, что «промежуточный» результат, на достижение которого направлены усилия человека, должен быть выделен для него также и субъективно — в форме представления, то есть цели. Любая деятельность осуществляется посредством совокупности действий, подчиняющихся частным целям (задачам), выделяемым из общей цели.

Уголовно-процессуальная деятельность направлена на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В пределах своих функций каждый участник процесса стремится к получению определенных результатов, «промежуточных» по отношению к общей цели процессуальной деятельности. Сами по себе действия участников процесса не позволяют решить глобальную задачу по защите общества и его членов от преступных посягательств, но в совокупности обеспечивают реализацию назначения уголовного судопроизводства при отправлении правосудия по конкретным уголовным делам.

С учетом изложенного, соглашаясь с теми, кто полагает, что ст. 6 УПК РФ («Назначение уголовного судопроизводства») сформулиро-

¹ Здесь и далее см.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 153–155.

вана не слишком удачно¹, в концептуальном плане попытку законодателя отойти от перечня задач (см. ст. 2 УПК РСФСР) и обозначить мотив, предмет потребности, предопределяющей существование уголовно-процессуальной деятельности, следует оценивать положительно. Такой подход отражает значимость уголовно-процессуального права как регулятора общественных отношений².

Поддерживая позицию ученых, рассматривающих в качестве предмета регулирования уголовно-процессуального права определенную область общественных отношений, связанных с производством по уголовному делу, а также исполнением принятых по нему решений³, необходимо отметить, что в юриспруденции вопрос об объекте и предмете правового регулирования до сих пор остается дискуссионным.

К примеру, по мнению специалиста в области теории государства и права В.Н. Протасова, «право как нормативная система регулирует поведение людей»⁴. Уголовно-процессуальное право в научной и учебной литературе зачастую характеризуется как «социально обусловленная система выраженных в законе правил (норм), регулирующая деятельность по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, то есть правил надлежащей правовой процедуры, в которой реализуется назначение уголовного судопроизводства»⁵. С такого рода высказываниями вряд ли можно согласиться.

В свое время С.Л. Рубинштейн, а затем и его последователи акцентировали внимание на поведенческом аспекте деятельности с той точки зрения, что категория «поведение» наилучшим образом позволяет раскрыть нравственную сторону деятельности человека. Рассматривая поведение как систему действий и поступков, С.Л. Рубинштейн отмечал: ««Единицей» поведения является поступок, как «единицей»

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Сереброва С.П. О цели современного уголовного судопроизводства России // Российский судья. 2005. № 6. С. 18–20 ; Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Изд. группа «Юрист», 2006. С. 16–20 ; Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М.: Юрлитинформ, 2013. С. 18–40.

² Осознавая тщетность попыток в рамках одной работы аргументировать собственное мнение по каждому из спорных вопросов, с неизбежностью затрагиваемых по ходу исследования, позволим себе солидаризироваться с мнением ученых, придерживающихся классического толкования сущности права. Подробно см.: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. С. 44–267.

³ Уголовный процесс... С. 8 ; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 42 ; и др.

⁴ Протасов В.Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие. М.: Юристь, 1995. С. 92.

⁵ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации... С. 41.

деятельности вообще — действие. Поступком в подлинном смысле слова является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали»¹.

В контексте изложенного позиция В.Н. Протасова представляется отнюдь не бесспорной. Активность человеческой психики, проявляющаяся вовне, и особенно деятельность индивидуума как поведение (в широком смысле этого слова), в большей степени упорядочивается нормами морали, но не правом. Мораль, в отличие от права, является формой общественного сознания. В то время как с помощью права государство всего лишь определяет приемлемые в данный исторический период границы формального возможного и должного поведения граждан (в более узком, сугубо правовом смысле термина «поведение»).

С точки зрения психологии каждый индивид, как член общества, является субъектом сложной системы социальных отношений. Выбирая тот или иной вариант поведения — действуя или бездействуя, человек включается в систему общественных отношений. Общественные отношения всех уровней реализуются посредством соответствующей деятельности субъектов. «Деятельность (в том числе индивидуальная) является одной из форм реализации общественных отношений», — писал Б.Ф. Ломов, поясняя: «Что, как и почему будет делать данный конкретный индивид, определяется в конце концов системой развивающихся общественных отношений, в которые он включен»².

Предельно точно позицию специалистов в области теории государства и права по данному вопросу изложил М.И. Байтин: «Известно, что правовая норма способна регулировать только такие отношения между людьми, которые выражаются или могут выражаться в актах их волевого поведения. Всякий волевой поступок лица как участника регулируемого юридической нормой отношения (субъекта права) предполагает определенный психологический избирательный акт относительно возможных и должных вариантов поведения, сознательный выбор решения: действовать так, а не иначе. Соответственно, право как система норм призвано направлять избирательные акты людей относительно объективно возможных и должных вариантов поведения таким

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии... С. 350 ; Также по данному вопросу см.: Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.

² Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С. 195.

образом, чтобы их реальное поведение соответствовало выраженной в праве государственной воле общества»¹.

Если эти немаловажные обстоятельства при анализе целей и задач уголовно-процессуального права из поля зрения исследователя по каким-либо причинам выпадают, возникает опасность неверного вывода, будто право регулирует не общественные отношения, а деятельность тех, кто в них вступает. В действительности цель — упорядочивание общественных отношений — достигается за счет использования средства — нормативного правового «программирования» образа действий участников уголовного процесса в условиях предварительно прогнозируемых ситуаций.

С учетом изложенного с позиций деятельностного подхода соотношение понятий «уголовно-процессуальные отношения» и «уголовно-процессуальная деятельность», а также строение данного вида деятельности являются не совсем такими, какими видятся некоторым ученым.

Ошибочно (как это было показано выше) полагая, что «формой уголовного судопроизводства является уголовно-процессуальная деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих расследование и разрешение уголовного дела, а также иных лиц, регламентированная уголовно-процессуальным законом», А. В. Кудрявцева отмечает, что содержание этой деятельности составляют уголовно-процессуальные отношения, в которые вступают лица и органы².

По мнению В. П. Божьева, напротив, содержанием уголовно-процессуальных отношений являются действия, внутренней формой — права и обязанности субъектов правоотношений, а внешней — порядок и последовательность производства процессуальных действий (в том числе следственных и судебных)³.

П. А. Лупинская указывает, что «уголовно-процессуальное право регулирует осуществление уголовно-процессуальной деятельности не иначе как в форме уголовно-процессуальных отношений, в которых субъекты наделены правами и обязанностями»⁴. Об этом же, со ссылкой на мнение М. С. Строговича, в свое время писал и В. А. Познанский, поясняя на примере, что «постановление следователя (прокурора) о привлечении в качестве обвиняемого создает опреде-

¹ Байтин М. И. Сущность права... С. 79.

² Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2001. С. 156.

³ Уголовный процесс... С. 106.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации... С. 46.

ленные отношения между следователем и привлеченным лицом — обвиняемым»¹.

В юриспруденции находящиеся под охраной государства общественные отношения, упорядочиваемые правом, наиболее значимые с точки зрения обеспечения интересов государства отношения, поддающиеся контролю извне, именуются правоотношениями. Приведенный В.А. Познанским пример всего лишь отражает тот факт, что возникают и функционируют правоотношения при наличии материальных (общих) и юридических (специальных) предпосылок. К последним относятся норма права, право- и дееспособность субъектов, юридический факт. Юридические факты — это события и действия, обуславливающие возникновение, изменение и прекращение правоотношений. Любое действие следователя, прокурора, иного должностного лица в рамках производства по уголовному делу, будучи юридическим фактом, в совокупности с другими предпосылками, безусловно, ведет к реализации тех или иных правоотношений. Но подобные ситуации не могут служить основанием для того, чтобы соотносить процессуальные действия и конкретные правовые отношения (а тем более в целом уголовное судопроизводство и уголовно-процессуальные правоотношения) как содержание и форму.

В философии понятие формы по отношению к содержанию рассматривается в двух аспектах: как способ существования содержания, не отделимый от него, служащий его выражением, и как внутреннее строение, структура содержания².

Нормы уголовно-процессуального права, упорядочивая сферу общественных отношений, связанных с расследованием преступлений и осуществлением правосудия по уголовным делам, обуславливают возникновение и функционирование уголовно-процессуальных правоотношений. При этом формой реализации по отношению к нормам уголовно-процессуального права (способом воплощения в жизнь уголовно-процессуальных правоотношений) выступает уголовно-процессуальная деятельность, формой осуществления которой, в свою очередь, как уже было отмечено, является уголовный процесс.

Акцент на внешнем выражении внутреннего строения уголовного процесса приводит нас к еще более узкому понятию «процессуальная форма», характеризующему процедуру уголовного судопроизводства,

¹ Советский уголовный процесс. Вопросы Общей части... С. 15–17.

² Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: Прогресс, 1994.

охватывающему установленный уголовно-процессуальным правом порядок производства по уголовным делам, включающий последовательность стадий и условия перехода дела из одной стадии в другую; общие условия, определяющие производство в конкретной стадии; основания, условия и порядок осуществления отдельных следственных и судебных действий, выполняя которые компетентные государственные органы и должностные лица реализуют свои полномочия, а граждане осуществляют свои права и обязанности; содержание и форму решений, которые могут быть вынесены по делу¹.

Определение баланса уголовно-процессуальных отношений и уголовно-процессуальной деятельности в категориях содержания и формы, существующих в неразрывном диалектическом единстве, малопродуктивно. По справедливому замечанию П.С. Элькинд, их нельзя считать ни абсолютно разными, ни поглощающими друг друга явлениями; находясь в причинной, взаимообуславливаемой зависимости и во взаимопроникновении, они сохраняют по отношению друг к другу известную самостоятельность². Кроме того, надо учитывать специфику уголовно-процессуальных правоотношений. Подчеркивая, что государство, упорядочивая с помощью права часть реально существующих общественных отношений (облекая их в юридическую оболочку), порождать новые отношения не способно, Н.И. Матузов указывает на существование особого вида правоотношений – конституционных, уголовных, процессуальных и пр., являющихся по своей природе исключительно правовыми³.

Уголовно-процессуальные правоотношения и уголовно-процессуальная деятельность в целом – явления макроуровня, что не исключает, а, напротив, предопределяет (при наличии условий вступления соответствующей нормы уголовно-процессуального права в действие) возможность трансформации прав и обязанностей, предусмотренных объективным правом для неопределенного круга лиц, в субъективные права и обязанности конкретных участников реального правоотношения⁴.

¹ Данное определение понятия «процессуальная форма», в свое время предложенное М.С. Строговичем, можно считать классическим. См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 51.

² Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 28.

³ Теория государства и права: курс лекций... С. 508–509.

⁴ По данному вопросу подробнее см.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 208; Байтин М.И. Сущность права... С. 212.

С этой точки зрения юридический факт и действия субъекта являются звеньями единой цепи — элементами механизма урегулирования ситуации, связанной с необходимостью реализации охранительной функции права. О наличии такой ситуации свидетельствует появление юридического факта, что позволяет использовать «типовую программу», заложенную в норме права, то есть привести в действие механизм правового регулирования¹.

В рамках изучения механизма уголовно-процессуального регулирования соотношение уголовно-процессуальных правоотношений и уголовно-процессуальной деятельности было всесторонне исследовано Л. М. Володиной. При этом автором, со ссылкой на специалистов в области теории государства и права, в качестве составляющих механизма правового регулирования анализировались нормы права, правоотношения, акты реализации права, правосознание и правовая культура².

Не оспаривая целесообразность включения тех или иных элементов в структуру механизма правового регулирования как такового, надо сказать, что применительно к целям и задачам настоящего исследования оптимальной представляется характеристика данного механизма, разработанная А. В. Малько³ и позволяющая в общих чертах описать его следующим образом:

1. На первой стадии выявляется круг интересов и, соответственно, правоотношений, в рамках которых их удовлетворение будет правомерным, прогнозируются препятствия, могущие при этом возникнуть, избираются правовые средства их преодоления, что дает основания считать норму права базовым элементом механизма правового регулирования.

2. На второй стадии определяются специальные условия, позволяющие перейти от общих правил к детальным, а именно — юридические факты или фактические составы с таким «решающим показателем», как организационно-исполнительный правоприменительный акт. Иными словами, на данной стадии в обязательном порядке должна быть задействована оперативно-исполнительная форма правоприменения.

3. На третьей стадии возникает правоотношение, в рамках которого абстрактная программа трансформируется в правила поведения конкретных субъектов.

¹ Волчечкая Т. С. Ситуационный подход в криминалистике // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). М., 2002. С. 79–80.

² Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика... С. 88–104.

³ Теория государства и права: курс лекций... С. 728–732.

4. Суть четвертой стадии – в реализации субъективных прав и юридических обязанностей, за счет которой достигается цель правового регулирования – удовлетворение интереса субъекта. Речь идет о соблюдении, исполнении, использовании как формах реализации права.

Пятую стадию А.В. Малько именует факультативной, поскольку она имеет место лишь тогда, «когда беспрепятственная форма реализации права не удастся и когда на помощь неудовлетворенному интересу должна прийти соответствующая правоприменительная деятельность»¹. Оспаривая право конкретного лица либо совершая правонарушение, субъект тем самым блокирует удовлетворение интересов иных субъектов, что ведет к возникновению охранительных правоотношений. На первый план снова выступает применение права как особая форма его реализации, теперь уже в виде правоохранительной деятельности.

Совершение преступлений наносит ущерб интересам не только отдельных лиц и организаций, но и обществу в целом, что обуславливает возникновение охранительных правоотношений. Уголовно-процессуальные правоотношения воплощаются в жизнь посредством уголовно-процессуальной деятельности, реализуемой за счет множества действий различной степени сложности, осуществляемых участниками процесса в установленном законом порядке. Ключевым в цепи действий, составляющих уголовно-процессуальную деятельность, как уже было отмечено, является доказывание.

А.Н. Леонтьев писал о том, что любая деятельность представляет собой процесс, который характеризуется постоянно происходящими трансформациями². Если будет утрачен мотив, вызвавший деятельность к жизни, она превратится в действие в структуре другой деятельности (возможно, принципиально отличной от изначально осуществлявшейся). Действие способно приобрести самостоятельную побудительную силу и стать деятельностью. Наконец, действие может трансформироваться в способ достижения цели, в операцию, применимую при совершении различных действий.

Это означает, что доказывание можно исследовать как самостоятельный вид деятельности, охватывающей ряд действий и операций, среди которых важная роль отводится судебной экспертизе. При этом вышеописанную схему механизма правового регулирования в силу ее универсальности целесообразно использовать для уяснения специфики деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве.

¹ Теория государства и права: курс лекций... С. 731.

² Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. С. 158.

Обусловленная научно-техническим прогрессом потребность правоприменителей использовать для решения вопросов, возникающих в ходе осуществления правосудия, знания из областей, в которых они специалистами не являются, привела на рубеже XIX–XX вв. к возникновению общественных отношений и формированию правовых норм, обеспечивающих получение необходимой информации за счет проведения особого комплекса действий и операций – судебной экспертизы.

Условием «запуска» механизма правового регулирования в части использования специальных знаний в форме судебной экспертизы в уголовном процессе является организационно-исполнительный правоприменительный акт – постановление о назначении экспертизы с указанием лица (юридического или физического), которому поручается ее производство. Иными словами, конкретное лицо вступает в дело в качестве эксперта, когда имеются основания для назначения экспертизы и когда именно это лицо назначается экспертом. Окончательное решение вопроса увязывается с отсутствием оговоренных в законодательстве запретов на участие данного лица в деле, в качестве которых рассматриваются основания для отвода эксперта. При соблюдении указанных условий конкретное лицо становится полноправным участником уголовного судопроизводства, то есть носителем прав и обязанностей эксперта.

Вступая при наличии материальных и формально-юридических предпосылок в уголовно-процессуальные правоотношения, назначенный экспертом становится субъектом данного вида правоотношений. Действуя (или бездействуя, так как в ряде случаев закон ограничивает его активность), эксперт претворяет в жизнь нормы уголовно-процессуального права, соблюдая, исполняя, используя правовые предписания. И если по форме или по существу им будут допущены действия, которые поставят под сомнение (или под угрозу) возможность удовлетворения потребности лиц, несущих бремя доказывания, в получении интересующей их информации, будет запущен механизм правоохраны, адекватный по мощности сложившейся ситуации (от решения вопроса об отводе эксперта до привлечения его к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения).

Регулируя порядок вовлечения лиц, обладающих специальными знаниями, в судопроизводство, а также порядок использования результатов их работы в ходе расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, уголовно-процессуальное законодательство (призванное обеспечить достижение целей, обуславливающих необходимость существования уголовно-процессуального права) не регламентирует действия экс-

перта в части проведения исследования и формулирования выводов по его итогам. В то же время и уголовно-процессуальное, и прочие отрасли права, содержащие нормы, предусматривающие возможность и условия производства экспертизы, единообразно определяют ее сущность: независимо от вида используемых знаний и многообразия сфер применения, экспертиза как совокупность действий по изучению того или иного объекта, осуществляемая носителем специальных знаний с целью получения информации, интересующей инициатора ее производства, предполагает проведение исследования и дачу заключения по запросу уполномоченного на то органа, юридического или физического лица.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в конце XX в. произошла очередная (исторически обусловленная, как это будет показано далее) трансформация – ограниченное во времени и пространстве действие «судебная экспертиза» переросло в деятельность. Сегодня общественные отношения, возникающие в связи с потребностью одних лиц получать интересующую их информацию по вопросам, разрешение которых требует использования знаний, каковыми они сами (вовсе либо в необходимом объеме) не обладают, и возможностью других эту информацию (в том числе по итогам проведенных исследований) предоставлять, реализуются посредством обособленного вида общественно полезной деятельности – экспертной деятельности, который применительно к сфере судопроизводства обозначают термином «судебно-экспертная деятельность».

Как показали результаты проведенного в 2009 г. интервьюирования 109 участников трех международных конференций по уголовному процессу и судебной экспертизе, с тем, что термин «судебно-экспертная деятельность» прямо указывает на использование специальных знаний в судопроизводстве, согласны многие ученые и практики, так или иначе специализирующиеся на исследовании данной проблематики. 85,3% из числа опрошенных преподавателей вузов, аспирантов, сотрудников государственных и негосударственных экспертных учреждений отметили, что понятия «экспертная» деятельность и деятельность «судебно-экспертная» не тождественны, хотя и употребляются зачастую в качестве синонимов.

Речь идет об отношении части к целому: сфера осуществления судебно-экспертной деятельности уже, чем экспертной. В свою очередь, совпадая по сфере осуществления с судебно-экспертной деятельностью, государственная судебно-экспертная деятельность может быть обособлена от нее, а также от деятельности экспертной, по субъектному составу. Таким образом, объем понятия «экспертная деятельность» среди проанализированных понятий оказывается наибольшим.

§ 2. Проблемы исследования деятельности эксперта

Одно из немногих понятий судебно-экспертной деятельности как системы действий и связанных с ними правоотношений, осуществляемых в процессе судопроизводства уполномоченными на то государственными органами и лицами, по назначению, организации и производству судебных экспертиз в целях установления обстоятельств по конкретному делу, было дано в методическом пособии для экспертов, следователей и судей, подготовленном коллективом авторов под эгидой Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (далее – РФЦСЭ при Минюсте России)¹. В пособие также вошел параграф, посвященный общей характеристике профессиональной деятельности судебного эксперта. Отождествляя понятия «судебно-экспертная» и «экспертная» деятельность, авторы справедливо указывали, что «экспертная деятельность – более широкое понятие, чем экспертное исследование, входящее в нее в качестве основного компонента», поскольку кроме исследования она «включает такие элементы, как организационный, коммуникативный, учебно-методический»².

Обозначенный подход нашел отражение в ФЗ о ГСЭД, где прослеживается соподчиненность понятий «судебно-экспертная деятельность» и «судебная экспертиза». Как таковое, определение понятия «судебно-экспертная деятельность» в законе отсутствует, однако его суть опосредованным образом раскрывается в ст. 1, в которой предусмотрено, что государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами и состоит в организации и производстве судебной экспертизы. При этом в ст. 9 Закона судебная экспертиза характеризуется как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Рассматривать судебную экспертизу как элемент судебно-экспертной деятельности можно, коль скоро действие является одной из «единиц» деятельности. Но, постулируя, что судебная экспертиза – структурный

¹ Основы судебной экспертизы. Ч. I. Общая теория / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. С. 169, 199–214.

² Там же. С. 199.

элемент судебно-экспертной деятельности, законодатель охарактеризовал ее как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом, что не совсем корректно.

Ссылка на факт проведения экспертом каких-либо исследований не может служить основанием для включения экспертизы в число процессуальных действий, поскольку к таковым относятся, согласно ст. 5 УПК РФ, лишь действия, предусмотренные Кодексом. Закрепляя в главе 27 порядок производства по делу судебной экспертизы, УПК РФ оставляет за рамками процессуальной регламентации выполнение экспертом необходимых для дачи заключения исследований, оговаривая лишь то, что их содержание и результаты с указанием примененных методик должны быть отражены в заключении (ст. 204 УПК РФ).

Данное обстоятельство побуждает нас вновь обратиться к давней дискуссии по вопросу о статусе судебной экспертизы в уголовном процессе.

Как известно, среди процессуальных действий принято выделять действия, направленные на собирание и проверку доказательств, которые именуются следственными. В УПК РСФСР понятие следственного действия отсутствовало. Поскольку направленность судебной экспертизы на обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование фактических данных, имеющих значение для дела, была очевидна, многие ученые в период действия УПК РСФСР полагали, что производство экспертизы должно быть включено в перечень следственных действий¹, хотя в литературе также встречались и диаметрально противоположные высказывания², и компромиссные суждения. По мнению С.А. Шейфера (и в этом с ним отчасти можно согласиться), следственным действием надлежит считать «комплекс действий следователя, определяющих программу исследования, создающих для этого необходимые условия, контролирующих объективность и полноту его проведения», но отнюдь не экспертизу в целом³.

К сожалению, УПК РФ не внес ясность в вопрос о сущности и признаках следственных действий, поэтому ученые до сих пор расходятся во мнениях относительно статуса судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве. Некоторые продолжают настаивать на том, что

¹ Советский уголовный процесс. Вопросы Особенной части / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. С. 48; Гордон С.Э. Судебно-медицинская экспертиза: проблемы и решения / отв. ред. Ю.К. Орлов. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 23–25.

² Линдмяэ Х. Управление проведением судебных экспертиз в советском уголовном судопроизводстве. Таллинн: Ээсти раамат, 1988. С. 79–87.

³ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юридическая литература, 1981. С. 39.

«деятельность эксперта по исследованию объектов экспертизы, по анализу результатов примененных научных методов и составлению заключения эксперта, вне всякого сомнения, также является неотъемлемой частью следственного действия – назначения и производства экспертизы, является процессуальной деятельностью и подчиняется единым для всего уголовного судопроизводства общим принципам»¹.

В настоящее время в юридической литературе в качестве следственных рассматриваются «детально регламентированные законом уголовно-процессуальные действия, включающие в свою структуру систему взаимосвязанных операций, обусловленных наличием и своеобразным сочетанием в каждом из них общенаучных методов познания, имеющие взаимодействующие познавательный и удостоверительный аспекты (стороны) и направленные на собирание и проверку доказательств в целях решения задач уголовного судопроизводства»².

Очевидно, что уголовно-процессуальные правоотношения, связанные с использованием в доказывании специальных знаний посредством производства судебной экспертизы, могут и должны быть урегулированы законом, но с помощью норм права нельзя регламентировать познавательную деятельность эксперта, прежде всего в части, касающейся познавательных психических процессов. Еще В.Д. Арсеньев обращал внимание на тот факт, что «экспертизу как следственное действие необходимо отличать от ее составной части – экспертного исследования»³. Т.В. Сахнова совершенно справедливо указывала, что «действия, составляющие содержание исследования (а именно: выбор специального метода и научных методик, применение их для изучения объекта исследования, получение и анализ промежуточных результатов, профессиональная оценка полученных результатов), не являются предметом процессуально-правового регулирования»⁴.

Кроме того, уголовно-процессуальное право, упорядочивая общественные отношения в сфере применения государственного принуждения к правонарушителям в целях обеспечения правопорядка, не является регулятором иных отношений – трудовых, административ-

¹ Зайцева Е.А. Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2003. С. 13.

² Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации... С. 51.

³ Арсеньев В.Д. Процессуальный статус субъектов судебной экспертизы по уголовным делам // Процессуальные аспекты судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1986. С. 41.

⁴ Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999. С. 35.

ных и пр., возникающих при осуществлении экспертной деятельности сотрудниками государственных и негосударственных экспертных учреждений. Вступивший в силу в 2001 г. ФЗ о ГСЭД был призван восполнить данный пробел¹.

Оставляя в стороне дискуссию относительно плюсов и минусов данного Закона², следует признать, что само по себе появление нормативного акта, впервые в истории отечественного законодательства на столь высоком уровне правового регулирования обозначившего принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности, придало новый импульс научным исследованиям, посвященным теории и практике производства судебных экспертиз.

Одной из первых особенностей функционирования института судебной экспертизы в уголовном процессе в условиях реформирования отечественного процессуального законодательства проанализировала в своем диссертационном исследовании А.В. Кудрявцева³.

Следует согласиться с А.В. Кудрявцевой в том, что в современных условиях деятельность сотрудников государственных судебно-экспертных учреждений смело можно считать «правоохранительной» в широком смысле этого слова. Но это вовсе не означает, что судебно-экспертную деятельность следует рассматривать в качестве одного из исторически сложившихся видов правоохранительной деятельности. К такому выводу, пытаясь определить место и роль судебно-экспертной деятельности в правоохранительном процессе на рубеже тысячелетий, пришла С.А. Смирнова⁴.

¹ Потребность в единообразном нормативном регулировании процесса производства судебных экспертиз в ситуациях использования специальных знаний, определяемых отраслевым законодательством, ощущалась давно. В 1975 г. был подготовлен проект Общесоюзного нормативного акта о судебной экспертизе (см.: Орлова В.Ф. Законодательная регламентация судебной экспертизы: состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 12). В 1994 г. увидел свет проект Закона Российской Федерации о судебной экспертизе (см.: Записки криминалистов. Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. Вып. 4. М.: Юрикон, 1994. С. 315–343).

² На базе Саратовского юридического института 24–25 июня 2004 г. прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы реализации Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»». Обзору мнений был посвящен первый выпуск журнала «Судебная экспертиза» за 2004 г.

³ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2001.

⁴ Смирнова С.А. Организационно-тактические проблемы развития судебно-экспертной деятельности (по материалам Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. С. 8.

Анализируя на примере Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Минюста России проблемы, возникающие в деятельности государственных судебно-экспертных учреждений, исследуя механизм судебно-экспертной деятельности, относительно ее сути С.А. Смирнова высказывает весьма противоречивые суждения. В общих чертах верно характеризуя цель и задачи судебно-экспертной деятельности, она полагает, что предметом данного вида общественно полезной деятельности являются «правоохранительные правоотношения, возникающие или могущие возникнуть в результате противоправной ситуации, требующей познания», методами — методы научного познания, основным результатом — заключение эксперта¹.

Такого рода суждения представляются недостаточно обоснованными.

Во-первых, как уже было отмечено, с точки зрения психологии предметом любой человеческой деятельности может быть только то, на что она направлена (мотив, предмет потребности, по выражению А.Н. Леонтьева). С позиций теории государства и права потребности людей рассматриваются в качестве одной из общих предпосылок возникновения правоотношений — мотива, побуждающего субъектов в эти самые правовые отношения вступать. Правоотношения, занимая самостоятельное место в механизме правового регулирования, воплощаются в жизнь посредством деятельности субъектов, осуществляемой в различных формах, в том числе в форме применения права. Очевидно, что правоотношения предметом какой-либо деятельности априори быть не могут.

Во-вторых, согласно ст. 1 ФЗ о ГСЭД, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы, то есть не может быть сведена к использованию методов научного познания в целях получения заключения эксперта, поскольку в рамках научного познания организационные, материально-технические, экономические и т.п. проблемы функционирования системы государственных судебно-экспертных учреждений не решаются.

В-третьих, в ст. 1 ФЗ о ГСЭД сказано, что государственная судебно-экспертная деятельность *осуществляется в процессе судопроизводства* (выделено авт. — К.Я.). Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла

¹ Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. С. 39—40.

(ст. 2 ФЗ о ГСЭД). Таким образом, законодатель каких бы то ни было оснований для включения экспертных учреждений в число правоохранительных органов не дает и на осуществление правоприменительной функции их не уполномочивает.

Специфика правоприменительной деятельности заключается в том, что осуществляется она, во-первых, специально уполномоченными на то субъектами, наделенными властными полномочиями, круг которых определяется государством; во-вторых, в рамках так называемых правоприменительных отношений; в-третьих, в особых, установленных процессуальным законодательством формах.

Субъект правоприменения — это наделенный государством соответствующей компетенцией активный участник правоприменительных отношений, которому принадлежит ведущая роль в развитии и движении этих отношений в направлении разрешения конкретной жизненной ситуации при помощи акта применения права¹. Граждане, не являющиеся должностными лицами, в число субъектов правоприменения не входят, хотя активно участвуют в уголовно-процессуальной деятельности. Как было отмечено выше, применение права является особой формой его реализации, иные способы претворения правовых предписаний в жизнь — соблюдение, исполнение, использование права в юридической литературе — принято именовать формами непосредственной реализации права. Именно они имеются в виду, когда речь идет о действиях участников процесса, не являющихся субъектами правоприменения.

Данное обстоятельство было отражено в УПК РСФСР: согласно ст. 3 обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления возлагалась на суд, прокурора, следователя и орган дознания — фактически указанные лица уполномочивались на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, а в главе 3 («Участники процесса. Их права и обязанности») были перечислены физические лица, субъектами этой деятельности не являющиеся. Однако в систематизированном виде в УПК РСФСР характеристика процессуальных полномочий субъектов уголовного судопроизводства отсутствовала. Было очевидно, что судья, обвиняемый, потерпевший, а также иные должностные лица и участники процесса, перечисленные в главе 3, образно говоря, как лебедь, рак и щука, способны «тянуть воз судопроизводства» каждый в свою сторону, но каким образом их деятельность способствовала тому, что этот «воз» в итоге оказывался на пути установления истины по делу, из текста главы понять было невозможно. Собирательное понятие «субъект уголовного судопроизводства» в УПК РСФСР не употреблял-

¹ Теория государства и права: курс лекций... С. 456.

лось; в числе участников процесса не упоминался эксперт, права и обязанности которого излагались в главе 5 («Доказательства»).

В статью 10 Модельного УПК СНГ вошли два разных термина. В пункте 36 перечислялись «участники процесса»: прокурор (государственный обвинитель), следователь, дознаватель, а также потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец, их законные представители и представители; подозреваемый, обвиняемый, их законные представители, защитник, гражданский ответчик и его представитель. В пункте 37 были указаны «лица, участвующие в уголовном судопроизводстве»: участники процесса; понятой; секретарь судебного заседания, переводчик, специалист; эксперт, свидетель.

Идея обособления участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты была воспринята разработчиками УПК РФ. Дифференцировать субъектов судопроизводства с учетом их роли в правоприменительной деятельности они не стали. Учитывая, что все субъекты уголовно-процессуальных отношений, применяя, соблюдая, исполняя, используя нормы уголовно-процессуального права, вносят свой вклад в торжество правосудия, лица, принимающие участие в уголовном процессе, именуются участниками судопроизводства (см. п. 58 ст. 5 УПК РФ). Очевидно, что суд и шесть из десяти представителей стороны обвинения при этом являются субъектами правоприменения, прочие же участники судопроизводства к таковым не относятся.

В контексте изложенного нуждается в уточнении вопрос о соотношении понятий «субъекты уголовно-процессуальной деятельности», «участники уголовного судопроизводства», «субъекты процессуальных отношений», «участвующие в деле лица».

Констатируя, что в науке уголовно-процессуального права до сих пор нет единства мнений относительно круга и классификации участников процесса, О.А. Зайцев (со ссылкой на позицию Р.Д. Рахунова, В.Н. Шпилёва и др.) вопрос о тождестве перечисленных понятий относит к числу решенных¹. В то же время А.В. Кудрявцева отмечает, что это лишь одна из точек зрения, поскольку многие ученые (Б.А. Галкин, М.С. Строгович и др.) указанные понятия разграничивают².

Понятие «субъект права» первично по отношению к понятию «участник правоотношения»³. Данный вывод представляется правиль-

¹ Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. С. 24.

² Кудрявцева А.В. Указ. соч. С. 157.

³ В этом следует согласиться с Л.М. Володиной (см.: Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика... С. 259).

ным как в контексте устоявшегося в русском языке толкования слов «субъект» и «участник»¹, так и с научных позиций. В теории государства и права принято говорить о субъектах права – носителях предусмотренных законом прав и обязанностей, которые могут быть участниками правоотношений, но могут в правоотношения и не вступать, оставаясь при этом субъектами права.

Субъектами права выступают люди и их объединения, круг которых определяется государством. Часть из них априори является субъектами так называемых общерегулятивных правоотношений². Вступая при наличии материальных и формально-юридических предпосылок в конкретные правоотношения, в нашем случае – уголовно-процессуальные, коллективные и индивидуальные субъекты права становятся субъектами данного вида правоотношений. Все они, так или иначе, претворяют в жизнь нормы уголовно-процессуального права, но, будучи субъектами уголовно-процессуальных отношений, не все являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности в исследуемом нами общеправовом смысле данного понятия.

Обоснованно различая понятия «субъект уголовно-процессуальной деятельности» и «субъект уголовно-процессуальных отношений», А.В. Кудрявцева ошибочно полагает, что к эксперту это различие не относится, поскольку он одновременно является субъектом уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений, хотя и не может быть причислен к лицам и органам, осуществляющим уголовное судопроизводство³.

Дело в том, что эксперт не входил и не входит в настоящее время в круг субъектов правоприменения. Сотрудники государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, на которых возложены обязанности по производству экспертиз, не являются должностными лицами, а именно лицами, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющими функции предста-

¹ Достаточно обратиться к некоторым толкованиям слов «субъект» (в философии: познающий и действующий человек, существо, противостоящее внешнему миру как объекту познания; человек как носитель каких-нибудь свойств), «участник» (тот, кто участвует в чем-нибудь), «участвовать» (принимать участие в чем-нибудь), «участие» (совместная с кем-нибудь деятельность, сотрудничество в чем-нибудь) (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 777, 845).

² Специфика объекта, предмета, а также метода правового регулирования, по мнению ряда видных ученых – С.С. Алексеева, И.Е. Фарбера, В.О. Лучина, Л.Д. Воеводина, О.Е. Кутафина, Б.С. Эбзеева и др., чью точку автор полностью разделяет, обуславливает необходимость деления правоотношений на общерегулятивные и конкретные.

³ Кудрявцева А.В. Указ. соч. С. 164, 228.

вителя власти либо выполняющими организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Они не являются представителями власти – должностными лицами правоохранительного или контролирующего органа, а также иными должностными лицами, наделенными в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, так как представители власти – это лица, наделенные властными полномочиями в отношении неопределенного круга физических и юридических лиц.

Эксперт, независимо от наличия и места постоянной работы, согласно ст. 57 УПК РФ, – это физическое лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное в установленном законом порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Эксперты не осуществляют ни организационно-распорядительных функций, под которыми понимается реализация полномочий по руководству аппаратом государственного органа либо органа местного самоуправления, трудовыми коллективами государственных и муниципальных учреждений, а также отдельными работниками этих органов и учреждений; ни административно-хозяйственных функций, связанных с совершением действий по управлению или распоряжению государственным либо муниципальным имуществом путем установления порядка его хранения, реализации и т.д. Заключения экспертов не являются актами применения права, к числу которых относятся документы, направленные на регулирование общественных отношений¹.

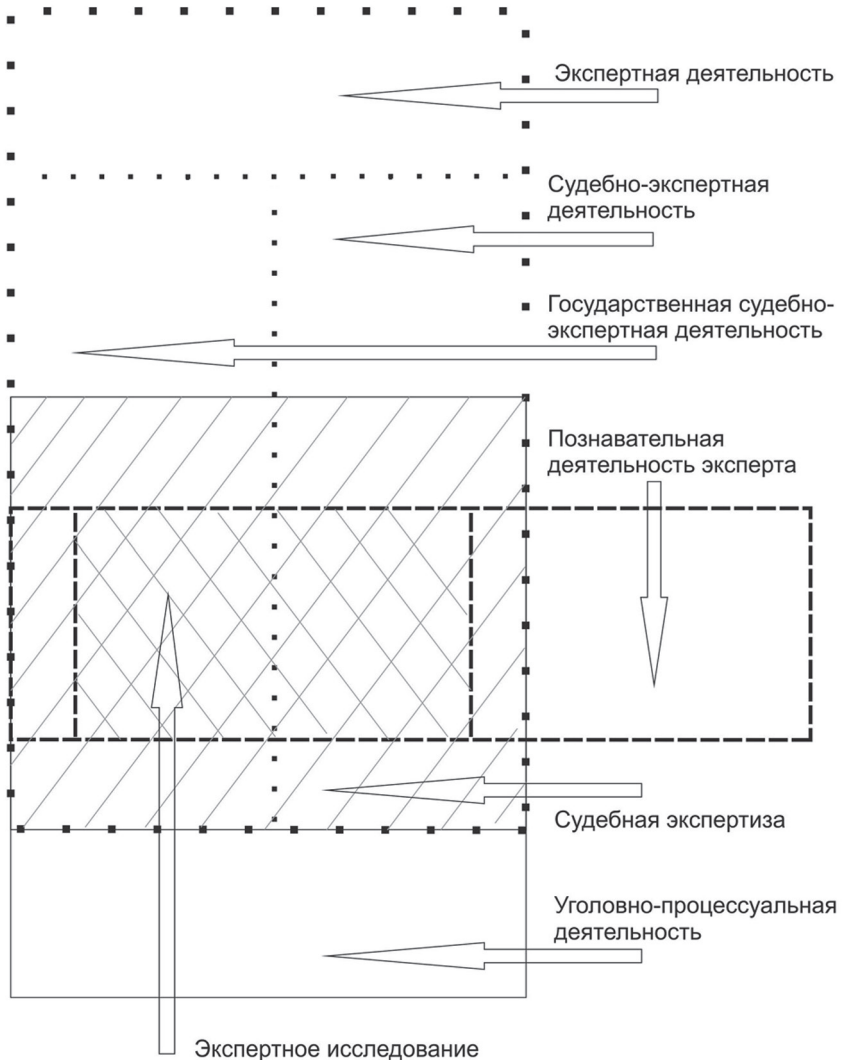
Будучи участником уголовного процесса, эксперт не имеет статуса субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Лицо, назначенное экспертом, в качестве субъекта уголовно-процессуальных правоотношений призвано соблюдать, исполнять, использовать, но не применять право. Производство судебной экспертизы как действия в рамках уголовно-процессуальной деятельности поручается лицу, не несущему бремя доказывания.

Таким образом, выстраивая от общего к частному цепь понятий «экспертная деятельность», «судебно-экспертная деятельность», «госу-

¹ Правоприменительные акты издают государственные органы, в них содержатся общенормативные или индивидуальные предписания, составляются они в предусмотренном законом порядке и порождают определенные правовые последствия (см.: Большой юридический словарь / под ред. проф. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2007).

дарственная судебно-экспертная деятельность», рассматривая судебную экспертизу в качестве структурного элемента каждой из них, необходимо учитывать, что проведение экспертного исследования возлагается на физическое лицо, назначаемое экспертом, на человека.

Место судебной экспертизы в структуре экспертной, судебно-экспертной и уголовно-процессуальной деятельности показано на схеме:

В связи с этим возникает несколько вопросов. Можно ли считать совокупность действий эксперта по производству исследования и даче заключения, а также напрямую связанных с ними, «деятельностью»? Если — да, то каковы на самом деле сущность и соотношение понятий «деятельность судебного эксперта» и «профессиональная деятельность эксперта», которые в литературе нередко используются в качестве близких по значению¹? Если нельзя, то как соотносятся профессиональная и процессуальная составляющие в деятельности лиц, занятых производством судебных экспертиз по долгу службы?

Несмотря на отсутствие в УПК РФ оснований для дифференциации статуса государственных и негосударственных судебных экспертов, а также сотрудников экспертных учреждений и лиц, не входящих в число таковых, вступление в силу ФЗ о ГСЭД актуализировало проблему разграничения процессуальных и профессиональных аспектов в работе сотрудников многопрофильных государственных судебно-экспертных учреждений (далее — ГСЭУ).

Отмечая, что наряду с экспертом в судопроизводстве также может участвовать специалист и что служебные обязанности эксперта и специалиста по должности не входят в судебно-экспертную деятельность, Б.М. Бишманов попытался обосновать тезис о необходимости размежевания «судебно-экспертной» и «экспертно-криминалистической» деятельности. В ходе исследования им были выделены:

1. Экспертная деятельность — «вид деятельности, состоящей в организационном, материальном, информационном обеспечении и непосредственном проведении профессиональных исследований и оценок объектов по определенным критериям, отражающим их специфику», осуществляемой «в научно-исследовательских организациях и учреждениях, высших учебных заведениях, иными юридическими лицами независимо от форм собственности, специально формируемыми коллективами (экспертными советами, группами, комиссиями), а также физическими лицами»².

2. Судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в сфере судопроизводства, предметом которой являются «судебные доказательства

¹ К примеру, в учебнике по теории судебной экспертизы глава 13 («Психологические основы деятельности судебного эксперта») начинается с параграфа «Профессиональные особенности деятельности эксперта» (см.: Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. С. 7).

² Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 69.

и криминалистически значимая информация» (при этом автор справедливо указывает на необходимость разграничения предмета судебно-экспертной деятельности и судебной экспертизы)¹.

3. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) — «регламентированный законом и подзаконными актами управленческий процесс осуществления действий, направленный на организацию эффективного применения экспертно-криминалистических методов и средств сотрудниками ЭКП и взаимодействующих с ЭКП служб в ходе и для выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений»².

4. Экспертно-криминалистическая деятельность как «использование специальных и криминалистических знаний (регламентируемое и регулируемое законодательством Российской Федерации, в том числе ведомственными нормативными правовыми актами) экспертно-криминалистической службой, на основе правового, организационного и научно-методического обеспечения, в ходе раскрытия и расследования преступлений»³.

Надо признать, что Б.М. Бишманову впервые (насколько можно судить по литературе) удалось наглядно продемонстрировать специфику деятельности экспертных учреждений (на примере ЭКП органов внутренних дел) в единстве ее процессуальной и профессиональной составляющих. К сожалению, кратко охарактеризовав общие положения экспертной и судебно-экспертной деятельности, дифференцируя при этом сферы их осуществления, коллега из Казахстана свои суждения по данному вопросу не аргументировал. Проблемы профессиональной деятельности эксперта в судопроизводстве Б.М. Бишманов исследовал только с точки зрения научно-технического и методического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности, затронув при этом вопросы подготовки экспертов и специалистов для органов внутренних дел.

При всей дискуссионности отдельных авторских новаций и дефиниций (о некоторых из них речь пойдет далее) обозначенный Б.М. Бишмановым подход к разграничению понятий «экспертная» и «судебно-экспертная» деятельность представляется не лишним оснований, а изучение соотношения профессионального и процессуального компонентов деятельности эксперта как участника уголовного судопроизвод-

¹ Бишманов Б.М. Указ. соч. С. 72–74.

² Там же. С. 79–81.

³ Там же. С. 86–87.

ства — актуальной задачей, отвечающей потребностям современной отечественной правоприменительной практики. Причин тому несколько.

Первая лежит, что называется, на поверхности — научно-технический прогресс и глобализация информационных потоков обуславливают сложность восприятия содержания заключения эксперта и проверки его обоснованности с научной точки зрения. По справедливому замечанию Ю. К. Орлова, хотя заключение эксперта как доказательство не имеет каких-либо преимуществ и оценивается по общим правилам, оно обладает весьма существенной спецификой, а его оценка вызывает немало затруднений¹.

Как показали результаты выборочного анкетирования сотрудников правоохранительных органов и экспертов России, проводившегося в 2003—2004 и в 2009—2010 гг., в настоящее время среди следователей стало больше тех, кто испытывает трудности с определением вида экспертизы при ее назначении (2,9% и 15,8% соответственно), при формулировании вопросов, выносимых на разрешение эксперта (13,9% и 21,9%), с уяснением сути исследовательской части заключения эксперта (8,5% и 20,2%) и даже выводов эксперта (2,3% и 18,4%). Сотрудники ГСЭУ, участвовавшие в анкетировании (42,8% на первом и 63% на втором этапе), также обратили внимание, что проблемы у следователей и судей чаще всего возникают при формулировании вопросов к эксперту.

Очевидно, что процессуальная и познавательная составляющие судебной экспертизы нуждаются в большей гармонизации. С этим связана еще одна причина, обуславливающая необходимость анализа процессуальной функции эксперта сквозь призму профессионализма.

Речь идет о специфике экспертного исследования, о невозможности непосредственно использовать механизм правового регулирования для упорядочения познавательной деятельности эксперта. Исходя из того что экспертом может быть назначено любое физическое лицо, обладающее специальными знаниями, процессуальное право оставляет без внимания вопрос о личности эксперта, его способности квалифицированно применять на практике имеющиеся знания, навыки и умения.

За редким исключением, например, в части дееспособности, возраста участников процесса, учет их личностных особенностей не вписывается в рамки уголовно-процессуального регулирования, но это вовсе не означает, что проблемы обеспечения «качества» при выполнении ими процессуальных обязанностей находятся вне поля зрения

¹ Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: науч. издание. М.: Изд-во Института повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. С. 5—6.

правоприменителей. Так, в части 4 статьи 49 УПК РФ указывается, что адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, что предполагает существование определенного порядка их получения. Таким образом, не вдаваясь в регламентацию «чужеродных» уголовному судопроизводству правоотношений, в данном случае уголовно-процессуальный закон адекватно коррелирует с положениями иных нормативных правовых актов, определяющих и формализующих критерии профессионализма в деятельности адвоката.

Есть и третья причина. На рубеже тысячелетий в общественном сознании россиян сформировалась совершенно новая концепция отношения к человеку, где во главу угла ставится цель управления человеческим ресурсом, в отличие от прежней концепции, ориентированной на учет человеческого фактора¹. Безусловно, идея «учета человеческого фактора» для своего времени была весьма прогрессивной и в немалой степени способствовала совершенствованию взаимодействий в системах «человек – машина». Решение задач по управлению человеческим ресурсом, в отличие от тех, что диктовались необходимостью учета человеческого фактора, предусматривает раскрытие возможностей и закономерностей развития субъекта как целостного существа, находящегося в непрерывном взаимодействии с миром.

С позиций психологии любые мотивы, побуждающие человека вступать в дело в качестве эксперта (в том числе стремление получить гарантированное законом вознаграждение за свой труд), имеют важное значение. Поскольку, как уже было отмечено, действия-процессы, подчиняющиеся сознательно поставленным целям, относительно самостоятельны, они могут входить в разные виды деятельности и иметь несколько смыслов. Причем главный для человека смысл может отражать внутреннюю невидимую активность, замаскированную внешней физической картиной и объективным содержанием деятельности².

Как это ни парадоксально, единственным монографическим исследованием понятия «судебно-экспертная деятельность», выполненным на стыке психологии и юриспруденции, до сих пор остается работа Я.М. Яковлева «Основы психологии судебно-экспертной деятельности» (1977). Ученый проанализировал психологические особенности деятельности судебного эксперта, не слишком глубоко вдаваясь в специфику ее процессуальной и профессиональной составляющих

¹ Подробно по данному вопросу см.: Забродин Ю.М. Очерки теории психической регуляции поведения. М.: Магистр, 1997. С. 146–155.

² Иванников В.А. Подходы к анализу деятельности... С. 45.

(что вполне объяснимо, если принять во внимание социально-политические условия того времени)¹.

Отдавая должное новаторскому подходу к решению вопроса о сущности судебной экспертизы, предложенному одним из основоположников ее общей теории, надо признать, что сегодня использование наработок тридцатилетней давности без адекватной современным реалиям модификации вряд ли уместно. В своих изысканиях Я.М. Яковлев опирался на труды К.К. Платонова, внесшего весомый вклад в разработку теории деятельности в психологии. Однако, обратившись к истории, можно заметить, что в середине XX в. К.К. Платонов, Н.Д. Левитов и некоторые другие специалисты в области психологии труда в известной мере развивали идеи так называемых психотехников, в начале XX в. исследовавших профессиографическое содержание различных видов трудовой деятельности. Правомерно рассматривая труд как трудовую деятельность, психотехники тем не менее не видели связи между своими изысканиями и зарождавшимся деятельностным подходом в психологии². Используемые в настоящее время положения психологической теории деятельности в целом и психологии труда, в частности, в большей степени получили свое обоснование в опубликованных в последнюю четверть прошлого столетия работах А.Н. Леонтьева, Е.А. Климова, Б.Ф. Ломова и других ученых.

Идеи, высказанные Я.М. Яковлевым в 70-е гг. XX в., в дальнейшем были восприняты многими учеными. Они были положены в основу учения о субъекте экспертной деятельности, нашли отражение в научной и учебной литературе по судебной экспертизе в виде самостоятельного раздела, посвященного ее психологическим основам³, но развития в рамках общей теории судебной экспертизы с учетом реалий сегодняшнего дня так и не получили. Вопрос об особенностях

¹ Яковлев Я.М. Основы психологии судебно-экспертной деятельности // Вопросы психологии и логики в судебно-экспертной деятельности: сб. науч. трудов. Вып. 30. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1977. С. 3–172. Следует сказать, что использовать деятельностный подход к изучению сущности явления, именуемого «судебной экспертизой», Я.М. Яковлев начал немногим ранее, описав в одной из статей психологическую структуру экспертной деятельности (см.: Яковлев Я.М. Психологическая структура экспертной деятельности // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 7. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1973. С. 117–138).

² Подробнее по данному вопросу см.: Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1992.

³ См., например: Основы судебной экспертизы... С. 169–214; Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза... С. 215–246; Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 54, 337–367; Теория судебной экспертизы: учебник / Е.П. Россинская, Е.И. Галышина, А.М. Зинин; под ред. Е.П. Россинской. М.: Норма, 2009.

профессии эксперта поднимался преимущественно на уровне статей (чаще всего в порядке обсуждения проблемы подготовки экспертных кадров)¹ и в нескольких ориентированных на широкий круг читателей научно-популярных изданиях².

Большинство ученых сегодня по-прежнему акцентируют свое внимание либо на проблемах использования специальных знаний в рамках того или иного юридического процесса³, либо на вопросах становления новых видов экспертиз⁴.

Исключением являются немногочисленные работы, в которых авторы напрямую обращаются к положениям психологической теории деятельности.

Творчески переосмыслить предложения Я.М. Яковлева попытался Ф.М. Джавадов⁵. К сожалению, обосновывая тезис о профессионализации судебно-экспертной деятельности, различия между нею и деятельностью процессуальной ученый глубоко не исследовал, а термины «судебно-экспертная» и «экспертная» деятельность использовал как синонимы.

Рассматривая историко-криминалистические особенности развития института судебной экспертизы, Н.Л. Бикмаева, опираясь на деятельностный подход, верно дифференцировала понятия «судебная экспертиза» и «экспертная деятельность», но при этом без какой-либо

¹ См., например: Мелконян Х.Г. О профессии судебного эксперта и некоторых проблемах подготовки экспертных кадров // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. тр. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1984. С. 73–93; Григорьев Ф.А. Методологические проблемы подготовки юристов, экспертов-криминалистов // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Саратов: Изд-во СВШ МВД РФ, 1994. С. 3–6; Ручкин В.А. О формах подготовки специалистов в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2003. № 1. С. 66–85.

² См. в первую очередь: Россинская Е.Р. Профессия — эксперт (введение в юридическую специальность). М.: Юристъ, 1999; Майлис Н.П. Моя профессия — судебный эксперт. М.: Щит-М, 2006.

³ Мохов А.А. Институт сведущих лиц в гражданском процессе России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005; Гришина Е.П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2007; Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2008.

⁴ Бутырин А.Ю. Строительно-техническая экспертиза в судопроизводстве России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005; Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006; Прорвич В.А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы (структурно-содержательный анализ правовых, организационных и методологических проблем): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.

⁵ Джавадов Ф.М. Концептуальные основы развития судебной экспертизы в современных условиях: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев, 2000. С. 15–18.

развернутой аргументации судебная экспертиза была выделена ею в «особый тип деятельности»¹.

С позиций субъектно-деятельностного направления в психологии подошла к характеристике деятельности эксперта при производстве экспертизы Е.Е. Кискина. Справедливо разграничив судебно-экспертную деятельность и деятельность эксперта, но не усматривая различий между понятиями «деятельность эксперта» и «деятельность судебного эксперта», она предложила оригинальное определение деятельности судебного эксперта как основного, целенаправленного, программного процесса преобразования и фиксации информации, содержащейся в объекте исследования, в актуальные для судопроизводства сведения и передачи их путем письменной-речевой коммуникации². При этом, выделяя познавательную и коммуникативную фазы производства экспертизы, Е.Е. Кискина деятельность эксперта связала со стадиями экспертного исследования³.

Очевидно, что действия эксперта как участника процесса проведением исследования и дачей заключения не ограничиваются (например, он может заявлять разного рода ходатайства, участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях). Коммуникативная активность эксперта к составлению заключения явно не сводится. Присутствие эксперта при производстве какого-либо процессуального действия, его допрос для разъяснения ранее данного заключения и т.п. предполагают общение субъектов судопроизводства между собой. Коммуникативная сторона «деятельности эксперта» есть не что иное, как совокупность действий в рамках судебной экспертизы, всецело подчиненных решению процессуальных задач.

Что касается познавательной стороны деятельности эксперта, здесь следует согласиться с теми учеными, кто считает познание самостоятельной деятельностью и увязывает ее с профессиональной деятельностью эксперта⁴. Мыслительная активность субъекта, которому поручено проведение исследования, обуславливается потребностью решения стоящих перед ним задач. Удовлетворение данной потребности не зависит от того, кто именно и при каких обстоятельствах задачи формулировал.

¹ Бикмаева Н.Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России (XIX – конец XX века): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006.

² Кискина Е.Е. Криминалистические и психологические аспекты деятельности судебного эксперта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 7–8.

³ Там же. С. 18–20.

⁴ См., например: Теория судебной экспертизы: учебник... С. 274.

Поскольку все действия по производству исследования и даче заключения, а также напрямую связанные с ними, которые эксперт реализует единолично, «встроены» в процессуальную деятельность (в данном случае речь идет об уголовном судопроизводстве) и направлены на решение задач, «промежуточных» по отношению к целям процессуальной деятельности, их нельзя считать «деятельностью судебного эксперта». Нет деятельности судебного эксперта как участника процесса, есть судебная экспертиза, в широком смысле слова – комплекс разнообразных действий и операций, связанных с реализацией соответствующих положений глав 27 и 37 УПК РФ, осуществляемых различными субъектами судопроизводства. Действия лица, назначенного судебным экспертом, сами по себе (вне рамок судебно-экспертной и процессуальной деятельности) никакой ценности не имеют и с научной точки зрения «деятельностью» именоваться не могут.

Совокупность действий и операций, осуществляемых носителем специальных знаний в целях получения информации, интересующей орган или лицо, назначившие экспертизу, может рассматриваться в качестве деятельности только в единстве процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих, с учетом направленности на удовлетворение комплекса потребностей субъекта, назначаемого экспертом, как целостной личности.

Данный тезис нуждается в обосновании. Необходимо исследовать объект и предмет судебной экспертизы как процессуального действия и объект и предмет экспертного исследования как познавательного действия в контексте процессуальной и познавательной деятельности, а также определить, является ли деятельность эксперта при участии в доказывании не просто трудовой, но профессиональной. Именно поэтому в рамках проводимого исследования важна опора не столько на субъектно-деятельностный подход, предполагающий анализ психологических основ деятельности эксперта, сколько использование гораздо более широко трактуемого деятельностного подхода, позволяющего наглядно продемонстрировать производный характер процессуальной функции эксперта от профессиональных составляющих его деятельности вне судопроизводства.

§ 3. Объект и предмет деятельности эксперта при участии в доказывании

Рассматривая судебную экспертизу в качестве структурного элемента уголовно-процессуальной деятельности, нельзя исследовать ее

объект и предмет в отрыве от предмета процессуальной деятельности. Поскольку экспертное исследование как составляющая судебной экспертизы одновременно является действием в структуре познавательной деятельности эксперта, закономерно возникает вопрос: объект и предмет судебной экспертизы и экспертного исследования совпадают либо их надлежит разграничивать? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить особенности толкования понятий «объект» и «предмет» в философии и психологии, а также специфику их использования в теории доказательств и теории судебной экспертизы.

Как известно, в марксистско-ленинской философии в качестве объекта рассматривалась часть объективной реальности, находящаяся во взаимодействии с субъектом, «противостоящая» ему в познавательной и предметно-практической деятельности. При этом понятия объекта применительно к эмпирическому и теоретическому уровням познания разграничивались. Предполагалось, что в практической деятельности субъект взаимодействует с определенной частью объективной реальности, в то время как процесс перехода от эмпирического к теоретическому уровню познания сопровождается изменением гносеологического статуса объекта, появлением объекта теоретического, реально не существующего в качестве объекта, а представляющего собой абстрактную конструкцию, выделяющую и фиксирующую те стороны объекта, с которыми познание имеет дело и на эмпирическом уровне, но которые не охватываются во всей полноте своих свойств и отношений в эмпирическом знании¹. Сущность «теоретических» объектов раскрывалась через понятие предмета познания.

Подобный подход был связан с тем, что закономерности предметной деятельности — подлинной активности субъекта — в то время были мало изучены². Но уже тогда, критикуя высказывания отдельных философов, А.Н. Леонтьев писал, что всякая перцептивная деятельность находит объект там, где он реально существует — во внешнем мире, в объективном пространстве и времени, именно это составляет ту важнейшую психологическую особенность субъективного образа, которая называется его предметностью; и далее подчеркивал, что субъективный образ внешнего мира есть продукт деятельности субъекта в этом мире³. В деятельности происходит трансформация объекта в его субъективную форму, в образ; вместе с тем в деятельности проявляются ее

¹ Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 124.

² Философский словарь... С. 546.

³ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. С. 128–131.

объективные результаты, ее продукты. Иными словами, деятельность непрерывно переходит из формы действующей способности человека в форму предметного воплощения и обратно.

Современная философия вслед за психологией также рассматривает деятельность в единстве «опредмечивания» и «распредмечивания», несколько иначе, чем то было ранее, разграничивая понятия «объективная реальность», «объект», «субъект» и «предмет познания»¹. Объектом считается все, на что может быть направлена человеческая мысль (фрагмент мира самого по себе), все, что существует. Объектами могут быть состояния сознания субъекта и даже его Я в целом. Предмет познания (фрагмент мира для человека) определяется как вовлеченные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства, отношения реальных объектов, которые в данных исторических условиях подлежат познанию.

Это означает, что предмет доказывания, как совокупности действий в структуре процессуальной деятельности, необходимо отличать от собственно предмета познания в процессе доказывания. Цели доказывания как составляющей процессуальной деятельности объемнее целей, достигаемых в рамках «доказывания-познания». Поэтому в качестве предмета доказывания традиционно рассматривается совокупность обстоятельств, *подлежащих* доказыванию по каждому уголовному делу, в то время как предметом «доказывания-познания» являются свойства и связи реальных объектов, *характеризующие* исследуемое событие, что полностью согласуется с положениями и психологической теории деятельности, и гносеологии (выделено авт. — К.Я.). Можно пояснить изложенное на примере.

Расследуя уголовное дело № 29/00/0024—09, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 188 УК РФ, в декабре 2010 г. следователь, чтобы доказать виновность одного из обвиняемых в совершении преступления, пытался найти ответ на вопрос, давал или нет обвиняемый указание закрасить на контейнерах с ракетами маркировку, обозначающую взрывоопасность груза. Ориентируясь на необходимость установления обстоятельства, подлежащего доказыванию, следователь фактически изучал особенности взаимодействия субъектов, так или иначе причастных к случившемуся. По делу было назначено несколько экспертиз, в том числе СПФЭ, которую проводила автор данной работы. Результаты, отраженные в заключении эксперта-полиграфолога, позволили косвенным образом уличить обвиняемого в совершении описанных действий.

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.

Необходимость учета разноплановых аспектов процесса доказывания обуславливает сложность выработки универсального определения предмета доказывания. Так, в известной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» предмет доказывания описывался как «система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства»¹. В то же время, согласно одному из современных учебников по уголовному процессу, под предметом доказывания следует понимать «ограниченный круг фактов и обстоятельств, характеризующих конкретное единичное событие объективной действительности, установление которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела»².

Понятием, призванным отразить единство гносеологической и юридической составляющих деятельности субъектов, осуществляющих доказывание либо участвующих в нем, является понятие доказательства, позволяющее конкретизировать то, на что направлено в рамках доказывания соответствующее действие (например, отдельно взятое следственное действие) либо их совокупность. К сожалению, обзор мнений, имеющихся в юридической литературе по данному вопросу, до сих пор свидетельствует о неоднозначности подходов к толкованию сущности доказательства³.

Достаточно долго в теории преобладала «архаичная» (в терминологии Ю.К. Орлова⁴) трактовка указанного понятия, когда доказательствами признавались любые объекты (в буквальном смысле этого слова), используемые для установления интересующих следствие и суд обстоятельств. После принятия в декабре 1958 г. Закона «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и последующего вступления в силу в союзных республиках в 1959–1961 гг. Уголовно-процессуальных кодексов распространение получила «логическая» модель доказательства, согласно которой доказательства отождествлялись с объективно существующими фак-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973. С. 139.

² Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс... С. 156.

³ Подробно см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе... С. 197–228; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / науч. ред. Н.С. Алексеев. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. С. 141–148; Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации... С. 17–22; и др.

⁴ Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе... С. 58.

тами реальной действительности¹. Кроме того, поддержку у практиков и ученых нашла «двойственная» концепция доказательства, где термин «доказательство» обозначал, во-первых, «факт объективной реальности», во-вторых, источник сведений об этом факте². Со временем «двойственную» сменила «смешанная» (синтезированная) концепция, сторонники которой стали рассматривать доказательство в единстве фактического содержания, охватывающего сведения о фактах и собственно «доказательственные факты», и процессуальной формы, то есть источников сведений об имеющих значение для дела фактах³.

Использование категорий теории информации при изучении процесса доказывания привело ученых к мысли, что доказательствами должны быть признаны не факты, познанные и процессуально закрепленные, а сведения о фактах, позволяющие устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства. Одним из первых указанный тезис в 1966 г. обосновал В.Я. Дорохов⁴. Впоследствии вывод о том, что доказательства — результат своеобразного «вторичного» отражения исследуемого события в сознании познающего субъекта, а затем в материалах дела, не только позволил С.А. Шейферу подробно исследовать процесс собирания доказательств в информационно-логическом ключе, но и, в определенной мере, раскрыть его сущность с учетом деятельностных аспектов⁵.

С современных позиций наиболее полно информационная сторона доказывания была проанализирована А.Р. Белкиным, который вслед за Р.С. Белкиным писал: «Точно так же, как и при совершении преступления, возникают, строго говоря, не доказательства, но информация о преступлении и преступнике, которая может приобрести, а может и не приобрести в силу тех или иных причин значения доказательств, так и при собирании доказательств речь идет фактически о собирании информации о преступлении и преступнике, которая, будучи исследо-

¹ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1962. С. 121.

² См., например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... С. 288–289.

³ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. С. 103.

⁴ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса... С. 145–146.

⁵ Предложенный ученым термин «формирование» доказательств намного точнее, чем термин «собираение», отражает активный характер человеческого восприятия — тот факт, что субъективный образ внешнего мира является продуктом деятельности человека в этом мире (подробно см.: Шейфер С.А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. Куйбышев, 1981. С. 37–41).

ванной и оцененной субъектом доказывания, может получить статус доказательства»¹. При этом ученый подчеркивал, что термины, используемые в теории информации и теории доказательств, не всегда совпадают по своему содержанию, указывая на специфику процессуального толкования понятия «источник» применительно к выше обозначенным этапам формирования доказательственной информации².

Действительно, уголовно-процессуальное право рассматривает в качестве источников доказательств показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы, хотя с точки зрения кибернетики в данном случае следовало бы говорить о формах выражения информации. Однако в языковой практике слово «источник»³ может использоваться не только для обозначения того, что дает начало чему-либо, ссылки на то, откуда что-либо исходит (именно этот аспект важен для теории информации), но и для указания на некое «хранилище» информации (такой подход свойственен теории доказательств).

В последнее время ученые активно используют деятельностный подход в ходе анализа понятия «доказательство». В.П. Гмырко пишет: «Есть все основания утверждать: в теоретическом плане доказательства «являют» собой *структуру* (здесь и далее выделено автором цитируемой статьи), «погруженную» в *процесс* их формирования (изготовления), которое происходит на юридическом *материале* (показания, свидетельства, материальные объекты). Юрист же, руководствуясь собственной правовой позицией, а также требованиями места, времени и цели, «извлекает» из материалов то, что ему необходимо... для решения определенной задачи доказывания «тут и теперь», то есть в рамках определенной ситуации деятельности доказывания»⁴.

¹ Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М.: Норма, 1999. С. 38.

² Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Ч.V. Доказательства и доказывание. М.: Изд-во МГУПИ, 2011. С. 7–10.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

⁴ Гмырко В.П. Легальная дефиниция «общего» понятия «доказательство» в уголовном процессе: деятельностный взгляд // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной 50-летию докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации О.А. Зайцева (3 июня 2011 г.). М.: Изд-во МАЭП, 2011. С. 113.

Вышеизложенное следует учитывать при толковании позиции законодателя (см. ст. 74 УПК РФ), согласно которой доказательствами считаются любые сведения, на основе которых лица, несущие бремя доказывания, устанавливают наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Результаты предпринятого краткого анализа основных понятий теории доказательств свидетельствуют о том, что выработка универсальной дефиниции, отражающей предмет судебной экспертизы в структуре доказывания, сопряжена с определенными трудностями. Однако без использования деятельностного подхода определение предмета судебной экспертизы в широком смысле (родового, видового) или же в узком смысле (предмета конкретной экспертизы по делу) будет неточным. Предмет любой деятельности (включая охватываемые ею действия) следует соотносить с возможностью удовлетворения потребности, обуславливающей существование данного вида общественно полезной деятельности в целом. Как было показано в предыдущих параграфах, судебная экспертиза и деятельность эксперта в статусе участника процесса представляют собой действия сразу нескольких весьма разноплановых видов деятельности.

Применительно к уголовно-процессуальной деятельности, необходимо разграничивать предмет судебной экспертизы как самостоятельного действия в структуре доказывания и предмет познавательной деятельности эксперта (предмет экспертного исследования) с учетом: во-первых, взаимообусловленности предмета доказывания и предмета судебной экспертизы; во-вторых, соподчиненности познавательной и процессуальной деятельности эксперта в судопроизводстве; в-третьих, взаимосвязи профессиональной и процессуальной деятельности лиц, занимающихся производством судебных экспертиз.

К сожалению, до настоящего момента ученые при выработке дефиниции предмета судебной экспертизы к положениям психологической теории деятельности напрямую не обращались. Рассматривая экспертизу с различных точек зрения (в качестве особого процессуального действия; разновидности исследовательской деятельности; объекта изучения общей теории судебной экспертизы и т.д.), справедливо разделяя предмет науки и предмет опирающейся на нее экспертизы, при анализе предмета экспертизы большинство ученых фокусировали свое внимание либо на познавательных, либо на процессуальных аспектах действий эксперта. За редким исключением психологические особенности структурирования человеческой деятельности в расчет не при-

нимались. Неудивительно, что дискуссия по этому, некогда острому вопросу практически зашла в тупик — полемика сгладилась, хотя к консенсусу научная общественность так и не пришла.

Сегодня большинство ученых придерживаются мнения, что предметом экспертизы являются обстоятельства, факты, фактические данные, устанавливаемые за счет использования специальных знаний. Несколько раз корректируя свою точку зрения, к такому выводу в свое время пришел стоявший у истоков дискуссии А.Р. Шляхов, отмечавший, что каждый род (вид) судебной экспертизы имеет свой предмет, то есть «своеобразные фактические данные (факты, обстоятельства), установленные путем исследования материалов дела»¹. Очевидно, что эта трактовка предмета экспертизы явилась следствием прямого отражения господствовавшей на тот момент «смешанной» (синтезированной) концепции понятия доказательства, о чем писал и сам А.Р. Шляхов.

Предложенную дефиницию Ю.К. Орлов переформулировал, подчеркивая, что речь должна идти о фактах, обстоятельствах (фактических данных), устанавливаемых посредством экспертизы². Авторы-составители «Энциклопедии судебной экспертизы» охарактеризовали предмет судебной экспертизы как «фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных познаний и исследования материалов уголовного либо гражданского дела»³. Позднее Т.В. Аверьянова высказала мнение, что предметом экспертизы нужно считать «установление фактов (фактических данных), суждений о факте, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дел об административных правонарушениях, путем исследования объектов экспертизы, являющихся материальными носителями информации о происшедшем событии»⁴.

Изначально не все ученые были согласны с использованием в качестве синонимов понятий «факт» и «фактические данные».

Так, Д.Я. Мирский задался вопросом: устанавливает ли эксперт фактические данные или он только добывает информацию, необходимую для установления этих данных, а устанавливает их следователь и суд на основе оценки заключения эксперта и других доказательств по делу? Он пришел к выводу, что предметом судебной экспертизы

¹ Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение... С. 7.

² Орлов Ю.К. Производство экспертизы в уголовном процессе... С. 15–16; Его же. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве... С. 21.

³ Энциклопедия судебной экспертизы... С. 335.

⁴ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 77.

является информация, получаемая в результате исследования лицом, обладающим специальными познаниями, о представленном следователем, судом объекте, которая служит для установления фактов, имеющих доказательственное значение¹. Аналогичную позицию занял и М.Н. Ростов, указывая, что предметом экспертизы должны быть не факты и обстоятельства, «ибо ни те, ни другие получить или представить следователю и суду невозможно, а фактические данные, то есть информация о фактах и обстоятельствах расследуемого события»².

Авторы учебника по теории судебной экспертизы, вышедшего в свет под редакцией Е.Р. Россинской, констатировали, что «предмет судебной экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла»³. Надо признать, что такой подход, учитывающий положения теории информации, в целом согласуется с современной характеристикой процесса доказывания и трактовкой понятия доказательства в действующем УПК РФ, хотя и не является оптимальным.

С иной точки зрения подошел к обоснованию вывода о недопустимости смешения понятий «факт» и «фактические данные» при определении предмета экспертизы Н.А. Селиванов, полагающий, что фактические данные образуют результат экспертизы, тогда как предметом экспертизы может быть только «факт, который реально произошел (мог произойти) в прошлом, существует (мог существовать) в настоящем, а также закономерности, связи и отношения, обуславливающие данный факт»⁴.

Полемизируя с Н.А. Селивановым, Ю.К. Орлов высказал само по себе справедливое суждение о том, что вышеуказанные понятия, используемые при определении предмета экспертизы, не противоречат друг другу, так как «отражают различные аспекты одного и того же — в рамках экспертизы, для эксперта это будут факты, обстоятельства, а в рамках процесса доказывания в целом — сведения, фактические дан-

¹ Мирский Д.Я. Предмет и система фототехнической экспертизы // Теоретические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 48. М., 1981. С. 56–57.

² Ростов М.Н. О содержании понятий, обозначаемых терминами «объект (экспертизы, экспертного исследования)», «качество», «свойство» и «признак» // Методология судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1986. С. 42.

³ Теория судебной экспертизы: учебник... С. 84.

⁴ Селиванов Н.А. Спорные вопросы судебной экспертизы // Социалистическая законность. 1978. № 5. С. 63.

ные»¹. С изложенным нет смысла спорить – все верно применительно к ситуации, предполагающей анализ процесса доказывания. Однако не следует забывать, что деятельность (в том числе доказывание) представляет собой взаимодействие человека с окружающим миром, она не существует вне триады «субъект – деятельность – объект». Познавательная активность правоприменителя и эксперта, обусловленная взаимосвязанными целью и задачами, не может быть направлена на изучение одного и того же предмета – назначающий экспертизу не обладает специальными знаниями, то есть априори лишен возможности исследовать определенные стороны, свойства, отношения объектов, направляемых в распоряжение эксперта.

По справедливому мнению Л.А. Воскобитовой, «функциональное построение уголовного судопроизводства позволяет предположить, что объект познания (а значит, и предмет. – Прим. К.Я.) теперь не может пониматься как единый, общий для всех познающих субъектов»: содержание, пределы, представление суду результатов познания зависят от того, какую процессуальную функцию выполняет субъект, пытаясь достичь цель, поставленную перед ним законом или обусловленную его процессуальным интересом, «каждая из сторон выделяет из объективной реальности «свою» часть и именно на нее направляет свою познавательную деятельность»².

Из философии известно, что ретроспективное познание представляет собой целенаправленную деятельность субъекта по приобретению знания о факте, имевшем место в прошлом, на основе информации о нем. В рамках экспертного исследования (если рассматривать его как единичный познавательный акт, охватывающий некую совокупность действий и операций), опираясь на информацию, получаемую в процессе исследования, эксперт стремится к знанию о фактах, интересующих орган или лицо, назначившее экспертизу. Добытое им знание, зафиксированное в заключении, при использовании в ином познавательном акте (а таковых при «работе с доказательствами» набирается множество) выполняет роль информации, то есть становится сведениями о фактах. Рассуждая подобным образом, мы переходим от описания одного этапа процесса познания к другому – от изучения предмета познавательной деятельности эксперта в рамках судебной экспертизы (деятельности, связанной с производством исследования) к предмету

¹ Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве... С. 22.

² Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 290.

судебной экспертизы как действия-процесса в рамках доказывания. Однако, вполне закономерно двигаясь от частного к общему, не следует упускать из виду, что само по себе доказывание, в данном случае рассматриваемое в качестве «общего», охватывает различные действия (к «доказыванию-познанию» не сводится) и осуществляется не экспертом, а иным субъектом, выступающим в роли правоприменителя. Поэтому определение предмета экспертного исследования и определение предмета судебной экспертизы совпадать не должны.

Фактические данные, устанавливаемые посредством экспертизы, не могут быть предметом экспертного исследования еще и по той причине, что круг обстоятельств, установление которых возможно при производстве экспертизы, далеко не всегда совпадает с реально полученными результатами. Более того, на практике нередки случаи, когда эксперт, проведя значительную часть исследования, приходит к выводу о невозможности дачи заключения либо решения отдельного вопроса. Наличие знака равенства между предметом экспертного исследования и предметом судебной экспертизы наводит на мысль о «беспредметности» проведенного исследования. Но даже при составлении сообщения о невозможности дачи заключения сам факт проведения исследования предопределяет существование предмета познавательной деятельности эксперта до того, как будут получены его результаты.

С учетом изложенного трудно согласиться с мнением тех ученых, кто полагает, что предметом экспертизы надлежит считать круг вопросов, разрешаемых при ее производстве¹. В данном случае уравниваются предмет и задачи экспертизы, что с позиций деятельностной теории и теории познания вряд ли можно признать приемлемым. Достаточно обратиться к определению термина «задача» в психологии в его широком (познавательном) смысле: задача — данная в определенных условиях цель деятельности, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий, согласно определенной процедуре, включающая в себя требование (собственно цель), условия (известное) и искомое (неизвестное), формулирующееся в вопросе².

¹ См., например: Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе... С. 17; Степутенкова В.К. Предмет судебной экспертизы и экспертное исследование обстоятельств, образующих основание уголовной ответственности // Актуальные теоретические и общеметодические проблемы судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 16. М., 1975. С. 59–60; Волчецкая Т.С. Основы судебной экспертологии: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калининградского государственного ун-та, 2004. С. 117.

² Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 99.

Независимо от того, удастся или нет эксперту ответить на поставленные перед ним вопросы, предмет экспертизы существовать в виде определенного «набора возможностей» не перестанет¹. Примером может служить ситуация производства дактилоскопической экспертизы.

В ходе анализа экспертной практики было установлено, что при производстве криминалистических экспертиз ежегодно в среднем свыше 60% решаемых задач являются идентификационными. При производстве дактилоскопических экспертиз, по вполне понятным причинам, данный показатель близок к 100%. В середине 90-х гг. в период работы автора монографии экспертом-трасологом в Саратовской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РФ (далее – Саратовская ЛСЭ) до половины всех исследований приходилось на экспертизы по определению пригодности следа пальца руки для идентификации (в год нагрузка на одного эксперта составляла около 300 экспертиз). Очевидно, что в данном случае, решая поставленную перед ним задачу, эксперт изучает объект – предоставленный в его распоряжение отпечаток следа на дактилоскопической пленке, ориентируясь на необходимость выделения предмета познания, в данном случае – совокупности общих и частных признаков, достаточной для проведения идентификационного исследования. Задача, отраженная в вопросе, вынесенном на разрешение эксперта, и предмет исследования не совпадают.

Значимость использования положений теории познания при уяснении сути предмета доказывания, а также предмета деятельности эксперта как участника процесса нашла отражение в работах многих ученых.

Так, в учебном пособии для экспертов, подготовленном авторским коллективом в составе В.Д. Арсеньева, Ю.К. Орлова, А.Р. Шляхова, Я.М. Яковлева, понятия «предмет судебной экспертизы» и «предмет экспертного исследования» разграничивались: по мнению В.Д. Арсеньева, в первом случае речь следовало вести о фактических данных (фактах, обстоятельствах), устанавливаемых на основе специальных научных познаний и исследований материалов уголовного либо гражданского дела, а во втором – о задании и объекте экспертизы, изучаемых на основе открытых наукой закономерностей с помощью выбранной экспертом методики (совокупности методов и средств) для установления фактических данных и составления заключения².

¹ Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве... С. 33.

² Организационно-правовые основы судебной экспертизы: учеб. пособие для экспертов // отв. ред. В.Д. Арсеньев. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1979. С. 174–175.

В дальнейшем В.Д. Арсеньев попытался обосновать понятие предмета экспертизы исключительно с позиций гносеологии, предложив рассматривать в качестве такового «стороны, свойства и отношения объекта, которые исследуются и познаются средствами (методами, методиками) данной отрасли экспертизы с целью разрешения вопросов, имеющих значение для дела и входящих в сферу соответствующей отрасли знания»¹. Надо признать, что приведенное определение с точки зрения теории познания и даже деятельностной теории точнее, чем дефиниция, сформулированная Н.А. Селивановым, отражает предмет экспертного исследования. Вместе с тем, предмет судебной экспертизы как процессуального действия оно не раскрывает, поскольку не учитывает ее юридическую составляющую. В связи с этим предложения В.Д. Арсеньева широкой поддержки не получили.

Стремясь избежать противоречий, неизбежно возникающих при попытке сформулировать универсальную дефиницию предмета судебной экспертизы из-за неверного понимания структуры деятельности эксперта в статусе участника процесса ввиду необоснованного отождествления предмета судебной экспертизы, как составляющей процесса доказывания и предмета экспертного исследования, некоторые ученые пришли к мысли о двойственной природе предмета экспертизы.

Так, И.Л. Петрухин предмет экспертизы рассматривал как совокупность вопросов, превращающуюся в результате исследования в совокупность фактических данных, установленных экспертизой². В.К. Степутенкова предлагала сохранить два разноплановых понятия предмета экспертизы – в широком и узком смыслах: отраслевого – как совокупности фактических данных или обстоятельств дела, устанавливаемых экспертом, и конкретного – как совокупности вопросов, сформулированных в постановлении о назначении экспертизы³. А.Ю. Бутырин, напротив, посчитал возможным механически объединить при толковании понятия предмета экспертизы два из ранее проанализированных определений: «...с одной стороны, это сведения о фактах (фактические данные, устанавливаемые посредством экспертизы и являющиеся элементами системы доказательств по уголовному делу, гражданскому

¹ Арсеньев В.Д., Заблочный В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 18.

² Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе... С. 98.

³ Степутенкова В.К. Предмет судебной экспертизы и экспертное исследование обстоятельств, образующих основание уголовной ответственности... С. 59–60.

делу, рассматриваемому в суде общей юрисдикции или арбитраже, а также делу об административном правонарушении), с другой – свойства, стороны и отношения объекта экспертизы, определение которых имеет значение для дела»¹.

Отдельные исследователи попытались разрешить коллизию иным образом – за счет стирания различий между понятиями «предмет» и «объект» экспертизы². К примеру, А.В. Кудрявцева, кратко изложив в своем диссертационном исследовании мнения ученых по вопросу о предмете экспертизы, констатировала: «Таким образом, под предметом экспертизы следует понимать фактические данные, которые устанавливает эксперт с помощью исследования на основе специальных познаний, а такими фактическими данными являются свойства и состояния объектов экспертизы. Другими словами, нам представляется, что объектами экспертного исследования являются вещественные доказательства, документы, человек, животные, материалы уголовного дела. Понятие предмета экспертизы тождественно понятию объекта исследования»³.

Очевидно, что обозначенная точка зрения противоречит фундаментальным положениям гносеологии, в рамках которой понятия «объективная реальность», «объект», «субъект» и «предмет познания» принято разграничивать. Однако в психологии проблема различения субъекта, действия, объекта и окружающего мира существует: поскольку взаимные переходы и границы между этими понятиями размыты, определить, где кончается одно и начинается другое – непросто⁴.

Традиционным для философии и психологии является подход к подразделению взаимодействий субъекта с окружающим миром на субъект-субъектные и субъект-объектные⁵. Первый тип взаимодействий наиболее полно проявляется в общении, второй – в предметной

¹ Бутырин А. Ю. Строительно-техническая экспертиза в судопроизводстве России... С. 26.

² Обзор мнений см.: Шакиров К. Н. Проблемы теории судебной экспертизы (методологические аспекты): дис. ... докт. юрид. наук. Алматы, 2003. С. 65–66.

³ Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 21.

⁴ Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Изд. центр «Академия»; Высшая школа, 2001. С. 38.

⁵ В отечественной психологии идеи о роли и специфике субъекта деятельности (субъектов, осуществляющих совместную деятельность), о наличии субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в деятельности были выдвинуты в начале прошлого века С. Л. Рубинштейном. Не потеряв своей актуальности до сих пор, они получили развитие в работах К. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, Ю. М. Забродина, А. В. Карпова, В. Д. Шадрикова и других ученых.

деятельности¹. Разграничение взаимодействий субъекта со средой, где он существует, на два типа известно юриспруденции. К примеру, независимо от вида судопроизводства соблюдение установленных законодательством правил, регулирующих прямо или косвенно субъект-субъектные отношения лица, вовлекаемого в процесс в качестве судебного эксперта, оказывает существенное влияние на оценку заключения эксперта как результата его субъект-объектных взаимодействий.

С позиций психологии специфика любого рода взаимодействий субъекта обуславливается тем, что человек не уравновешен (асимметричен) не только в каждом отдельном взаимодействии, но и в целостной системе своих взаимодействий. Отсутствие гомеостатического равновесия со средой – собственно человеческий принцип построения отношений субъекта и его окружения (в самом широком смысле слова) – Ю.М. Забродин характеризует как принцип стремления к равновесию со средой (принцип устойчивости), опирающийся на соотношение образов наличной и желаемой ситуации². Это предполагает существование независимого (от состояния субъекта и от состояния взаимодействия) и независимо изменяемого (на основании ценностей, личного опыта субъекта и т.п.) представления о мире как в настоящем, так и в будущем.

Реализация данного принципа в деятельности субъекта не предполагает обособления умственной деятельности от практической. Обосновываемый в психологии тезис об относительной независимости психического образа от того, что он отражает, возвращает нас к пониманию любого рода деятельности в единстве «опредмечивания» и «распредмечивания». Предмет потребности, обуславливающей тот или иной вид деятельности, изначально не существует, но оказывает на деятельность субъекта регулирующее воздействие, поскольку в процессе деятельности с его психическим образом субъект «работает» точно так же, как и с иными объектами, видоизменяя их сообразно цели и условиям осуществления деятельности.

¹ Понятие «общение» столь же многозначно, как и понятие «деятельность». Речь идет о сложном многоплановом процессе установления и развития контактов между людьми, порождаемом потребностями совместной деятельности, включающем в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека. В психологии существует несколько подходов к решению вопроса о соотношении понятий «общение» и «деятельность». Не вдаваясь в дискуссию на данную тему, необходимо отметить, что исходным в отечественной психологии является принцип единства общения и деятельности, которым мы и руководствуемся в своих изысканиях. (По данному вопросу см.: Андреева Г.М. Общение и межличностные отношения // Психология влияния / сост. А.В. Морозов. СПб.: Питер, 2001. С. 38–39).

² Забродин Ю.М. Очерки теории психической регуляции поведения... С. 38.

Вышеописанный подход к анализу проблемы взаимодействия субъекта с окружающим миром не дает оснований для восприятия объекта деятельности исключительно в качестве материальной субстанции — на этом, рассматривая вопрос об объектах экспертизы, их свойствах и признаках, зачастую настаивают некоторые исследователи¹. В современной философской трактовке объект — это любое нечто, на которое может быть направлена мысль; предельно общее понятие, охватывающее любые реальные и воображаемые сущности, при этом реальные объекты принято разделять на конкретные (предметы, индивиды и пр.) и абстрактные (признаки, характеристики, универсалии и т.д.)².

Всякая практическая деятельность, связанная с изучением чего-либо (и проведение экспертных исследований в этом плане исключением не является), предполагает взаимодействие субъекта не только с реальными объектами. В ходе познавательной деятельности, протекающей в определенное время, не всегда есть возможность подвергнуть изучению конкретный объект, существующий в тех же временных рамках, в которых разворачивается процесс познания. Объектом экспертного исследования чаще всего становятся факты и явления, имевшие место в прошлом. В этом случае они изучаются опосредованно, через проекцию событий прошлого на явления, существующие одновременно с деятельностью эксперта. При этом специфический характер объектов, которые оказываются задействованными в процессе исследования, то, что в качестве таковых могут выступать не только реальные объекты, сущность экспертной деятельности как предметно-практической не меняет. В то же время с процессуальной точки зрения, по справедливому замечанию Ю.К. Орлова, правовой режим может быть распространен лишь на материальные (в современной философской трактовке — конкретные) объекты, которые должны предоставляться в распоряжение эксперта в установленном законом порядке³.

Изложенное приводит к выводу о том, что понятия «объект судебной экспертизы» и «объект экспертного исследования» надлежит разграничивать. В этом следует согласиться с теми учеными, кто придерживается подобной точки зрения, хотя развернутого обоснования и не предлагает⁴.

¹ См., например: Основы судебной экспертизы... С. 86–87.

² Философский словарь... С. 391.

³ Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве... С. 25.

⁴ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 18–19; Буторин А.Ю. Строительно-техническая экспертиза в судопроизводстве

Пытаясь раскрыть сущность деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве, неизбежно приходится сталкиваться с необходимостью анализа понятий предмета и объекта судебной экспертизы одновременно с учетом специфического характера деятельности эксперта как участника процесса в единстве ее процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих. С одной стороны, цепочка действий и операций, осуществляемых экспертом при производстве исследования и даче заключения, является структурным элементом уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности, когда речь идет об общественно полезных видах деятельности, реализуемых так называемым совокупным субъектом. С другой стороны, производство исследования и дача заключения также являются элементами познавательной, а по отношению, как минимум, к сотрудникам государственных судебно-экспертных учреждений еще и профессиональной деятельности субъекта, назначаемого экспертом (психолого-правовые аспекты трудовой деятельности эксперта будут подробно рассмотрены во второй главе монографии).

Таким образом, в качестве объектов судебной экспертизы как средства доказывания следует рассматривать лишь материальные (конкретные) объекты, в то время как объектами экспертного исследования (познавательной и профессиональной деятельности эксперта) могут быть любые реальные и идеальные объекты. Непротиворечивость подобного подхода к уяснению сути перечисленных понятий, позволяющего раскрыть природу объекта судебной экспертизы в единстве ее юридической и гносеологической составляющих, становится очевидной благодаря использованию положений теории информации.

Понятие информации при изучении когнитивной (познавательной) сферы впервые в отечественной психологии в середине 70-х гг. прошлого столетия задействовал Л.М. Веккер. Рассматривая психические процессы в качестве частной формы процессов информационных, он полагал целесообразным использовать понятийный аппарат кибернетики при построении единой теории психических процессов¹.

Впоследствии свое развитие идеи информационного подхода получили в философских трудах Д.И. Дубровского, подчеркивавшего, что понятие информации является «двумерным», поскольку фиксирует ее содержание и кодовую форму. «Двумерность» дает возможность в еди-

России... С. 111–112 ; Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве... С. 86–87.

¹ Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Флинта, 2001. С. 27.

ном концептуальном плане отразить как специфику содержания, так и свойства того материального носителя, в котором воплощена информация, и хотя информация не существует вне своего материального носителя, от его субстратно-энергетических и пространственно-временных свойств она не зависит, так как сама является его свойством¹.

Развивая высказывания философов применительно к криминалистике, Р.С. Белкин писал, что «информация как мера связи события и вызванных этим событием изменений в среде не может существовать без материальной основы или, как принято говорить, вне информационного сигнала, под которым понимают единство материального носителя и средства передачи информации»².

Сигнал в широком смысле слова рассматривается как физический процесс или явление, несущие сообщение (информацию) о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения³. В результате получения информационного сигнала происходит уменьшение или снятие неопределенности наших представлений об изучаемых объектах. С этой точки зрения объект судебной экспертизы может быть охарактеризован не просто как «материальный» объект, но как объект реальный, поскольку свойства и признаки — абстрактные объекты, изучаемые экспертом, в данном случае неотделимы от носителя — конкретного объекта, поступающего в его распоряжение.

Исходя из изложенного, учитывая производный характер понятия предмета от понятия объекта, представляется правильным, раскрывая понятие предмета судебной экспертизы как действия в структуре доказывания, говорить о сведениях, которые могут быть получены в результате использования специальных знаний в установленном законом порядке. Что касается предмета познавательной деятельности эксперта (предмета экспертного исследования), речь должна идти об исследуемых экспертом сторонах, свойствах, отношениях объектов (как реальных, так и идеальных), в целях решения поставленных перед ним вопросов.

От использования термина «фактические данные», не свойственного современному УПК РФ, следует отказаться. Благодаря специалистам в области теории доказательств и доказательственного права, сосредоточившим свои усилия на изучении генезиса и смысла понятий «факт», «фактические данные», «обстоятельства» и т.п., их многознач-

¹ Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Указ. соч.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. С. 55.

³ Новая иллюстрированная энциклопедия. Ро-Ск. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.

ность и, как следствие, невозможность употребления без предварительного уточнения в ходе исследования такого сложного явления, каким на самом деле является деятельность эксперта, сегодня очевидна.

Фундаментальный анализ указанных понятий предпринял А.А. Кухта¹. Несмотря на критику информационного подхода к определению доказательства, которого придерживается автор данной монографии, суждения А.А. Кухты о природе фактов в уголовном процессе свидетельствуют об актуальности использования деятельностного подхода при исследовании проблем доказывания.

Обобщая изложенное в первой главе, можно сделать следующие выводы:

1. Понятия «экспертная деятельность», «судебно-экспертная деятельность», «государственная судебно-экспертная деятельность» соотносятся по принципу «от общего к частному» и не должны использоваться как синонимы. Общественные отношения, возникающие в связи с потребностью одних лиц получать интересующую их информацию по вопросам, разрешение которых требует использования знаний, каковыми они сами (вовсе либо в необходимом объеме) не обладают, и возможностью других эту информацию (в том числе по итогам проведенных исследований) предоставлять, реализуются посредством обособленного вида общественно полезной деятельности — экспертной деятельности. Термин «судебно-экспертная деятельность» указывает на использование специальных знаний в судопроизводстве.

2. В качестве деятельности рассматривается активность, предмет которой и предмет потребности (реальный мотив деятельности человека) совпадают. Действием в составе какой-либо деятельности считается активность, предмет которой с мотивом не совпадает, но отвечает осознанной человеком цели. Судебная экспертиза является действием в структуре уголовно-процессуальной, судебно-экспертной, экспертной деятельностью, а производство экспертного исследования — структурным элементом познавательной деятельности эксперта.

3. С учетом особенностей толкования понятий «объект» и «предмет» в философии и психологии, а также специфики их использования в теории доказательств и теории судебной экспертизы объект и предмет судебной экспертизы как процессуального действия и объект и предмет экспертного исследования как познавательного действия надлежит разграничивать. Познавательная активность правоприменителя и эксперта, обусловленная взаимосвязанными целью и задачами, не может

¹ Подробно см.: Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н.Новгород: Изд-во Нижегородской академии МВД России, 2009. С. 9–166.

быть направлена на изучение одного и того же предмета — назначающий экспертизу не обладает специальными знаниями, то есть априори лишен возможности исследовать определенные стороны, свойства, отношения объектов, направляемых в распоряжение эксперта.

4. Потребность в использовании специальных знаний возникает в ходе осуществления правоохранительной деятельности. Решаемые посредством судебной экспертизы задачи обуславливаются необходимостью достижения целей доказывания. Поэтому совокупность действий лица, назначенного экспертом, по производству исследования и даче заключения, а также напрямую связанных с ними, «деятельностью судебного эксперта» не является.

5. Доказательственная значимость заключения эксперта, невозможность использования напрямую механизма правового регулирования для упорядочения познавательной деятельности эксперта, необходимость учета многоплановых мотивов, побуждающих человека вступать в дело в статусе эксперта, обуславливают актуальность анализа деятельности лица, назначаемого экспертом, в единстве процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих с учетом направленности на удовлетворение комплекса его потребностей как целостной личности.

Глава II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА

§ 1. Психолого-правовая характеристика труда эксперта

В рамках деятельностного подхода специфика взаимодействия человека с окружающим миром в наиболее общем виде характеризуется посредством триады «субъект – деятельность – объект». Важнейшей особенностью подобного рода триад является то, что определяются они и функционируют целиком: любой элемент выявляется через целое и два других, даже если по ходу исследования внимание концентрируется на одном из них¹.

При изучении уголовно-процессуальной деятельности наиболее подробно рассматриваются структура и содержание составляющих ее действий. Оглавление учебников по уголовно-процессуальному праву – лучшее тому подтверждение. В литературе по проблемам судебно-экспертной деятельности больше места отводится анализу личности субъекта, который может быть назначен экспертом либо по должности уже является государственным судебным экспертом.

Связующим звеном уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности является деятельность эксперта. При производстве экспертизы субъект, назначенный экспертом, фокусируется на цели исследования, самостоятельно планирует и осуществляет действия и операции, направленные на получение информации, интересующей правоприменителя, представляет результаты своей работы в виде заключения. Деятельность – это движение, за которым стоит человек, что обуславливает актуальность анализа деятельности эксперта в категориях психологии.

В рамках общей и дифференциальной возрастной, социальной, юридической, клинической, инженерной психологии изучаются механизмы, обеспечивающие продуктивность деятельности личности; способности человека как залог успешного выполнения деятельности; индивидуальный стиль, являющийся формой выражения личности в деятельности; множество иных проблем развития и социальной

¹ Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология... С. 35–36.

активности личности. Однако психологи бьют тревогу: в психологических исследованиях формирования и развития личности в разных социальных системах наметилась нежелательная тенденция. В работах не раскрывается, как темп и качество развития личности в одной области социальной действительности (например, в труде) связаны с характеристиками ее развития в других сферах общественного бытия, хотя очевидно, что изучение личности должно быть междисциплинарным¹.

Подобные проблемы имеют место и в юриспруденции. Многие известные ученые (О.Я. Баев, Н.Т. Ведерников, Л.М. Володина, А.Ф. Волынский, В.Н. Григорьев, В.А. Жбанков, О.А. Зайцев, Е.П. Ищенко, А.В. Дулов, Л.Л. Каневский, В.М. Корнуков, В.А. Образцов, А.Б. Соловьев, С.А. Шейфер, В.Ю. Шепитько, С.П. Щерба, Н.П. Яблоков и др.) уделяли внимание криминалистическим и процессуальным аспектам изучения личности и правового положения участников уголовного судопроизводства. В литературе подчеркивается, что «личность – главный субъект уголовного судопроизводства, независимо от того, к какой группе участников процесса она отнесена законом»².

В то же время, столкнувшись с необходимостью подготовки рабочей программы учебной дисциплины «Криминалистическое изучение личности» в целях наполнения вариативной части магистерской программы «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования», автор монографии не смогла найти достаточного количества источников, в которых характеристика личности участников процесса, не имеющих материально-правового интереса в деле, была бы дана с современных научных позиций (за исключением уже упоминавшейся работы Е.Е. Кискиной, посвященной криминалистическим и психологическим аспектам деятельности судебного эксперта).

В 2008 г. Н.П. Кириллова провела комплексный анализ процессуальных функций, реализуемых профессиональными участниками судопроизводства, в число которых она включила государственного обвинителя, адвоката-защитника и судью³. Деятельность эксперта с этой точки зрения Н.П. Кириллова не рассматривала.

¹ Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. С. 212–213, 235.

² Шматов В.М. Развитие частной криминалистической теории изучения личности и обеспечения ее прав: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 15.

³ Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: дис. ... докт. юрид. наук. Кн. 1. СПб., 2008.

Без уяснения баланса «профессионального» и «процессуального» при производстве судебной экспертизы, нельзя всесторонне исследовать правовое положение носителей специальных знаний, с тем чтобы верно определить, в какой именно корректировке оно нуждается, учитывая необходимость повышения эффективности российского правосудия в современных условиях.

В том, что изменения нужны, сомнений нет. В Перечне Поручений Президента Российской Федерации по вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности от 3 февраля 2012 г., о котором речь шла выше, ставился вопрос о федеральной целевой программе развития и совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, хотя и не было указания разработать проект федерального закона о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, касающихся ее осуществления. Минюст России проявил инициативу: летом 2012 г. был подготовлен проект нового Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», способный существенно повлиять на правовое положение лиц, вовлекаемых в судопроизводство в качестве экспертов¹.

Правовые основы производства судебных экспертиз сегодня нуждаются в совершенствовании, как и процессуальный статус эксперта. Но не в таком поспешном, что уже было продемонстрировано законодателем в 2003 г., когда заключение специалиста (не известная ранее отечественному процессуальному праву форма выражения мнения носителя специальных знаний) в одночасье было возведено в ранг доказательства. Правовой статус эксперта при участии в доказывании должен соответствовать, во-первых, специфике общественных отношений, обуславливающих необходимость использования специальных знаний в судопроизводстве, а во-вторых, степени сложности воплощающей их в жизнь деятельности субъекта, назначаемого экспертом, как целостной личности, имеющей собственные приоритеты в сфере труда.

В качестве трудовой деятельности в психологии рассматриваются некоторые социально обусловленные виды деятельности и ее общественно полезные формы. Знания о труде, человеке как субъекте труда, различных видах трудовой профессиональной деятельности обобщаются и приумножаются самостоятельной отраслью психологии – психологией труда, большой вклад в развитие которой внесли Е.А. Кли-

¹ Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (проект) // АНО «Центр Судебных Экспертиз» // URL: <http://forum.sudexpertiza.ru/viewtopic.php?f=99&t=912> (дата обращения: 02.01.2013).

мов, Ю.Б. Котелова, Н.Д. Левитов, К.К. Платонов, Ю.К. Стрелков, В.Д. Шадриков и другие ученые.

В теории и на практике содержание категорий «труд» и «деятельность» нередко раскрывается путем использования целого ряда понятий: работа, трудовая и профессиональная деятельность, профессия, специальность, должность, квалификация и т.д. Поскольку нас интересует деятельность эксперта в статусе участника уголовного судопроизводства как одна из форм общественно полезной деятельности человека, попытаемся разобраться в сути и соотношении некоторых из перечисленных понятий.

Используя термин «труд», вслед за Е.А. Климовым, А.К. Марковой, В.Д. Шадриковым и другими учеными¹ имеется в виду «деятельность», учитывая толкование этих слов в русском языке. Из пяти определений слова «труд», содержащихся в Толковом словаре русского языка, наиболее важны в приложении к целям данного исследования первые два: «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей»; «работа, занятие»².

Слово «профессия» в русском языке имеет только одно значение — основной род занятий, трудовой деятельности³, а слово «профессиональный» является многозначным: 1) это может быть прилагательное, употребляемое в том же значении, что и существительное «профессия»; 2) полная форма — занимающийся чем-нибудь как профессией, а также являющийся профессией; 3) речь может идти о чем-то, что полностью отвечает требованиям данного производства, данной области деятельности⁴.

Ученые рассматривают понятие профессии в различных аспектах. Так, Е.А. Климов отмечает, что сам термин может быть использован для обозначения: области приложения сил человека как субъекта труда; общности людей-профессионалов; подготовленности человека к труду; процесса реализации трудовых функций⁵. Он видит в профессии некую объективную и совершенно регламентированную организацию действий

¹ См., например: Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России... С. 20; Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. С. 10; Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. С. 22.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 164, 814.

³ Там же. С. 626.

⁴ Там же.

⁵ Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 107.

личности¹. А.К. Маркова указывает, что профессия – это исторически возникшие нормы деятельности, необходимые обществу, для выполнения которых человек должен обладать суммой знаний и навыков, иметь соответствующие способности и профессионально важные качества².

Изложенное свидетельствует о том, что понятие «профессиональная деятельность» по объему уже понятия «трудовая деятельность», то есть не всякая трудовая деятельность человека является для него профессиональной.

Вид занятия в рамках одной профессии в науке нередко характеризуется термином «специальность»³, в то же время в русском языке слова «специальность» и «профессия» могут употребляться в качестве синонимов; кроме того, «специальность» в одном из своих значений определяется как отдельная отрасль науки, техники, мастерства или искусства⁴.

В Толковом словаре русского языка ставится знак равенства между словами «профессия», «специальность» и «квалификация», хотя «квалификация» – это и оценочная деятельность (производное существительное от глагола «квалифицировать»), и степень годности к какому-нибудь виду труда, уровень подготовленности⁵. Последнее из приведенных толкований близко к научному пониманию термина «квалификация» – сложной системы специальных знаний, умений и навыков, позволяющих человеку успешно решать задачи деятельности, выполнять свои функциональные обязанности⁶.

Для юриспруденции, начиная со ст. 37 Конституции Российской Федерации, провозглашающей свободу труда и закрепляющей право каждого распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, получать вознаграждение за труд, характерно более широкое употребление терминов «труд», «работа» по сравнению с термином «трудовая деятельность».

Например, в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) нет статьи, посвященной толкованию основных понятий, используемых в Кодексе. Однако, поскольку право регулирует, как уже

¹ Климов Е.А. Об образе мира у представителей разнотипных профессий // Психологическое обозрение. 1995. № 1. С. 26.

² Маркова А.К. Психология профессионализма... С. 15.

³ См., например: Пряжников Н.С. Психологический смысл труда. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. С. 35.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 755.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ Енгальчев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. М.: Высшая школа психологии, 2004. С. 132.

было отмечено, не деятельность, а общественные отношения, содержащаяся в ст. 15 ТК РФ расшифровка понятия «трудовые отношения» в определенной мере отражает позицию законодателя по исследуемому вопросу. В качестве трудовых рассматриваются отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по определенной специальности, квалификации или должности), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями, трудовым договором.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) используется иная терминология. Согласно ст. 107, производственным кооперативом (артелью) признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом и ином участии и объединении его членами (участниками) имущественных паевых взносов. В свою очередь, в ст. 702 предусматривается, что по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Так или иначе, закрепляя право граждан на оплату труда, законодатель акцентирует внимание на чрезвычайно важной с точки зрения юриспруденции связи трудовой деятельности с получением дохода, отражающей выработанный в психологии подход к соотношению понятий «деятельность» и «потребность». В свое время А.Н. Леонтьев писал, что «мы всегда имеем дело с особыми деятельностями, каждая из которых отвечает определенной потребности, угасает в результате ее удовлетворения и воспроизводится вновь»¹. Трудовая деятельность, как любая иная «особенная деятельность», позволяет человеку удовлетворять множество потребностей, отчасти – напрямую, в процессе труда, отчасти – опосредованным образом, благодаря использованию вознаграждения за труд.

Вместе с тем проанализированные понятия «занятие», «профессия», «специальность», «квалификация» правоведы зачастую трактуют не совсем так, как это принято в психологии и языковой практике. Специфика взаимодействий рабочих и служащих с объектами труда предопределила свойственное юриспруденции применение термина «профессия»

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность... С. 102.

исключительно в связи с трудовой деятельностью рабочего, тогда как особенности социально-правового режима труда служащего определяются квалификационной характеристикой занимаемой им должности¹. Прослеживаются дополнительные, помимо отмеченных, различия в нормативном толковании терминов «профессия» и «занятие».

Так, в Общероссийском классификаторе занятий ОК 010–93 (далее – ОКЗ), утвержденном постановлением Госстандарта РФ от 30 декабря 1993 г. № 298, разработанном в соответствии с «Государственной программой перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики», утвержденной Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 октября 1992 г. № 3708-1, содержится перечень видов трудовой деятельности, предназначенный для решения широкого круга задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, оценки состояния и динамики изменений структуры рабочей силы, а также показателей в сфере занятости и профессионального образования². Как следует из текста документа, систематизация видов трудовой деятельности, принятая в ОКЗ, в основном соответствует Международной стандартной классификации занятий: «Классификационной единицей ОКЗ является вид трудовой деятельности (занятие), основу которого составляет квалификация (профессиональное мастерство) и профессиональная специализация. В отличие от профессии, подразумевающей обязательную профессиональную подготовку, под занятием понимают любой вид деятельности, в том числе не требующий специальной подготовки, приносящий заработок или доход. Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих».

Указание на различие понятий «занятие», «профессия», «должность» содержится в Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (далее – ОКПДТР), принятом постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 367 (действующим с 1 января 1996 г.)³, также подготовленном в рамках выполнения «Государственной программы перехода Российской Феде-

¹ В русском языке «должность» – служебная обязанность, служебное место (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка... С. 173).

² Здесь и далее см.: СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/179057.htm> (дата обращения: 19.03.2010).

³ СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/1548770.htm> (дата обращения: 19.03.2010).

рации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики».

Дифференциация терминов «профессия» и «занятие», отражающая связь труда и обучения как самостоятельных видов человеческой деятельности, имеет важное прикладное значение. В литературе по проблемам судебной экспертизы понятие «компетентность эксперта» нередко увязывается с наличием у лица, назначаемого экспертом, высшего профессионального образования, подтвержденного дипломом государственного образца (далее – ВПО)¹. Для того чтобы определить – насколько в принципе такой подход правомерен, следует убедиться, что мы имеем дело: а) с трудовой деятельностью и б) с профессиональной деятельностью эксперта в статусе участника процесса.

Согласно ст. 13 ФЗ о ГСЭД, должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации с высшим профессиональным образованием, прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее специальное экспертное образование. В соответствии со ст. 12 ФЗ о ГСЭД государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. В УПК РФ не предусматриваются какие-либо основания для разграничения статуса лиц, вовлекаемых в уголовный процесс в качестве государственных и негосударственных судебных экспертов. Да и сам термин «государственный судебный эксперт» упоминается только в ч. 2 ст. 195 УПК РФ, где в очередной раз подчеркивается равноправие лиц, которым может быть поручено производство судебной экспертизы.

Изложенное обуславливает необходимость поиска ответов на вопросы: является ли деятельность сотрудников экспертных учреждений (государственных и негосударственных) трудовой не только по правовой форме, но и по своему психологическому содержанию; имеются ли в деятельности лиц, проводящих судебные экспертизы по долгу службы, и тех, кто эпизодически участвует в судопроизводстве,

¹ См., например: Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве... С. 153.

какие-либо различия; может ли с позиций психологии и юриспруденции идти речь о профессии «судебный эксперт».

Тридцать лет назад Х.Г. Мелконян пришел к выводу, что профессию судебного эксперта, возникшую на стыке нескольких видов деятельности в результате соединения, сочетания, совмещения, интеграции различных элементов, можно считать сформировавшейся. Им было предложено определение «судебно-экспертной профессии» как обусловленного потребностями следственной и судебной практики самостоятельного вида высококвалифицированной трудовой деятельности эксперта – сотрудника судебно-экспертного учреждения, основанной на применении им своих специальных знаний в науке, технике, искусстве и ремесле, в целях решения поставленных органами расследования и судами задач путем производства судебной экспертизы¹. Правда, констатируя, что «цельных монографических разработок, специально посвященных исследованию профессии судебного эксперта, проблемам совершенствования экспертных кадров еще не было», в рамках статьи автор развернутого обоснования изложенной позиции привести не смог, сославшись на то, что в скором времени по обозначенной проблематике подготовит учебно-методическое пособие². Пособие в свет так и не вышло. Поэтому вопрос о том, что скрывается за дефиницией, предложенной Х.Г. Мелконяном, – различия в деятельности сотрудников судебно-экспертных учреждений и тех, кто к таковым не относится, или же дань времени, когда подавляющее большинство экспертиз проводилось силами судебно-экспертных учреждений, остался открытым.

Позже в наиболее общем виде характеристика профессиональной деятельности судебного эксперта была дана Ю.Г. Коруховым и И.Л. Николаевой в уже упоминавшемся пособии РФЦСЭ при Минюсте России³. Взяв за основу наработки К.К. Платонова и Я.М. Яковлева периода 60–70-х гг. прошлого века, соавторы представили эксперта, как некоего «универсального солдата», без учета реалий, сложившихся на рубеже тысячелетий в сфере судебно-экспертной деятельности в связи с ее коммерциализацией.

Сегодня, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, к исследованию профессиональной составляющей в деятельности лица, назначаемого экспертом по уголовному делу, необходимо подойти

¹ Мелконян Х.Г. О профессии судебного эксперта и некоторых проблемах подготовки экспертных кадров // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1984. С. 80–81.

² Там же. С. 73–74.

³ Основы судебной экспертизы. Ч. I. Общая теория... С. 199–214.

с иных позиций. Начать надо с выявления психологических признаков труда в действиях эксперта и определения степени их влияния на качество выполнения им своей процессуальной функции.

По сути, трудовая деятельность представляет собой взаимодействие субъекта с объектом труда, что априори обуславливает необходимость развернутой характеристики:

- а) собственно труда как формы общественно полезной деятельности;
- б) субъекта трудовой деятельности с учетом объективных характеристик личности; социальной и профессиональной когнитивно-мотивационных структур; психологической структуры «отдельной» («особенной» у А.Н. Леонтьева) деятельности; эмоционально-волевой структуры субъекта труда;
- в) объекта труда с его социальными характеристиками и направленностью, историей и перспективами развития определенного трудового процесса, структурой трудового процесса как такового и операционально-технической структурой труда¹.

В обозначенном ракурсе всесторонний анализ деятельности эксперта возможен исключительно в рамках психологии труда и юридической психологии. Однако общий анализ содержания трудовой деятельности эксперта в целях выявления специфики его статуса как участника уголовного судопроизводства представляется вполне посильной задачей².

Наиболее подробно психологическое содержание труда было проанализировано Е.А. Климовым, который рассматривал труд как социально значимую продуктивную деятельность человека, с субъективной стороны отличающуюся: во-первых, сознательным предвосхищением социально-полезного результата; во-вторых, сознанием обязательности достижения социально-фиксированной цели; в-третьих, сознательным выбором, применением, совершенствованием или созданием орудий

¹ Подробнее по данному вопросу см., например: Иванова Е.М. Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 32–33.

² Тот факт, что выводы эксперта, основывающиеся на проведенных исследованиях, – результаты труда могут носить чисто теоретический характер, не является препятствием для рассмотрения экспертной деятельности в качестве трудовой. В последнее десятилетие XX в. в психологии наметился новый подход к оценке сущности трудовой деятельности человека. Она более не связывается, как это было ранее, исключительно с материальным производством; использование понятия трудовой деятельности не ограничивается сферами, где результаты человеческого труда овеществлены. В данном параграфе и далее в работе трудовая деятельность эксперта рассматривается, как и было предварительно оговорено, с позиций психологии труда – в гораздо более широком, по сравнению с категориями трудового права, смысле. При этом автор не ставил перед собой задачу рассмотреть все возможные варианты регламентации труда эксперта, закрепленные в действующем законодательстве.

труда, средств деятельности; в-четвертых, осознанием межлюдских производственных зависимостей — «живых» и «овеществленных»¹.

Ученый исследовал когнитивные компоненты каждого из перечисленных психологических признаков труда, предполагающие знание и понимание основных условий и явлений, связанных с деятельностью, их аффективную составляющую, связанную с эмоциональной оценкой происходящего, раскрыл через градуальную оценку содержание каждого из компонентов.

Отмечая важность изучения трудовой деятельности не только с точки зрения ее объективного содержания, но и со стороны внутренней, субъективной, Е.А. Климов неоднократно подчеркивал, что некая наблюдаемая активность человека может быть отнесена к психологическому понятию «труд» лишь тогда, когда ей присущи все четыре признака в своей совокупности².

Это значит, что человек может «трудиться», совершая какое-либо полезное действие, соответствующее всем вышеперечисленным признакам, даже тогда, когда не исполняет своих непосредственных обязанностей (к примеру, во время отпуска). И наоборот, если человек находится на рабочем месте, но не осознает цели своего труда и не чувствует ответственности перед коллегами, то осуществляемая им общественно полезная деятельность не является трудовой с позиций психологии, хотя может высоко оплачиваться как труд согласно закону³.

Изложенное позволяет исследовать трудовую деятельность носителей специальных знаний при участии в доказывании независимо от того, кому будет поручено производство экспертизы по уголовному делу — государственному судебному эксперту или лицу, таковым не являющемуся.

Что касается первого из четырех психологических признаков труда — сознательного предвосхищения социально полезного результата, представляется очевидным, что любой человек, назначаемый экспертом, способен оценить значимость и социальную пользу своей деятельности. Данное утверждение справедливо не только по отношению к сотрудникам ГСЭУ и негосударственных экспертных учреждений, но и по отношению к тем, кто эпизодически участвует в судопроизводстве.

¹ Климов Е.А. Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 8.

² Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. С. 214–230.

³ Пряжникова Е.Ю. Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С. 85.

Результаты труда эксперта высоко ценятся в обществе, как минимум, с формальной точки зрения. В ФЗ о ГСЭД, то есть на самом высоком уровне нормативного регулирования экспертной деятельности, закреплены такие принципы ее осуществления, как независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота проведения исследований. Заключение, составленное экспертом, является доказательством по делу. Даже если лицо, назначившее экспертизу, несогласно с теми выводами, к которым пришел эксперт, и в дальнейшем они будут опровергнуты, эксперт вправе остаться при своем мнении.

Зачастую сама атмосфера кабинета следователя или зала судебного заседания оказывает мощное психологическое воздействие на человека, далекого от юриспруденции, вовлекаемого в судопроизводство в статусе эксперта, заставляя по-новому взглянуть на собственные трудовые достижения. Этому в немалой степени способствуют средства массовой информации. Современному человеку словосочетание «по оценкам экспертов...» хорошо знакомо. Нет нужды пояснять, что речь идет о тех, кто уполномочен высказывать свое компетентное мнение или оценивать чужой труд.

Беспокойство вызывает другое — то, как сказывается специфика данного психологического признака труда эксперта на его деятельности, на эффективности использования специальных знаний в доказывании.

Еще в 1913 г. известный санитарный врач и деятель в области санитарной статистики С.М. Богословский в своей работе «Система профессиональной классификации» писал, что профессия есть такая деятельность, посредством которой «лицо участвует в жизни общества и которая служит ему главным источником материальных средств к существованию», при условии, что эта деятельность «признается за профессию личным самосознанием» человека¹.

Сегодня завышенная самооценка некоторых частнопрактикующих специалистов, гордо именующих себя «экспертами-профессионалами», на практике создает проблемы. Растет число случаев, когда «прикрываясь множеством надуманных регалий, вымышленными экспертными специальностями, мифическим многолетним «экспертным» стажем, «самоиздатовскими» публикациями и даже «служебными» удостоверениями руководителя «экспертного» отдела или «экспертной службы» какой-нибудь коммерческой или общественной организации, за производство экспертизы берутся некомпетентные и несведущие в данном роде судебной экспертизы лица, скрывающие под маской

¹ Цит. по кн.: Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России... С. 161.

псевдонаукообразия своего заключения неполноту и недоброкачественность проведенной экспертизы»¹.

Возможно, поэтому следователи не спешат поручать производство экспертиз лицам, не являющимся государственными судебными экспертами (об этом сообщили 56,8% и 54,4% участников анкетирования, опрошенных в 2003–2004 гг. и 2009–2010 гг.). Хотя в целом за истекшие годы они стали чаще прибегать к их помощи (вариант «часто» на первом этапе анкетирования выбрали 3,7%, на втором – 24,6% опрошенных; вариант «никогда» – 39,5% и 21,1% опрошенных). Большинство опрошенных (70% на каждом из этапов) отметили, что при поручении производства экспертизы субъектам, не входящим в число государственных судебных экспертов, они интересуются их компетентностью. Впрочем, это мало что дает.

В 98 (6%) из изученных 1638 заключений эксперта и специалиста были обнаружены не являющиеся документами государственного образца «дипломы», «свидетельства» и прочие документы, подтверждающие «квалификацию» экспертов, оформленные с нарушением требований ГОСТ Р 6.30–2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов»². Причем, если в 2001–2004 гг. это было пять заключений (1%) из 472, то в 2009–2012 гг. – 68 (8,7%) из 782. В изученных заключениях экспертов, составленных по гражданским делам государственными, негосударственными экспертами, частнопрактикующими специалистами на основании определений суда, а также заключениях специалиста (актах экспертизы), составленных носителями специальных знаний на основании запросов юридических и физических лиц, документы негосударственного образца встречались значительно чаще.

Относительно осознания субъектом обязательности достижения социально фиксированной цели надо сказать, что его проявление связано с пониманием существующего порядка, режима (в том числе

¹ Галяшина Е. И., Галяшин Н. В. К вопросу об оценке адвокатом-защитником заключения негосударственного судебного эксперта // Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов V ежегодной науч.-практич. конференции. 2008 г. / Федеральная палата адвокатов РФ. М.: Информ-Право, 2008. С. 255.

² О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации: Постановление Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст (вместе с «ГОСТ Р 6.30–2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов») // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правового), объективности технологического процесса и, конечно же, ответственности перед определенными лицами за ход и результаты работы. Как в деятельности сотрудников экспертных учреждений, так и в деятельности тех, кто к их числу не относится, данный признак присутствует, поскольку процессуальным законодательством предусматривается обязательность разъяснения лицу, назначаемому экспертом, прав и обязанностей, предоставляемых ему в рамках того или иного юридического процесса, условий несения уголовной ответственности в случаях, оговоренных законом.

Необходимость выполнения организационных и исследовательских действий в строгом соответствии с требованиями нормативных правовых актов разного уровня для сотрудника экспертного учреждения очевидна практически с первых дней работы. В ГСЭУ в соответствии со ст. 13 ФЗ о ГСЭД и нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти реализуется достаточно жесткий порядок определения уровня профессиональной подготовки экспертов, их аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы и переаттестации. В негосударственных структурах, для которых проведение экспертных исследований является одним из направлений деятельности — таких, как, к примеру, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (далее — ТПП РФ), тоже предусматривается особый порядок аттестации экспертов. Обязательным этапом при этом является изучение требований действующего законодательства, касающихся процедуры производства экспертиз по заявкам юридических и физических лиц, заданиям следственных и судебных органов. Таким образом, эксперт, осознавая объективный характер существующих условий труда, проникается ответственностью перед руководством и членами трудового коллектива за соблюдение порядка и результаты своей деятельности.

Учитывая специфику экспертной деятельности, можно заметить, что обеспокоенность ходом работы, ее результативностью и востребованностью, как правило, пробуждает в экспертах чувство долга и ответственности не только перед сослуживцами, но и перед коллегами в широком смысле этого слова. Положительная оценка его труда со стороны квалифицированных специалистов в той же области знания важна для эксперта. В определенной мере связанные с этим опасения по поводу потери статуса в конкретной социальной группе, как и сомнения относительно собственных возможностей при необходимости приспособления к изменениям условий труда, независимо от

реальных результатов работы, оказывают регулирующее воздействие на деятельность эксперта.

Значимость соблюдения порядка производства экспертных исследований для достижения целей проведения экспертизы и решения задач, поставленных перед экспертом, трудно переоценить. Общефилософский подход к определению соотношения таких категорий, как «содержание» и «форма», когда признается их диалектическое единство, но зачастую отмечается ведущая роль содержания, в области судопроизводства реализуется более жестко: ст. 75 УПК РФ гласит, что доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания любого из обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Так, независимо от степени объективности, всесторонности и полноты проведенных исследований, одного факта переговоров эксперта без ведома следователя и суда с кем-либо из участников процесса по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы, может оказаться достаточно для исключения составленного им заключения из числа доказательств по делу. В пункте 1 ч. 4. ст. 57 УПК РФ прямо сказано, что вести такого рода переговоры эксперт не вправе. Среди изученных в период с 2001 г. по 2012 г. приговоров по делам о преступлениях против личности и против собственности по указанной причине не были включены в число доказательств семь заключений экспертов-почерковедов и три заключения экспертов-психиатров.

В то же время по вопросу о допустимости/недопустимости неофициального общения следователя с экспертом по поводу его версий и выводов, не нашедших отражения в заключении, практические работники занимают иную позицию. В 1994–1995 гг. 95% опрошенных следователей указали, что в интересах дела такого рода общение допустимо, в 2003–2004 гг. так ответили 76,5%, а в 2009–2010 гг. – 86,8% опрошенных. Свыше 50% экспертов, принимавших участие в анкетировании на каждом из этапов, мнение следователей разделяют. Возможно, поэтому 83% из числа опрошенных в 1994–1995 гг., 55% – в 2003–2004 гг., 53,4% – в 2009–2010 гг. приходилось отвечать на неофициальные вопросы назначавших экспертизу должностных лиц.

Число следователей, являющихся противниками сложившейся практики, за истекшие 15 лет не превысило 7%, а вот экспертов стало значительно больше – 41,2% (2009–2010 гг.) по сравнению с 14,1% (2003–2004 гг.). Аргументируя свою точку зрения, опрошенные указывали на необходимость обеспечения независимости эксперта (опас-

ность давления на него вплоть до понуждения к «сговору» со стороны обвинения). В условиях действия принципа состязательности сторон такая позиция нам представляется правильной.

Понимание порядка достижения социально-фиксированной цели тесно связано с ответственностью субъекта за совершаемые действия. Поэтому определенную роль в формировании у лиц, участвующих в судопроизводстве в статусе экспертов, чувства профессионального долга призвано было сыграть разъяснение лицу, назначаемому экспертом, ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение данных предварительного расследования по ст.ст. 307 и 310 УК РФ. С учетом особенностей человеческой психики, существование «угрозы наказания» само по себе может оказывать психологическое воздействие на человека, фокусируя его внимание на необходимости добросовестного исполнения своих функциональных и процессуальных обязанностей. К сожалению, стремящаяся к нулю статистика по делам данной категории заметно снижает эффективность предупреждения эксперта об уголовной ответственности за действия, совершение которых трудно доказать.

О таком психологическом признаке труда, как сознательный выбор, применение, совершенствование или создание орудий труда (в широком смысле слова), средств экспертной деятельности (целостном, едином, несмотря на свой многоаспектный характер) с уверенностью можно говорить только в ситуациях производства экспертных исследований лицами, работающими в государственных либо негосударственных экспертных учреждениях. Там, где уделяется должное внимание проблемам оптимизации научно-методических основ производства различного рода и вида экспертиз, разработке и апробации методик проведения исследований, выбора в каждом конкретном случае той или иной методики в зависимости от подлежащих решению экспертных задач, где закупка оборудования производится с учетом профиля деятельности учреждения, то есть непосредственно в целях формирования и совершенствования приборной базы экспертной деятельности.

Разумеется, любое лицо, назначенное экспертом в установленном законом порядке, сталкивается с необходимостью решения вопросов, связанных с выбором и использованием в ходе проведения исследования тех или иных «орудий труда» (приборов, аппаратуры, оборудования и т.п.) и «средств деятельности», к которым в первую очередь относятся методики производства разного рода экспертиз. Государственные судебные эксперты, сотрудники негосударственных экспертных учреждений, частнопрактикующие специалисты и прочие лица, уча-

ствующие в судопроизводстве в статусе эксперта, в равной мере могут владеть научно-методическим инструментарием и арсеналом самых современных технических средств, подлежащих применению при проведении судебной экспертизы. Попав в неординарную ситуацию, в силу наличия соответствующих специальных знаний, многие из них вполне способны разработать новую методику исследования какого-либо объекта, усовершенствовать ранее использовавшиеся в аналогичных случаях приборы или, к примеру, подобрать принципиально иные, чем было принято до того, современные наборы химических реактивов.

Анализ 607 уголовных дел и 198 обвинительных приговоров по делам о преступлениях против личности и против собственности показал, что как со стороны защиты, так и со стороны обвинения имеют место попытки поставить под сомнение обоснованность заключения эксперта из-за применения им (или неприменения) определенных методик исследования вне зависимости от того, является он или нет сотрудником ГСЭУ. В 63 случаях (7,8%) следователи при составлении обвинительного заключения, в 219 (27,2%) защитники, в 35 (4,3%) судьи при вынесении приговора указывали на уязвимость выводов эксперта с научно-методической точки зрения. При этом в 117 (53,4%) из 219 случаев защитники обвиняемых (подсудимых) ссылались на суждения специалистов, рецензировавших имеющиеся в деле заключения экспертов на предмет их научной обоснованности.

И все-таки говорить о том, что деятельности каждого, кто назначается экспертом, вышеуказанный психологический признак труда (сознательный выбор, применение, совершенствование или создание орудий труда) заведомо присущ в полном объеме, вряд ли корректно. Можно пояснить изложенное на примере производства СПФЭ. Автор монографии, консультируя коллег по вопросам назначения и проведения СПФЭ, рецензируя по запросам сторон в соответствии со ст. 80 УПК РФ заключения экспертов-полиграфологов, раз за разом наблюдает ситуацию формального соблюдения требований действующего законодательства при полном непонимании их смысла.

Как известно, при формировании нового рода (вида) экспертизы ученые и практики сталкиваются с необходимостью использования не только методов и методик, заимствованных из материнской науки, но и разработки специфических экспертных методик, востребованных исключительно в судебно-экспертной деятельности¹. Соответственно, при производстве СПФЭ следует различать:

¹ Теория судебной экспертизы: учебник... С. 131.

1. Методику(и) проведения тестирования на полиграфе, порядок использования специальных знаний их носителем при проведении исследования как такового. Нарботанные мировой практикой методики данного типа общеизвестны, апробированы в России и применяются в ходе исследования независимо от того, в какой организационно-правовой форме оно проводится. Их освоение происходит в период прохождения субъектом подготовки в качестве полиграфолога¹.

2. Экспертную методику производства СПФЭ как систему предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности и в определенных (существующих или создаваемых) условиях способов и средств решения полиграфологом экспертных задач².

В 2005 г. коллектив авторов разработал «Видовую экспертную методику производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (далее – Видовая экспертная методика), которая 11 ноября 2005 г. была утверждена в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий»³. В 2006–2009 гг. эта методика прошла апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан и в настоящее время в полном объеме используется при проведении психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа в СК РФ, 111 ГГЦСМиКЭ Минобороны России, ФСКН России.

Документом, в определенной мере синтезирующим положения обоих вышеуказанных типов методик, являются Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (далее – Единые требования), в 2008 г. подготов-

¹ Описание Методики выявления скрываемой информации, Методики контрольных вопросов, Методики нейтральных и проверочных вопросов, а также вспомогательных приемов, используемых при проведении тестирования, см. в научно-методической литературе, например: Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С.И. Оглоблин, А.Ю. Молчанов. Ярославль: Нуанс, 2004. С. 272–318; Сошников А.П., Комиссарова Я.В., Пеленицын А.Б., Федоренко В.Н. Полиграф в практике расследования преступлений: метод. рекомендации. М.: Изд-во Московского государственного ин-та радиотехники, электроники и автоматики, 2008. С. 25–43.

² Понятие экспертной методики, виды и примеры см.: Энциклопедия судебной экспертизы... С. 222–223.

³ В разработке Видовой экспертной методики участвовали: Л.Н. Иванов, кандидат медицинских наук; Я.В. Комиссарова, кандидат юридических наук; А.Б. Пеленицын, кандидат биологических наук; В.Н. Федоренко, кандидат биологических наук (см.: Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: материалы Международного науч.-практич. форума / под ред. В.Н. Хрусталева, Л.Н. Иванова. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2006. С. 90–96).

ленные коллективом авторов в виде пособия, предназначенного для использования в деятельности специалистов-полиграфологов правоохранительных органов Российской Федерации¹.

Частнопрактикующие полиграфологи, сознавая обязательность выполнения требований п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, в своих заключениях охотно ссылаются и на Видовую экспертную методику, и на Единые требования, но при этом исследование проводят с грубыми нарушениями оговоренных в них положений². Механическое соблюдение закона без понимания сущности и значения осуществляемых действий не позволяет рассматривать их деятельность в качестве трудовой с точки зрения психологии.

Анализируя деятельность эксперта на предмет выявления четвертого из числа выделенных Е.А. Климовым психологических признаков труда, под которым ученый понимал осознание межлюдских производственных зависимостей — «живых» и «овеществленных», надо сказать, что данный признак, как и предыдущий, заведомо обнаруживает себя исключительно в деятельности сотрудников государственных и негосударственных экспертных учреждений.

Одно дело — узнать о целях и задачах проведения экспертизы из уст следователя, прокурора, судьи, из заявления юридического или физического лица, и совсем другое — иметь достаточно четкое представление о специфике деятельности лиц и органов, инициирующих производство экспертизы. Одна ситуация, когда эксперт в соответствии с общенаучными канонами оперирует известными ему знаниями из той области, в которой является специалистом, и принципиально иная — когда речь идет о применении научно-методических рекомендаций, специально разработанных для нужд экспертной деятельности вполне конкретным коллективом исследователей. Один вариант — персонифици-

¹ Единые требования были подготовлены в ходе научно-исследовательской работы, выполненной сотрудниками Академии управления МВД России по заявке БСТМ МВД России (пункт 5.3.1 Плана научного обеспечения деятельности ОВД и ВВ МВД России на 2008 г.). В разработке пособия и экспертной оценке промежуточных результатов исследования участвовали опытные специалисты по использованию полиграфа в оперативно-розыскной деятельности, судопроизводстве и регулировании трудовых отношений. В рабочую группу экспертов вошли сотрудники (действующие или находящиеся в запасе) МВД, ФСБ, МО, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России, а также преподаватели ведущих государственных образовательных учреждений страны, в том числе автор монографии (см.: Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа: практич. пособие / Б.Н. Мирошников и др. М., 2008).

² Подробно см.: Комиссарова Я.В. Ошибки при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 226–241.

рованное бремя ответственности за результаты своей и только своей работы, и другой – ответственность за эффективность собственной деятельности как значимого элемента в единой цепи взаимодействий субъектов труда в рамках определенной сферы жизни общества.

Как писал Е.А. Климов, «область труда – это не просто полезные изделия, техника, мастерство», это люди, «сделавшие вклад в создаваемую ценность, а также те, для которых она предназначена, и конечно, товарищи по работе – производственный коллектив»¹.

Впрочем, абсолютизировать имеющиеся различия не стоит, поскольку человек представляет собой целостную индивидуальность. Со стороны одинаково воспринимаемые проявления психического могут иметь единый источник происхождения, а могут служить индикаторами разноплановых явлений и процессов. Само по себе присутствие в человеческой активности каких-либо элементов, свойственных феномену трудовой деятельности, еще не повод для того, чтобы данная активность могла рассматриваться в рамках категории «труд», независимо от того, идет ли речь о государственных судебных экспертах либо о частнопрактикующих специалистах. Выделяемые в психологии признаки труда не просто должны быть фрагментарно проявлены в деятельности человека, они должны быть ей имманентно присущи, поскольку каждый психологический признак – отнюдь не набор элементов, а (до известного предела) самостоятельное системное образование.

Даже краткий анализ трудовой деятельности эксперта с позиций психологии со всей очевидностью свидетельствует о том, что профессионализм субъекта, назначаемого экспертом, является главной гарантией объективности, всесторонности и полноты проводимых им исследований. Данный тезис тем более важен, что содержащиеся в заключении эксперта выводы – суть умозаключения, сделанные им по результатам исследований на основе выявленных или предоставленных сведений об исследуемом объекте и общего научного положения соответствующей отрасли знаний, форма проявления убеждения эксперта, отражение результата его познавательной деятельности, не контролируемой законом².

Проблемам формирования внутреннего убеждения эксперта – многогранного понятия, охватывающего гносеологический, логический, психологический, нравственный аспекты, видные специалисты

¹ Климов Е.А. Психология профессионала... С. 229.

² Подробно см.: Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве... С. 128–129.

в области криминалистики, теории и практики судебной экспертизы (Л.Е. Ароцкер, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин, Н.Л. Гранат, В.Е. Конова-лова, Ю.К. Орлов, Ю.Н. Погибко, З.М. Соколовский, А.Р. Шляхов, Я.М. Яковлев и др.) всегда уделяли пристальное внимание. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, заслуживающему самостоятельного изучения, хотелось бы подчеркнуть лишь один, наиболее важный в контексте проведенного исследования, факт.

Среди оснований внутреннего убеждения эксперта огромное значение имеют его профессиональные знания, «включая специальные научные знания, мировоззренческие принципы, психологические установки, знание коллективной экспертной практики в данной области, навыки применения необходимых методов исследования, знание критериев и путей проверки полученных результатов, личный экспертный опыт, осведомленность в научных разработках в смежных областях, систематическое изучение новой литературы и знакомство с последними достижениями в данной отрасли науки»¹, то есть элементы, так или иначе отражающие психологическое содержание труда эксперта.

Констатируя, что с точки зрения психологии труда деятельность лиц, назначаемых экспертами, может рассматриваться в качестве трудовой, необходимо определить степень ее обособленности, с тем чтобы понять – имеем ли мы дело с профессией, что подразумевает обязательность соответствующей профподготовки, либо с занятием, приносящим доход независимо от наличия или отсутствия таковой. Несмотря на очевидную значимость профессиональной подготовки лица, вовлекаемого в уголовное судопроизводство в статусе эксперта, следует уточнить, о подготовке в какой сфере идет речь, поскольку от этого во многом зависят возможность существования и наименование профессии – «эксперт»/«судебный эксперт», на уровне терминологии призванное отразить ее содержание.

В целях решения поставленной задачи, опираясь на ранее процитированное определение профессии, данное А.К. Марковой, с акцентом на той его составляющей, что это *исторически возникшие* (выделено авт. – К.Я.) нормы деятельности, необходимые обществу, будет сделана попытка выявить соотношение «профессионального» и «процессуального» в деятельности эксперта как участника процесса, обратившись к анналам отечественного уголовного судопроизводства и криминалистики.

¹ Теория судебной экспертизы: учебник... С. 298.

§ 2. Становление и развитие института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве России: ретроспективный анализ

Известными учеными И.Ф. Крыловым, Р.С. Белкиным, а также их последователями была проделана большая работа по изучению особенностей становления и развития института использования специальных знаний (в том числе института судебной экспертизы) в системе уголовно-процессуального права России¹. Имеющиеся работы позволяют, не останавливаясь на отдельных исторических казусах, ориентируясь на необходимость достижения целей исследования, выявить закономерности формирования профессии эксперта.

Примеры использования специальных знаний в судопроизводстве есть во всех дошедших до нас, начиная с глубокой древности, соответствующих литературных источниках. Так, в Соборном уложении 1649 г. в главе VII («О службе всяких ратных людей Московского государства») оговаривалась возможность определения «сторонними людьми» размера ущерба, причиненного поправой посевов². В Указе от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов» много внимания уделялось порядку оформления крепостных актов. В целях устранения споров об их подлинности по делам, находящимся в производстве Поместного приказа, предусматривалось проведение исследования подписей на крепостных актах дьяками и подьячими приказов³.

Необходимость применения специальных знаний в уголовном процессе впервые нашла отражение в Воинском уставе, утвержденном Петром Первым 30 марта 1716 г., приложением к которому стали

¹ Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963; Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999; Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та; Изд-во юридического факультета Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005; и др.

² Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г.: учеб. пособие для высших школ. М.: Изд-во МГУ, 1961.

³ Мазунин Я.М. Становление института использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве России // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2 (13). Май. С. 57.

изданный 25 апреля 1715 г. Артикул воинский (военно-уголовный кодекс, содержащий описание наказаний за воинские преступления) и «Краткое изображение процесса или судебных тяжб», также изданное в 1715 г. (по сути, военный уголовно-процессуальный кодекс), где предписывалось привлекать лекарей для определения причин смерти тех или иных лиц¹. Однако участниками судопроизводства «сведущие люди» были признаны лишь во второй половине XIX в. с принятием в 1864 г. Уставов уголовного и гражданского судопроизводства. Согласно ст. 326 Устава уголовного судопроизводства, в качестве «сведущих людей» могли приглашаться как представители той или иной профессии (врачи, учителя, художники и пр.), так и те, кто «продолжительными занятиями по какой-либо службе или части» приобрел «особенную опытность»². Таким образом, был определен порядок вовлечения в уголовное судопроизводство лиц, чьи знания и накопленный за время практической деятельности опыт могли оказаться полезными при разрешении вопросов, интересующих следствие и суд.

На данном этапе исследования важен тот факт, что эпизодическое, от случая к случаю участие в судопроизводстве в качестве «сведущего лица» (выражаясь современным языком) означало, что человек, являющийся специалистом в той или иной области знания, выполняя поручение судебного следователя или других имеющих на то право лиц, всего лишь делал свою работу, но не в рамках исполнения должностных обязанностей, а по заданию лиц, наделенных властными полномочиями. Менялись цели и условия осуществления субъектом привычных для него действий и операций, но суть их оставалась прежней. В широком смысле слова изменялась форма при сохранении содержания деятельности того, кто становился «сведущим лицом». Причем, что особо следует подчеркнуть, «содержание» едва ли не в полном объеме, если можно так выразиться, механически «вкладывалось» в иную (по сравнению с повседневной для «сведущего лица») процессуальную форму деятельности.

Что касается собственно процессуальных форм использования специальных знаний в уголовном процессе того времени, то Устав уголовного судопроизводства допускал известное разнообразие решений по

¹ Текст документов см. в кн.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.

² Текст Устава уголовного судопроизводства см. в кн.: Уголовно-процессуальный кодекс России: сб. нормативных актов и документов. В 3 ч. Ч. 1. Официальные тексты / сост. Ю.В. Астафьев, В.А. Ефанова, Т.М. Сыщикова, В.А. Панюшкин; под ред. и с предисл. В.А. Панюшкина. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1998.

данному вопросу. Хотя по статусу «сведущие люди» были равны, цели и порядок вовлечения их в производство по уголовному делу варьировались и были аналогичны, по справедливому замечанию А.А. Эксархопуло, тем, что достигаются в настоящее время за счет включения в число участников судопроизводства специалиста и эксперта¹.

Данное обстоятельство побудило известного русского юриста Л.Е. Владимирову глубоко исследовать вопрос о статусе лица, обладающего специальными знаниями, в уголовном процессе. Именно Л.Е. Владимиров впервые обратил внимание на тот факт, что потребность в использовании специальных знаний появляется у лиц, ведущих производство по делу, в двух различных ситуациях: во-первых, когда необходимо получить информацию, которой должностные лица не обладают, но благодаря которой могут самостоятельно решить возникший по делу вопрос; во-вторых, когда должностные лица в любом случае не способны разрешить тот или иной вопрос, поскольку речь идет об использовании научных знаний из областей, в коих они, в отличие от юриспруденции, специалистами не являются. Соответственно, Л.Е. Владимиров назвал сведущих лиц, опирающихся в своих заключениях на опытность в каком-нибудь ремесле, занятии или промысле, «справочными свидетелями», а тех, кто дает заключения, исходя из положений какой-либо науки, «научными судьями»². Тем самым им были заложены основы разграничения процессуального статуса эксперта, проводящего всестороннее исследование в целях разрешения вопроса, интересующего следствие или суд, и специалиста, вызываемого для сообщения сведений справочного характера.

Возвращаясь к истории, надо отметить, что научно-технический прогресс и очевидное в связи с этим расширение потребностей следственно-судебной практики в использовании специальных знаний по уголовным и гражданским делам обусловили рост нагрузки на лиц, обладающих специальными знаниями в наиболее востребованных судопроизводством областях — медицине, баллистике, фотоделе и др. Любой гражданин от рядового аптекаря до известного академика, по мнению лиц, ведущих производство по делу, являющийся специалистом по интересующему следствие и суд вопросу, мог быть «призван» к исполнению процессуальных обязанностей сведущего лица. Причем, что очень важно, выплата вознаграждения за участие в производстве по делу изначально по Уставу уголовного судопроизводства не предусматривалась. Согласно ст. 978,

¹ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела... С. 22–23.

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах... С. 236–239, 299, 455.

«медицинские чины, состоящие на службе, и вольнопрактикующие врачи в случае призыва их для судебно-медицинских исследований не в месте их пребывания» могли получать деньги «на прогоны и содержание в пути» наравне с чиновниками, командиремыми по делам службы. Прочие «сведущие люди» в соответствии со ст.ст. 192, 193 и 979 имели право на выплату суточных, а также «путевых денег», но только в случае «призыва... на расстояние более пятнадцати верст».

Таким образом, в Уставе уголовного судопроизводства были заложены основы формирования института судебной экспертизы в уголовно-процессуальном праве. Однако какие-либо предпосылки к обособлению судебно-экспертной деятельности как самостоятельного рода занятий, и тем более для придания экспертной деятельности статуса «трудовой» с точки зрения права (несмотря на связь порядка выплат, причитающихся «сведущим людям», с их принадлежностью к определенному профессиональному сообществу) в Уставе отсутствовали. Данное обстоятельство естественным образом отражает назначение уголовного судопроизводства, а также специфику нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности в то время. Участие сведущих лиц в производстве по уголовным делам признавалось их долгом перед обществом и не рассматривалось ни в психологическом, ни в юридическом плане как труд.

Надо полагать, что у многих специалистов наличие дополнительной, пусть и общественно значимой нагрузки, энтузиазма не вызывало. Но были среди них и те, кого увлекала сама возможность по-новому подойти к исполнению повседневных обязанностей. Как писал П.В. Симонов, личность каждого человека определяется присущей ему выраженностью и соподчинением витальных, социальных и идеальных потребностей с их подразделением на потребности сохранения и развития, «для себя» и «для других», и добавлял, что индивидуальные особенности силы и степени удовлетворения двух дополнительных (вспомогательных) потребностей — потребности в вооруженности и потребности преодоления, обычно именуемой волей, — лежат в основе характера человека¹.

Справедливо полагая, что «незаинтересованный в исходе дела эксперт всегда будет смотреть на данное ему поручение, как на обузу, неприятную повинность, а если его станут часто требовать в суд, отрывая от обычных занятий, то и как на несчастье»², Е.Ф. Буринский

¹ Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. С. 53—55.

² Цит. по кн.: Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы... С. 70.

не только пришел к выводу о необходимости создания специализированных учреждений, призванных обслуживать нужды судопроизводства, но и реализовал свою идею на практике – на собственные средства организовал в 1889 г. судебно-фотографическую лабораторию. Именно с этого момента ведет отсчет история становления и развития экспертных учреждений России, и первое из них было негосударственным.

Когда объем работ, выполняемых лабораторией, существенно возрос, Е.Ф. Буринский попытался через обращения в правительственные инстанции обеспечить необходимое финансирование своей деятельности за казенный счет. Ходатайства удовлетворены не были. Решить проблему путем взимания платы с судов также не удалось. Лишь в 1913–1914 гг. в России были созданы первые государственные экспертные учреждения – кабинеты научно-судебной экспертизы в гг. Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе.

Данному факту предшествовала большая подготовительная работа по обоснованию необходимости образования государственных судебно-экспертных учреждений, результаты которой нашли отражение в объяснительных записках к законопроектам об учреждении кабинетов, представленных Николаю II министром юстиции¹. В записках, помимо прочего, прорабатывались вопросы материально-технического обеспечения деятельности как специалистов (производство исследований вменялось в обязанность управляющим кабинетами и их помощникам, вступающим в должность после принятия присяги), так и обслуживающего персонала. Указанные объяснительные записки являются первым в отечественной истории документом, обосновывающим целесообразность и возможность обособления судебно-экспертной деятельности как самостоятельного вида общественно полезной деятельности, а деятельности эксперта по производству судебных экспертиз как разновидности трудовой деятельности, которую может выполнять определенный круг лиц.

Содержательная сторона деятельности лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в статусе «сведущих», не изменившись в своей основе, была модифицирована. Она по-прежнему оставалась «профессиональной» с той точки зрения, что сотрудники кабинетов научно-судебной экспертизы, которым вменялось в обязанность производство исследований, должны были профессионально владеть научными знаниями в какой-либо области. Но речь шла уже не просто об облечении в процессуальную форму деятельности специалиста, осуществляемой им вне

¹ Подробнее см.: Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века... С. 65–70.

зависимости от самого факта и частоты привлечения к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. Исполнение процессуальных обязанностей стало частью трудовой деятельности лиц, уполномоченных на производство исследований по заданиям следствия и суда. Именно с этого момента содержание деятельности лица, вовлекаемого в судопроизводство в статусе судебного эксперта, являющегося сотрудником как государственного, так и негосударственного (главное — целенаправленно осуществляющего судебно-экспертную деятельность) учреждения, изменилось качественно и количественно. Объем его функциональных обязанностей возрос за счет включения в них, помимо проведения исследований, обязанностей, связанных с необходимостью регулярного участия в судопроизводстве. Наглядным подтверждением может служить тот факт, что управляющие кабинетов и их помощники вступали в должность после принятия присяги, соответствующей требованиям действующего процессуального законодательства.

Трансформация, на первый взгляд, не самая значительная, содержательной стороны деятельности определенного круга лиц из числа тех, кто в то время мог быть вовлечен в судопроизводство в качестве «сведущего лица», привела к частичному синтезу процессуальной и профессиональной форм ее осуществления. Очевидно, что вознаграждение за труд сотрудникам кабинетов научно-судебной экспертизы выплачивалось с учетом выполнения ими своих обязанностей по проведению исследований и участию в судопроизводстве. Так что создание кабинетов можно считать первым шагом на пути становления профессии судебного эксперта.

Организация в начале XX в. кабинетов научно-судебной экспертизы, помимо прочего, придала новый импульс профессиональной деятельности тех, кто до Октябрьской революции, а затем — после формирования в СССР системы государственных судебно-экспертных учреждений, — что называется, по зову сердца стремился пополнить ряды экспертов-профессионалов. Появление учреждений, призванных обслуживать нужды судопроизводства в части проведения экспертных исследований, позволяет говорить о том, что на уровне государства был решен вопрос о целесообразности осуществления научных изысканий в направлениях, которые ту или иную «большую» науку либо не интересовали, либо им уделялось незаслуженно мало внимания, изысканий, чья значимость была исключительно велика с точки зрения криминалистики. Неслучайно во всех учебниках по криминалистике материал, посвященный истории ее развития, обязательно включает сведения о порядке создания и функционирования в рамках различ-

ных ведомств научно-исследовательских учреждений по производству судебных экспертиз.

Представляется не совсем корректным утверждение Н.Л. Бикмаевой о том, что «возникновение экспертной деятельности нельзя сводить к моменту появления института судебной экспертизы», а нужно увязывать «с внедрением научных методов исследования объектов и открытием экспертных учреждений»¹. Думается, автор искусственно обособляет момент зарождения экспертной деятельности, в то время как речь должна идти о непрерывном процессе выделения экспертной деятельности в самостоятельный вид общественно полезной деятельности, имеющем определенные этапы становления и развития.

В связи с этим весьма показательна позиция, которую занимал известный ныне (благодаря исследованиям И.Ф. Крылова и Р.С. Белкина) криминалист-практик А.А. Сальков, с момента создания на рубеже 20-х гг. прошлого столетия руководивший научно-техническими подразделениями органов уголовного розыска в Петрограде. Выступая в 1927 г. в Криминологическом кабинете Ленинградского института советского права с докладом на тему «Вопросы немедицинской экспертизы» (в то время термин «криминалистическая экспертиза» еще не был общепризнанным), А.А. Сальков на примерах из практики наглядно продемонстрировал, насколько разнится с научно-практической точки зрения деятельность специалистов, назначаемых судебными экспертами, в зависимости от того, профессионалами в какой области знания они являются, а следовательно, и доказательственная ценность результатов проведенных ими экспертиз².

«Всякий сведущий в каком-нибудь ремесле или же в какой-нибудь профессии человек может быть экспертом на суде, может быть и экспертом на предварительном следствии и на дознании, — отмечается в стенограмме доклада. — Но эти эксперты не могут считаться такими экспертами, которые могли бы дать исчерпывающие заключения по своей экспертизе... Для того чтобы эксперт умел подойти к экспертизе, необходимо, чтобы он имел понятие об уголовной технике расследования преступлений. Если этого не будет, то он, конечно, ограничится при даче заключения только своей областью, своими знаниями того ремесла, той профессии, которой он занимается». Далее, приводя пример кражи

¹ Бикмаева Н.Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России (XIX — конец XX века): дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. С. 60.

² Здесь и далее содержание доклада А.А. Салькова цит. по кн.: Белкин Р.С. История отечественной криминалистики... С. 106–110.

из помещения кладовой без взлома дверного замка, А.А. Сальков разъяснял, что квалифицированный слесарь, назначенный экспертом, провоя экспертизу, изучит замок и, убедившись в его исправности и отсутствии повреждений, придет к выводу о том, что замок, вероятно, был открыт штатным ключом. В то же время эксперт-криминалист, зная, что преступники нередко на месте с помощью напильника подгоняют подобранный ключ к замку, может обнаружить металлическую пыль под дверью и сделать соответствующий вывод. В первом случае, опираясь на заключение эксперта, следствие начнет искать вора среди работников предприятия, вхожих в кладовую по службе, а во втором — круг подозреваемых обоснованно будет расширен.

Приведенный пример прекрасно иллюстрирует отмеченный факт: два из четырех проанализированных в предыдущем параграфе психологических признаков труда, касающиеся сознательного выбора, применения, создания, совершенствования орудий труда и средств деятельности, а также осознания межлюдских производственных зависимостей, деятельности лиц, эпизодически вовлекаемых в уголовное судопроизводство в качестве экспертов, свойственны далеко не всегда.

Закрепление за государственными судебно-экспертными учреждениями функций по проведению научных изысканий в целях оптимизации процесса решения задач, стоящих перед лицами, иницирующими производство экспертизы, следует рассматривать в качестве важного этапа в деле формирования профессии судебного эксперта.

Что касается процессуальной стороны использования специальных знаний в судопроизводстве, то утвержденный Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. УПК РСФСР закрепил определенные новации в данной области: на смену термину «сведущие лица» пришел термин «эксперт»; заключения экспертов, согласно ст. 58, были включены в число доказательств¹. Правда, порядок производства экспертизы как таковой на тот период УПК не регламентировал — о деятельности экспертов речь шла преимущественно в главах 4 («О доказательствах») и 13 («Допрос свидетелей и экспертов»). Тем не менее, оставив открытым вопрос о статусе судебной экспертизы, законодатель указал на возможность ее проведения: в ст. 174 оговаривалось, что «в случае признания следователем экспертизы недостаточно ясной или неполной следователь вправе, по собственной инициативе или по ходатайству

¹ Здесь и далее цит. по кн.: Уголовно-процессуальный кодекс России: сб. нормативных актов и документов. В 3 ч. Ч. 1. Официальные тексты / сост. Ю.В. Астафьев, В.А. Ефанова, Т.М. Сыщикова, В.А. Панюшкин; под ред. и с предисл. В.А. Панюшкина. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1998.

обвиняемого, назначить по мотивированному своему постановлению производство новой экспертизы».

Немаловажным представляется и тот факт, что эксперты в соответствии со ст. 65 УПК РСФСР получили право не только на вознаграждение за отвлечение от обычных занятий в связи с участием в судопроизводстве, но и за исполнение своих обязанностей наряду с переводчиками (ст. 72 УПК РСФСР). Впервые в отечественной истории использования специальных знаний при осуществлении правосудия по уголовным делам на столь высоком уровне нормативного регулирования были узаконены различия в статусе участников процесса, обусловленные специфическим характером сочетания в деятельности вышеназванных субъектов судопроизводства процессуальных и трудовых функций.

Значительный шаг вперед в формировании института использования специальных знаний и института судебной экспертизы в уголовно-процессуальном праве России был сделан с введением в действие с 1 января 1961 г. нового УПК РСФСР¹. Кодекс, определив единый для всех лиц, вовлекаемых в судопроизводство в качестве экспертов, уголовно-процессуальный статус, тем не менее закрепил сложившиеся к тому времени различия в правовом положении указанных лиц как субъектов труда.

Статья 106 гарантировала каждому, назначенному экспертом, как и свидетелям, потерпевшим, специалистам, переводчикам, понятым, сохранение среднего заработка по месту их работы за все время, затраченное в связи с вызовом к дознавателю, следователю, прокурору или в суд (для тех, кто не являлся рабочим или служащим, предусматривалась возможность выплаты вознаграждения за отвлечение от обычных занятий), а также право на возмещение расходов по явке. Кроме того, за экспертами и переводчиками было сохранено право на вознаграждение за выполнение своих обязанностей (такое же право было предоставлено в 1966 г. и новому участнику процесса – специалисту). Однако порядок выплаты вознаграждения экспертам не был единым. Определялся он в зависимости от рода трудовой деятельности, осуществляемой человеком вне рамок производства по конкретному уголовному делу: лица, не являющиеся сотрудниками экспертных учреждений, имели право на вознаграждение за выполнение своих обязанностей,

¹ Здесь и далее цит. по кн.: Уголовно-процессуальный кодекс России: сб. нормативных актов и документов. В 3 ч. Ч. 1. Официальные тексты / сост. Ю.В. Астафьев, В.А. Ефанова, Т.М. Сыщикова, В.А. Панюшкин; под ред. и с предисл. В.А. Панюшкина. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1998.

в то время как исполнение этих же обязанностей в порядке служебного задания выплату вознаграждения исключало.

Подход законодателя к решению указанного вопроса, сохранившийся в принятом в 2001 г. Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, отражающий различия, имеющиеся между процессуальной и трудовой деятельностью лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, применительно к теме исследования, пока важен с той точки зрения, что за правом эксперта на вознаграждение за исполнение своих обязанностей стоит право каждого человека на оплату труда. Оплате, согласно действующему процессуальному законодательству, подлежит выполненная экспертом работа, но не само по себе участие в правоохранительной деятельности, осуществляемой государством. Если вспомнить о познавательной стороне деятельности эксперта, можно сказать, что с введением в действие с 1 января 1961 г. УПК РСФСР узаконенное в Кодексе 1923 г. право экспертов на получение вознаграждения за труд было конкретизировано в качестве права на выплату вознаграждения именно за производство исследований и дачу заключений.

Неслучайно в п. 8 ст. 119 Модельного УПК прямо указывалось, что эксперт вправе «получать вознаграждение за выполненную им работу». Дополнительно, в соответствии со ст. 211, специалисту и эксперту гарантировалось возмещение стоимости принадлежащих им химических реактивов и других расходных материалов, истраченных ими при выполнении порученной работы, а также внесенная ими для выполнения работы плата за использование оборудования, коммунальные услуги и потребление машинного времени.

Данный факт следует подчеркнуть особо, так как некоторые ученые, оставляя без внимания различия в правовом регулировании трудовой и процессуальной деятельности применительно к ситуации производства судебной экспертизы, ошибочно полагают, что эксперт вправе «получать вознаграждение за исполнение своих процессуальных обязанностей, если он не осуществлял их в порядке служебного задания (п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ)»¹. Подобную ошибку, отвечая на вопрос, подлежит ли оплате участие лица в качестве эксперта в уголовном судопроизводстве, допустили 57 из 109 респондентов, опрошенных в ходе интервьюирования (52,3%). В то же время 38 человек пояснили, что выполнение процессуальных функций экспертом или специалистом само по себе не является работой, подлежащей оплате.

¹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 246.

Корни этой ошибки кроются не только в недопонимании специфики соотношения профессиональной и процессуальной составляющих деятельности эксперта как субъекта уголовного судопроизводства, но также и в том, что на практике привлекаемые к производству судебных экспертиз лица, не являющиеся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, в своих заключениях часто указывают «стаж работы в качестве судебного эксперта». Они имеют в виду период, в течение которого с большей или меньшей регулярностью назначались экспертами по постановлению (определению) уполномоченного на то органа или должностного лица. Нередки случаи, когда эпизодическое (два-три раза на протяжении нескольких лет) участие в судопроизводстве в статусе эксперта воспринимается человеком как основание «исчислять стаж работы в качестве судебного эксперта», начиная с года, когда он впервые был назначен экспертом. Подобного рода ссылки были выявлены в 90 (5,5%) из 1638 заключений экспертов и специалистов, составленных по уголовным делам по итогам проведения различных видов исследований сотрудниками негосударственных экспертных учреждений и частнопрактикующими специалистами на основании постановлений и поручений уполномоченных на то должностных лиц, запросов адвокатов и защитников.

Такой подход нельзя признать правильным при всем уважении к тем высококвалифицированным частнопрактикующим специалистам, кому вполне обоснованно поручается производство судебных экспертиз. «Стаж работы» – категория трудового права. Пока в России основным документом, подтверждающим стаж работы, является трудовая книжка, куда сведения об участии гражданина в производстве по делу в статусе эксперта не заносятся.

К сожалению, неверное толкование понятий «труд», «работа», «трудовая деятельность» применительно к деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве стало обыденным до такой степени, что нашло отражение в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹: «При поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, *стаж работы*

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Верховный Суд РФ // URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php> (дата обращения: 28.07.2011).

в качестве судебного эксперта (выделено авт. — К.Я.) и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения».

Подводя итог краткого ретроспективного анализа становления и развития института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве России, можно сослаться на мнение С.А. Смирновой, исследовавшей историю развития судебной экспертизы как историю «институализации судебно-экспертной деятельности». Она выделила три этапа в процессе обособления деятельности экспертов в самостоятельный вид человеческой деятельности¹.

На первом этапе становления судебной экспертизы, занявшем несколько столетий, с XVI по XX вв. судебные экспертизы проводились отдельными физическими лицами либо эпизодически, в экстраординарном порядке, по разовым заданиям правоохранительных органов, либо в качестве дополнительных служебных обязанностей.

Второй этап, охватывающий первую половину XX в., должен быть выделен в связи с тем, что появился новый самостоятельный субъект судебно-экспертной деятельности — экспертное учреждение.

Третий этап, начавшийся в период бурного развития естественно-научных основ криминалистики в послевоенные годы, характеризуется коренным изменением отношений между субъектами судебно-экспертной и правоохранительной деятельности в направлении координированного взаимодействия партнеров, объединенных, с одной стороны, общей целью (получение доказательств), а с другой стороны, имеющих относительную автономию друг от друга и выполняющих разные социальные функции.

Дополнительно в контексте целей и задач, решаемых в рамках данного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Развитие системы государственных судебно-экспертных учреждений с момента ее зарождения осуществлялось по пути формирования *научно-исследовательских учреждений* (выделено авт. — К.Я.). На данном аспекте акцентировали внимание ученые, писавшие об истории отечественной криминалистики, теснейшим образом переплетающейся с историей судебной экспертизы, а также все авторитетные специалисты в области теории и практики судебной экспертизы.

2. Общественные отношения, связанные с использованием специальных знаний в судопроизводстве, в 60-е гг. прошлого столетия

¹ Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века... С. 20—27.

в СССР получили разветвленное правовое обеспечение, а к середине 70-х гг. в стране сформировалась устойчивая система экспертных учреждений, функционирование которой регламентировалось нормами сразу нескольких отраслей права. Именно в этот период произошло окончательное обособление судебно-экспертной деятельности как вида общественно полезной деятельности.

3. Анализ исторических реалий позволяет констатировать, что в период существования Советского Союза сложились все предпосылки для того, чтобы деятельность лиц, занимающихся производством судебных экспертиз, как обособившаяся с момента создания первых экспертных учреждений часть трудовой деятельности, могла именоваться «профессией».

§ 3. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности

При том что дореволюционный и советский этапы развития института использования специальных знаний и судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве в литературе описываются достаточно подробно, этап реформирования отечественной системы экспертных учреждений, начавшийся в последнее десятилетие XX в. и пока, судя по всему, весьма далекий от завершения, характеризуется скупо.

Автору монографии удалось проследить эволюцию взглядов практических работников по вопросу о возможных способах реформирования системы государственных судебно-экспертных учреждений в постсоветский период.

В 1994–1995 гг. 25% следователей из числа принявших участие в проводившемся анкетировании, в 2003–2004 гг. — 30%, а в 2009–2010 гг. — 64,9% оказались приверженцами идеи формирования единой вневедомственной экспертной службы, обеспечивающей удовлетворение потребностей участников всех видов судопроизводства в проведении работ по обнаружению, изъятию, фиксации объектов, их предварительному исследованию, производству экспертиз. Их поддержали в общей сложности около четверти опрошенных экспертов. При этом вариант создания на базе экспертных учреждений Министерства юстиции РФ единой экспертной службы с сохранением в штате МВД России специалистов, оказывающих техническую помощь органам дознания и следствия, в частности, при обнаружении, изъятии и закреплении вещественных доказательств, представлявшийся перспективным в 90-е гг., за истекшие 15 лет утратил свою привлекательность.

Независимо от выбранного варианта ответа участникам анкетирования предлагалось обозначить свою позицию по вопросу о целесообразности развития сети негосударственных экспертных учреждений. За развитие сети негосударственных экспертных учреждений в 2003–2004 гг. выступили 3% следователей и экспертов, в 2009–2010 гг. – соответственно, 10,5% и 1,3%.

Примечательно, что с мнением российских коллег в 2003–2004 гг. совпало мнение сотрудников правоохранительных органов, а также сотрудников НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции Украины: только 6,4% и 4,3% из числа принявших участие в анкетировании высказались в пользу расширения сети негосударственных экспертных учреждений. Законодатель позицию практиков учел. В соответствии со ст. 7 Закона Украины от 25 февраля 1994 г. № 4038-ХІІ «О судебной экспертизе» производство криминалистических, судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз – прерогатива государственных специализированных учреждений¹. При этом согласно ст. 10 к проведению прочих видов экспертиз могут привлекаться судебные эксперты, не являющиеся работниками государственных специализированных учреждений, при условии, что они имеют соответствующее высшее образование (образовательно-квалификационный уровень не ниже специалиста), прошли подготовку в государственных специализированных учреждениях Министерства юстиции Украины, аттестованы и получили квалификацию судебного эксперта по определенной специальности в порядке, предусмотренном указанным законом.

В России идея монополизации экспертной деятельности за счет создания единой экспертной службы, которую в свое время автор работы, как и многие ученые, поддерживала², на практике развития не получила. Правоприменители пошли не только по пути нивелировки статуса государственных и негосударственных экспертных учреждений, но и в сторону расширения возможностей ведомств по самообеспечению в области проведения экспертных исследований³. Сдержанность «раз-

¹ СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

² См., например: Комиссарова Я. В. Процессуальные и нравственные проблемы производства экспертизы на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 130–133; Исаев А. А. Роль судебной экспертизы в квалификации преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. Алматы, 1998. С. 317; Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 146–149; Мохов А. А. К вопросу о создании Агентства экспертных исследований // Эксперт-криминалист. 2008. № 3. С. 6–8; и др.

³ Так, в августе 2009 г. в структуре Главного управления криминалистики Следственного

государствление» (если можно так выразиться) судебно-экспертной деятельности также не удалось.

Процесс коммерциализации сферы производства судебных экспертиз был запущен с появлением Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, продукции и услуг (далее – ОКДП)¹, разработанного в рамках уже упоминавшейся «Государственной программы перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики».

ОКДП, являющийся составной частью общей системы классификации и кодирования экономико-статистической информации, предназначен для использования в качестве единого языка общения производителей и потребителей видов продукции и услуг, а также для описания и регулирования национальной экономики Российской Федерации. Принятый в ОКДП семиразрядный код позволяет закодировать без каких-либо ограничений все известные виды продукции и услуг.

В Разделе «К» («Услуги, связанные с недвижимым имуществом, арендой, исследовательской и коммерческой деятельностью») под кодом 7490000 учтены услуги в области коммерческой и технической деятельности, не включенные в другие группировки, в частности, услуги по проведению расследований и обеспечению безопасности частных лиц и имущества (код 7492000), содержание которых конкретизируется в Части IV ОКДП, где приводятся описания введенных в классификатор группировок на уровне классов продукции и услуг. Подгруппа 7492 («Деятельность по расследованию и обеспечению безопасности частных лиц и имущества») (в терминологии ОКДП) объединяет виды деятельности по расследованию и надзору, деятельность по охране и про-

комитета при прокуратуре Российской Федерации (далее – ГУК СК РФ) было сформировано Управление организации экспертно-криминалистической деятельности, призванное через свои отделы оказывать следственным органам организационно-методическую и практическую помощь в использовании экспертно-криминалистических средств и методов по уголовным делам, в том числе путем обнаружения, изъятия и исследования следов и других вещественных доказательств; проведения трасологических, баллистических исследований; криминалистических исследований документов и почерка; исследований внешности человека; криминалистических исследований ДНК человека; психофизиологических исследований с использованием полиграфа; фоноскопических исследований; компьютерно-технических исследований; экономических исследований (см.: Интервью с Руководителем управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации С.А. Рябовым // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 37).

¹ Здесь и далее см.: СПС «Гарант» // URL: <http://www.garant.ru/search/?text=%CE%CA%С4%CF&part=base> (дата обращения: 19.03.2010).

чей защите частных лиц и имущества, включая услуги по проведению специальных видов экспертиз (код 7492080), медицинской экспертизе (код 7492081), судебной экспертизе (код 7492082), экспертизе подлинности произведений искусства (код 7492083), патентной экспертизе (код 7492084), правовой экспертизе (код 7492085), услугах по проведению специальных видов экспертиз прочих (код 7492089).

Терминологию ОКДП в этой части, с одной стороны, вряд ли можно признать удачной. Понятие «судебная экспертиза» в первую очередь обозначает процессуальную форму использования специальных знаний в судопроизводстве, в то время как ОКДП призван отражать подход законодателя к решению вопроса о месте и роли того или иного вида человеческой деятельности в экономической жизни общества и государства. С другой стороны, сам факт придания отдельным видам экспертизы статуса услуги представляется чрезвычайно важным.

Категория «услуги» (ст. 128 ГК РФ) в юридической энциклопедии трактуется как разновидность действий, выражающихся в определенном полезном результате, овеществленном либо не имеющем материально фиксированной формы¹. Как отмечалось в одном из первых комментариев к ГК РФ, «при оказании услуги «продается» не сам результат, а действие, к нему приведшее»². Полезный эффект, к примеру, медицинских услуг в одном случае может иметь в буквальном смысле слова материальное воплощение (протезирование в стоматологии), а в другом может быть непосредственно не овеществлен (терапевтическое лечение).

Производство экспертного исследования оплачивается независимо от того, сможет ли эксперт дать заключение и к какого рода выводам он в итоге придет (категорическим или вероятным, положительным или отрицательным и пр.). Поэтому деятельность эксперта можно и нужно рассматривать как услугу, оказываемую на возмездной основе. Между тем в отечественной процессуальной практике получило широкое распространение привлечение носителей специальных знаний к производству судебных экспертиз на основании договора подряда.

В период с 2005 г. по 2012 г. при проведении автором занятий со слушателями Высших курсов повышения квалификации адвокатов Российской академии адвокатуры и нотариата при обсуждении указанного вопроса адвокаты всегда высказывали мнение, что со специ-

¹ Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. С. 1136.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части 2 (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. М.: Контракт; НОРМА-ИНФРА-М, 1996. С. 348.

алистами следует заключать договор подряда. В АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий» (г. Москва) к производству исследований и экспертиз сотрудники (в их числе в 2005–2008 гг. автор монографии) тоже привлекались на основании договора подряда.

В гражданском праве проводится четкое разграничение между возмездным оказанием услуг (ст. 779 ГК РФ) и выполнением подрядных работ (ст. 702 ГК РФ). По договору подряда заказчик оплачивает не работу подрядчика, а ее результат. Результатом деятельности эксперта по производству экспертизы является его заключение, которое в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ признается доказательством по уголовному делу. Получается, что, подписывая с лицом, назначенным экспертом, договор подряда (если отбросить формальности), представители следственного органа или суда обеспечивают таким образом за счет средств федерального бюджета не осуществление судопроизводства, а «приобретение доказательства» у конкретного субъекта за оговоренную в договоре сумму, что само по себе неэтично, а учитывая положения ОКДП, незаконно.

Чтобы убедиться в правильности обосновываемой позиции, необходимо не только уяснить сущность услуги как гражданско-правовой категории, но и определить, к какому виду услуг может быть отнесена экспертиза, как совокупность действий по проведению исследования и даче заключения, выполняемых по заданию заказчика исполнителем — лицом, обладающим специальными знаниями.

Насколько можно судить по публикациям, кем-либо из цивилистов либо специалистов в области теории судебной экспертизы задача по проведению такого рода междисциплинарного анализа не ставилась. Исключением являются труды А.В. Нестерова. В 2003 г. с опорой на положения ст. 37 ФЗ о ГСЭД, где оговаривается право государственных судебно-экспертных учреждений проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц, взимать плату за производство судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам, делам об административных правонарушениях, им были высказаны некоторые плодотворные идеи относительно включения экспертизы в перечень услуг как разновидности услуги консультационной под названием «экспертно-исследовательская услуга»¹.

Особенности гражданско-правового регулирования и дифференциации схожих между собой информационных и консультационных услуг

¹ Нестеров А.В. Экспертное дело. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2003. С. 29–41.

рассматривались Л.Б. Ситдиковой. В нескольких опубликованных ею монографических работах нашли отражение результаты скрупулезно проведенного анализа положений действующего законодательства и мнений известных ученых (не только правоведов, но и экономистов), касающихся теоретико-правовых аспектов данного вида услуг. Учитывая фундаментальный характер авторских изысканий, выводы, к которым пришла Л.Б. Ситдикова, можно считать опорными точками в характеристике экспертизы именно как консультационной, а не информационной услуги.

Понятие информации (от лат. — разъяснение, изложение) вошло в юридическую литературу в середине 60-х гг. прошлого века. В русском языке в самом общем виде слово «информация» толкуется как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемых человеком или специальным устройством¹. Общенаучная трактовка понятия информации охватывает: обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму². Именно в таком контексте об информации говорится в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», где указано, что под информацией подразумеваются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления³.

Понятие «информационная услуга» в законодательстве отсутствует. По мнению Л.Б. Ситдиковой, информационная услуга — это «действия (деятельность) по поиску, сбору, переработке, систематизации, предоставлению и распространению определенного объема информации в соответствии с целями и запросом, определяемым заказчиком»⁴. Заказчику предоставляются интересующие его сведения, что называется, в чистом виде.

В основе оказания консультационной услуги лежит иной принцип: получив исходную информацию от заказчика о проблеме, нуждающейся

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

² Новая иллюстрированная энциклопедия. Жа-Ит. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ситдикова Л.Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М.: Изд. группа «Юрист», 2008. С. 53.

в решении, консультант, используя иную имеющуюся в его распоряжении информацию, в итоге предоставляет заказчику новую, «выработанную» им лично информацию относительно сложившейся ситуации. Консультационные (консалтинговые) услуги Л.Б. Ситдикова характеризует как «действия (деятельность) по предоставлению потребителям (клиентам) консультаций в форме дачи советов, рекомендаций и экспертиз в различных сферах деятельности»¹. Примечательно, что несколько толкований слова «консультация» в русском языке так или иначе связаны с основным его значением — совет, даваемый специалистом².

В данном случае не имеет значения — привлечет заказчик исполнителя непосредственно к урегулированию своих проблем (что характерно, например, для ситуации оказания правовых услуг адвокатами) или же ограничится получением консультации и сам примет решение (что как раз характерно для ситуации использования результатов экспертной деятельности). Главное отличие консультационных услуг от информационных заключается в том, что в результате их оказания исполнитель снабжает заказчика новым — «выводным» знанием³.

К сожалению, должного развития обозначенные идеи в соответствии с реалиями сегодняшнего дня в трудах специалистов в области теории и практики судебной экспертизы не получили. Между тем, если вспомнить позицию Л.Е. Владимирова относительно оснований разделения носителей специальных знаний на «справочных свидетелей» и «научных судей», становится понятно, что разграничение информационных и консультационных услуг в гражданском праве способно сыграть важную роль в правильном понимании особенностей деятельности специалистов и экспертов как участников уголовного процесса.

Проблемы размежевания процессуальных функций эксперта и специалиста будут рассмотрены в третьей главе. Пока же, возвращаясь к истории, надо отметить, что сочетание в работе эксперта процессуальных и профессиональных полномочий во многом предопределяет результативность не только судебно-экспертной, но и процессуальной деятельности в целом. Если бы данное обстоятельство в полном объеме было учтено при обновлении отраслевого законодательства после

¹ Ситдикова Л.Б. Указ. соч. С. 54.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

³ О специфике заключения эксперта именно с этой точки зрения Ю.К. Орлов писал четверть века назад. См.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1985. С. 14–16.

распада СССР, экспертная деятельность в России сегодня могла быть выведена на качественно иной, более высокий уровень. Однако на рубеже веков на пути реализации системой государственных судебно-экспертных учреждений потенциала, накопленного за все годы ее существования, возникли серьезные препятствия.

Как уже отмечалось, о влиянии тотальных социально-экономических преобразований на деятельность сотрудников государственных судебно-экспертных учреждений и тех, кто не относится к таковым, до недавнего времени говорилось мало. Отчасти пробел в подобного рода исследованиях был восполнен с появлением неоднократно цитированной работы С.А. Смирновой. Но даже в этом весьма объемном труде лишь вскользь упоминаются два, без преувеличения, судьбоносных для системы экспертных учреждений Министерства юстиции РФ документа: Указ Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы» и принятое во исполнение п. 7 Указа Постановление Правительства РФ от 6 октября 1994 г. № 1133 «О судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации»¹.

Согласно п. 1 Постановления Правительства РФ, все экспертные учреждения Минюста России в одночасье потеряли статус научно-исследовательских учреждений. Всероссийский научно-исследовательский институт судебных экспертиз при Минюсте России был преобразован в Российский федеральный центр судебной экспертизы, а центральные и региональные научно-исследовательские лаборатории – в ЦЛСЭ (центральные лаборатории судебной экспертизы) и ЛСЭ Министерства юстиции Российской Федерации, соответственно. Немногом ранее, в 1992 г., подобным образом изменился статус Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР, преобразованного в Экспертно-криминалистический центр МВД России. Упоминание об этом событии, знаковом для экспертной службы органов внутренних дел, можно найти лишь в паре учебников по теории судебной экспертизы².

«Исключение» научной составляющей из деятельности учреждений, смысл существования которых на момент создания кабинетов «научно-судебной экспертизы» предельно точно отражало их наименование, было огромной ошибкой. В пылу тотального реформирования

¹ Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века... С. 55–56, 729–730.

² Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза ... С. 16 ; Теория судебной экспертизы: учебник... С. 35. (Речь идет о приказе МВД РФ от 10 февраля 1992 г. № 32, которым было утверждено Положение об ЭКЦ МВД России).

всею и вся оказался предан забвению исторический опыт: прогресс в развитии государственных судебно-экспертных учреждений во все времена обуславливался эффективностью проведения прикладных исследований на стыке теории и практики (подкрепленным соответствующим финансированием на уровне государства), направленных на укрепление общественной безопасности, то есть осуществлением функций, которые с учетом их специфического характера никакими иными учреждениями и организациями не могли быть реализованы в полном объеме. Нарбатываемый годами собственный «особый» профессионализм выгодно отличал результаты экспертиз, проводимых сотрудниками соответствующих учреждений, от того, что в большинстве случаев могли сделать для судопроизводства прочие носители специальных знаний, даже если отрыв от обычных занятий для оказания содействия лицам, ведущим производство по делу, становился для них более или менее привычным делом.

В данном случае не может быть и речи о чьих-либо амбициях, как полагает А.В. Кудрявцева, отмечая, что «у большинства сотрудников экспертных учреждений в силу их постоянного взаимодействия со следователями, судьями, прокурорами, а также лицами, которые сами совершили преступление или явились его жертвами, возникает некоторое преувеличенное представление о значимости собственной деятельности»¹. Речь идет о глубинном, с точки зрения деятельностной теории, понимании психологии труда эксперта.

В свое время Я.М. Яковлев писал: «Профессиональная деятельность человека всегда предполагается длительной, систематической. Например, если следователь или суд назначит судебную автотехническую экспертизу для установления технического состояния автомобиля, потерпевшего аварию, и поручит ее проведение главному инженеру автобазы, то последний, занимая по конкретному делу процессуальное положение судебного эксперта, тем не менее является по выполняемой им профессии инженером, а не экспертом. Говоря о судебно-экспертной деятельности, следует иметь в виду не случайное выполнение специалистом экспертного исследования (по постановлению следователя или определению суда), а осуществление таких исследований постоянно в силу своей профессии»².

Рассматривая соотношение «процессуального» и «профессионального» в деятельности эксперта, необходимо помнить, что вне про-

¹ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 228.

² Яковлев Я.М. Психологическая структура экспертной деятельности... С. 119–121.

цессуальной формы ценность содержательных аспектов деятельности судебного эксперта может быть сведена к нулю, однако и форма не имеет смысла без содержания. Это значит, что любые реформы, затрагивающие сущность экспертной деятельности, в том числе организационные, на первый взгляд непосредственно не связанные со сферой судопроизводства, на самом деле могут и, как показывает опыт последних лет, оказывают большое влияние на весь процесс использования специальных знаний в интересах правосудия.

Если вспомнить слова А.Н. Леонтьева о том, что именно предмет потребности, на который направлена деятельность, предопределяет ее обособление, становится очевидным, что значимость существования правоохранительной деятельности в целом и уголовно-процессуальной, в частности, лежит вне сферы субъективных интересов кого-либо из участников процесса. С точки зрения необходимости обеспечения интересов государства и гражданского общества в конце XIX — начале XX вв. появления процессуальной фигуры эксперта как таковой было вполне достаточно для удовлетворения потребности судопроизводства в использовании специальных знаний при расследовании преступлений и осуществлении правосудия по уголовным делам.

Проблемы обеспечения безопасности человеческого сообщества на рубеже тысячелетий, учитывая темпы научно-технического прогресса, требуют иного подхода к урегулированию вопроса о статусе эксперта в уголовном процессе. Как показал анализ, предпринятый в предыдущих параграфах данной главы, эксперт может быть причислен к профессиональным участникам судопроизводства. Однако целесообразность изменения процессуального статуса эксперта с учетом исторически сложившихся в сфере труда реалий сегодня на законодательном уровне не обсуждается, хотя шаг в данном направлении был сделан с принятием ФЗ о ГСЭД.

Деструктивные тенденции в деятельности государственных судебно-экспертных учреждений, запущенные при их весьма неудачном реформировании в 90-е гг. прошлого века, а также несовершенство ФЗ о ГСЭД привели к тому, что при работе над УПК РФ «дань уважения» была отдана не новациям, а традициям в праве — сегодня, как и прежде, процессуальный статус эксперта специфику его профессиональной деятельности не отражает.

При сохранении за экспертом права на вознаграждение за исполнение своих обязанностей при участии в доказывании отказ от финансирования за счет государства научных разработок, которые вели сотрудники экспертных учреждений в целях совершенствования

порядка применения в рамках судопроизводства знаний из различных областей, поставил под удар отечественную систему ГСЭУ. Смысл ее существования был сведен исключительно к обеспечению некоторого организационного удобства при производстве экспертиз в ходе судопроизводства (весьма относительного, учитывая ограниченную штатную численность сотрудников ГСЭУ). С одной стороны, государство перестало финансировать (читай – поощрять) нестандартные научные разработки, имеющие важное прикладное значение в сфере судопроизводства, а с другой – на рубеже тысячелетий потребность в них резко возросла ввиду расширения практики проведения по гражданским и арбитражным делам множества видов экспертиз, до того нигде, кроме уголовного процесса, не востребованных. Кроме того, насущной потребностью стало формирование новых видов экспертиз, отвечающих современному уровню развития науки и техники¹.

Неудивительно, что при наличии «спроса» на экспертные услуги и невозможности, в силу объективных причин, для государственных судебно-экспертных учреждений его удовлетворить, за освоение наиболее «прибыльных» направлений экспертной деятельности взялись негосударственные учреждения и организации. Для некоторых, кто ранее подобной работой в какой-то мере занимался, например, для ТПП РФ, расширить спектр предлагаемых услуг не составило труда. Для тех, кто от производства судебных экспертиз был весьма далек (в качестве примера можно привести деятельность системы органов по сертификации отдельных видов продукции, услуг, систем качества, производств, созданных после принятия 10 июня 1993 г. Закона Российской Федерации № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг», в 2003 г. утратившего силу²), освоение сферы экспертных услуг стало новым самостоятельным профилем работы.

К примеру, согласно Уставу, утвержденному в 2001 г., в число целей, задач и видов деятельности Поволжского кооперативного института Центросоюза Российской Федерации (Саратовская область, г. Энгельс), помимо образовательных, были включены «защита прав потребителей и содействие производству в выпуске и продаже качественных и безопасных товаров путем проведения сертификации

¹ Не углубляясь пусть и в недавнюю, но все же историю, можно сослаться на пример становления компьютерно-технической экспертизы, эволюционное развитие которой целиком укладывается в узкие хронологические рамки последних 15 лет. Подробно см.: Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001.

² О сертификации продукции и услуг: Закон Российской Федерации от 10 июня 1993 г. № 5151-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и экспертиз». За сертификацию и производство товароведческих экспертиз по гражданским и уголовным делам (!) смело взялись сотрудники специально созданного подразделения вуза – ОС «Энтест». Не имеющие представления о теории и практике судебной экспертизы, при отсутствии опыта проведения судебно-товароведческих экспертиз, прошедшие подготовку исключительно как специалисты по сертификации (что несопоставимо с подготовкой в области товароведения), специалисты ОС «Энтест» были восприняты должностными лицами, ведущими производство по уголовным и гражданским делам, в качестве квалифицированных экспертов-товароведов.

Как это ни странно, проблеме определения статуса негосударственного экспертного учреждения, при очевидной актуальности, на практике должного внимания своевременно уделено не было. Каких-либо различий между функциями государственных и прочих экспертных учреждений в части проведения судебных экспертиз процессуальные кодексы не закрепили, поэтому число юридических лиц, именующих себя «независимыми экспертными учреждениями», невзирая на свой гражданско-правовой статус, когда извлечение прибыли может стоять на первом месте, а проведение экспертиз – на последнем, с каждым годом растет.

Вопрос о том, должно ли понятие «экспертное учреждение» толковаться узко с учетом положений ст. 120 Гражданского кодекса РФ, или же трактовка цивилистов в уголовно-процессуальной деятельности не применима, является спорным. Заслуживает поддержки предложение Е.Р. Россинской о том, что в качестве судебно-экспертного учреждения в контексте отечественного процессуального законодательства следует рассматривать исключительно некоммерческие организации, созданные целевым путем для оказания содействия суду, прокурору, следователю и дознавателю в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством производства судебной экспертизы¹.

Обозначенная позиция нашла отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». К сожалению, по формальным основаниям попытку прояснить таким образом вопрос о статусе негосударственного экспертного учреждения вряд ли можно признать удачной. В части 3 пункта 2 Постановления говорится, что «под

¹ Россинская Е.Р. О статусе негосударственного экспертного учреждения // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы IV Всероссийской науч.-практич. конференции по криминалистике и судебной экспертизе (4–5 марта 2009 г.). М.: Изд-во ЭКЦ МВД России, 2009. С. 71.

негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами». УПК РФ подобного ограничения не содержит, а за счет издания актов толкования права устанавливать, изменять или отменять нормы права нельзя. Акты толкования, будучи юридически значимыми, общеобязательными для применения (когда речь идет об официальном толковании), самостоятельного значения не имеют и действуют в единстве с теми актами, нормы которых толкуют, помогая правоприменителю уяснить (не более) смысл правовых норм.

В этой связи интерес представляет предложение об обязательной аккредитации экспертных учреждений. Аккредитация, процесс официального подтверждения соответствия качества предоставляемых услуг некоему стандарту, наиболее распространена в сфере оказания профессиональных услуг, для оценки качества которых потребитель, как правило, не обладает достаточными компетенциями. В России создана Федеральная служба по аккредитации, на которую возложены функции по формированию единой национальной системы аккредитации и осуществлению контроля за деятельностью аккредитованных лиц¹. Начата аккредитация судебно-экспертных лабораторий на соответствие международному стандарту ИСО/МЭК 17025, предполагающая проверку и подтверждение компетентности учреждения выполнять конкретную, ограниченную областью аккредитации, экспертную деятельность².

Проблемы аккредитации, охватывающей унификацию методов и методик судебной экспертизы, проверку деятельности государственных и негосударственных экспертных учреждений на соответствие международным и российским стандартам, многоплановы. В рамках проведенного исследования они не рассматривались, поскольку нуждаются в самостоятельном изучении³. Единственное, на что хотелось бы обратить внимание, это значение аккредитации для реализации на практике принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

¹ Федеральная служба по аккредитации // URL: <http://www.fsa.gov.ru/> (дата обращения: 02.01.2013).

² Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20.

³ По данному вопросу подробно см.: Москвина Т.П. Аккредитация в судебной экспертизе. М.: Юрлитинформ, 2010.

Комплексный анализ основных направлений развития института судебной экспертизы в условиях действия принципа состязательности был проведен Е.А. Зайцевой. Не касаясь вопросов аккредитации экспертных учреждений, она справедливо указывала, что стандартизация в судебной экспертизе играет важную роль, так как позволяет исключить использование недобросовестными участниками судопроизводства методических противоречий в экспертных исследованиях различных ведомств, способствует единообразию экспертной практики, оптимизации деятельности государственных судебных экспертов и лиц, таковыми не являющихся, облегчает суду оценку составляемых ими заключений¹.

Проведенные на рубеже тысячелетий реформы поставили государственные судебно-экспертные учреждения в один ряд со всеми прочими организациями, предприятиями, учреждениями, включившими в число реализуемых направлений деятельности «производство экспертиз», а те, кого ФЗ о ГСЭД возвел в ранг «государственных судебных экспертов», сегодня вынуждены «конкурировать» с частнопрактикующими специалистами, быстро уяснившими выгодность позиционирования в качестве так называемых «независимых экспертов».

К сожалению, масла в огонь иной раз подливают ученые, высказывая весьма дискуссионные суждения без необходимого в таких случаях обоснования. Так, Б.М. Бишманов, рассматривая экспертную деятельность в качестве самостоятельного вида общественно полезной деятельности, без какой-либо аргументации подразделяет ее на государственную, независимую, общественную, поясняя, что государственная экспертиза проводится «государственными органами инспекции и сертификации», независимая — «независимыми профессиональными экспертными организациями», общественная «выполняет функции защиты прав потребителя и представляет собой экспертизу, назначаемую общественными организациями»².

Категорически возражая против такого подхода к решению сложной проблемы взаимодействия государственных и негосударственных, экспертных и неэкспертных учреждений на рынке экспертных услуг, следует согласиться с учеными, которые, исследуя суть независимости эксперта как принцип государственной судебно-экспертной деятель-

¹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 435.

² Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности... М., 2004. С. 70.

ности, указывают на некорректность расширительных трактовок данного понятия¹.

Проблема профессионализма в судебной экспертизе и связанные с ней проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, сложны и требуют пристального внимания, постоянной координации действий ученых и практиков. К сожалению, в начале 2000-х гг. их решение было отодвинуто на второй план, поскольку перед руководителями ГСЭУ на местах встали вопросы сохранения трудовых коллективов. Выступления многих участников проводившихся в то время научно-практических конференций, затрагивающих проблемы производства судебных экспертиз, сводились к констатации необходимости освоения новых видов экспертных исследований, оплата за проведение которых могла быть направлена на развитие потенциала учреждения².

Когда государство отказалось финансировать научно-методические изыскания сотрудников ГСЭУ, люди сами пришли к выводу о том, что в условиях конкуренции поддерживать на достаточно высоком уровне свой профессионализм можно лишь за счет оптимизации содержательной стороны экспертной деятельности. Не рассчитывая на то, что законодатель «откроет глаза» и помимо ограничений, наложенных ФЗ о ГСЭД на государственных судебных экспертов, введет строгие правила деятельности для частнопрактикующих специалистов, руководители-новаторы активно включились в процесс освоения наиболее востребованных практикой, хотя и не всегда однозначно воспринимаемых в обществе, новых видов экспертиз.

Так, наряду с Северо-Западным региональным центром судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, среди государственных судебно-экспертных учреждений России в числе первых приступила к производству компьютерно-технических экспертиз Саратовская ЛСЭ. Более того, бла-

¹ См., например: Внук В. И. Особенности назначения, производства и использования результатов независимых экспертиз при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 11; Горянов Ю. И. К вопросу о независимости государственных судебных экспертов // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. 2004. № 1. С. 53–56; Галяшина Е. И., Россинская Е. Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Lex Russica. 2006. № 6. Декабрь. С. 1045–1049; и др.

² Актуальные вопросы экспертной практики: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2001; Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом: материалы Международной науч.-практич. конференции. Калининград, 2003.

годаря сотрудничеству лаборатории с Саратовским юридическим институтом МВД России была начата полномасштабная подготовка экспертов, работающих в системе учреждений Минюста, по специальности 21.2 «Исследование информационных компьютерных средств»¹. Саратовская ЛСЭ также стала одним из первых государственных судебно-экспертных учреждений России, где была освоена новая форма использования специальных знаний в целях оказания содействия правоохранительным органам, помощи государственным и негосударственным учреждениям и организациям, а также гражданам — проведение психофизиологического исследования с использованием полиграфа².

В обеспечении профессионального (во всех смыслах) отбора экспертов, заинтересованы все: и должностные лица, на которых возложено осуществление правоприменительной деятельности, и прочие участники процесса со стороны обвинения и со стороны защиты. Вопрос только в том, чтобы найти правильный с правовой точки зрения путь урегулирования сложившейся ситуации.

Вряд ли можно признать удачной попытку руководства системы экспертных учреждений Министерства юстиции РФ частично решить накопившиеся проблемы путем создания «Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы»³. Даже поверхностное ознакомление с Правилами функционирования Системы, утвержденными директором РФЦСЭ при Минюсте России 27 декабря 2004 г. (далее — Правила)⁴, при том что благая цель разра-

¹ Первая типовая программа подготовки экспертов по указанной специальности, 3 декабря 2002 г. утвержденная директором РФЦСЭ при Минюсте России, была разработана авторским коллективом в составе: канд. юрид. наук Е.А. Комковой (Саратовская ЛСЭ), канд. юрид. наук Я.В. Комиссаровой (Саратовская ЛСЭ) и докт. юрид. наук А.И. Усова (РФЦСЭ при Минюсте России).

² В помощь следователю: практич. пособие / под ред. нач. отдела криминалистики прокуратуры Саратовской области старшего советника юстиции В.А. Будылева. Саратов, 1999. С. 43–44. Автор монографии стала первым сотрудником системы ГСЭУ Минюста России, освоившим проведение данного вида исследований и экспертиз.

³ По данному вопросу см.: Москвина Т.П., Усов А.И. Обеспечение единого научно-методического подхода в судебной экспертизе на основе сертификации // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы 3-й Всероссийской науч.-практич. конференции по криминалистике и судебной экспертизе (15–17 марта 2006 г.). В 2 т. Т. 1. Теоретические, организационные, процессуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. М., 2006. С. 154–157.

⁴ Правила функционирования Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы. М., 2004. (В Государственном реестре Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации зарегистрирована как «Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы – РОСС RU.В175.04ОЭ00 от 02.03.2005»).

ботки данного документа сомнений не вызывает, приводит к выводу об их нестыковке с нормами действующего законодательства, регламентирующего проведение судебных экспертиз. Разработчики, ссылаясь на Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»¹, впали в ту же ошибку, что и некоторые другие исследователи, упускающие из виду различия между уголовно-процессуальной деятельностью как самостоятельным видом правоприменительной деятельности и, следовательно, процессуальным статусом эксперта и его трудовой (профессиональной) деятельностью.

Так, в пункте 3.1 Правил оговаривается, что «система предназначена для организации и осуществления независимой и квалифицированной оценки и подтверждения соответствия методического обеспечения судебной экспертизы и компетенции судебных экспертов в рамках конкретной экспертной специальности требованиям Системы». Данный тезис, как и Правила в целом, противоречит положениям ФЗ о ГСЭД, в частности:

– статьей 3 и 9, закрепляющим правовую основу государственной судебно-экспертной деятельности как деятельности процессуальной, что не позволяет «подвести» ее под «юрисдикцию» Закона «О техническом регулировании»;

– статьи 11, в которой цель создания государственных судебно-экспертных учреждений определяется исключительно необходимостью обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров посредством организации и производства судебной экспертизы, что не предполагает возможность признания РФЦСЭ при Минюсте России «руководящим органом Системы и органом по сертификации» (п. 4.2 Правил), призванным осуществлять данную деятельность на возмездной основе;

– статьи 38, где научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз, а также профессиональная подготовка и повышение квалификации государственных судебных экспертов (не подлежащие делегированию и расширительному толкованию полномочия) возлагаются соответствующими федеральными органами исполнительной власти на судебно-экспертные учреждения из числа указанных в частях первой и второй ст. 11 ФЗ о ГСЭД.

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, вызывает сомнения сама возможность проведения сертификации, направленной, согласно Правилам, на повышение качества одновременно «судебно-экспертной, научно-методической, образовательной, опытно-конструкторской и иных видов деятельности физических и юридических лиц, а также повышение эффективности использования научно-технических достижений в области криминалистики и судебной экспертизы, а также экспертных исследований», в отдельно взятом ГСЭУ.

Сегодня добровольная сертификация юридических и физических лиц осуществляется не только в ГСЭУ Минюста России. Созданное в августе 2008 г. некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов» предлагает услуги по добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов в рамках «Системы добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов» (свидетельство о регистрации № РОСС.RU.И597.04.НЯ00 от 16.10.2009) и «Системы добровольной сертификации негосударственных судебно-экспертных лабораторий» (свидетельство о регистрации № РОСС.RU.И643.04.СЭЛ 0 от 22.04.2010)¹. Есть и другие подобные организации². Проблему повышения качества проводимых экспертных исследований и судебных экспертиз они не решают. На форуме НП «Палата судебных экспертов» в 2010 г. была поднята тема снижения доверия к деятельности «сертифицированных экспертов». В погоне за прибылью, связанной с востребованностью экспертной деятельности, в органы по сертификации зачастую обращаются лица, не имеющие профессиональной подготовки и не владеющие методиками производства соответствующего вида экспертизы³. Однако сертификаты они получают⁴.

¹ СУДЭКС // URL: <http://sudex.ru/> (дата обращения: 02.01.2013).

² Например, АНО «СЕРТИФИКАТ.РУ» является разработчиком Системы добровольной сертификации в области судебной экспертизы и Органом по сертификации судебных экспертов и судебно-экспертных организаций (лабораторий) (свидетельство о регистрации № РОСС RU.И864.04ФВН0 от 22 ноября 2011 г.). См.: СЕРТИФИКАТ.РУ // URL: <http://sertifikat.ru/> (дата обращения: 02.01.2013).

³ URL: <http://forum.sudex.ru/viewtopic.php?f=6&t=103> (дата обращения: 02.01.2013).

⁴ К примеру, действительным членом НП «Палата судебных экспертов» с 2011 г. является полиграфолог А.Т.А. (специальность 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека»), руководитель АНО «Судебно-экспертный центр “Триумф”», позиционируемого в качестве «независимого экспертного центра». К сожалению, ознакомление с заключениями, которые дает этот полиграфолог в качестве эксперта по уголовным делам, свидетельствует о слабом знании ею как теории судебной экспертизы, так и основ СПФЭ (см.: ТРИУМФ // URL: <http://www.test-detector.ru/> (дата обращения: 02.01.2013)).

Автор разделяет позицию специалистов в области теории и практики судебной экспертизы, выступающих за законодательное закрепление единого подхода к определению профессиональных и квалификационных требований к государственным судебным экспертам и лицам, которые в их число не входят¹. Но в добровольной сертификации юридических и физических лиц в том виде, как она организована сейчас, вряд ли есть смысл.

В связи с этим интерес представляет предложение, высказанное Е.А. Зайцевой, о создании «надведомственных квалификационных комиссий» по проверке профессионализма и компетентности лиц, желающих проводить экспертные исследования, уполномоченных выдавать соискателям, успешно прошедшим квалификационные испытания, свидетельства, удостоверяющие их право проводить экспертизы определенного вида². Формирование надведомственных, а не межведомственных комиссий она объясняет необходимостью включения в их состав «для большей представительности и объективности», помимо сотрудников ведомств, где есть экспертные учреждения и подразделения, научно-педагогических работников и «представителей частных экспертных сообществ».

В юриспруденции понятием «ведомство» (в широком смысле слова) охватываются все государственные структуры (службы, комитеты и даже министерства). С этой точки зрения «научно-педагогические работники» тоже являются представителями ведомств. Что стоит за понятием «частное экспертное сообщество», Е.А. Зайцева не уточнила, правовым оно не является. Функциональное назначение такого рода комиссий участия в их деятельности руководителей каких-либо общественных объединений экспертов не предполагает (возможно, именно их Е.А. Зайцева имела в виду).

Квалификационные испытания не следует сводить к сдаче экзамена в форме вопросов и ответов. Они должны охватывать комплекс мероприятий по проверке компетентности будущего эксперта. Порядок проведения испытаний мог бы определить межведомственный координационный орган по вопросам судебно-экспертной деятельности (о его создании речь шла в Перечне Поручений Президента Российской Федерации по вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности от 3 февраля 2012 г.). К ним на равных условиях в единые сроки должны быть допущены, как государственные судебные экс-

¹ См., например: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. С. 101.

² Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 480–481.

перты, так и прочие лица, которых надлежит наделить правом подачи соответствующих заявок. В состав комиссий имеет смысл включить сотрудников аккредитованных негосударственных экспертных учреждений, на базе которых могла бы проходить часть квалификационных испытаний, чтобы не нарушать режим работы ГСЭУ.

В ходе проводившегося в 2009–2010 гг. анкетирования обсуждался вопрос о способах повышения компетентности государственных судебных экспертов и частнопрактикующих специалистов. 62,3% из числа опрошенных следователей и 41,8% экспертов согласились с тем, что все лица, желающие заниматься производством судебных экспертиз, должны проходить аттестацию, для проведения которой целесообразно сформировать постоянно действующие межведомственные комиссии. При этом только 4% экспертов отметили, что прохождение ведомственной или межведомственной аттестации не имеет значения. Никто из следователей так не считает.

Организация межведомственной аттестации экспертов позволяет реализовать на практике давние идеи приведения экспертов к присяге¹ и формирования реестра экспертов².

В ряде стран эти вопросы были решены положительно.

Так, согласно ст. 7 Закона Эстонской Республики от 30 мая 2001 г. «О судебной экспертизе», при заключении трудового договора судебный эксперт приносит работодателю присягу следующего содержания: «Я, (имя), клянусь честно исполнять обязанности судебного эксперта и давать экспертные заключения беспристрастно, основываясь на своих специальных знаниях и совести. Мне известно, что за дачу заведомо ложных экспертных заключений применяется наказание в соответствии с положениями статьи 175 Уголовного кодекса»³. Судебный эксперт подписывает текст присяги, проставляет дату. Документ прилагается к находящемуся у работодателя экземпляру трудового договора.

В Казахстане на законодательном уровне предусмотрено «получение квалификационного свидетельства на право производства судебной экспертизы – для сотрудников органов судебной экспертизы или

¹ По данному вопросу см., например: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе... С. 87.

² В свое время публиковать «списки экспертов» предлагали А. И. Винберг (1959), А. Р. Шляхов (1972), другие ученые. По данному вопросу подробно см.: Шепель В. Н. Экспертиза в суде по уголовным делам в свете нового законодательства и перспектив ее развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 38.

³ Закон Эстонской Республики от 30 мая 2001 г. «О судебной экспертизе» (объявлен постановлением Президента Республики от 14 июня 2001 г. № 1079) // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

лицензии – для частных лиц, а также включение их в государственный реестр судебных экспертов Республики Казахстан»¹.

В Чешской Республике в реестр, который ведет Министерство юстиции, вносятся сведения не только об экспертах, но и об учреждениях, осуществляющих экспертную деятельность². При этом, в соответствии с §§ 11–13 Закона, на эксперта возлагается обязанность передать в руки назначившего его лица присягу, в которой говорится: «Клянусь при осуществлении своей экспертной деятельности строго соблюдать правовые предписания, выполнять функции эксперта беспристрастно и с полным осознанием своей ответственности, в полной мере использовать все свои познания и хранить в тайне факты, ставшие мне известными при осуществлении экспертной деятельности»³.

С позиций психологии труда такого рода унификация очень важна. Специалисты видят в профессиональной деятельности важный фактор типизации образов мира, обуславливающий их большее или меньшее сходство у разных людей как субъектов труда⁴. Единообразие профподготовки, принятие присяги, включение в реестр и т.п., независимо от вида профессиональной деятельности, обеспечивают формирование профессионального сообщества, наличие которого облегчает законодательное регулирование активности человека как субъекта профессиональной деятельности.

В настоящее время Минюст России ведет несколько видов реестров. Думается, что ведение реестра экспертов можно было бы возложить на территориальные органы федерального органа исполнительной власти в области юстиции.

Перспективной является идея лицензирования судебно-экспертной деятельности в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁵. Данный закон со всей очевидностью позволяет взять под контроль государства деятельность носителей специальных знаний, осуществляемую путем проведения исследований и дачи заключений по заданию уполномоченных на то органов и лиц.

¹ Шакиров К. Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты... С. 28.

² Оверчук Д. С. Анализ правовых основ функционирования судебно-экспертной системы Чешской Республики // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 38.

³ Там же.

⁴ См., например: Габдреев Р. В. Профессиональные составляющие образа мира // Психология системного функционирования личности: материалы Международной науч. конференции. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 14–18.

⁵ Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Наглядным примером может служить подход законодателя к регламентации оценочной деятельности. Понятие оценочной деятельности как деятельности, направленной на установление в отношении объектов оценки рыночной или иной стоимости, закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ об оценочной деятельности)¹, по сути является описанием одной из задач, которые могут быть поставлены на разрешение эксперта-товароведа при производстве судебной товароведческой экспертизы, хотя термин «экспертиза» в законе не употребляется. Зато в ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»² не только используется понятие независимой экспертизы (оценки), но и, помимо прочего, прямо предписывается проведение «независимой технической экспертизы транспортного средства» в целях выяснения обстоятельств наступления страхового случая, установления повреждений транспортного средства и их причин, технологии, методов и стоимости его ремонта.

Надо ли говорить о том, что с принятием указанных федеральных законов деятельность сотрудников государственных судебно-экспертных учреждений (экспертов-автотовароведов и автотехников) претерпела существенные изменения. Под вопрос был поставлен профессионализм тех, кто, казалось бы, в силу высокого статуса «государственного судебного эксперта» и накопленного системой государственных судебно-экспертных учреждений потенциала по производству соответствующих видов экспертиз и аттестации экспертов должен был получить приоритет в оценке качества осуществляемой в порядке выполнения должностных обязанностей экспертно-исследовательской деятельности. Сотрудники государственных судебно-экспертных учреждений вновь на уровне не процессуального, но административного и трудового законодательства были поставлены в один ряд со всеми прочими государственными и негосударственными организациями и учреждениями, занимающимися оценочной деятельностью или проведением технической экспертизы транспортных средств.

В подобной ситуации руководство судебно-экспертных учреждений, функционирующих в системе Минздравсоцразвития России,

¹ Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

приняло оптимальное решение, воспользовавшись предоставляемой действующим законодательством возможностью.

В Письме Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития от 11 марта 2005 г. № 01И-91/05 «О бюро судебно-медицинской экспертизы»¹, со ссылкой на Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2002 г. № 499 «Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности» и приказ Минздрава России от 26 июля 2002 г. № 238 «Об организации лицензирования медицинской деятельности», разъясняется, что в ранее утвержденную Номенклатуру работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, в соответствии с вышеуказанным приказом в раздел «Доврачебная помощь» включаются работы и услуги по специальности «Судебно-медицинская экспертиза», а в раздел «Прочие работы и услуги» — судебно-медицинская экспертиза, осуществление которых в настоящее время без лицензирования невозможно.

Идея лицензирования заслуживает поддержки исключительно применительно к судебно-экспертной деятельности юридических лиц. С.А. Смирнова пишет, что судебно-экспертная деятельность физических лиц не требует обязательного лицензирования, поскольку осуществляется на основании определения (постановления) органа или лица, рассматривающих конкретное дело². Следует полагать, что деятельность эксперта, как участника процесса, вообще не может быть объектом лицензирования. Как было показано в первой главе, совокупность действий лица, вовлекаемого в судопроизводство в статусе эксперта, «деятельностью судебного эксперта» не является.

Деятельность лица, назначаемого экспертом, нужно рассматривать в единстве ее процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих. Поэтому предложение о введении лицензирования «частной экспертной деятельности» в ситуации, когда производство экспертных исследований является для гражданина основным занятием³, тоже неприемлемо.

¹ Письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития от 11 марта 2005 г. № 01И-91/05 «О бюро судебно-медицинской экспертизы» // Правотека // URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/965/482089.html> (дата обращения: 19.03.2010).

² Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века... С. 137–139.

³ См., например: Внуков В.И. Особенности назначения, производства и использования результатов независимых экспертиз... С. 16–17; Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 347–348, 482.

Занятие, приносящее заработок или доход, будучи трудовой деятельностью, в юриспруденции не увязывается с наличием у лица профессиональной подготовки. Активность эксперта в статусе участника процесса, напротив, представляет собой не просто трудовую деятельность, а деятельность профессиональную (разумеется, когда ей присущи все четыре психологических признака труда в своей совокупности)¹, что предполагает обязательную профподготовку.

В статье 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» предусматривается, что лицензиатом может быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие лицензию на осуществление конкретного вида деятельности. Согласно ч. 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации, индивидуальными предпринимателями являются физические лица, зарегистрированные в установленном порядке, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также главы крестьянских (фермерских) хозяйств. Разумеется, о какой-либо профессиональной подготовке в этом случае речь не идет.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ в качестве предпринимательской рассматривается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность граждан и их объединений, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Согласно ст. 23 ГК РФ, к деятельности индивидуального предпринимателя применяются правила, установленные Кодексом, которые регулируют деятельность коммерческих организаций, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения. При таком раскладе реализация на практике предложения о лицензировании экспертной деятельности физических лиц есть прямая дорога к превращению для них производства судебных экспертиз в конвейер, запускаемый с целью извлечения прибыли.

Профессиональный характер деятельности лиц, вовлекаемых в судопроизводство в качестве экспертов, предполагает выработку критериев профессионализма – внутренних (субъективных) и внешних по отношению к человеку (объективных). В свою очередь, обеспече-

¹ Примечательно, что 82 респондента (75,2%) из 109 участников интервьюирования на вопрос, может ли производство судебных экспертиз быть профессией человека, ответили утвердительно. При этом 74 из них на дополнительно задававшийся в таком случае вопрос, может ли производство судебных экспертиз быть профессией человека, если он не является сотрудником какого-либо экспертного, в первую очередь государственного, учреждения, ответили отрицательно.

ние качественного производства судебных экспертиз невозможно без учета при определении процессуального статуса эксперта специфики его профессиональной деятельности вне судопроизводства.

Решение этой двуединой задачи должно быть увязано: во-первых, с разработкой комплекса мер, направленных на поддержание психологической готовности эксперта к выполнению своих обязанностей (в том числе процессуальных) на высоком профессиональном уровне; во-вторых, с корректировкой правового положения носителей специальных знаний как субъектов судопроизводства.

Проблемы уголовно-процессуального статуса эксперта будут рассматриваться в третьей главе монографии. На данном этапе исследования следует ограничиться выводом о том, что повышение качества предоставляемых экспертами консультационных услуг является залогом эффективного использования специальных знаний в доказывании, что обуславливает необходимость совершенствования профессиональной подготовки экспертов (в том числе в системе ВПО), а также целесообразность:

- а) лицензирования судебно-экспертной деятельности юридических лиц;
- б) аккредитации экспертных учреждений;
- в) межведомственной аттестации и переаттестации экспертов при условии успешного прохождения квалификационных испытаний;
- г) принятия аттестованными лицами присяги;
- д) ведения Минюстом России реестра экспертов.

Учитывая многоплановость и сложность решения проблем профессионального становления эксперта как субъекта судебно-экспертной деятельности, они должны стать предметом самостоятельного комплексного психолого-правового анализа. Прежде всего, внимание следовало бы сосредоточить на специфике формирования личности эксперта в системах образования и занятости, хотя в широкой трактовке становление человека — гражданина и профессионала — процесс длиною в жизнь.

§ 4. Специфика профессиональной подготовки экспертов

В каждом ведомстве, в ведении которого есть экспертные учреждения или подразделения, имеется перечень проводимых там исследований. Существование ведомственных документов не препятствует производству экспертизы, не указанной в перечнях, с поручением ее производства лицу, обладающему, по мнению назначающего экспертизу, необходимыми специальными знаниями. Бремя проверки компетентности конкретного лица, вовлекаемого в уголовный процесс

в качестве эксперта, всецело лежит на том, кто экспертизу назначает. При этом процессуальное законодательство не предусматривает каких-либо способов проведения такого рода проверок, равно как и условий оценки компетентности эксперта.

При ответе на вопрос анкеты, интересуются они или нет компетентностью экспертов ГСЭУ в целом либо при проведении экспертизы по конкретному делу, мнения следователей, опрошенных в 2003–2004 гг., разделились практически поровну. В 2009–2010 гг. ответивших отрицательно стало немногим больше – 53,5%. Свою позицию участники анкетирования аргументировали тем, что эксперт, назначенный на должность, априори обладает необходимой компетентностью; несет ответственность за свои действия вплоть до уголовной; эксперты ГСЭУ проходят аттестацию и переаттестацию.

Примерно с 30% до 40% возросло за тот же период число экспертов, полагающих, что сотрудники правоохранительных органов и судов лично либо через руководителя экспертного учреждения интересуются их компетентностью при поручении производства экспертизы по конкретному делу. Казалось бы, при производстве новых видов экспертиз, находящихся на этапе становления, вопросы по поводу компетентности экспертов должны возникать чаще. Но в случае назначения СПФЭ, судя по результатам анкетирования полиграфологов, их квалификация и опыт работы заботят все те же 40% следователей.

Примечательно, что в 1995–1996 гг. 75% из числа опрошенных следователей полагали, что проверка компетентности сотрудников ГСЭУ – задача администрации учреждения. Наверное, изменение ситуации отчасти связано с активностью стороны защиты, в настоящее время нередко привлекающей для оценки заключений экспертов специалистов, которые могут указать на их некомпетентность.

В пунктах 5 и 6 ч. 4 ст. 119 Модельного УПК были закреплены обязанности эксперта: представлять документы, подтверждающие его специальную квалификацию; правдиво оценить по требованию указанных органов и лиц, а также сторон в заседании суда свою компетентность в даче заключения по поставленным перед ним вопросам; сообщить сведения о своем профессиональном опыте. Формулировки Модельного УПК вошли в п.п. 3 и 4 ч. 4 ст. 61 УПК Республики Беларусь¹ и в п.п. 4 и 5 ч. 3 ст. 88 УПК Республики Молдова².

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV //

Нельзя сказать, чтобы в части обеспечения проверки компетентности эксперта разработчики Модельного УПК нашли оптимальный вариант, но надо признать, что в УПК РФ этот вопрос остался открытым.

Сегодня лицо, желающее назначить экспертизу, не включенную в какой-либо из ведомственных перечней, пытаясь удостовериться в том, что субъект, которому планируется поручить ее производство, обладает соответствующими специальными знаниями, обычно изучает документы (если таковые имеются), подтверждающие факт их получения, интересуется стажем его работы по специальности, уточняет, где именно человек работал ранее. Об этом сообщили большинство участников анкетирования.

Тот факт, что проверка компетентности лица, назначаемого экспертом, на практике осуществляется весьма поверхностно, конечно же, не лучшим образом сказывается на качестве проводимых по уголовным делам экспертиз. Данная проблема не нова – различные пути ее решения предлагали многие ученые и практики¹. Однако проблему проверки компетентности эксперта в уголовном процессе не следует смешивать с проблемами труда и обучения экспертов в целом, коль скоро это иные, отличные от процессуальной, виды общественно полезной деятельности.

В предыдущих параграфах было показано, что деятельность лиц, занимающихся производством судебных экспертиз, по своему психологическому содержанию является не просто трудовой, но и профессиональной. Поэтому, несмотря на предусмотренную законом возможность поручения производства экспертизы любому лицу, обладающему специальными знаниями, надо признать, что качественное проведение экспертизы могут обеспечить лишь те, кто прошел соответствующую подготовку. На это неоднократно указывали видные специалисты в области теории и практики судебной экспертизы – Т.В. Аверьянова, А.М. Зинин, Ю.Г. Корухов, Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова, Е.Р. Россинская, В.А. Ручкин, А.И. Усов, В.Н. Хрусталева, Я.М. Яковлев и др., но вопрос, кого и к осуществлению какой именно деятельности следует готовить, – по-прежнему открыт.

СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

¹ См., например, из числа работ, изданных после принятия ФЗ о ГСЭД: Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 49–55; Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М.: ЮРМИС, 2003. С. 178–183; Прорвич В.А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы... С. 27, 37.

Длительное время процесс подготовки экспертов осуществлялся исключительно на ведомственном уровне и строился на принципах наставничества¹. Эта система в общем виде сохранилась до наших дней, нашла отражение в ФЗ о ГСЭД и ведомственных нормативных актах². Параллельно 40 лет назад была начата подготовка экспертов-криминалистов с высшим юридическим образованием.

Значительный шаг вперед в деле повышения качества подготовки экспертов-криминалистов был сделан в середине 90-х гг. прошлого века. Приказом Госкомвуза России от 5 марта 1994 г. в номенклатуру образовательных специальностей была введена специальность «Судебная экспертиза». Спустя два года, 21 марта 1996 г., приказом Госкомвуза России были утверждены Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по данной специальности, а затем (в соответствии с приказом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 24 ноября 1997 г. № 2344) было создано Учебно-методическое объединение образовательных учреждений профессионального образования в области судебной экспертизы (далее – УМО³) по специаль-

¹ Подробнее см.: Комкова Е.А., Комиссарова Я.В. Саратовская ЛСЭ: прошлое, настоящее, будущее... // Актуальные вопросы экспертной практики: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2001. С. 5–16. В 1990 г. автор по окончании юридического института была зачислена в штат Саратовской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы на должность стажера-исследователя, более года под руководством опытного эксперта-наставника осваивала производство различных видов трасологической экспертизы, и только после сдачи экзамена решением экспертно-квалификационной комиссии Центральной Воронежской НИЛСЭ ей была присвоена квалификация судебного эксперта с правом производства экспертиз по специальностям «Исследование следов человека» и «Исследование орудий, инструментов, холодного оружия и оставленных ими следов, исследование целого по частям», в подтверждение чего были выданы два свидетельства.

² Положение об аттестации государственных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, утв. приказом Министерства юстиции РФ от 12 июля 2007 г. № 142 // Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации // URL: <http://sudexpert.ru/files/norms/142.pdf> (дата обращения: 19.03.2010).

³ В состав Совета УМО на добровольных началах в качестве членов вошли работники государственных высших учебных заведений Российской Федерации (независимо от ведомственной подчиненности), негосударственных вузов, имеющих государственную аккредитацию, предприятий, учреждений и организаций, действующих в системе высшего и послевузовского профессионального образования, заинтересованных в совершенствовании подготовки судебных экспертов. Автор монографии в состав Совета УМО была включена в 2002 г. Базовым вузом УМО в соответствии с приказом МВД России от 10 марта 1995 г. № 92 до своего расформирования являлся Саратовский юридический институт МВД России.

ностям 022400 «Судебная экспертиза» и 0204 «Криминалистическая экспертиза».

Подобный подход к организации подготовки судебных экспертов объясняется тем, что обучение в вузах страны в то время проводилось в соответствии с требованиями Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (далее – ГОС ВПО или ФГОС ВПО – федеральный государственный образовательный стандарт), в основу которых закладывалась квалификационная характеристика специалиста, представляющая собой, с одной стороны, описание вида профессиональной деятельности, которую предстояло осуществлять выпускнику вуза (в данном случае – описание судебно-экспертной деятельности), с другой – изложение объективных требований, выполнение которых должно было позволить ему успешно решать профессиональные задачи¹.

На протяжении нескольких десятков лет в России при изучении потребностей сферы труда и решении вопросов о подготовке кадров, способных наиболее продуктивно осуществлять тот или иной вид профессиональной деятельности, итог исследований представлялся в виде стандартизированной модели специалиста – описания идеального профессионала как носителя определенных качеств, наличие которых увязывалось с овладением профессией. Неслучайно, обосновывая необходимость формирования новой отрасли знания – судебной экспертологии, А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская в свое время писали о важности разработки учения о субъекте судебной экспертизы: изучении основ психологической структуры экспертной деятельности, условий формирования профессиональных качеств судебного эксперта и установления профиля подготовки экспертных кадров². Некоторые ученые высказывались в пользу разработки квалификационных характеристик для каждой экспертной специальности и построения «типовой модели судебного эксперта»³.

¹ О понятии «квалификационная характеристика» см.: Макарова Л.В. Преподаватель: модель деятельности и аттестация. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1992. С. 6.

² Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз): учеб. пособие / отв. ред. Б.А. Викторов. Волгоград: Изд-во Высшей следственной школы МВД СССР, 1979. С. 41–42.

³ См., например: Мелкоян Х.Г. О профессии судебного эксперта... С. 89; Корухов Ю.Г., Орлова В.Ф. Значение общей теории для развития института судебной экспертизы // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики: тезисы науч.-практич. конференции. Киев, 1993. С. 60–61.

Однако предпринятый Е.Э. Смирновой анализ тенденций, проявившихся в 70-е гг. прошлого века в использовании метода моделирования в сфере образовательной деятельности, показал, что модель специалиста на практике способна в полной мере оправдать свое функциональное назначение только в том случае, если ее разработка будет опираться на модель деятельности специалиста¹.

Именно в этот период в США было положено начало формированию компетентностного подхода в образовании — в рамках теории языка стали разграничиваться понятия «компетенция» (знание языка говорящим/слушающим) и «компетентность» (употребление языка в конкретных ситуациях)².

Важность дифференциации указанных понятий (воспринятых теорией и практикой судебной экспертизы) в деятельности судебного эксперта была наглядно проиллюстрирована А.Р. Белкиным в работе «Теория доказывания» на примере несовпадения характеристик идеального эксперта и поведения человека-эксперта в реальных условиях³.

На рубеже тысячелетий необходимость переноса акцента с приобретения обучающимися знаний, навыков и умений на формирование личностных качеств, позволяющих человеку решать задачи жизнедеятельности (в том числе профессиональные), стала очевидной. К этому времени усилиями исследователей, двигавшихся в направлении синтеза различных подходов к формированию модели специалиста, в России сложилась система высшего и послевузовского профессионального образования, опирающаяся как на модели подготовки специалиста (минимальная образовательная программа, квалификационные требования, государственные требования к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки, государственный образовательный стандарт), так и на модели профессиональной деятельности (речь идет о психограмме, профессиограмме, квалификационной характеристике, фонде комплексных квалификационных задач и собственно модели деятельности)⁴.

¹ Смирнова Е.Э. Пути формирования модели специалиста с высшим образованием. Л.: ЛГУ, 1977. С. 13–16.

² Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ.; под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 9.

³ Белкин А.Р. Теория доказывания... С. 253–265.

⁴ Матушанский Г.У., Фролов А.Г. Проектирование моделей подготовки и профессиональной деятельности преподавателей высшей школы. Казань: Изд-во Казанского государственного технологического ун-та // Educational Technology & Society. 2000. № 3 (4). С. 187.

Близкая по сути к выработанным мировой практикой в рамках компетентностного подхода моделям организации образовательного процесса, отечественная система высшего и послевузовского профессионального образования из-за различий на понятийном и операциональном уровнях проверку на прочность, к сожалению, не прошла — в сентябре 2003 г. Россия присоединилась к Болонскому процессу¹.

Болонская декларация не просто предусматривает введение двухступенчатого (двухциклового) высшего образования, первый цикл которого должен быть ориентирован на подготовку квалифицированного исполнителя (три-четыре года обучения с получением степени бакалавра), а второй — на развитие творческих способностей личности (один-два года обучения по окончании первого цикла с получением степени магистра и/или доктора при общей длительности обучения семь-восемь лет). Речь идет о смене парадигмы образования как целостного явления, а также о кардинальном преобразовании всех парадигм, его составляющих, в первую очередь таких, как цели, содержание, результат².

Как это ни парадоксально, среди ученых и практиков до сих пор нет единства мнений относительно того, каким образом должен быть реализован компетентностный подход применительно к ситуации получения высшего профессионального образования в области судебной экспертизы. Даже при поверхностном анализе публикаций по вопросам подготовки экспертных кадров становится ясно, что активно дискутировавшие на заседаниях Совета УМО проблемы реализации специальности «Судебная экспертиза» отражения в литературе, за редким исключением, не нашли и предметом широкого обсуждения так и не стали.

В свое время, на этапе становления специальности «Судебная экспертиза», Т.В. Аверьянова верно указывала: «Поскольку в методики большинства видов экспертиз входят методы и средства других областей знаний, пусть даже в модифицированном и адаптированном виде,

¹ Болонский процесс был инициирован руководством ведущих европейских университетов, ректоры которых 18 сентября 1988 г. подписали «Всеобщую хартию университетов» в итальянском г. Болонья. Далее были подписаны: «Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» (Лиссабон, Португалия, 11 апреля 1997 г.) и «Зона Европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования» (Болонья, Италия, 19 июня 1999 г.). Следует отметить, что юридическую силу имеет именно Лиссабонская конвенция, а не Болонская декларация. (По данному вопросу см., например: Европейские конвенции: образовательные стандарты / сост. Г.В. Игнатенко. Екатеринбург, 2002. С. 64–66).

² Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.

для работы с использованием этих методов и средств требуются специалисты, обладающие не только знаниями и практическим опытом работы с этими методами и приборами, но и знаниями в области тех базовых наук, на которых они основаны. Таких специалистов вузы не готовят, а существующая практика наставничества себя не оправдывает. Целесообразно наладить подготовку экспертов, отбирая студентов четвертых-пятых курсов соответствующих факультетов университетов и вузов и осуществляя на выпускном курсе необходимую подготовку в области правовых наук и судебной экспертизы»¹.

Автором монографии, после включения в состав Совета УМО, было высказано предложение о развитии специальности «Судебная экспертиза» за счет разработки пакета Государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «судебный эксперт» с указанием вида экспертных исследований, в области проведения которых лицо, освоившее соответствующую образовательную программу, могло бы специализироваться. Это позволило бы осуществлять подготовку судебных экспертов независимо от вида экспертной специализации на единой методической основе параллельно с получением гражданами высшего образования в профильных учебных заведениях либо после их окончания.

Предложение автору частично удалось реализовать: заместителем Министра образования Российской Федерации 5 марта 2004 г. были утверждены Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», а также примерная дополнительная профессиональная образовательная программа профессиональной переподготовки специалистов для получения указанной квалификации объемом 1078 часов, введенные в действие приказом Министерства образования РФ от 8 апреля 2004 г. № 1547².

В соответствии с решениями Совета и Президиума УМО по образованию в области судебной экспертизы о необходимости сохранения непрерывной пятилетней подготовки экспертов-криминалистов для органов внутренних дел и введения уровневой подготовки (бакалавриат

¹ Аверьянова Т.В. Организационные и методические проблемы развития и внедрения методов экспертного исследования // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Саратов: Изд-во СВШ МВД РФ, 1994. С. 18.

² Комиссарова Я.В., Килессо Е.Г., Перч В.О. Криминалистика + Криминалисты = Опыт борьбы с преступностью. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 163–195.

и магистратура) для иных специализаций В.Н. Хрусталевым в 2007 г. был разработан проект нового ФГОС ВПО по образовательному направлению «Судебная экспертиза»¹. Проект активно обсуждался, однако предложение об уровневой подготовке экспертов поддержки не нашло.

Значительным шагом вперед в деле подготовки судебных экспертов стал ввод в действие ФГОС ВПО по направлению подготовки (специальности) 031003 Судебная экспертиза (квалификация (степень) «специалист»), который был утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 40². Вариативные части гуманитарного, социального и экономического, а также математического и естественно-научного циклов в нем минимизированы, что позволило увеличить вариативную часть профессионального цикла. Это делает ФГОС более гибким, обеспечивая возможность реализации не только экспертно-криминалистической, но и прочих специализаций.

Одним из немногих узких мест стандарта является подход к определению области и объектов профессиональной деятельности выпускников. В пункте 4.1 ФГОС справедливо указывается, что профессиональная деятельность выпускников включает судебно-экспертную деятельность по обеспечению судопроизводства, предупреждения, раскрытия и расследования правонарушений путем использования специальных знаний для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных носителей информации, необходимой для установления фактических данных. В то же время в п. 4.2 подчеркивается, что объектами *профессиональной деятельности* (выделено авт. — К.Я.) специалистов являются свойства и признаки исключительно материальных носителей розыскной и доказательственной информации, хотя (как было показано в первой главе работы) объектами экспертного исследования могут быть любые реальные и идеальные объекты.

Разработчиков стандарта можно понять: носители специальных знаний, участвующие в судопроизводстве (не только в уголовном), учеными-процессуалистами, законодателем, правоприменителями до сих пор по большей части воспринимаются в качестве лиц, оказывающих посильное содействие сторонам и суду в урегулировании проблем, на

¹ Хрусталева В.Н. Перспективы академической подготовки судебных экспертов в России // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 21.

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 40 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031003 Судебная экспертиза (квалификация (степень) «специалист»)» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 6 апреля 2011 г. № 20438) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/55171092/> (дата обращения: 02.01.2013).

разрешение которых нацелен соответствующий вид правоприменительной деятельности. При этом экспертиза рассматривается исключительно в качестве правовой формы использования специальных знаний.

Возможно, поэтому подавляющее большинство исследователей по-прежнему сосредотачивают свое внимание на анализе понятия «специальные знания» без учета различий между образовательной, профессиональной и уголовно-процессуальной деятельностью¹. В работах по общей теории судебной экспертизы также можно найти разделы, в которых характеризуются субъекты судебно-экспертной деятельности (преимущественно с позиций действующего процессуального законодательства), и отдельно – психологические основы деятельности судебного эксперта как профессионала (без учета смены образовательной парадигмы)². Некоторые, развивая идеи, в свое время выдвинутые Я.М. Яковлевым, Х.Г. Мелконяном, Ю.Г. Коруховым и др., продолжают рассматривать вопрос о подготовке экспертных кадров с позиций профессиографии³, упуская из виду, что триада «знания–умения–навыки» в контексте достижения результата образовательной деятельности в российской действительности уже уступила свое место «ключевым компетентностям» и их составляющим⁴.

Остается открытым вопрос о наставничестве в судебной экспертизе. Многие российские специалисты полагают, что на современном этапе развития общества система наставничества и ведомственной аттестации на право производства экспертиз не способна обеспечить необходимый уровень квалификации экспертов⁵. В то же время в Словакии

¹ См., например: Полешук О.В., Саксин С.В., Яровенко В.В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2007; Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2009.

² Основы судебной экспертизы. Ч. I. Общая теория / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997; Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006; Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009; и др.

³ Шнайдер А.А. Теоретические основы судебной экспертизы: курс лекций. Вып. 3. Психологические основы судебной экспертизы. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2002. С. 43–47; Кискина Е.Е. Содержание и структура профессиограммы судебного эксперта // Вестник криминологии / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 3 (27). М.: Спарк, 2008. С. 77–83.

⁴ О ключевых компетентностях см.: Маркова А.К. Психология профессионализма... С. 34–35; Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования... С. 34–42; Хуторской А. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64; и др.

⁵ По данному вопросу см., например: Ручкин В.А. О формах подготовки специалистов... С. 66–85.

пошли именно по этому пути: после вступления в должность сотрудник с соответствующим высшим образованием работает в качестве помощника эксперта и проходит обучение без отрыва от работы под контролем эксперта-руководителя¹.

Проблема здесь не в делении возможных вариантов подготовки судебных экспертов по принципу «лучше/хуже». Сегодня мы имеем дело с ситуацией, когда экспертиза как социально-правовое явление востребована едва ли не во всех сферах жизни общества. Фокусируясь в период обучения на решении экспертных задач, связанных с обеспечением судопроизводства, предупреждением, раскрытием и расследованием правонарушений, пройдя подготовку по определенной специализации, выпускник фактически овладевает профессией эксперта. Производство судебных экспертиз оказывается для него далеко не единственной сферой деятельности.

Однако говорить о профессии «эксперт» можно, лишь указывая наименование направления ВПО, избранного человеком в ходе подготовки к выполнению определенного вида общественно полезной деятельности, при условии, что специализация в области экспертизы является элементом его освоения. Речь в этом случае идет не о специализации в области судебной экспертизы (как это предлагали в свое время некоторые члены Совета УМО), а об освоении субъектом основ прикладной деятельности по исследованию того или иного объекта, которая на практике будет осуществляться им с целью получения информации, интересующей инициатора производства такого рода экспертизы.

Данный подход изначально был использован при подготовке экспертов-криминалистов, когда обучение велось по специальности Правоведение с экспертно-криминалистической специализацией. Утверждение в установленном порядке ГОС ВПО по специальности 351100 Товароведение и экспертиза товаров (по областям применения), предусматривающего присвоение квалификации «товаровед-эксперт», придало идее новый импульс, но дальнейшего развития она не получила².

С учетом изложенного представляется необходимым разграничение понятий трудовой и процессуальной деятельности эксперта на уровне образовательного стандарта, коль скоро овладение профессией подраз-

¹ Крайник В., Крайникова М., Фазекаш И. О проблемах подготовки судебных (криминалистических) экспертов в Словакии // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 37.

² Приказ Министерства образования РФ от 2 марта 2000 г. № 686 «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования» // Федеральный портал «Российское образование» // URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_05/m4.html (дата обращения: 19.03.2010).

умеает обязательную профподготовку, а с позиций процессуального права участие эксперта в судопроизводстве с наличием у него профессиональной подготовки по конкретной специальности никак не связано.

Использование одних и тех же терминов для обозначения понятий, относящихся к разным областям человеческой деятельности, осложняет ситуацию. Сегодня «судебная экспертиза» — это и процессуальное действие, проводимое лицами, назначенными экспертами в порядке, предусмотренном УПК, ГПК, АПК, КоАП РФ, и самостоятельный вид услуг, и специальность ВПО, а статус эксперта субъект может приобрести, вступая в различные общественные отношения, урегулированные множеством отраслей права, не только процессуального. На практике из-за этого нередко возникают различного рода казусы.

Так, с момента ввода в действие в 2004 г. Гостребований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» полиграфологов при поручении им производства судебной экспертизы часто спрашивают, имеется ли у них данная квалификация. Некоторые защитники обвиняемых, ссылаясь на п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ, таким образом пытаются доказать некомпетентность полиграфолога, проводившего экспертное исследование (ежегодно к автору монографии за разъяснениями по данному вопросу обращается в среднем до десяти человек).

Учитывая масштабы подготовки судебных экспертов в вузах России, нельзя исключать возможность процессуальной коллизии при попытке поручить производство комплексной экспертизы двум или более лицам, освоившим специальность ВПО «Судебная экспертиза». В части 1 ст. 201 УПК РФ оговаривается, что в производстве комплексной экспертизы должны участвовать эксперты *разных* специальностей (выделено авт. — *К.Я.*). Понятие «специальность» в ст. 5 УПК РФ (по вполне понятным причинам) не расшифровывается. Следовательно, в ситуации назначения экспертами лиц, не являющихся сотрудниками ГСЭУ, которые представят в подтверждение наличия у них специальных знаний дипломы о получении ВПО по специальности «Судебная экспертиза», правомерность производства комплексной экспертизы (с подачи не заинтересованной в ее проведении стороны) вполне может быть поставлена под сомнение.

История использования специальных знаний в судопроизводстве России сложилась таким образом, что судебно-экспертная деятельность стала самостоятельным видом общественно полезной деятельности, а деятельность лиц, занимающихся производством судебных

экспертиз, – профессией. Строго говоря, именно этим и было обусловлено появление специальности ВПО «Судебная экспертиза». Но если на этапе ее становления в первую очередь речь шла о подготовке высокопрофессиональных кадров для ГСЭУ, то сегодня освоение данной специальности все больше интересует тех, кто хотел бы сделать своей профессией деятельность по производству экспертиз по заявкам юридических и физических лиц. Свидетельство тому – большое число желающих пройти обучение в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по специальности ВПО «Судебная экспертиза».

Результаты предпринятого анализа понятий «деятельность эксперта», «судебная экспертиза», «судебно-экспертная деятельность», «экспертная деятельность» обуславливают необходимость переосмысления ряда положений теории судебной экспертизы (далее – ТСЭ), основной дисциплины профессионального цикла специальности ВПО «Судебная экспертиза», прежде всего касающихся понятия и сущности изучаемых ею закономерностей.

История становления ТСЭ (термины «общая теория судебной экспертизы» и «теория судебной экспертизы» в настоящее время употребляются в качестве синонимов), ее концептуальные основы и структура подробно исследовались И.А. Алиевым, Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкиным, С.Ф. Бычковой, А.И. Винбергом, Ф.М. Джавадовым, А.М. Зининым, Ю.Г. Коруховым, Е.Р. Россинской, А.Р. Шляховым, А.А. Эйсманом, другими учеными. Широкую известность получило сформулированное Т.В. Аверьяновой определение ТСЭ как системы мировоззренческих и праксеологических принципов самой теории и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений в этой области научного знания, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, процессов и отношений, обеспечивающей комплексное отражение судебно-экспертной деятельности¹.

Излагая свое видение сущности ТСЭ, Т.В. Аверьянова опиралась на мнение Р.С. Белкина относительно роли и значения общей теории криминалистики как методологической основы науки в целом². В Энциклопедии судебной экспертизы подчеркивалось, что ТСЭ – это «основополагающая часть науки о судебной экспертизе», объектом которой

¹ Аверьянова Т.В. Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата: Изд-во Казахского НИИ судебных экспертиз, 1991. С. 48.

² Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 39–40.

является судебно-экспертная деятельность, а содержание составляют сведения обо всех основных категориях экспертной деятельности¹.

Не оспаривая ранее высказанных суждений, авторы современного учебника «Теория судебной экспертизы»² включили в него не только общетеоретические положения, но и характеристику процессуального статуса лиц, вовлекаемых в судопроизводство в качестве экспертов; описание порядка назначения экспертиз в гражданском, арбитражном, уголовном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях; информацию о системе и функциях ГСЭУ и т.п.

В целом такой подход представляется правильным. Комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности предполагает изучение всех ее составляющих в рамках ТСЭ. Материал учебника фактически дает развернутое представление о специфике деятельности эксперта как участника судопроизводства с позиций деятельностного подхода (хотя авторы об этом не пишут). Имеющееся в нем определение предмета ТСЭ с опорой на праксиологию, сформулированное Т.В. Аверьяновой в 1991 г., не раскрывает в полной мере значение данной теории с учетом сложившихся в науке и практике реалий. Сегодня праксиология не может служить методологической основой исследовательской деятельности.

В связи с этим надо признать своевременным предложение Е. Р. Россинской в качестве предмета ТСЭ рассматривать «закономерности возникновения, формирования, развития и функционирования классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на базе унифицированного понятийного аппарата и единой методологической основе с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, закономерности судебно-экспертной деятельности в целом и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, а также единые требования к форме и содержанию заключений экспертов, единые подходы к использованию специальных знаний»³.

Еще в одной (одновременно вышедшей публикации) Е.Р. Россинская уточняет, что «методологические, правовые и научно-организаци-

¹ Энциклопедия судебной экспертизы... С. 262–264.

² Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма, 2009.

³ Россинская Е. Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 5–6.

онные закономерности функционирования судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности» являются предметом судебной экспертологии, в структуру которой следует включить: 1) общую теорию судебной экспертизы; 2) правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности; 3) научно-организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности; 4) судебно-экспертные технологии¹.

Очевидно, приведенные определения еще будут корректироваться как разработчиком идеи, так и последователями Е.Р. Россинской, в цитируемой статье отметившей, что дискуссия в данном случае будет полезна. Несомненно, спад активности в области теоретических изысканий, наблюдавшийся в середине 2000-х гг., в недалеком будущем сменит новая волна интереса к изучению категорий экспертологии и ТСЭ.

В контексте целей и задач данной работы имеет смысл обратить внимание на важность использования положений психологической теории деятельности для уяснения соотношения понятий науки судебной экспертизы и ТСЭ как ее «основополагающей части».

Разрабатывая концепцию «судебной экспертологии», А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская видели в ней форму «достоверного научного знания о закономерностях и методологии формирования и развития научных основ судебных экспертиз»². При этом терминами «теория судебной экспертизы», «общая теория судебных экспертиз», «судебная экспертология» ученые оперировали как синонимами³.

¹ Россинская Е.Р. О предмете и системе теории судебной экспертизы – судебной экспертологии в современных условиях // Материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 9–10.

² Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология... С. 8.

³ Сегодня понятие «судебная экспертология» по-прежнему в ходу. См., например: Судебная экспертология: методические материалы по спецкурсу / сост. В.С. Позий. Симферополь: Доля, 2001 ; Кокорин П.А. Судебная экспертология в вопросах и ответах: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001.

Поддерживая идею формирования ТСЭ, Р.С. Белкин тем не менее высказал ряд замечаний по поводу позиции А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, указав, что в содержание новой теории не следует включать ни правовые, ни организационные основы экспертной деятельности, поскольку ее предмет не может совпадать с предметом изучения других наук¹. Аналогичные аргументы впоследствии использовала Т.В. Аверьянова, подвергнув критике позицию К.Н. Шакирова, полагающего, что ТСЭ должна быть ориентирована на познание закономерностей формирования и развития методологических, правовых, организационных и методических основ судебной экспертизы в целях законного и научно обоснованного применения специальных экспертных знаний в судопроизводстве².

С этой точки зрения понятие судебной экспертологии, сформулированное Е.Р. Россинской, тоже уязвимо, как и суждения И.Н. Сорокотягина и Д.А. Сорокотягиной. В опубликованном соавторами пособии речь идет о самостоятельной юридической науке, занимающейся теоретическими закономерностями функционирования правовых, методологических, исторических, тактических, нравственных, организационных и психологических основ, а также практикой использования специальных знаний в границах процессуальной формы («судебной экспертизы») с целью выявления свойств и признаков изучаемых предметов и субъектов для судопроизводства³.

Избежать ошибки при определении сущности ТСЭ можно, если все время держать в уме, что условием ее существования, как писал Р.С. Белкин, «является выделение в качестве предмета того общего, что объединяет методологически и методически все виды судебных экспертиз, но не является предметом других наук, без “посягательств” на особенное, изучаемое соответствующими науками, также обслуживающими судопроизводство»⁴.

Примечательно, что в своей работе И.Н. Сорокотягин и Д.А. Сорокотягина, уделяя внимание толкованию слова «экспертология», сначала говорят про теорию «о сведущих, опытных людях, специальные познания которых используются для исследования объектов», и тут же,

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 306–308.

² Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 37–39.

³ Теория судебной экспертизы: учеб. пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. С. 18.

⁴ Белкин Р.С. Указ. соч. С. 308.

через запятую указывают, что это теория об экспертизе¹. Знак равенства здесь не совсем уместен. Хотя триада «субъект – деятельность – объект» и функционирует как единое целое, любой из элементов может и должен быть предметом самостоятельного изучения.

Методологически и методически все виды судебных экспертиз связывает профессиональная деятельность носителей специальных знаний, осуществляемая ими в статусе участников уголовного, гражданского, арбитражного процессов, производства по делам об административных правонарушениях. Специфика деятельности человека, назначенного экспертом, в единстве ее процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих привела к обособлению судебно-экспертной деятельности и появлению профессии судебного эксперта. Результаты предпринятого исследования позволяют дифференцировать судебную экспертологию – науку о судебно-экспертной деятельности и ТСЭ, призванную раскрыть сущность экспертизы как действия в структуре процессуальной, судебно-экспертной и даже экспертной деятельности в целом, вне ее связи с судопроизводством.

При таком подходе характеристика судебной экспертологии, предложенная Е.Р. Россинской, нуждается в уточнении.

Предмет ТСЭ следует ограничить изучением закономерностей возникновения, формирования, развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий. При этом акцентировать внимание на становлении и развитии сначала видов экспертиз, а потом уже родов и классов. С научной точки зрения движение от общего к частному или же от частного к общему в данном случае одинаково приемлемо. Однако анализ литературы и личный опыт работы автора в ГСЭУ свидетельствуют о том, что вопросами формирования родов и классов ученые озадачиваются, когда несколько соответствующих видов экспертиз прочно войдут в следственную и судебную практику.

Кроме того, представляется проблематичной унификация (приведение к единообразию²) экспертных технологий. Понятие «экспертная технология» многозначное. По мнению некоторых ученых, оно охватывает познавательную деятельность эксперта по исследованию объектов судебной экспертизы, зону, где единообразие невозможно³. Ука-

¹ Теория судебной экспертизы: учеб. пособие... С. 11.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 834.

³ Плешаков С.М. Современные экспертные технологии в деятельности судебно-экспертных учреждений России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 9.

вание на оптимизацию¹ *технологии производства* судебных экспертиз (выделено авт. — *К.Я.*) могло бы точнее отразить задачи ТСЭ. Их следует соотносить с назначением судебной экспертологии, формирование предметной области которой определяется необходимостью удовлетворения потребностей, обуславливающих существование судебно-экспертной деятельности.

С учетом изложенного, не претендуя на универсальность формулировок, можно предложить следующие определения анализируемых понятий.

Предмет ТСЭ — закономерности становления и развития видов, родов, классов судебных экспертиз, а также их частных теорий, исследуемые и используемые в целях оптимизации технологии производства судебных экспертиз.

Судебная экспертология — система знаний о методологических, правовых, организационных, научных, методических основах судебно-экспертной деятельности, обеспечивающая изучение закономерностей как судебно-экспертной деятельности, так и закономерностей профессиональной деятельности эксперта в статусе участника процесса, в целях выработки комплекса мер (средств и методов, требований и рекомендаций), направленных на повышение эффективности использования специальных знаний в судопроизводстве.

В контексте проводимого исследования одна из основных задач судебной экспертологии видится в повышении результативности профессиональной деятельности лица, назначаемого экспертом, в процессуальной среде. С этой точки зрения важно все: развитие личностного потенциала эксперта, совершенствование организационных условий производства экспертиз, обновление приборной базы, своевременная корректировка отдельных правовых норм и т.п. Реализация специальности ВПО «Судебная экспертиза», лицензирование судебно-экспертной деятельности юридических лиц, аккредитация экспертных учреждений и т.д. — это те меры, которые не хаотично, а во взаимосвязи и взаимозависимости должны внедряться в экспертную практику, имея под собой прочное научное обоснование.

Многоаспектный характер деятельности субъекта, вовлекаемого в судопроизводство в статусе эксперта, не позволяет подробно остановиться на всех положениях ТСЭ, требующих переоценки в современ-

¹ Оптимизация предполагает придание чему-либо оптимальных свойств, показателей; оптимизировать — значит выбрать наилучший из возможных вариантов (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 457).

ных условиях. К вышеизложенному относительно предмета данной области знания следует добавить предложение, касающееся модернизации учения о субъекте экспертной деятельности, традиционно выделяемого в структуре ТСЭ, но недостаточно развитого с точки зрения деятельностного подхода.

В соответствии с ФГОС ВПО по направлению подготовки (специальности) 031003 Судебная экспертиза (квалификация (степень) «специалист») выпускник, в частности, должен обладать следующими общекультурными компетенциями (далее – ОК):

– способностью понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы, вопросы ценностно-мотивационной ориентации; значение гуманистических ценностей, свободы и демократии (ОК-2);

– способностью к толерантному поведению, к социальному и профессиональному взаимодействию с учетом этнокультурных и конфессиональных различий, к работе в коллективе, кооперации с коллегами, к предупреждению и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций в процессе профессиональной деятельности (ОК-7);

– способностью проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния (ОК-8);

– способностью креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи, проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, принимать оптимальные организационно-управленческие решения в повседневной деятельности и нестандартных ситуациях, нести за них ответственность (ОК-10);

– способностью анализировать свои возможности, самосовершенствоваться, адаптироваться к меняющимся условиям профессиональной деятельности и изменяющимся социокультурным условиям, приобретать новые знания и умения, повышать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, развивать социальные и профессиональные компетенции, изменять вид и характер своей профессиональной деятельности (ОК-11).

Во ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр» и квалификация (степень) «магистр»)¹ такие компетенции не заложены.

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900

Очевидно, чтобы достичь заложенных в Стандарте результатов освоения основных образовательных программ подготовки специалиста, учение о субъекте экспертной деятельности должно не только содержать описание психологических особенностей профессиональной деятельности эксперта. Его положения должны способствовать профессиональному становлению и развитию индивида, в том числе за счет формирования у него психологической готовности к выполнению своих обязанностей на качественно высоком уровне.

Подспорьем в разработке новой концепции учения может стать модель профессиональной компетентности юридического психолога, предложенная В.Ф. Енгальчевым в качестве психолого-педагогической основы его подготовки к практической деятельности¹. Интерес также представляет разработанная Ю.М. Забродиным концепция готовности, охватывающая: план развития индивида; план развития мира (в том числе «мира профессий») и его отражения «в субъекте»; план взаимодействия субъекта «в контакте» с его окружением; план «формирования» профессионала; план его реальной деятельности в сфере труда, а также план возникающих при этом личностных проблем².

Данная концепция полностью согласуется с основными принципами компетентностного подхода, так как увязывает процесс профессионального становления человека как субъекта труда с развитием функциональной основы психической регуляции деятельности; получением знаний о сфере труда и формированием, соответственно, индивидуальной системы ценностей, склонностей, способностей и т.д.; накоплением личного опыта и принятием культуры общества, в частности, технологической; интеграцией операционной, ценностно-мотивационной и функциональной готовности в едином субъекте «здесь и сейчас» (то есть в данное время и в данной ситуации). Выделение в структуре профессиональной готовности таких ее форм, как операционная,

Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 21 мая 2010 г. № 17337) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/198430/> (дата обращения: 02.01.2013); Приказ Министерства образования и науки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 01.02.2011 № 19648) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/55170501/> (дата обращения: 02.01.2013).

¹ Енгальчев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии... С. 130–229.

² Подробнее здесь и далее см.: Забродин Ю.М. Очерки теории психической регуляции поведения... С. 123–134.

мотивационная и функциональная готовность (именно этого требует компетентностный подход к образованию) позволяет конкретизировать цели и задачи научно-практических изысканий применительно к различным этапам профессионального становления субъекта.

Так, совершенствование методов оценки уровня развития психологической системы регуляции профессиональной деятельности субъекта, затрагивающего в первую очередь его профессиональные способности и систему профессионально важных качеств (операционная готовность), должно способствовать ускоренному решению комплекса вопросов «пригодности-непригодности» человека к выполнению определенной деятельности без увеличения (в идеале) психического напряжения, неизбежно сопутствующего вовлечению личности в процесс профессионального отбора. Развита на базе усвоенных общечеловеческих и собственных личностных ценностей и предпочтений система профессиональных интересов и склонностей (мотивационная готовность) является реальной базой для выявления в ходе психологической диагностики профессиональной направленности личности, позволяющей работодателю определить наиболее эффективные условия приложения знаний и опыта субъекта с точки зрения стимулов и мотивации труда. Анализ психического функционального состояния индивида как устойчивого и одновременно изменчивого фона процессов жизнедеятельности (функциональная готовность) чрезвычайно важен на этапе решения вопросов возможности, допустимости и целесообразности привлечения субъекта к выполнению конкретных профессиональных заданий в той или иной ситуации.

Опора на концепцию готовности позволяет изучить специфику профессионального становления судебного эксперта с точки зрения пригодности, подготовленности и готовности субъекта к осуществлению судебно-экспертной деятельности с учетом как психологических аспектов профессионального становления индивида, так и объективных факторов, оказывающих влияние на общественно полезную деятельность лица, избравшего профессию судебного эксперта.

Обобщая изложенное во второй главе, можно сделать следующие выводы:

1. В ходе исследования деятельности лиц, вовлекаемых в судопроизводство в статусе экспертов, с позиций психологии было установлено, что данному виду деятельности присущи все четыре психологических признака труда. При этом ретроспективный анализ становления и развития института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве России показал, что деятельность лиц, занимающихся производством судебных экспертиз, является не просто трудовой, но и профессиональной.

2. Специфика деятельности лиц, назначаемых экспертами, в единстве ее процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих:

а) обусловила не только обособление судебно-экспертной деятельности как самостоятельного вида общественно полезной деятельности, но и появление профессии судебного эксперта (в 1994 г. в номенклатуру образовательных специальностей была включена специальность ВПО «Судебная экспертиза»);

б) в настоящее время является основанием для дифференциации судебной экспертологии — науки о судебно-экспертной деятельности и теории судебной экспертизы, призванных раскрыть сущность экспертизы как действия в структуре процессуальной, судебно-экспертной, а также экспертной деятельности в целом;

в) в перспективе позволяет переориентировать учение о субъекте экспертной деятельности с описания психологических особенностей профессиональной деятельности эксперта на выработку концепции профессионального становления индивида, избравшего профессию судебного эксперта.

3. В юриспруденции применительно к трудовой деятельности разграничиваются профессии (подразумевается обязательная профессиональная подготовка) и занятия (любой вид деятельности, в том числе не требующий специальной подготовки, приносящий заработок или доход). Процессуальное право допускает возможность производства экспертных исследований как по трудовому договору (контракту), так и по гражданско-правовому договору. Такой подход обеспечивает возможность вовлечения в уголовное судопроизводство в статусе эксперта любого лица, обладающего, по мнению назначающего экспертизу, специальными знаниями.

4. Вопрос о профессиональном характере экспертной деятельности решен и на теоретическом, и на практическом уровне. Экспертиза, как совокупность действий по проведению исследования и даче заключения, выполняемых по заданию заказчика исполнителем — лицом, обладающим специальными знаниями, независимо от сферы использования является консультационной услугой, поскольку в результате ее оказания исполнитель (эксперт) снабжает заказчика (лицо или орган, назначившие экспертизу) новым — «выводным» знанием, что составляет отличительную особенность консультационных услуг. Привлечение носителей специальных знаний к производству судебных экспертиз на основании договора подряда недопустимо.

5. Система мер, направленных на повышение качества предоставляемых экспертами консультационных услуг и поддержание таким образом готовности к осуществлению процессуальных обязанностей на высоком профессиональном уровне, помимо совершенствования реализации специальности ВПО «Судебная экспертиза», должна включать: а) лицензирование судебно-экспертной деятельности юридических лиц; б) аккредитацию экспертных учреждений; в) аттестацию и переаттестацию экспертов при условии успешного прохождения квалификационных испытаний; г) принятие аттестованными лицами присяги; д) ведение реестра экспертов.

Глава III

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧАСТНИКА СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Соотношение специального и отраслевого статусов лица, назначаемого экспертом при производстве по уголовному делу

Для обозначения закреплённого нормами права реального положения субъекта в системе общественных отношений в юриспруденции используется понятие правового статуса личности. Различным аспектам изучения личности субъектов права ученые и практики всегда уделяли много внимания. Однако понятие правового статуса как самостоятельная собирательная категория, отражающая весь комплекс связей человека с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми, сформировалось в теории государства и права сравнительно недавно — во второй половине прошлого столетия. С тех пор анализ правового статуса личности составляет важное научное направление не только в общей теории государства и права, но и в отраслевых юридических науках¹.

Истоки современных подходов к анализу правоотношений, складывающихся при производстве судебных экспертиз по уголовным делам, следует искать в трудах М.С. Строговича (1946, 1958), В.М. Никифорова (1947), Р.Д. Рахунова (1950, 1953), М.А. Чельцова и Н.В. Чельцовой (1954), А.И. Винберга (1956), А.В. Дулова и В.А. Притузовой (1959), И.Л. Петрухина (1964) и других видных ученых. Специфика уголовно-процессуальных, а также иных связанных с ними общественных отношений, регулируемых действующим законодательством в части, касающейся судебной экспертизы, особенности правового положения эксперта как субъекта судопроизводства в современной России наиболее подробно были исследованы А.В. Кудрявцевой (2001) и Е.А. Зайцевой (2008).

Справедливо подчеркивая, что регламентация процессуального статуса эксперта должна отвечать природе тех правоотношений, которые

¹ См., например: Абызова Е.Р. Правовой статус сотрудников органов внутренних дел (общетеоретические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Чучаев А.И., Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика. М.: Проспект, 2010.

являются центральным звеном в определении судебной экспертизы как института уголовно-процессуального права, А.В. Кудрявцева разграничивает понятия «правовой статус» и «процессуальное положение» эксперта. Первое трактует узко, полагая, что речь должна идти исключительно о совокупности прав и обязанностей эксперта, а второе — широко, включая в него «субъективные права и обязанности, процессуальные гарантии осуществления права и реализации обязанностей, процессуальную ответственность за неисполнение прав и обязанностей, а также обстоятельства, исключающие участие данного лица в уголовном судопроизводстве»¹.

Надо сказать, что в теории государства и права понятия «статус» и «положение» обычно используются в качестве синонимов, одно определяется через другое, что, кстати, полностью соответствует языковой практике². Причина нестандартного подхода А.В. Кудрявцевой к решению данного вопроса кроется за ссылками на труды Н.В. Витрука и В.А. Кучинского, специалистов в области теории государства и права, предложения которых в части разграничения понятий правового статуса и правового положения индивида однозначной поддержки в науке не получили³.

Существует множество видов правового статуса, которые классифицируют по различным основаниям. В теории государства и права по степени общности традиционно выделяют общий правовой (конституционный), специальный и индивидуальный статусы личности⁴. В отраслевых науках виды правового статуса определяются и характеризуются с учетом соответствующих целей и задач⁵. В контексте данного исследования особого внимания заслуживает понятие специаль-

¹ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 161–162. Очевидно, что обстоятельства, исключающие участие конкретного лица в судопроизводстве, суть юридические факты, влекущие отвод эксперта, то есть факты, обуславливающие изменение «процессуального положения» субъекта, но отнюдь не составляющие данного понятия.

² См. значение слова «статус»: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

³ Теория государства и права: курс лекций... С. 263–264.

⁴ По вопросу о видах правового статуса личности см., например: Лимонова Н.А., Мирзоев Г.Б., Метлова К.С., Назарян М.Г. Права и свободы человека и гражданина России и роль адвокатуры в их защите: учеб. пособие / под ред. засл. юриста РФ, докт. юрид. наук, проф. Т.Н. Радько. М.: Изд-во Российской академии адвокатуры, 2004. С. 13.

⁵ См., например: Манохин В.М., Адушкин Ю.С., Багишаев З.А. Российское административное право: учебник. М.: Юристъ, 1996. С. 45–52; Лекции по общей части гражданского права: учеб. пособие. Владимир: ВГПУ, 2003. С. 33–53.

ного статуса, характеризующего правовое положение определенных категорий граждан (инвалидов, пенсионеров, учителей, военнослужащих, врачей и пр.).

Как справедливо указывают А.И. Чучаев и А.А. Крупцов, специальный правовой статус — это «нормативно закрепленный статус, на основе которого у личности появляются такие специфические права, свободы и обязанности, которые конкретизируют, дополняют или ограничивают ее общий правовой статус», позволяя осуществлять возложенные на ту или иную категорию граждан функции¹. Трудовая деятельность человека (в широком смысле слова), учитывая ее полифункциональность, регламентируется нормами нескольких отраслей права. Профессиональный статус личности пересекается со многими отраслевыми статусами, но с каким-либо из них не сливается, а потому входит в число специальных статусов.

В предыдущих главах были проанализированы методологические, теоретические и правовые основы деятельности лиц, вовлекаемых в судопроизводство в статусе экспертов, что позволило выявить профессиональный характер их деятельности, независимо от того, являются они или нет сотрудниками ГСЭУ. Изложенное дает основания для включения в число специальных профессионального статуса эксперта, раскрывающего специфику деятельности данного носителя специальных знаний как участника правоотношений, реализуемых за счет оказания им консультационных услуг.

Чтобы определить, какое значение для осуществления правосудия по уголовным делам имеет факт существования профессионального статуса эксперта, необходимо определить степень влияния профессиональной составляющей его деятельности на выполнение процессуальной функции.

Вовлеченность в процесс производства по уголовному делу каждого из участвующих в нем лиц далеко не одинакова, существенным образом различается объем действий, ими выполняемых. Определяя назначение, направленность и содержание деятельности (совокупности действий) того или иного участника процесса, обычно употребляют термин «функция»². Данное понятие также может использоваться при

¹ Чучаев А.И., Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина... С. 46–49.

² В русском языке слово «функция» является многозначным. Применительно к юриспруденции оно, как правило, используется для того, чтобы конкретизировать роль, значение, круг деятельности (действия) кого-либо (чего-либо). См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

анализе назначения уголовного судопроизводства как особой формы реализации права¹. Как было показано в первой главе, функциональная характеристика уголовно-процессуальной деятельности в целом тесно связана с решением вопроса о месте и роли в ее осуществлении каждого отдельно взятого субъекта судопроизводства.

Согласно УПК РСФСР, по функциональной направленности осуществляемой ими деятельности субъектов уголовного процесса (с определенной долей условности) можно было объединить в следующие группы: а) государственные органы и должностные лица, организующие и ведущие производство по уголовному делу; б) лица, имеющие в деле материально-правовой интерес (без учета специфического характера данного интереса); в) субъекты, не имеющие в деле материально-правового интереса (без учета факта выполнения ими принципиально различных функций: от передачи сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела — свидетель, до выполнения организационно-технических операций — переводчик); г) представители общественности, которым номинально, в силу особенностей советского уголовного процесса, отводилась важная роль в решении вопросов, возникающих на различных этапах производства по делу².

Действующий УПК РФ позволяет выделить: а) суд в качестве самостоятельного субъекта, осуществляющего функцию правосудия; б) субъектов, реализующих функцию обвинения; в) субъектов, реализующих функцию защиты; г) иных субъектов, оказывающих содействие вышеперечисленным в процессе производства по делу.

Хотя деление субъектов уголовного судопроизводства на группы в зависимости от выполнения ими основных процессуальных функций в юридической литературе встречается чаще всего, классификационные построения возможны и по иным основаниям: в зависимости от роли субъекта в доказывании; в привязке к стадиям, на которых принимает участие в уголовном деле то или иное лицо; по наличию/отсутствию властных полномочий у субъекта; с учетом порядка вступления в уголовный процесс и т.д.³

¹ Подробнее о сущности уголовно-процессуальных функций и дискуссии по этому вопросу см.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса... С. 52–56; Козявин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Абашева Ф.А., Зинатуллин Т.З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса / науч. ред., докт. юрид. наук, проф. З.З. Зинатуллин. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 5–20; и др.

² Советский уголовный процесс. Вопросы Общей части... С. 90–91.

³ Подробно см.: Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность... С. 98–99; Григорьев В.Н., Победин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс... С. 104–106.

К сожалению, при ознакомлении с предлагаемыми классификациями приходится констатировать, что эксперту (носителю сложнейшей системы знаний, без которых в современном мире в подавляющем большинстве случаев расследование и разрешение уголовных дел попросту невозможно) в любом случае отводится место где-то между свидетелем (источником доказательственной информации, полученной с помощью органов чувств) и понятым (наблюдающим за попытками лица, ведущего расследование, эту самую информацию добыть).

В данном случае не может быть и речи о сравнении по типу «лучше/хуже». Как верно отмечает Л.Н. Малахова, не следует, анализируя процессуальные функции субъектов судопроизводства, подразделять их «на основные и вспомогательные, главные и второстепенные, так как подобное деление может способствовать недооценке некоторых компонентов уголовно-процессуальной деятельности в ущерб правам и законным интересам участвующих в деле лиц, а также результатам этой деятельности»¹.

Напрямую увязывая совершенствование правового регулирования судебно-экспертной деятельности в целом с повышением качества деятельности конкретного эксперта по производству судебных экспертиз, надо признать, что нынешний подход законодателя к определению статуса эксперта (и его размежеванию со статусом специалиста) не является оптимальным. При этом особо следует подчеркнуть недопустимость смешения двух взаимосвязанных, но не тождественных проблем — проблемы определения значимости заключения эксперта как доказательства и проблемы оптимизации правового положения эксперта в уголовном судопроизводстве. Настаивая на изменении условий деятельности эксперта за счет адекватной современным реалиям корректировки его правового статуса, автор никоим образом не подвергает сомнению необходимость процессуальной оценки результата этой деятельности в общем для всех доказательств порядке.

Долгое время решение обеих вышеуказанных проблем представлялось ученым единой задачей, поскольку понятия «экспертиза», отражающее процесс получения доказательства, и «заключение эксперта», обозначающее результат данного процесса, не разграничивались². Отго-

¹ Малахова Л.И. Указ. соч. С. 75.

² Избегая погружения в историю, опираясь на результаты научных исследований по данному вопросу, заметим, что теории доказательств и теории судебной экспертизы известны взгляды на экспертизу как разновидность осмотра, когда эксперта рассматривали в качестве «инструмента», своеобразного «увеличительного стекла» в руках следователя и судьи; уравнивание эксперта и свидетеля; абсолютизация роли эксперта сторонниками

лоски многолетней дискуссии, уходящей корнями в реформы XIX в., можно найти не только в учебниках по уголовному процессу, изданных в середине XX в., но даже в современных публикациях¹. Тот факт, что эволюция взглядов на статус эксперта в судопроизводстве по вполне понятным причинам оказалась тесно связана с вопросом о доказательственной ценности заключения эксперта, не должен сегодня служить препятствием для углубленного анализа специфики деятельности эксперта как участника процесса, хотя немаловажная часть дискуссии и пришла к своему логическому завершению.

В связи с вышеизложенным, не оспаривая правомерности дифференциации субъектов уголовного судопроизводства в зависимости от их функционального назначения, представляется целесообразным к уже имеющимся классификациям добавить еще одну, наглядно демонстрирующую соотношение процессуального и профессионального статусов участников процесса, свидетельствующую об актуальности корректировки правового положения эксперта при участии в доказывании.

Отличительной особенностью судопроизводства является то, что процессуальная деятельность, сама по себе не являющаяся трудовой, осуществляется субъектами, для некоторых из которых реализация профессиональных функций увязывается с выполнением функций процессуальных. Неслучайно науке уголовно-процессуального права известна классификация субъектов судопроизводства в зависимости от порядка их вступления в уголовный процесс, позволяющая выделить: а) вступающих в процесс в силу служебной обязанности; б) по решению должностного лица, осуществляющего производство по делу; в) по собственной инициативе при наличии определенных обстоятельств и волеизъявления².

При этом говорить о «совпадении» функций не стоит, поскольку, как уже было отмечено, совпадает содержание действий, выполняемых

антропологической школы уголовного права; ориентир на признание «экспертизы» самостоятельным видом доказательств (подробнее см., например: Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1954. С. 11–14 ; Абакиров К.К. Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз (по материалам Российской Федерации и Кыргызской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 26–28 ; и др.).

¹ См., например: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс... С. 170–172 ; Чукурова Е.В. Доказательственное значение мнения эксперта при вынесении решения по уголовному делу, осложненному симулятивным поведением подозреваемого, обвиняемого // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной памяти докт. юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской: сб. науч. трудов. М.: Элит, 2011. С. 387–392.

² Григорьев В.Н., Победин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс... С. 105–106.

тем или иным субъектом уголовного судопроизводства в рамках трудовой и процессуальной деятельности, но различия в их направленности сохраняются. К примеру, вынося постановление о назначении экспертизы, следователь совершает процессуальное действие, в общем виде ориентированное на сбор доказательств в целях выявления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Но, поступая так, следователь одновременно надлежащим образом исполняет должностные обязанности, стремясь удовлетворить ряд своих потребностей благодаря получению вознаграждения за труд. Точно так же действуют сотрудники ГСЭУ, участвуя в производстве экспертиз по уголовным делам. В то же время деятельность некоторых субъектов уголовного судопроизводства носит исключительно процессуальный характер и отношения к какому-либо роду трудовой деятельности не имеет.

На значимость данного обстоятельства, учитывая тесную связь функциональной направленности деятельности участника процесса и отводимого ему правового положения, было указано Н.П. Кирилловой. Отмечая, что достижение целей уголовного процесса обеспечивается благодаря активности всех его участников, она подчеркивала, что наибольшее влияние оказывают государственный обвинитель, адвокат-защитник и профессиональный судья как профессиональные субъекты судопроизводства¹. К сожалению, в диссертационном исследовании Н.П. Кирилловой сама по себе весьма нетривиальная идея дифференциации по статусу профессиональных участников процесса развития не получила, что побуждает пойти дальше и предложить такого рода классификацию.

В зависимости от соотношения процессуального и профессионального статусов среди субъектов уголовного судопроизводства можно выделить следующие группы участников процесса:

1) трудовая деятельность которых сосредоточена на участии в процессуальной деятельности, а выполнение профессиональных функций обуславливается необходимостью выполнения функций процессуальных;

2) трудовая деятельность которых предполагает регулярное участие в судопроизводстве, но может осуществляться и в иных сферах, при этом возможность реализации ими своих процессуальных полномочий увязывается, как правило, с наличием у субъекта соответствующей специализации;

¹ Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции... С. 51.

3) трудовая деятельность которых с судопроизводством не связана вовсе или связана весьма отдаленно, но в их деятельности в статусе участников процесса могут присутствовать элементы «профессионализма»;

4) выполняющих ввиду вовлечения их в уголовный процесс в определенном качестве такие функции, реализация которых ни по форме, ни по сути с трудовой деятельностью не связана.

В первую группу должны быть включены все, чья профессия предполагает постоянное участие в уголовно-процессуальной деятельности, от секретаря судебного заседания до судьи.

Во вторую – те, кто по роду занятий часто оказывается участником уголовного судопроизводства, но также может заниматься трудовой деятельностью в иной сфере, прежде всего адвокаты.

В третью: а) те, кто выполняет функции субъектов второй группы (например, близкий родственник обвиняемого, допущенный в качестве защитника, или сотрудники правозащитных организаций, специализирующиеся на выполнении функций представителя интересов сограждан – потерпевших, гражданских истцов, ответчиков, частных обвинителей); б) те, кого приобретение опыта участия в судопроизводстве в определенном качестве может привести к тому, что соответствующие процессуальные функции ими впоследствии будут выполняться «профессионально». Например, для переводчиков, регулярно приглашаемых работниками правоохранительных органов при расследовании определенной категории уголовных дел, перевод юридических текстов зачастую становится дополнительной специализацией, что, в свою очередь, положительно сказывается на эффективности их деятельности как участников процесса.

Четвертая группа объединяет лиц, вовлекаемых в судопроизводство однократно или эпизодически (понятые, потерпевшие, обвиняемые). Выполняемые ими действия в любом случае отношения к какому-либо виду трудовой деятельности не имеют.

В целом значение классификации видится в том, что ее использование позволяет оптимизировать процесс совершенствования законодательства. Деятельность субъектов, включаемых в четвертую группу, нуждается в наиболее подробной процессуальной регламентации. В то же время полномочия остальных могут быть конкретизированы, к примеру, в ведомственных нормативных правовых актах, при разработке которых следует учитывать степень вовлеченности субъектов первой, второй и третьей групп в судопроизводство.

В контексте задач, решаемых в рамках данного исследования, классификация, прежде всего, позволяет выявить уязвимость правового

положения эксперта и, как следствие, исходя из необходимости реализации назначения уголовного судопроизводства, обосновать юридически корректный вариант дифференциации его статуса с процессуальным статусом специалиста.

Придерживаясь предложенной классификации, легко определить соотношение профессиональной и процессуальной составляющих в деятельности любого из участников уголовного судопроизводства, перечисленных в разделе III УПК РФ, кроме эксперта. Кажется бы, сотрудников ГСЭУ, а также негосударственных экспертных учреждений, занятых производством экспертиз в порядке исполнения служебных заданий, следует включить во вторую группу классификации, а частнопрактикующих специалистов, назначаемых экспертами, — в третью, так как они осуществляют функции субъектов второй группы, действуя при этом зачастую высокопрофессионально. Однако предпринятый анализ деятельности лиц, вовлекаемых в судопроизводство в статусе экспертов, показал, что присутствие в человеческой активности отдельных психологических признаков труда не является основанием для того, чтобы данная активность могла рассматриваться в рамках категории «труд», независимо от того, как она оценивается с позиций юриспруденции. Указанные признаки в совокупности должны быть ей имманентно присущи.

К примеру, государственный судебный эксперт при производстве комиссионной экспертизы, осуществляя по форме трудовую деятельность, в действительности может быть далек от мыслей о социальной значимости своей миссии, сосредоточившись на неприязненных отношениях с коллегами, включенными в состав комиссии. При этом пенсионер, ранее работавший в ГСЭУ, не утративший интереса к профессии, эпизодически участвуя в качестве эксперта в судопроизводстве, способен принести гораздо больше пользы при поручении ему производства судебной экспертизы. Доступность для освоения специальности ВПО «Судебная экспертиза», с одной стороны, способствует повышению профессионализма частнопрактикующих специалистов, с другой — осложняет оценку их компетентности (навыки и умения, полученные в период обучения в вузе и выработанные за годы практической деятельности, могут качественно различаться).

Эффективность судопроизводства во многом определяется тем, насколько добросовестно относятся участники процесса к реализации своих полномочий. Избыточность субъективной составляющей на стадии назначения экспертизы при выборе эксперта чревата получением заключения, допустимость и достоверность которого как доказатель-

ства может быть поставлена под сомнение. Так, при изучении экспертной, следственной и судебной практики по делам о преступлениях против личности и против собственности в ряде заключений экспертов были выявлены существенные недостатки, в том числе в 70 из 1211 случаев (5,8%) – выход эксперта за пределы своей компетенции при ответе на поставленные вопросы.

Изложенное побуждает по-новому взглянуть на проблему развития института судебной экспертизы в уголовном процессе.

Исходя из общих положений теории государства и права, институт как самостоятельный структурный элемент в системе права представляет собой относительно небольшую совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенный вид схожих, близких по содержанию и в этом смысле родственных общественных отношений¹. В каждой отрасли права есть свои отраслевые институты. В тех случаях, когда институт объединяет нормы двух или более отраслей права, он считается межотраслевым.

На основе проведенного в конце 90-х гг. сравнительного анализа действовавшего на тот момент законодательства, вслед за известными учеными-процессуалистами XX в., Т.В. Сахнова сделала вывод, что «единой структуры законодательной регламентации института судебной экспертизы не существует, несмотря на очевидное внутреннее тождество сущности данного института»².

К такому же мнению, исследуя экспертизу как институт доказательственного права в условиях реформирования отечественного процессуального законодательства, пришла А.В. Кудрявцева³. Она акцентировала внимание на том, что экспертиза – это «отраслевой институт, который существует изолированно в уголовном и гражданском процессе, так как некоторые принципы уголовного процесса (состязательность, публичность, презумпция невиновности) и принципы гражданского процесса (диспозитивность, презумпция виновности) делают невозможным соединение в одном институте судебной экспертизы норм гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права»⁴. В то же время А.В. Кудрявцева соглашается, что между судеб-

¹ См., например: Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 119–120; Байтин М.И. Сущность права... С. 288.

² Сахнова Т.В. Судебная экспертиза... С. 110.

³ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 58–72.

⁴ Там же. С. 73–74.

ной экспертизой в гражданском и уголовном процессе есть «смежная область», охватывающая природу специальных познаний, используемых при осуществлении судопроизводства, методы и методики экспертного исследования и прочие характеристики «внутренней стороны судебной экспертизы: экспертной деятельности, которая проявляется вовне и имеет юридическое значение только при оценке заключения эксперта по уголовным и гражданским делам»¹.

Оценивая каждый выдвинутый А.В. Кудрявцевой тезис, как обоснованный и не вызывающий возражений, надо признать, что на препятствия в деле формирования межотраслевого института судебной экспертизы она таким образом не указывает.

Тот факт, что процессуальные отношения, возникающие при назначении и проведении судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, объединенные едиными началами, идеями, принципами, определяющими механизм и способы правового воздействия, имеют собственную юридическую конструкцию, сомнений не вызывает. Но, как было показано в предыдущих главах работы, судебно-экспертная деятельность является формой воплощения в жизнь общественных отношений иного порядка, макроуровня, если можно так выразиться. Правоотношения, связанные с потребностью лиц, ведущих расследование, получать интересующую их информацию по вопросам, разрешение которых требует использования специальных знаний, и возможностью носителей данных знаний эту информацию по итогам проведенных исследований предоставлять в виде заключения эксперта, являются частью более объемной системы правоотношений, реализуемых посредством экспертной деятельности в сфере судопроизводства.

При таком подходе обособление правового поля судебно-экспертной деятельности за счет появления межотраслевого института судебной экспертизы не требует слияния норм уголовного и гражданского процессуального права в какой-либо части. Специфика нормативного регулирования каждого вида общественно полезной деятельности объясняется не прихотью законодателя, а дифференциацией видов деятельности по целям, задачам, условиям осуществления и т.д. Формирование институтов права должно быть следствием потребности в нормативном упорядочении реальной существующей группы схожих отношений, а не компилированием схожих норм. Подчеркивая, что «внутренняя сторона» судебной экспертизы интересует правоприменителя в контексте оценки доказательств, А.В. Кудрявцева фактически

¹ Кудрявцева А.В. Указ. соч. С. 74.

свидетельствует в пользу правового урегулирования на межотраслевом уровне общественных отношений, обуславливающих востребованность судебной экспертизы.

Указывая на значимость анализа общественных отношений, проявляющихся во всем своем многообразии в ходе судебно-экспертной деятельности, В.И. Вараксин и С.А. Смирнова справедливо полагают, что речь идет об отношениях, связанных с подготовкой, организацией, назначением, производством судебных и несудебных экспертиз, а также с использованием их результатов судами, правоохранительными органами, участниками процесса¹. При этом авторы по ходу изложения материала используют термин «судебно-экспертное право» так, словно появление новой отрасли в системе права есть свершившийся факт. Масштаб новеллы, вводимой в научный обиход, безусловно, мог бы стать поводом для дискуссии, если бы ученые употребление вышеуказанного термина каким-либо образом аргументировали. Однако в цитируемой статье судебная экспертиза одновременно именуется «важнейшим межотраслевым институтом процессуального права», «институтом судебно-экспертного права» и т.д. Терминологические нестыковки позволяют предположить, что авторы не совсем верно представляют себе механизм формирования отраслей права в целом и сложности становления новых отраслей, в частности.

Надо признать, что вопрос о формировании судебно-экспертного права продолжает дискутироваться². Возможно, со временем судебная экспертология оправдает оптимистичные прогнозы ученых — появится экспертное право, будет разработан экспертный кодекс³. Пока идея должного научного обоснования, прежде всего с позиций теории государства и права, не получила.

Рассматривая современное состояние и структуру института судебной экспертизы в уголовно-процессуальном праве России, Е.А. Зайцева солидаризируется с И.Л. Петрухиным в том, что «правовой институт судебной экспертизы регулирует правоотношения, складывающиеся в процессе осуществления органами расследования и правосудия процессуальной деятельности по получению доказательства — заключения

¹ Вараксин В.И., Смирнова С.А. Судебно-экспертное право. Этапы становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (13). М.: Спарк, 2005. С. 76.

² См., например: Плешаков С.М. К вопросу о возникновении судебно-экспертного права // Научные труды. Российская академия юридических наук. В 3 т. Т. 3. Вып. 9. М.: Изд. группа «Юрист», 2009. С. 1146–1149.

³ Теория судебной экспертизы: учеб. пособие... С. 22.

эксперта»¹. При этом она верно указывает, что окончательному юридическому оформлению любого межотраслевого правового института способствует принятие комплексных нормативных актов, создающих особый правовой режим регулирования однородных по содержанию правоотношений. Исходя из того что действие некоторых положений ФЗ о ГСЭД распространяется на «негосударственную судебно-экспертную деятельность», принимая во внимание, что судебно-экспертная деятельность есть «не только разновидность процессуальной деятельности», но и «особый вид судебного и научного познания», то есть деятельность гносеологическая, осуществляемая на единой методической основе, Е.А. Зайцева констатирует, что институт судебной экспертизы является комплексным межотраслевым институтом².

Поддерживая тех ученых, кто сегодня стремится вывести нормативное регулирование судебно-экспертной деятельности на новый уровень, отвечающий современным потребностям правоприменительной практики, не отрицая важность принятия ФЗ о ГСЭД, приходится признать, что его нынешняя роль вовсе не так велика, как хотелось бы.

Согласно ч. 2 ст. 7 УПК РФ, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта УПК РФ, суд принимает решение, руководствуясь положениями Кодекса. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³ действующие на территории Российской Федерации федеральные законы и иные нормативные правовые акты, связанные с УПК РФ, подлежат приведению в соответствие с УПК РФ, а до того могут применяться лишь в части, не противоречащей Кодексу. Поскольку все процессуальные кодексы были приняты после вступления в силу ФЗ о ГСЭД, он должен быть приведен в соответствие с каждым из них. На практике юридические коллизии всегда будут решаться в пользу норм соответствующего Кодекса.

Также и ссылка на единство гносеологических основ экспертной деятельности в судопроизводстве и за его пределами сама по себе ничего к идее формирования межотраслевого института судебной экспертизы не добавляет, коль скоро право призвано регулировать общественные отношения, а не познавательную деятельность эксперта.

¹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 123–137.

² Там же. С. 163–165.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (текст с изм. и доп. на 15 января 2009 г.). М.: Эксмо, 2009. С. 283–284.

Межотраслевым институт судебной экспертизы станет тогда, когда во главу угла при комплексировании схожих норм права будет поставлена специфика деятельности лица, назначаемого экспертом, в единстве ее процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих, как базис для развития судебно-экспертной деятельности в целом. Об этом свидетельствует международный опыт. К примеру, в законах Республики Казахстан, Украины, Чешской Республики, касающихся судебно-экспертной деятельности, четко прописан профессиональный статус лица, которое в качестве эксперта может участвовать в судопроизводстве¹.

В отечественном законодательстве примером является регулирование правоотношений, связанных с деятельностью адвоката в качестве защитника. Комплекс требований к статусу адвоката закреплён в гл. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»². Положения, имеющие существенное значение для отправления правосудия, отражены в процессуальном законодательстве³. Согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 3 Закона, адвокатура – профессиональное сообщество адвокатов – действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов, и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Модель нормативно-правового обеспечения деятельности адвокатов предлагается взять за основу при разработке проекта нового Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации».

Здесь надо сказать, что при всей близости по своей сущности деятельности оценщика и эксперта использовать в качестве «модельного» ФЗ об оценочной деятельности нельзя. Поскольку оценщик не явля-

¹ См., например: Закон Республики Казахстан от 20 января 2010 г. № 240-IV «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012); Закон Украины от 25 февраля 1994 г. № 4038-XII «О судебной экспертизе» // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012); Оверчук Д.С. Анализ правовых основ функционирования судебно-экспертной системы Чешской Республики // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 37–40.

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ По вопросу о сочетании профессионального и процессуального начал в деятельности адвоката см., например: Стецовский Ю.И., Мирзоев Г.Б. Профессиональный долг адвоката и его статус. М.: Юнити-Дана, 2003.

ется самостоятельным участником процесса, нет возможности ориентироваться на понятный для правоприменителей прецедент, иницируя в дальнейшем изменение процессуального положения эксперта как субъекта судопроизводства. Кроме того, членство в какой-либо саморегулируемой организации и связанное с этим страхование ответственности для лиц, занятых производством большинства видов экспертиз, неприемлемо, так как содержащиеся в заключении эксперта выводы представляют собой умозаключения, процесс получения которых (познавательная деятельность) априори не поддается стандартизации¹.

Указание в наименовании законопроекта на профессиональный статус эксперта необходимо ввиду многозначности термина «эксперт».

Процессуальному праву известны примеры как дифференциации, так и совпадения профессиональных и процессуальных понятий. Так, согласно п. 54 ст. 5, судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие. Прокурор в соответствии со ст. 37 является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Одновременно на стадии судебного разбирательства он именуется государственным обвинителем. В статье 49 УПК РФ проводится разделение понятий «адвокат» (субъект трудовой деятельности) и «защитник» (участник процесса).

Что касается эксперта и ситуации производства судебной экспертизы, надо полагать, радикальное изменение терминологии здесь вряд ли уместно. Слишком часто на практике понятия «экспертная деятельность», «судебно-экспертная деятельность», «государственная судебно-экспертная деятельность» используются как синонимы. Можно было бы ограничиться уточнением в наименовании Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации» со ссылкой по тексту, что профессиональный и процессуальный статус эксперта надлежит разграничивать. Также представляется разумным в УПК РФ использовать термин «эксперт по уголовному делу» в названии ст. 57 и там, где по смыслу излагаемых нормативных требований это будет необходимо.

¹ Изложенное не является препятствием для членства в саморегулируемых организациях специалистов в области, схожей с оценочной деятельностью. Пример тому – проекты Некоммерческого партнерства «Объединение судебных экспертов». См.: ПРОСПО.RU // URL: <http://www.prosro.ru/> (дата обращения: 02.01.2013).

Разработка законопроекта не является самостоятельной задачей данного исследования, ориентированного на комплексный анализ концептуальных основ деятельности эксперта как субъекта уголовного судопроизводства. Идея выносится на обсуждение экспертного сообщества и требует тщательной проработки с привлечением всех сторон, заинтересованных в оптимизации процесса использования специальных знаний при отправлении правосудия. Тем не менее следует дать определения понятий «экспертная деятельность» и «эксперт» в том виде, в каком их закрепление в новом законе автору монографии представляется целесообразным.

Экспертная деятельность – квалифицированное оказание на профессиональной основе консультационных услуг по запросам физических и юридических лиц (в том числе государственных и негосударственных органов и организаций) путем проведения исследований и дачи заключений, осуществляемое лицами, получившими статус эксперта в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Экспертная деятельность не является предпринимательской.

Эксперт – лицо, получившее в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, статус эксперта и право самостоятельного производства экспертиз.

Столь общая формулировка понятия «эксперт» связана с особенностями структурирования законов. Презюмируется, что в последующих разделах будет детально прописан порядок получения статуса эксперта, которое, коль скоро экспертная деятельность является профессиональной, должно быть увязано с освоением будущими экспертами основных и дополнительных образовательных программ ВПО.

С учетом ранее высказанных автором предложений относительно формирования системы мер, направленных на повышение качества предоставляемых экспертами консультационных услуг и поддержание готовности к осуществлению процессуальных обязанностей на высоком профессиональном уровне, понятие «эксперт» можно сформулировать следующим образом.

Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями, полученными в результате освоения основной и/или дополнительных образовательных программ высшего профессионального образования, прошедшее в установленном законодательством Российской Федерации порядке аттестацию (переекспертацию), принявшее присягу, данные которого внесены в реестр экспертов, имеющее право оказывать консультационные услуги путем проведения исследований и дачи заклю-

чений по запросам физических и юридических лиц (в том числе государственных и негосударственных органов и организаций).

Реализация на практике обосновываемого автором подхода предполагает не просто обособление профессионального статуса эксперта и его правовое закрепление на уровне федерального закона, но позволяет признать эксперта профессиональным участником судопроизводства и внести соответствующие изменения в процессуальные кодексы. Очевидно, что правовое положение эксперта в уголовном судопроизводстве «роднит» его не со свидетелем и понятым (участниками уголовного процесса, в деятельности которых нет и не может быть «профессионализма»), а с теми субъектами, процессуальный и профессиональный статусы которых по ряду характеристик пересекаются. Это «родство» имеет существенную особенность: в отличие от лиц, уполномоченных на осуществление правоприменительной деятельности, входящих в первую группу нашей классификации, для которых профессиональные полномочия являются производными от процессуальных, «процессуальное» в деятельности эксперта производно от «профессионального»¹.

Именно поэтому все предложения по разработке нового закона «О судебно-экспертной деятельности», сколь заманчивыми бы они ни были, без проецирования норм, определяющих профессиональный статус эксперта, на процессуальное законодательство, лишены смысла. Сам по себе «правовой текст, как и любой другой, не обладает нормативной природой и является лишь определенным описанием действительных состояний, то есть нормативность текста не вытекает из его собственной природы, а основана на его социальной функции»². Формирование межотраслевого института судебной экспертизы – серьезная задача, решение которой возможно лишь в результате всестороннего исследования судебно-экспертной и, конечно же, собственно

¹ Обозначенная проблема в свое время была затронута А. Р. Шляховым, который, анализируя правомочия руководителя экспертного учреждения, писал, что тот при организации и производстве судебных экспертиз «осуществляет двоякого рода функции: во-первых, процессуальные и, во-вторых, административные (служебные), причем вторые являются производными и подчиненными процессуальным требованиям» (см.: Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение... С. 53). Более взвешенно к решению данного вопроса подошла А. В. Кудрявцева, справедливо указав, что «процессуальные функции руководителя экспертного учреждения являются вторичными, производными от административных функций, так как он в первую очередь занимает должностное, административное положение организатора экспертного учреждения, и закон наделяет его процессуальными полномочиями как раз в силу его организационных полномочий» (см.: Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 47).

² Грязин И. Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий / отв. ред. А. А. Порк. Таллин: Ээсти раамат, 1983. С. 131.

экспертной деятельности как социально-правового феномена. Принятие нового федерального закона должно стать не началом, а итогом этой масштабной и кропотливой работы.

§ 2. Характеристика уголовно-процессуального статуса эксперта как профессионального участника судопроизводства

В структуру правового статуса традиционно включаются: права и обязанности личности, правосубъектность, гражданство, юридическая ответственность, а также некоторые другие элементы, позволяющие определить реальное положение человека в системе общественных отношений, упорядочиваемых правом¹. С учетом изложенного уголовно-процессуальный статус личности в наиболее общем виде может быть охарактеризован как закрепленное нормами соответствующей отрасли права положение субъекта в системе уголовно-процессуальных отношений. Речь идет о достаточно объемной правовой конструкции, использование которой ориентировано на согласованную защиту интересов общества, государства и личности.

Большая исследовательская работа по обоснованию концепции уголовно-процессуального статуса личности в свое время была проведена В.М. Корнуковым. Поэтому, не вступая в дискуссию о том, какие компоненты и почему целесообразно рассматривать в качестве составляющих понятия «уголовно-процессуальный статус личности», так как это не входит в задачи данного исследования, следует согласиться с автором концепции в том, что указанное понятие охватывает: гражданство; право- и дееспособность; права; обязанности; законные интересы; их гарантии и ответственность личности, обусловленные спецификой уголовно-процессуальных отношений². Будет сделана попытка раскрыть особенности уголовно-процессуального статуса эксперта путем анализа каждого из обозначенных компонентов, чтобы таким образом подтвердить целесообразность нормативного закрепления профессионального статуса эксперта с точки зрения его значимости для правильного определения места и роли эксперта как субъекта судопроизводства.

Гражданство.

На первый взгляд может показаться, что вопрос о гражданстве эксперта не оказывает существенного влияния на его уголовно-процессу-

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права... С. 187–188.

² Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.А. Познанского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 53–54.

альный статус и не имеет непосредственной связи с его деятельностью. В действительности это не совсем так.

В то время, когда Советский Союз был в известной мере обособленной от мирового сообщества державой, каждый случай совершения преступления иностранным гражданином (лицом без гражданства; лицом, имеющим двойное гражданство) приравнивался к чрезвычайному происшествию и ставился под «особый контроль». С распадом СССР приток в Россию иностранцев возрос, что обусловило увеличение числа уголовных дел с участием данной категории лиц. Однако необходимость проведения процессуальных действий по отношению к иностранным гражданам, апатридам и бипатридам в 90-е гг. прошлого века для сотрудников правоохранительных органов все еще была связана с определенными психологическими трудностями.

Примером может служить личный опыт работы автора в качестве эксперта-трасолога по уголовному делу об убийстве гражданина Индии во время драки в одном из общежитий г. Саратова зимой 1994 г. Убитый, подозреваемый и свидетели были гражданами Индии. Производство по делу вела прокуратура Октябрьского района г. Саратова «под пристальным вниманием» руководства правоохранительных органов и администрации области. Судебно-медицинская экспертиза трупа проводилась комиссией экспертов (в чем в силу тривиальности обстоятельств случившегося не было никакой необходимости). При вскрытии трупа присутствовали еще десять человек, преимущественно не имевших отношения к расследованию преступления. При производстве трасологической экспертизы по одежде убитого в ответ на ходатайство эксперта об ознакомлении с материалами дела, необходимыми для дачи заключения, с запрашиваемыми материалами в Саратовскую ЛСЭ прибыл нарочный, который должен был незамедлительно доставить их следователю после того, как эксперт (в присутствии нарочного) сделает нужные выписки, поскольку дело в любой момент могло быть истребовано у следователя для проверки.

Актуальный в конце XX в. вопрос о необходимости обеспечения нормального течения уголовного судопроизводства вне зависимости от того, гражданами какой страны являются участники процесса, перечисленные в гл. 3 УПК РСФСР, к середине 2000-х гг. утратил свою остроту. В ноябре 2005 г. без каких-либо проблем, подобных описанным выше, автор в составе комиссии экспертов участвовала в проведении психофизиологической экспертизы с применением полиграфа, назначенной старшим следователем Тимирязевской межрайонной прокуратуры г. Москвы по делу об убийстве гражданина Республики Молдова.

Результаты проводившегося автором в 2001–2012 гг. анализа материалов уголовных дел, приговоров, постановлений о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела косвенным образом (данный вопрос не был самостоятельной задачей исследования) свидетельствуют об увеличении числа дел, где в качестве участников процесса фигурируют иностранные граждане: в 2001–2002 гг. из числа 196 изученных материалов таковых было три (1,5%), в 2010–2011 гг. – 14 из 217 (6,45%).

События в различных странах мира с досадной регулярностью подтверждают тезис об интернациональном характере преступности. Представители криминалитета с легкостью обмениваются необходимой им информацией, используя современные научно-технические разработки. Неудивительно, что сегодня ученые и практики обращают пристальное внимание на вопросы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. По данным некоторых ученых, Россия на рубеже веков являлась участником более шестисот международных соглашений в уголовно-правовой сфере¹.

Сообразно вызовам времени активизируются контакты между экспертными учреждениями разных стран. Так, руководители системы государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции России регулярно участвуют в работе Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI), созданной в октябре 1995 г.² На качественно новый уровень выходит взаимодействие ученых-криминалистов – в г. Харькове (Украина) 17 февраля 2012 г. состоялась Учредительная конференция Международной общественной организации «Конгресс Криминалистов» (International Non-Governmental Organization «Criminalists Congress»)³.

¹ Цепелев В. Исполнение Россией международно-правовых обязательств в уголовно-правовой сфере // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 27.

² В 1992 г. руководители государственных судебно-экспертных учреждений Западной Европы договорились о необходимости проведения деловых встреч для обсуждения различных тем, представляющих взаимный интерес. На первой встрече в 1993 г. в Нидерландах было представлено 11 учреждений. Следующая встреча состоялась в 1994 г. в Швеции; представители судебно-экспертных учреждений Европы приняли временный Меморандум о взаимопонимании; была достигнута договоренность о том, что членство в ENFSI будет открыто для любой страны Европы. Очередная встреча была организована 20 октября 1995 г. в Нидерландах – дата этой встречи считается официальным днем основания ENFSI, с тех пор встречи членов ENFSI проходят ежегодно. В настоящее время в ENFSI представлено 54 судебно-экспертных учреждения из 32 стран (см.: Москвина Т.П. Аккредитация в судебной экспертизе... С. 160–161).

³ Шепитько М.В. Учредительная конференция Конгресса Криминалистов (Украина, г. Харьков, 17 февраля 2012 г.) // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С 18–20.

Появление в УПК РФ части пятой («Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства») стало значительным шагом вперед по сравнению с положениями ст. 32 УПК РСФСР, определявшей «порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими учреждениями иностранных государств». В части 3 ст. 1 УПК РФ подчеркивается значимость норм международного права. Тем не менее, за исключением ситуации производства судебной экспертизы на территории иностранного государства и последующего допроса проводившего ее эксперта, оговоренной в ст.ст. 453–456 УПК РФ, положения действующего уголовно-процессуального законодательства, непосредственно касающиеся вопроса о гражданстве лица, которое может быть назначено экспертом, недостаточно информативны.

По сути, ст. 3 УПК РФ дублирует ст. 33 УПК РСФСР и касается исключительно ситуации производства по делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации. Кроме того, в ст. 3 действующего УПК по-прежнему не упоминаются лица, имеющие двойное гражданство. Статья 456 УПК РФ, закрепляющая возможность вызова свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, находящихся за пределами территории Российской Федерации, для производства процессуальных действий на территории России, ясности не прибавляет. В данной статье ничего не сказано о гражданстве указанных лиц.

Понятно, что в случае проведения экспертизы в иностранном государстве эксперт, являющийся гражданином того государства, где проводилась экспертиза, может быть вызван для допроса в Россию. На вопрос о том, может ли российский эксперт, работающий в ГСЭУ, участвовать в производстве экспертизы за рубежом, УПК РФ ответа не дает, что в общем-то справедливо, так как Кодекс регулирует отечественное судопроизводство и ст. 457 УПК РФ об исполнении в России запросов о правовой помощи сформулирована с учетом данной аксиомы. Но и на вопрос о возможности приглашения иностранца в качестве эксперта для производства судебной экспертизы в Российской Федерации утвердительно ответить достаточно сложно, поскольку «находиться» за пределами одного государства (как это оговорено в ст. 456 УПК РФ) – не значит «быть» гражданином другого государства.

В самом общем виде эти вопросы можно считать урегулированными, благодаря Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., ратифицированной Азербайджанской Республикой, Республикой Арме-

ния, Беларусью, Грузией, Республикой Казахстан, Кыргызстаном, Республикой Молдова, Россией, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Узбекистаном, Украиной¹. Статья 6 Конвенции определяет объем правовой помощи, которую стороны могут оказывать друг другу путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны, в частности: составления и пересылки документов, проведения осмотров, обысков, изъятия, передачи вещественных доказательств, проведения экспертизы, допроса сторон, третьих лиц, подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов, розыска лиц, осуществления уголовного преследования, выдачи лиц для привлечения их к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение, признания и исполнения судебных решений по гражданским делам, приговоров в части гражданского иска, исполнительных надписей, а также путем вручения документов.

Обозначенные вопросы не стояли бы так остро, если бы в ФЗ о ГСЭД нашла отражение позиция законодателя в сфере международного сотрудничества России в области судебной экспертизы (ссылка, содержащаяся в ст. 11, о том, что деятельность ГСЭУ по организации и производству судебной экспертизы для других государств осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации, касается лишь одного из многих аспектов рассматриваемой проблемы). Ученые и практики вскоре после вступления в силу ФЗ о ГСЭД отметили важность включения в указанный федеральный закон соответствующего раздела².

Высказываясь в поддержку данного предложения, тем не менее приходится констатировать, что подобный подход к решению проблемы сам по себе без оптимизации норм Уголовно-процессуального кодекса ситуацию кардинальным образом не изменит.

К примеру, в уже упоминавшемся Законе Украины от 25 февраля 1994 г. «О судебной экспертизе»³ имеется раздел IV («Международное сотрудничество в области судебной экспертизы»), в ст.ст. 23 и 24

¹ Конвенции от 22 января 1993 г. (по состоянию на 10 января 2011 г.) «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Денисов П.В. Особенности использования специальных знаний в контексте действующего законодательства // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. 2004. № 1. С. 58.

³ СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

которого руководителям специализированных учреждений и ведомственных служб, производящих судебные экспертизы, предоставлены достаточно широкие права по установлению и поддержанию научных связей с экспертами других стран, привлечению иностранных специалистов для совместного производства судебных экспертиз. Однако на подписание соглашения между Россией и Украиной о сотрудничестве в области судебно-экспертной деятельности ушло несколько лет. Когда в 2003 г. встал вопрос о возможности осуществления автором монографии (на тот момент аттестованной в порядке, установленном Министерством юстиции РФ, на право производства трасологической и товароведческой экспертизы) экспертной деятельности в Украине, руководством Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз им. заслуженного профессора Н.С. Бокариуса было принято решение о необходимости аттестации автора на право самостоятельного проведения экспертиз в порядке, установленном Министерством юстиции Украины.

Поэтому не разделяется оптимизм коллеги из Николаевского НИИ судебных экспертиз Минюста Украины относительно того, что сегодня в Украине «судебная экспертиза может быть назначена для выполнения лицу, которое владеет необходимыми знаниями, невзирая на то, гражданином какого государства оно является или имеет ли оно вообще гражданство»¹.

Определенный оптимизм вселяет расширение сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности в рамках Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) – соответствующее Соглашение было подписано 30 июня 2006 г. на заседании Совета министров юстиции государств – членов ЕврАзЭС. Для обеспечения реализации достигнутых договоренностей была создана Рабочая группа. С целью повышения эффективности судебно-экспертного партнерства и его гармонизации в рамках ЕврАзЭС в 2009 г. она была преобразована в Координационно-методическую комиссию по судебной экспертизе при Совете министров юстиции государств – членов ЕврАзЭС (в состав Комиссии вошли руководители и заместители руководителей головных судебно-экспертных учреждений министерств юстиции государств – членов ЕврАзЭС)².

¹ Репешко П.И. К вопросу о допустимости поручения проведения судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве Украины иностранным специалистам // Научные труды. Российская академия юридических наук. В 3 т. Т. 3. Вып. 4. М.: Изд. группа «Юрист», 2004. С. 251.

² По данному вопросу подробно см.: Усов А.И. Сотрудничество судебно-экспертных

Хотя вышеуказанная Координационно-методическая комиссия активно приступила к деятельности по повышению качества производства судебных экспертиз в государствах — членах ЕврАзЭС, проводимая в данном направлении работа, учитывая прежде всего различия между процессуальной и судебно-экспертной деятельностью, а также ограниченный состав участников Соглашения, также не является панацеей в решении проблем, связанных с вопросами гражданства судебного эксперта.

Правовые нормы в части, касающейся использования возможностей экспертно-криминалистических учреждений правоохранительных органов России в международном сотрудничестве, в отечественном процессуальном законодательстве отсутствуют, оговариваются лишь условия обмена криминалистически значимой информацией и вызова эксперта. По мнению некоторых ученых, этого явно недостаточно для обеспечения полномасштабного международного сотрудничества правоохранительных органов России и европейских государств в сфере судебно-экспертной деятельности¹.

Устранению неопределенности положений действующего уголовно-процессуального законодательства могло бы способствовать внесение изменений в ч. 1 ст. 3 УПК РФ с учетом специфики действия уголовно-процессуального закона в пространстве.

В части 1 статьи 2 УПК РФ сказано, что «производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором Российской Федерации не установлено иное». Соответственно, ч. 1 ст. 3 УПК РФ представляется целесообразным изложить в следующей редакции: «При участии в уголовном процессе иностранных граждан; лиц, имеющих двойное гражданство; лиц без гражданства производство по уголовному делу на территории Российской Федерации ведется в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором Российской Федерации не установлено иное».

Приведенная формулировка позволяет не только внести ясность в решение вопроса о гражданстве как элементе уголовно-процессуального статуса участников процесса, но и обеспечить использование в отечественном уголовном судопроизводстве профессиональных достижений экспертов разных стран.

учреждений министерств юстиции как одно из практических звеньев международной интеграции государств — членов ЕврАзЭС // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 27–31.

¹ Никитина И. Э. Европейское сотрудничество в сфере судебно-экспертной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14–15.

Правосубъектность.

В теории государства и права под правоспособностью понимается способность лица иметь субъективные права и нести юридические обязанности, при этом различают общую, отраслевую и специальную правоспособность¹. В качестве общей правоспособности рассматривается принципиальная возможность иметь любые права и обязанности, закрепленные действующим законодательством. Отраслевая правоспособность позволяет приобретать права и обязанности, предусмотренные той или иной отраслью права. Специальная правоспособность увязывается с наличием у физических лиц соответствующих знаний, навыков, умений и т.п.

Как теоретическая конструкция, понятие правоспособности закрепляет признаваемую государством абстрактную возможность каждого человека и гражданина иметь любые предусмотренные законом права и обязанности. С этой точки зрения деление правоспособности на виды особой роли не играет, поскольку правоспособными теоретически являются все лица с момента рождения. Однако выделение отраслевой и специальной правоспособности приобретает существенное значение на практике, потому что для каждого конкретного лица возможность реализации отраслевой и специальной правоспособности наступает при соблюдении определенных условий. Понятие уголовно-процессуального статуса эксперта охватывает его отраслевую правоспособность и отчасти — специальную, в той мере, в какой она пересекается с отраслевой.

Под дееспособностью понимается способность лица осуществлять субъективные права и обязанности за счет самостоятельных личных осознанных действий². Признание лица дееспособным связано с достижением им определенного возраста и состоянием здоровья; кроме того, для несовершеннолетних предусматривается частичная дееспособность, а для совершеннолетних — возможность ее ограничения.

В юридических науках для характеристики ситуаций, когда право и дееспособность неразделимы (когда права имеют непередаваемый характер и могут быть реализованы только самим обладателем), используется термин «правосубъектность»³. Совпадение право- и дееспособности в уголовно-процессуальном праве не всегда имеет место,

¹ Подробно см.: Теория государства и права: курс лекций... С. 519–523.

² Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 106–107.

³ Интересно отметить, что в некоторых странах термины право- и дееспособность не употребляются вовсе, например, в Англии и США используется понятие «правовая способность» (см.: Лекции по общей части гражданского права... С. 33).

но применительно к статусу эксперта использование термина «право-субъектность» допустимо, так как в силу специфики осуществляемых им функций правоспособный эксперт не может быть недееспособным.

Вопросам уголовно-процессуальной право-, дееспособности личности в юридической литературе всегда уделялось внимание¹, но не так много, как, к примеру, вопросам гражданской или гражданско-процессуальной право-, дееспособности, что вполне объяснимо. Особенность уголовно-процессуальных правоотношений заключается в том, что одним из субъектов в данных отношениях всегда выступает орган государства (должностное лицо), наделенное властными полномочиями. Осуществление правосудия напрямую не зависит от способности лиц, участвующих в деле, быть носителями прав и обязанностей и самостоятельно их реализовывать. Поэтому термины право- и дееспособность в уголовно-процессуальном законодательстве не используются, однако в нормах уголовно-процессуального права данные категории находят свое отражение.

Проблемы правосубъектности эксперта заслуживают пристального внимания, так как его отраслевая правоспособность тесно связана со специальной, в связи с чем условия, при которых конкретное лицо может быть наделено правами и обязанностями эксперта, определяются не только процессуальным законодательством.

Одним из первых на важность изучения сущности уголовно-процессуальной правосубъектности эксперта указал П.В. Полосков². Впоследствии данный вопрос так или иначе затрагивался многими учеными при анализе правового положения эксперта как субъекта судопроизводства, однако детально не исследовался. В период реформирования отечественного процессуального законодательства А.В. Кудрявцева вновь привлекла внимание к данному понятию. Обоснованно рассматривая правосубъектность в качестве необходимой предпосылки возникновения уголовно-процессуальных отношений, одной из сторон которых является эксперт, она предложила свое толкование указанного понятия. По ее мнению, речь идет о правоспособности, дееспособности и деликтоспособности субъекта, определяющих потенциальную

¹ См., например: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961 ; Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1971 ; Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.А. Познанского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987 ; и др.

² Полосков П.В. Правоспособность и дееспособность в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.

возможность лица, обладающего специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, быть участником уголовно-процессуальных отношений¹.

Не возражая в принципе против такого подхода к структуре правосубъектности, надо заметить, что встречающееся в теории государства и права выделение, помимо право- и дееспособности, деликтоспособности и вменяемости не является обязательным, так как эти элементы полностью охватываются категорией «дееспособность»². Несмотря на то, что термин «деликт» может использоваться для обозначения любого правонарушения, в том числе преступления, деликтная ответственность представляет собой категорию гражданского права (речь идет о внедоговорной ответственности за причинение имущественного вреда в результате гражданского правонарушения – деликта)³. Поэтому в монографии правосубъектность эксперта анализируется как собирательное понятие, объединяющее два, а не три или четыре элемента.

Следует также пояснить, что при анализе отраслевой право-, дееспособности ученые – специалисты в разных отраслях права – нередко совершают одинаковые ошибки: зачастую способность к правообладанию смешивается с обладанием правами либо условия, при которых у человека появляется возможность воспользоваться конкретными правами, рассматриваются в качестве «условий правосубъектности».

К примеру, П.В. Полосков считал, что правосубъектность экспертов априори связывается с наличием таких условий, как: 1) обладание специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле; 2) привлечение лица к участию в деле решением компетентного лица (органа), ведущего процесс⁴. Рассматривая понятие правосубъектности в международном праве, А.А. Каширкина, не всегда верно интерпретируя позицию коллег по данному вопросу, ссылается на мнение ученых, якобы полагающих, что «о наличии международной правосубъектности свидетельствует не просто способность лица подчиняться регулируемому воздействию международного права, обладать международными правами и обязанностями, участвовать в международных правоотношениях, а наличие у лица строго определенных прав и обязанностей,

¹ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 159.

² Теория государства и права: курс лекций... С. 525.

³ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия... С. 110.

⁴ Полосков П.В. Правоспособность и дееспособность в советском уголовном процессе... С. 24.

выражающих специфику субъекта международного права»¹. Говоря о трудовой правосубъектности работника, А.А. Федин, не смешивая ее с обладанием трудовыми правами и обязанностями, тем не менее пришел к выводу, что возрастной критерий является «необходимым условием» трудовой правосубъектности, и отметил, что в ряде случаев трудовая правосубъектность лица может быть ограничена².

К ошибочному толкованию сути отраслевой правосубъектности приводит ряд упущений. Во-первых, из поля зрения исследователей выпадает тот факт, что собирательный термин «правосубъектность» применяется лишь в ситуациях, когда правоспособность и дееспособность неразделимы во времени, органически сливаются воедино. Во-вторых, от возраста и психического состояния лица зависит дееспособность, но никак не правоспособность. В-третьих, сущность правоспособности не меняется от того, что реальная возможность обладать теми или иными правами появляется у гражданина при определенных условиях³. С учетом изложенного, попытаемся раскрыть специфику отраслевой правосубъектности эксперта как элемента его уголовно-процессуального статуса.

Возможность вовлечения конкретного лица в уголовное судопроизводство в качестве эксперта увязывается с наличием у него специальных знаний: в ст. 57 УПК РФ разъясняется, что эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное в порядке, установленном Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. В статье 58 говорится не только о «специальных знаниях», но и о «профессиональной компетенции» того, кто может участвовать в уголовном процессе в статусе специалиста, а ст.ст. 70 и 71 УПК предусматривают возможность отвода эксперта и специалиста в случае обнаружения их «некомпетентности». Все три понятия взаимосвязаны между собой, но связь эта не так очевидна, как может показаться на первый взгляд, поскольку толкование терминов «компетенция» и «компетентность» в языковой практике, юриспруденции и психологии не совпадает.

В Толковом словаре русского языка приводятся два значения слова «компетенция»: 1) круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен; 2) круг чьих-либо полномочий, прав⁴. В «Юридической энциклопедии» данный термин употребляется лишь в одном из указанных

¹ Каширкина А.А. Новые тенденции в доктрине международной правосубъектности // Lex Russica. 2004. № 3. С. 823.

² Федин А.А. Трудовая правосубъектность работника // Lex Russica. 2004. № 3. С. 718–733.

³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права... С. 392–395.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 288.

значений для характеристики совокупности установленных нормативными правовыми актами прав и обязанностей (полномочий) организаций, органов, должностных лиц, а также лиц, осуществляющих управленческие (исполнительно-распорядительные) функции в коммерческих организациях¹. В целях обозначения осведомленности субъекта труда о предмете деятельности в юриспруденции и психологии используют понятие «профессиональная компетентность»².

В свое время М.Г. Любарский и В.Г. Дрейден в понятии «компетенция эксперта» предлагали различать две составляющие: профессиональную, обозначенную авторами термином «научная компетенция», и процессуальную, именуемую «полномочиями эксперта»³. Ученые полагали, что структура научной компетенции каждого эксперта может быть представлена в виде трех уровней: а) общеэкспертная научная компетенция; б) научная компетенция определенной специальности; в) личная научная компетенция эксперта. Они отмечали, что объем личной научной компетенции не у всех экспертов одинаков, поскольку зависит от его теоретической, экспертной подготовки, знания литературы, эрудиции, экспертного опыта и культурного уровня.

По мнению Б.А. Алимджанова и В.М. Вальдмана было бы правильнее говорить о наличии единого понятия компетенции эксперта, включающего в себя, «с одной стороны, собственно специальные познания лица в определенной отрасли, и с другой – весь круг его полномочий как участника уголовно-процессуальной деятельности, и прежде всего те, которые позволяют ему проводить специальное исследование в условиях отсутствия оснований для его отвода»⁴. С таким подходом трудно согласиться.

Если бы степень информированности потенциального эксперта по вопросам производства судебной экспертизы в уголовном процессе имела значение, то при проведении экспертизы в каждом конкрет-

¹ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия... С. 205–206.

² Фундаментальный анализ понятия «профессиональная компетентность» провел В.Ф. Енгальчев, придя к выводу о том, что речь должна идти о системном соответствии объективным требованиям профессии формируемых в процессе профессиональной подготовки профессионально важных качеств, специальных знаний, умений, навыков и профессиональной мотивации специалиста (см.: Енгальчев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии... С. 54–66).

³ Любарский М.Г., Дрейден В.Г. Содержание понятия «компетенция эксперта» // Судебная экспертиза: V сб. проблемных науч. работ по судебной экспертизе. Л.: Медицина, 1977. С. 129–131.

⁴ Алимджанов Б.А., Вальдман В.М. Компетенция эксперта в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты. Ташкент: Изд-во «УЗБЕКИСТАН», 1986. С. 62.

ном случае не было бы необходимости в разъяснении лицу, назначаемому экспертом, его прав и ответственности, предусмотренных ст. 57 УПК РФ, а процессуальный статус сотрудников ГСЭУ, по долгу службы регулярно вовлекаемых в уголовное судопроизводство, отличался бы от статуса лиц, таковыми не являющихся. Однако при изучении соответствующих статей УПК РФ и ФЗ о ГСЭД каких-либо различий в уголовно-процессуальном статусе в зависимости от того, где работает лицо, назначаемое экспертом, обнаружить не удастся.

При анализе положений ФЗ о ГСЭД может показаться, что для сотрудников ГСЭУ возможность быть субъектом уголовно-процессуальных отношений определяется наличием российского гражданства, соответствующего образования, прохождением аттестации и переаттестации в установленном порядке. В действительности указанные положения на уголовно-процессуальный статус эксперта не влияют, так как касаются статуса эксперта как субъекта трудового и административного права. Неслучайно ст. 13 ФЗ о ГСЭД называется «Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту».

Уголовно-процессуальная правосубъектность эксперта не зависит от того, где он работает, были известны ему до назначения экспертом или нет процессуальные особенности проведения судебных экспертиз по уголовным делам. Объем уголовно-процессуальной правосубъектности одинаков у сотрудников ГСЭУ и лиц, не являющихся таковыми. В то же время не следует забывать, что правосубъектность — это не только элемент уголовно-процессуального статуса эксперта, но и одна из обязательных юридических предпосылок его вступления в уголовно-процессуальные отношения, в качестве которых, как уже отмечалось, помимо правосубъектности, рассматриваются норма права и юридический факт. Поскольку порядок вовлечения в уголовное судопроизводство сотрудников экспертных учреждений и тех, кто в государственных и негосударственных экспертных учреждениях не работает, имеет некоторые отличия, можно констатировать, что указанные лица вступают в процесс в качестве экспертов в связи с различными юридическими фактами.

Сегодня в теории судебной экспертизы принято разграничивать процессуальную компетенцию эксперта, подразумевая его полномочия, закрепленные в нормативных актах, и профессиональную компетенцию, охватывающую комплекс знаний в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода вида. В свою очередь, профессиональную компетенцию подразделяют на объективную (объем знаний, которыми должен владеть эксперт) и субъективную (степень

владения определенным лицом этими знаниями) компетенцию эксперта. Последнюю именуют «компетентностью» эксперта¹.

За терминологическими различиями скрывается комплекс проблем, зачастую рассматриваемых в юридической литературе без предварительной, как нам представляется, в данном случае необходимой, дифференциации. Сегодня некоторые ученые, как и десятилетия назад, стремясь прояснить вопрос о сущности специальных знаний, невольно «сгребают в одну кучу» разноплановые проблемы, нуждающиеся в поэтапном урегулировании, касающиеся выработки дефиниции данного понятия, отличия (или отсутствия такового) «знаний» от «познаний», порядка и условий их получения, размежевания статуса специалиста и эксперта, возможности проведения «правовых экспертиз» и т.д. Не включаясь в многолетнюю, изобилующую интереснейшими коллизиями дискуссию по обозначенной проблематике, следует ограничиться кратким изложением собственной позиции в пределах, определяемых задачами данного исследования.

Уяснение места и роли эксперта в уголовном судопроизводстве предполагает выявление и последовательное решение, как минимум, трех групп проблем, возникающих на стыке процессуальной и профессиональной деятельности эксперта, что, собственно, и предопределяет сложность их изучения.

Прежде всего, анализируя правосубъектность эксперта, необходимо найти критерии выделения специальных знаний из числа прочих применительно именно к уголовно-процессуальной деятельности. Указанное обстоятельство представляется чрезвычайно важным, так как предполагает удержание в уме цели исследования, лежащей в процессуальной плоскости. На данном этапе, чтобы очертить круг знаний, приобретающих в рамках судопроизводства статус «специальных», следует исходить из интересов уголовного процесса, а не самоценности знаний, им востребуемых. Определив критерии разграничения «специального» и «неспециального» в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, можно переходить к анализу природы «специальных» знаний и поиску ответа на вопрос, каким образом в повседневной жизни могут быть получены столь разнообразные по своей сути знания, в судопроизводстве представляющие собой единый сплав. При этом не следует упускать из виду специфику юридического толкования понятия «трудовая деятельность», а также положения психологии труда, не всегда адекватно отражаемые процессуальным законодательством.

¹ Теория судебной экспертизы: учебник... С. 138.

Изучение обозначенных проблем в дальнейшем должно способствовать правильному пониманию соотношения процессуальной и профессиональной составляющих деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве, что весьма важно, коль скоро «процессуальное» в его деятельности является производным от «профессионального». После этого на основе результатов предпринятого анализа появится реальная возможность определить, в какой форме наиболее целесообразно использовать помощь тех или иных носителей специальных знаний в уголовном процессе, то есть вновь вернуться к решению процессуальных задач, но на качественно ином уровне, позволяющем обоснованно дифференцировать правовой статус эксперта и специалиста.

Пытаясь раскрыть сущность понятия «специальные знания», необходимо помнить, что оно «относится не к теории познания, а к специфической правовой сфере»¹. Еще М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова в своей работе «Проведение экспертизы в советском уголовном процессе» подчеркивали значимость данного обстоятельства: «При расследовании уголовных дел встречаются такие факты, для установления которых, а тем более для выяснения их связи с другими обстоятельствами дела недостаточно жизненного и профессионального опыта следователя и судьи. Возникает потребность в привлечении в помощь им сведущих людей самых различных специальностей»². Однако, анализируя дефиниции понятия «специальные знания», в свое время предлагавшиеся известными учеными, можно заметить, что акценты в них авторы расставляют по-разному.

Так, Р.С. Белкин, фокусируясь на цели использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, характеризовал их как «профессиональные знания в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел»³. Подобным образом с позиций гражданского процессуального права обозначил суть специальных знаний А.А. Мохов: «...специальные знания в гражданском судопроизводстве России — это профессиональные знания, за исключением профессиональных знаний субъектов доказывания (судья, стороны спорного правоотношения, третьи лица), используемые в установленном

¹ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 183.

² Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе... С. 11.

³ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: частные криминалистические теории. Пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 2. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1978. С. 80.

законом порядке при рассмотрении и разрешении гражданских дел с целью вынесения законного и обоснованного акта судебной власти»¹.

В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий, напротив, углубились в изучение гносеологической сущности понятий «специальные знания» и «специальные познания», которые полагали необходимым разграничивать. Специальные знания ученые рассматривали «как систему сведений, полученных в результате научной и практической деятельности в определенных отраслях (медицина, бухгалтерия, автотехника и т.п.) и зафиксированных в научной литературе, методических пособиях, наставлениях, инструкциях и т.п.», а специальные познания «как знания, полученные соответствующими лицами в результате теоретического и практического обучения определенному виду деятельности, при котором они приобрели также необходимые навыки для ее осуществления»².

Авторы «Энциклопедии судебной экспертизы», не проводя деления между терминами «знания» и «познания», также сосредоточили свое внимание на содержании и способах получения специальных познаний, которые, согласно энциклопедии, представляют собой систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта³.

В каждом из приведенных определений, безусловно, есть рациональное зерно. Как было показано в первой главе, лицо, вовлекаемое в уголовное судопроизводство в статусе эксперта, одновременно выступает в роли субъекта двух разных видов деятельности – процессуальной и профессиональной, осуществление которых с точки зрения обеспечения интересов государства преследует различные цели. Как это будет показано далее, в деятельности эксперта в рамках уголовного судопроизводства реализуются не только его процессуальные, но также профессиональные права и обязанности. Это значит, что суть специальных знаний применительно к профессиональной деятельности эксперта невозможно выявить без анализа гносеологических аспектов данного понятия и специфики приобретения специальных знаний субъектами, заинтересованными в их получении. В то же время, говоря об использовании специальных знаний в уголовном процессе, следует акцентировать внимание на целях и порядке их использования. Таким образом, большин-

¹ Мохов А.А. Институт сведущих лиц в гражданском процессе России... С. 90.

² Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела... С. 4.

³ Энциклопедия судебной экспертизы... С. 402.

ство дефиниций понятия «специальные знания», накопившихся за годы дискуссии в юридической литературе, имеют право на жизнь, поскольку в определенной мере раскрывают его сущность с той либо иной стороны.

Учитывая вышеизложенное, надо признать, что универсального термина «специальные знания», одинаково пригодного для применения во всех сферах жизни общества, не существует. Понятия, призванные отразить специфику профессиональной и процессуальной деятельности эксперта, не могут совпадать по объему, коль скоро цели использования специальных знаний при этом разнятся. Без конкретизации сферы применения определить, какие знания в той или иной ситуации следует считать «специальными», невозможно, ибо, по справедливому замечанию А.А. Эксархопуло, нет критериев, которые эффективно отграничивали бы «специальное» от «неспециального»¹.

Такой подход позволяет наиболее точно в общих чертах охарактеризовать природу специальных знаний, востребуемых уголовным судопроизводством, и, избегая дискуссии, наметить пути урегулирования проблемы проведения так называемых «правовых экспертиз», не нарушая исторически сложившихся традиций в процессуальном праве.

В свое время И.Я. Фойницкий писал: «Экспертиза не решает юридических (правовых) вопросов, их решает следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд. Решение с помощью экспертизы правовых вопросов было бы коренным извращением судебной экспертизы»². С этим трудно не согласиться, с тем уточнением, что речь идет об уголовно-процессуальной деятельности (деятельности правоохранительной), процессе доказывания и правоприменительной деятельности уполномоченных на то лиц. С учетом сделанной оговорки «специальными» следует признать любые знания, находящиеся за пределами тех, которыми обязаны обладать субъекты правоприменения, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства. С этой точки зрения, позиция ученых, отстаивающих возможность производства «правовых экспертиз», представляется не лишенной оснований, поскольку знания в области трудового или, к примеру, финансового права со всей очевидностью выходят за рамки предмета уголовно-процессуальной деятельности.

Если же обратиться к изданной в 1949 г. «Настольной книге следователя», в какой-то мере представляющей в обобщенном виде сложивши-

¹ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела... С. 48.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... С. 338.

еся на тот момент воззрения отечественных ученых и практиков (процессуалистов и криминалистов), нетрудно заметить, что классическая трактовка понятия «специальные знания» в интерпретации М.А. Чельцова-Бebutова приобрела иное звучание: «Следователь не может... ставить экспертам вопросы юридического характера. В тех случаях, когда для оценки того или другого факта его нужно подвести под опытное положение, имеющее правовой характер, следователь обязан сам знать соответствующее опытное положение, это его профессиональное знание как юриста»¹.

Действительно, объем знаний лиц, избравших профессию юриста (в широком смысле слова), накопленный ими при получении среднего и высшего профессионального образования, достаточно велик, и с этой точки зрения любой вопрос из области юриспруденции, необходимость в решении которого возникает при производстве по уголовному делу, может быть охарактеризован, с известной долей условности, как «правовой». При таком подходе к проблеме назначение «правовых экспертиз» следует признать недопустимым.

Подмена процессуальных понятий понятиями, заимствованными из иных областей человеческой деятельности, недопустима. При всей своей заманчивости, связанной с широкими возможностями профессионального отбора специалистов для осуществления судебно-экспертной деятельности, идея отождествления «специальных» и «профессиональных» знаний² не выдерживает критики. Прежде всего потому, что процессуальная деятельность и деятельность трудовая по своему назначению и содержанию не совпадают, что существенно осложняет (если не исключает вовсе) прямой перенос каких-либо «конструкций» из одной области в другую. Кроме того, «профессиональная деятельность» — понятие более узкое, чем «трудовая деятельность», но даже с осуществлением трудовой деятельности возможность удовлетворения потребности правоприменителя в использовании знаний, лежащих за пределами судопроизводства, увязывать нет смысла. Нельзя заранее предположить, знания в какой области окажутся востребован-

¹ Настольная книга следователя / под ред. Л.Р. Шейнина, П.И. Тарасова-Родионова, С.Я. Розенблита; общ. ред. Генерального прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1949. С. 422–423.

² В поддержку данной идеи высказываются многие ученые. См., например: Исаев А.А. Роль судебной экспертизы в квалификации преступлений... С. 54–60; Развернутое обоснование см.: Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (12). М.: Спарк, 2004. С. 4–15.

ными завтра в ходе раскрытия, расследования преступлений и при осуществлении правосудия, поскольку преступность есть, к сожалению, неотъемлемая часть объективной реальности, проявляющейся в ходе преступной деятельности во всем своем многообразии.

Вряд ли можно согласиться с трактовкой понятий «компетенция» и «компетентность», предложенной Л.Г. Шапиро и В.В. Степановым. Проведя достаточно подробный анализ изложенных в юридической литературе точек зрения по данному вопросу, они в итоге пришли к мнению о необходимости включения в ст. 5 УПК РФ пунктов, разъясняющих указанные понятия, в следующей редакции: «Компетенция эксперта – совокупность его прав и обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, определяемая кругом задач, которые может (компетентен) решать эксперт; компетентность эксперта – наличие у эксперта специальных знаний, полученных в рамках высшего профессионального образования, последующей подготовки по конкретным экспертным специальностям, а также реального опыта решения сложных экспертных задач, необходимых для использования в процессе производства соответствующего исследования»¹.

По поводу подхода авторов к толкованию сути понятия «компетенция» надо заметить, что полномочия эксперта не могут определяться кругом задач, которые способен решать эксперт, поскольку функциональное назначение процессуальной фигуры эксперта обуславливается потребностями судопроизводства, а не возможностями носителя специальных знаний². Речь идет о процессуальной компетенции эксперта как участника процесса, с которой «компетентность» конкретного эксперта, субъективную составляющую его профессиональной компетенции отождествлять не следует.

Также не стоит в том виде, в котором предлагают Л.Г. Шапиро и В.В. Степанов, увязывать возможность вовлечения лица в производство по делу с наличием у него высшего профессионального образования.

Во-первых, к специальным относятся знания в области науки, техники, искусства или ремесла (об этом прямо говорится в ст. 9 ФЗ о ГСЭД). Во-вторых, как уже отмечалось, по ОКЗ, в отличие от профессии, подразумевающей обязательную профессиональную подготовку, в качестве занятия может рассматриваться любой вид деятельно-

¹ Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве... С. 162.

² О необходимости разграничения понятий «функция» и «компетенция» применительно к деятельности участников уголовного процесса см.: Абашева Ф.А., Зинатуллин Т.З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса... С. 8–10.

сти, в том числе не требующий специальной подготовки, приносящий заработок или доход.

Следовательно, действующее законодательство, ориентированное на необходимость удовлетворения потребности судопроизводства в специальных знаниях любого рода, не препятствует производству экспертизы лицом, не имеющим даже среднего (полного) общего образования¹. Нельзя сбрасывать со счетов ситуации, когда «занятием» может оказаться не только ремесло, но и хобби человека (например, увлечение не имеющим в наши дни практического применения народным промыслом, не связанное с получением дохода)². Не исключено, что в ходе расследования преступления в этом случае будут востребованы как сами по себе знания о сути данного «занятия», так и проведение с их использованием экспертного исследования.

Примечательно, что значительная часть следователей (84,2%) и экспертов (64,2%), принявших участие в анкетировании в 2009–2010 гг. придерживаются мнения о необходимости наличия у лица, назначаемого экспертом, высшего профессионального образования. Более того, 63,3% опрошенных в 2009 г. преподавателей вузов, аспирантов, сотрудников государственных и негосударственных экспертных учреждений ответили утвердительно на вопрос, обязан ли знать эксперт, назначенный для производства судебной экспертизы, основы юриспруденции.

Изложенное — повод задуматься об основаниях разграничения статуса эксперта и специалиста, исходя из объема профессиональной составляющей их деятельности (этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе).

Предлагая свой вариант решения научного спора, имеющего важное прикладное значение, хотелось бы подчеркнуть следующее. Перспектива урегулирования разногласий кроется не за множеством толкований сущности понятия «специальные знания», а в сравнительном анализе предмета, целей, задач, условий осуществления уголовно-процессуальной и профессиональной деятельности субъектов правоприменения с учетом специфики процессуальной и профессиональной деятельности носителей специальных знаний, вовлекаемых в производство по делу. С этой точки зрения следует разделить позицию

¹ Орлов Ю. К. упоминает случай, когда экспертизу проводил простой печник, реконструировавший печь, в которую было заложено взрывное устройство (см.: Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве... С. 14).

² На данный факт обращает внимание Б. М. Бишманов, приводя в качестве примера такого хобби филателию (см.: Бишманов Б. М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности... С. 35).

К. Н. Шакирова: «... если априори деятельность следователя и суда признается в судопроизводстве как регламентированная законом реализация общеизвестных *правовых знаний* (выделено авт. — К.Я.) по собиранию, исследованию и оценке доказательств, то деятельность эксперта по своему содержанию следует рассматривать как реализацию не общеизвестных для уголовного и гражданского процессуального законодательства научных знаний, конституированных в силу сказанного в статус *специальных*»¹.

Единственное уточнение, которое следует сделать: в качестве «специальных» надлежит рассматривать знания, находящиеся за пределами тех, которыми обязаны обладать субъекты правоприменения, исходя из целей и задач конкретного вида процессуальной деятельности, а не «уголовного и гражданского процессуального законодательства». Употребление в теории и на практике обобщающего термина «процессуальное право», равно как и ссылки на процессуальное законодательство, в данном случае не может служить основанием классификации. Речь идет об использовании правоприменителями в ходе осуществления определенного вида процессуальной деятельности знаний, каковыми они сами (вовсе либо в необходимом объеме) не обладают.

Важное значение на практике имеет не столько объем компетенции эксперта вообще, сколько компетентность конкретного лица в той области науки, техники, искусства или ремесла, знания из которой оказываются востребованными при производстве по делу. Отвод носителя специальных знаний (будь то специалист или эксперт) обуславливается обнаружением его «некомпетентности» (ст.ст. 70 и 71 УПК РФ). Именно профессиональная (в широком смысле слова) компетентность позволяет конкретному физическому лицу своими действиями реализовывать уголовно-процессуальные права и обязанности эксперта. Таким образом, возможность реализации отраслевой (уголовно-процессуальной) правоспособности увязывается с наличием у лица, назначаемого для производства экспертизы и дачи заключения, специальной правоспособности.

Права и обязанности.

Права и свободы граждан, рассматриваемые в рамках определенных правоотношений, в теории государства и права именуются субъективными. При этом под субъективным правом понимается гарантиро-

¹ Шакиров К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты... С. 22–23.

ванная законом мера возможного поведения лица, а под юридической обязанностью — мера его должного поведения, установленная законом и обеспечиваемая государством¹.

Субъективное право — это многоплановая возможность совершать известные действия, включая возможность определенного поведения самого управомоченного; возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица; возможность приведения в действие механизма государственного принуждения в случае неисполнения противостоящей стороной своей обязанности; возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом.

Слагаемые юридической обязанности — это своего рода долженствования, тесно взаимосвязанные с правомочиями субъекта. Так, правоповедение лица обуславливает для обязанной стороны необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них; правотребование — необходимость отреагировать на обращение управомоченного; право-притязание — необходимость нести ответственность за неисполнение этих притязаний; право-пользование — необходимость не препятствовать контрагенту воспользоваться соответствующим благом.

Применительно к деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве можно сказать, что реализация права следователя на получение заключения эксперта как полноценного доказательства определяется надлежащим исполнением последним своих профессиональных и процессуальных обязанностей. В свою очередь, полнота проведенных экспертом исследований во многом зависит от добросовестности следователя при выполнении возложенной на него обязанности по предоставлению материалов, необходимых для дачи заключения. Права и обязанности в повседневной жизни настолько тесно переплетаются между собой, что в отдельных случаях их бывает сложно разграничить. Однако в деятельности эксперта факт отождествления прав и обязанностей — явление достаточно редкое, как правило, его полномочия не носят двойственного характера.

В юридической литературе правам и обязанностям эксперта в арбитражном, гражданском, уголовном процессе, при производстве по делам об административных правонарушениях уделяется много внимания².

¹ Подробнее см.: Курс лекций по теории государства и права. В 2 ч. / под общ. ред. Н.Т. Разгильдеева, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ПКЦ, 1993. С. 143, 149.

² См., например: Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение... С. 79–91; Прасолова Э.М. Теория и практика криминалистической экспертизы: учеб. пособие. М.: Изд-во УДН, 1985. С. 17–32; Колкутин В.В., Зосимов С.М., Пустовалов Л.В., Харламов С.Г., Аксенов С.А. Судебные экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 20–26 ;

Раньше речь шла преимущественно о полномочиях эксперта, закрепленных в соответствующем кодексе и ведомственных нормативных актах. В современных изданиях, кроме того, отражаются положения ФЗ о ГСЭД. При этом полномочия эксперта, как правило, характеризуются с точки зрения их отнесения либо к правам, либо к обязанностям¹.

Для правильного понимания специфики уголовно-процессуального статуса эксперта этого недостаточно. Такой подход к классификации полномочий эксперта не позволяет в полной мере оценить его место и роль среди субъектов уголовного судопроизводства. Поскольку права и обязанности всегда рассматриваются в качестве основного элемента правового статуса, на каком бы уровне данное понятие не исследовалось, неоднозначность природы полномочий эксперта требует их более глубокого изучения.

Принимая во внимание видовое многообразие правовых статусов личности, опираясь на предложенную классификацию субъектов уголовного процесса, отражающую баланс их процессуального и профессионального статусов, представляется целесообразным при анализе уголовно-процессуального статуса эксперта выделять:

1. По степени общности – общепроцессуальные и сугубо экспертные права и обязанности. Необходимость такого рода дифференциации объясняется тем, что права и обязанности, которыми уголовно-процессуальное право его наделяет, по своей природе весьма различны – часть из них совпадает с полномочиями иных участников судопроизводства (далее будем именовать их универсальными), а часть отражает особенности процессуальной деятельности эксперта как профессионала (обозначим их как эксклюзивные).

2. По содержанию – права и обязанности, являющиеся собственно процессуальными, и те, которые можно охарактеризовать как профессионально-процессуальные.

Следует также добавить, что индивидуальный статус конкретного лица, вовлекаемого в уголовный процесс в качестве эксперта, интегрирует не только вышеуказанные права и обязанности, но также про-

Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2011. С. 38–42 ; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе... С. 77–103 ; и др.

¹ Пожалуй, одним из немногих исключений является многоплановый научно-практический комментарий ФЗ о ГСЭД, подготовленный Е.Р. Россинской (см.: Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002).

фессиональные полномочия, закрепленные в иных, помимо УПК РФ, нормативных актах, не противоречащих Кодексу.

Универсальные права и обязанности – важное связующее звено системы субъектов уголовного процесса, обеспечивающее ее целостность. В их число следует включить полномочия эксперта, базирующиеся на конституционных правах и свободах личности, принципах уголовного судопроизводства (например, право на обжалование процессуальных действий и решений), а также те процессуальные права и обязанности, которыми помимо эксперта обладают иные субъекты судопроизводства (например, право пользоваться в ходе допроса документами и записями).

Процессуальная самостоятельность эксперта, возможность осуществления им своей функции обеспечиваются эксклюзивными правами и обязанностями, которыми эксперта, и только его, наделяет уголовно-процессуальное законодательство (например, право давать заключение в пределах своей компетенции по вопросам, хотя и не указанным в постановлении о назначении экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования).

Универсальные и эксклюзивные полномочия эксперта тесно связаны между собой. Так, универсальное право эксперта на заявление ходатайства по достаточно широкому кругу вопросов (ст. 119 УПК РФ) конкретизируется в его эксклюзивном праве ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов (ст. 57 УПК РФ).

Поскольку для сотрудников экспертных учреждений, по роду занятий регулярно оказывающихся участниками уголовного судопроизводства, реализация профессиональных функций увязывается с выполнением функций процессуальных, их права и обязанности, а также законные интересы как субъектов трудовой деятельности (о них речь пойдет далее), тесно переплетаются с правами, обязанностями и законными интересами эксперта как субъекта уголовного процесса. Профессиональные полномочия указанной категории лиц (после их закрепления в УПК РФ) становятся их процессуальными правами и обязанностями; специальный статус эксперта пересекается с его отраслевым статусом. За счет этого профессиональные полномочия сотрудников экспертных учреждений, опосредованные процессуальным законодательством, могут реализовываться иными лицами, назначаемыми экспертами по конкретным уголовным делам. Таким образом, обеспечивается целостность «конструкции» под названием

«уголовно-процессуальный статус эксперта» независимо от того, идет ли речь о сотрудниках экспертных учреждений либо о тех, кто в их число не входит, при сохранении различий в статусе этих лиц как субъектов труда.

С учетом изложенного следует рассмотреть основные уголовно-процессуальные полномочия эксперта, нашедшие отражение в УПК РФ и ФЗ о ГСЭД.

Поскольку единство прав и обязанностей является принципом права, часть универсальных процессуальных полномочий эксперта можно выявить при анализе статей УПК РФ, напрямую участие эксперта в судопроизводстве не регламентирующих.

Так, согласно ст. 11 ч. 1, эксперт вправе требовать разъяснения своих прав, обязанностей и ответственности, а также требовать обеспечения возможности их осуществления, поскольку соответствующая обязанность возложена на суд, прокурора, следователя, дознавателя и руководителя экспертного учреждения (ч. 2 ст. 199). В соответствии с ч. 3 ст. 11 эксперт имеет право требовать принятия мер безопасности при наличии достаточных данных о том, что ему или его близким родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Действие ч. 4 ст. 11 может быть распространено на эксперта в части права на возмещение вреда, причиненного в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование. Тем более что эксперт обладает правом на реабилитацию (ч.ч. 1 и 3 ст. 133), включающим в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, в том числе право на возмещение вреда в случае, если он был незаконно подвергнут мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Эксперт, принимая участие в уголовном процессе, может использовать родной язык или другой язык, которым он владеет (ч.ч. 2 и 3 ст. 18). Согласно ч. 1 ст. 19, эксперт может обжаловать процессуальные действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, поскольку такое право предоставляется всем субъектам судопроизводства. Новеллой УПК РФ стало предоставление эксперту универсального процессуального права заявить отвод переводчику в случае обнаружения некомпетентности последнего (ст. 69).

В соответствии с ч. 3 ст. 57 эксперт вправе: а) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы; б) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения; в) ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов; г) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы¹. Данные права являются эксклюзивными профессионально-процессуальными правами эксперта. Они конкретизируют универсальное процессуальное право эксперта (закрепленное в ч. 1 ст. 119) заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также в целях обеспечения своих прав и законных интересов.

В соответствии с ч. 2 ст. 131 эксперт имеет универсальное процессуальное право на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием, а также на вознаграждение за исполнение своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства (за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания).

Эксперт также имеет универсальное процессуальное право, участвуя в следственном действии, делать заявления, которые подлежат занесению в протокол; после ознакомления с протоколом он вправе делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении (ст. 166). Надо иметь в виду, что содержание заявлений эксперта может быть самым разнообразным и не ограничивается ситуацией неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний, единственно оговоренной в ст. 17 ФЗ о ГСЭД.

В соответствии со ст. 167 эксперт обладает универсальным процессуальным правом отказаться от подписания протокола следственного действия (естественно, при наличии веских оснований). К сожалению, действие ч. 3 данной статьи на эксперта не распространяется, хотя возникновение ситуации, когда он, как и подозреваемый, обвиняемый,

¹ По смыслу ч. 1 ст. 198 УПК РФ при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе не только присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, но и давать объяснения эксперту. Означает ли это, что эксперт вправе задавать вопросы указанным лицам, связанные с предметом экспертизы, не только тогда, когда он участвует в иных процессуальных действиях, но и во время проведения экспертизы? Видимо, да, если, руководствуясь п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, вспомнить еще и о том, что, согласно ст. 9 ФЗ о ГСЭД, экспертиза считается процессуальным действием.

потерпевший или свидетель, в силу физических недостатков или состояния здоровья не сможет подписать протокол, не исключено (например, в связи с получением травмы в период между производством экспертизы и допросом в качестве эксперта).

При допросе в качестве эксперта в соответствии со ст. 205 лицо, производившее экспертизу, имеет эксклюзивное процессуальное право не давать показаний по поводу сведений, ставших ему известными в связи с ее проведением, если эти сведения не относятся к предмету данной судебной экспертизы. Кроме того, эксперт обладает теми же универсальными процессуальными правами, закрепленными в ст.ст. 187, 189–190, что и остальные допрашиваемые (при этом, учитывая специфику профессиональной деятельности эксперта, следует выделить его право пользоваться в ходе допроса документами и записями, изготавливать схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые должны приобщаться к протоколу допроса). Интересно, что при допросе в суде, согласно ст. 282, суд вправе предоставить эксперту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы суда и сторон, иными словами, из текста статьи явствует, что эксперт имеет право ходатайствовать о выделении времени на подготовку ответов, но суд не обязан удовлетворять его ходатайство.

Говоря о правах эксперта, закрепленных в ч. 3 ст. 57 УПК РФ, автор умышленно обошел молчанием п.п. 4 и 6 данной статьи, где оговаривается, что эксперт вправе: а) давать заключение в пределах своей компетенции, в частности, по вопросам, хотя и отсутствующим в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования; б) отказаться от дачи заключения, если поставленные перед ним вопросы выходят за пределы специальных знаний, а также в случаях, когда представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения. Указанные положения весьма не однозначны.

Во-первых, что касается п. 4 ч. 3 ст. 57, то в нем нашло отражение эксклюзивное профессионально-процессуальное право эксперта на инициативу, в полном объеме закрепленное в ч. 2 ст. 204: если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении. Во-вторых, формулировка данного пункта акцентирует внимание на праве эксперта давать заключение в пределах своей компетенции, причем не совсем ясно, на что следует обратить внимание – на *право давать* заключение или на *право ограничиться* при даче заключения собственной компетенцией (выделено авт. – К.Я.). В-третьих, п. 6

ч. 3 ст. 57 закрепляет право эксперта отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также, в четвертых, право эксперта отказаться от дачи заключения, когда представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения.

При этом в ч. 5 ст. 199 дополнительно подчеркивается, что эксперт вправе возратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства¹. В то же время, согласно ч. 1 ст. 62, эксперт несет обязанность уклониться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований для отвода, предусмотренных Кодексом, среди которых в п. 3 ч. 2 ст. 70 непосредственно указывается обнаружение его некомпетентности.

Содержание п. 4 и п. 6 ч. 3 ст. 57 в части прав эксперта давать заключение в пределах своей компетенции и отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, нуждается в уточнении. Смысл указанных положений видится в том, что, согласно УПК РФ, участие в уголовном процессе в качестве эксперта не может быть вменено лицу, обладающему специальными знаниями, в обязанность. Согласно ранее действовавшему законодательству лицо, вызванное в качестве эксперта, было обязано явиться к дознавателю, следователю, прокурору или в суд и дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам (ст. 82 УПК РСФСР). За отказ или уклонение от дачи заключения эксперт нес уголовную ответственность (ст. 181 УК РСФСР). Тот факт, что демократизация уголовного судопроизводства положительно сказалась на процессуальном статусе эксперта, сомнений не вызывает. Некорректной с научно-практической точки зрения представляется формулировка п. 4 ч. 3 ст. 57, поскольку УПК РФ не предусматривает обязанности эксперта давать заключение исключительно в пределах своей компетенции, что подчеркивалось в ст.ст. 78, 80, 82 УПК РСФСР.

Настораживает также то, что отказ от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, рассматривается как право, а не обязанность эксперта, — при таком подходе возможно про-

¹ В ходе предпринятого анализа экспертной, следственной и судебной практики по делам о преступлениях против личности и против собственности было установлено, что в 5,7% (94 из 1638 заключений эксперта и специалиста) носители специальных знаний отказывались от дачи заключения, когда представленных материалов было недостаточно для проведения исследования, но только в 2,8% (46 из 1638) отказывались от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний. При этом не было выявлено ни одного случая отказа от производства экспертизы ввиду того, что эксперт счел, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

тиворечивое толкование положений закона, поскольку «выход» эксперта за пределы специальных знаний может быть связан, в том числе, и с его личной некомпетентностью.

В связи с изложенным формулировку ст. 70, гласящей, что эксперт не может участвовать в производстве по уголовному делу, «если обнаружится его некомпетентность», нельзя признать удачной. Получается, что горе-специалист, с низким уровнем профессионального мастерства, может безнаказанно «штамповать» заключения эксперта до тех пор, пока в рамках расследования конкретного дела не будет обнаружена его некомпетентность, хотя, согласно положениям ст.ст. 70 и 62, отсутствие компетентности есть основание для отвода эксперта.

К сожалению, именно так сегодня обстоят дела на практике. Суды крайне неохотно идут на приобщение к материалам дела заключений специалистов, указывающих на ошибки в заключениях экспертов. Так, по резонансному уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г. Москвы с вынесением обвинительного приговора в отношении подсудимого М., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (кассационная инстанция квалифицировала его действия по ч. 3 ст. 135 УК РФ), заключение полиграфолога Н.И.В. по результатам проверки М. на полиграфе рецензировалось несколькими специалистами (в том числе автором монографии), поставившими под сомнение как компетентность Н.И.В., так и всесторонность, обоснованность, полноту проведенного им исследования. Однако судья в приговоре указала, что, отдавая должное высокому уровню квалификации рецензентов, оснований сомневаться в достоверности показаний Н.И.В. у суда нет, поскольку рецензенты «непосредственно не проводили психофизиологическое исследование подсудимого М. и фактически какой-либо информацией, имеющей значение для настоящего уголовного дела, не обладают»¹.

Никакого «права» отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, в действительности не существует. Эксперт обязан отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний и компетентности. Точно так же следует признать, что эксперт обязан возратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы, потому что при отсутствии необходимых материалов исследования не могут быть проведены в полном объеме, всесторонне и объективно.

¹ Текст приговора см.: Трибуна Общественной палаты // URL: <http://top.oprf.ru/main/5399.html> (дата обращения: 29.01.2011).

Такой подход в свое время отражала ст. 82 УПК РСФСР, и именно с этих позиций были прописаны положения ст. 16 ФЗ о ГСЭД, где говорится, что эксперт обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы. С этих же позиций подошли к решению обозначенной проблемы авторы одного из наиболее фундаментальных научно-практических комментариев к УПК РФ¹.

Можно было бы ограничиться констатацией того факта, что разграничение прав и обязанностей эксперта в ФЗ о ГСЭД проведено точнее, чем в УПК РФ. Однако, как было отмечено в предыдущем параграфе, действующие на территории Российской Федерации федеральные законы, связанные с УПК РФ, подлежат приведению в соответствие с ним, а до того могут применяться в части, не противоречащей Кодексу. Поскольку ФЗ о ГСЭД ориентирован на урегулирование не только и не столько уголовно-процессуальных правоотношений, сколько на упорядочение административных и трудовых правоотношений, складывающихся при проведении судебных экспертиз работниками ГСЭУ, и частично распространяется на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, вышеизложенные положения ст. 16 ФЗ приводить в соответствие с весьма дискуссионными положениями ст. 57 УПК РФ нет необходимости. Однако руководствоваться в своей деятельности лица, принимающие участие в качестве экспертов в уголовном судопроизводстве, должны отнюдь не рациональными требованиями ФЗ о ГСЭД, а иррациональными нормами УПК РФ. С формальной точки зрения получается, что в ФЗ о ГСЭД полномочия эксперта, оцениваемые в УПК РФ как его право, рассматриваются в качестве обязанностей эксперта, а умаление прав участника процесса даже в этом случае недопустимо, так как не согласуется с принципом законности уголовного судопроизводства. Таким образом, анализ действующего законодательства опасений по поводу возможного использования в суде заключений, составленных экспертами, неадекватно оценивающими уровень своей компетентности либо (что еще хуже) «нечистыми на руку», увы, не снимает.

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2003. С. 139.

Как было отмечено выше, права и обязанности эксперта совпадают достаточно редко. Примером такого совпадения являются эксклюзивные профессионально-процессуальные права и обязанности эксперта, касающиеся: а) дачи отдельного заключения по вопросам, вызвавшим разногласие между экспертами при проведении комиссионной экспертизы (ч. 2 ст. 200); б) подписания заключения комиссией экспертов разных специальностей (ч. 2 ст. 201); в) получения образцов для сравнительного исследования, когда оно является частью судебной экспертизы (ч. 4 ст. 202).

Согласно ч. 2 ст. 200 эксперт наделяется правом дать отдельное заключение в случае возникновения разногласий между ним и его коллегами при производстве комиссионной экспертизы, которое в силу императивного характера содержащихся в данной статье предписаний одновременно является его обязанностью. В части 2 ст. 201 указывается, что каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Формулировка статьи предполагает, что эксперт вправе подписывать часть заключения, содержащую описание выполненной им работы, и одновременно обязан ее подписать. В соответствии с ч. 4 ст. 202, когда получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, оно производится экспертом, а сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении. Таким образом, эксперт наделяется и правом, и обязанностью, при необходимости, в рамках экспертизы получать образцы для сравнительного исследования.

Надо сказать, что вопрос об отнесении отдельных полномочий эксперта к числу прав либо обязанностей всегда был поводом для дискуссии. Вклад судебного эксперта в установление истины по делу чрезвычайно велик, поэтому в литературе встречаются предложения по «переквалификации» ряда прав эксперта в обязанности¹. Также имеют место случаи «приписывания» эксперту прав, ни в УПК РФ, ни в ФЗ о ГСЭД не упоминаемых². Некоторые обязанности эксперта ошибочно

¹ В свое время Ю.Г. Корухов предлагал вменить в обязанность эксперту проявление экспертной инициативы и даже возможность обжалования действий органа дознания, следователя, прокурора и суда, затрагивающих интересы эксперта, защищаемые законом (см.: Корухов Ю.Г. Экспертные и неэкспертные трасологические исследования в уголовном процессе // Проблемы трасологических исследований: сб. науч. трудов. Вып. 35. М., 1978. С. 55–57).

² По справедливому замечанию Е.Р. Россинской, эксперт не обладает правом переформулировать вопросы, содержащиеся в постановлении о назначении экспертизы (как пола-

причисляются к его правам. К примеру, иногда в категорию «права» включается обязанность экспертов при производстве комиссионной экспертизы совещаться между собой¹.

В части 2 статьи 80 УПК РСФСР прямо указывалось, что «при назначении для производства экспертизы нескольких экспертов они до дачи заключения совещаются между собой». В УПК РФ подобная детализация процесса производства комиссионной экспертизы отсутствует, а в ст. 22 ФЗ о ГСЭД имеется. В ней говорится, что при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами одной специальности каждый из них проводит исследования в полном объеме, и они совместно анализируют полученные результаты.

С точки зрения языкознания приведенные выше формулировки являются утвердительными и не содержат указаний на возможную вариабельность поведения экспертов (совещаться – не совещаться). С точки зрения юриспруденции они носят императивный характер (при этом даже право эксперта на собственное мнение, отличное от мнения коллег, должно быть реализовано в предписанной законом форме – путем составления отдельного заключения). С позиций логики очевидно, что комиссионная экспертиза, обуславливающая привлечение специалистов в одной и той же области знания для решения единого перечня вопросов, призвана обеспечить объективность и полноту их решения. Эксперты не смогут прийти к общему мнению либо обнаружить разногласия, если не будут совещаться между собой. Предположить, что речь идет об их праве, а не обязанности, значит, признать возможность отказа от его использования, что равносильно закреплению за экспертами права на отказ от производства комиссионной экспертизы. Однако комиссионный характер судебной экспертизы определяется органом или лицом, ее назначившими, либо руководителем экспертного учреждения. Изложенное свидетельствует, что эксперты при проведении комиссионной экспертизы до дачи заключения обязаны совещаться между собой, хотя и не обязаны вырабатывать единое мнение.

гают некоторые ученые), даже если их разрешение в трактовке, предложенной экспертом с учетом его специальных знаний, способно существенно повысить результативность экспертного исследования (см.: Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону... С. 273–274). Однако в 124 из 1638 изученных заключений эксперта и специалиста (7,6%) были обнаружены вопросы, самостоятельно переформулированные носителями специальных знаний.

¹ См., например: Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение... С. 80; Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. докт. юрид. наук, проф. Т.В. Аверьяновой, канд. юрид. наук В.Ф. Статкуса. М.: КноРус; Право и закон, 2003. С. 29.

Различия в оценке полномочий эксперта, иногда достаточно существенные, обуславливаются отчасти тем, что уголовно-процессуальный статус субъектов судопроизводства раскрывается в современном законодательстве не только путем использования категорий «права» и «обязанности», но и посредством описания способов регулирования уголовно-процессуальных отношений – во многих статьях УПК РФ говорится о том, что субъект «вправе» и «не вправе» делать.

Как известно, в процессе правового регулирования могут использоваться три способа: дозволение, обязывание и запрещение¹. Если обязывание как способ правового регулирования предполагает совершение определенных активных действий, то запрещение обуславливает пассивное поведение субъектов права. Обязывание и запрещение органично дополняют друг друга, так как запрет совершать некоторые действия равносителен обязанности их не совершать. Сегодня подход законодателя к урегулированию уголовно-процессуальных отношений, возникающих в связи с производством по делу судебных экспертиз в большей степени, чем то было ранее, отражает специфику правового положения эксперта, обеспечивая (в перспективе) возможность стыковки норм уголовно-процессуального права и межотраслевого института судебной экспертизы без чрезмерной корректировки действующего законодательства.

Таким образом, требования ч. 4 ст. 57 УПК РФ могут рассматриваться, во-первых, в качестве эксклюзивных профессионально-процессуальных обязанностей эксперта: а) без ведома следователя и суда не вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы; б) самостоятельно не собирать материалы для экспертного исследования; в) не проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств; г) не давать заведомо ложное заключение. Во-вторых, требования п.п. 5 и 6 ч. 4 ст. 57 можно считать его универсальными процессуальными обязанностями: а) не разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ; б) не уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд (уже отмечалось, что, согласно

¹ Подробно см.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права... С. 478–479 ; Байтин М.И. Сущность права... С. 263.

действующему законодательству, дача заключения является правом эксперта, которого обязательность явки по вызову уполномоченного должностного лица вовсе не нарушает).

Среди универсальных процессуальных обязанностей эксперта можно также выделить: обязанность соблюдать единый порядок судопроизводства, установленный УПК РФ, руководствоваться в своей деятельности правилами международного договора Российской Федерации, если они отличаются от правил, установленных УПК РФ (ч.ч. 2 и 3 ст. 1); обязанность уклониться от участия в деле при наличии основания для отвода (ч. 1 ст. 62); обязанность соблюдать регламент судебного заседания (ст. 257).

К числу эксклюзивных процессуальных относится обязанность эксперта, обусловленная необходимостью реализации положений ст. 195 УПК РФ. Согласно ч. 4 ст. 195 судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных п.п. 2, 4 и 5 ст. 196 УПК РФ, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде. Это означает, что эксперт обязан удостовериться в наличии соответствующего документа. В подтверждение правильности такого подхода к оценке полномочий эксперта в данной ситуации можно сослаться на положения ст. 28 ФЗ о ГСЭД, с УПК РФ в полной мере согласующиеся, где подчеркивается, что в случае, когда судебная экспертиза производится в добровольном порядке, в государственное судебно-экспертное учреждение должно быть представлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе. Следовательно, не удостоверившись в наличии согласия лица подвергнуться судебной экспертизе, выраженного в письменной форме, эксперт не вправе приступать к производству экспертизы.

Эксклюзивная профессионально-процессуальная обязанность принять к производству экспертизу по поручению руководителя экспертного учреждения, согласно ч. 2 ст. 199, распространяется только на сотрудников данных учреждений.

Статьи 197 и 198 УПК РФ косвенно закрепляют эксклюзивную профессионально-процессуальную обязанность эксперта, наиболее полно отраженную в ст. 24 ФЗ о ГСЭД, по обеспечению присутствия при производстве судебной экспертизы тех участников процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством Российской Федерации. Следователь, подозреваемый, обвиняемый и его защитник могут присутствовать при производстве судебной экспертизы, а следователь также вправе получать разъяснения эксперта по

поводу проводимых им действий (данное право подкрепляется обязанностью эксперта давать необходимые пояснения следователю).

К числу эксклюзивных профессионально-процессуальных также относятся обязанности эксперта: составить заключение в соответствии с требованиями ст. 204 УПК РФ, включая отражение сведений о получении образцов для сравнительного исследования, если указанные действия являлись частью судебной экспертизы (ч. 4 ст. 202); при допросе в ходе предварительного следствия – разъяснить данное им заключение (ч. 1 ст. 205), а при допросе в суде (ст. 282) – разъяснить и дополнить свое заключение.

Законные интересы.

Важнейшей материальной предпосылкой возникновения правоотношений являются потребности и опосредованные ими интересы людей, побуждающие их в эти самые правовые отношения вступать.

В психологии изучению мотивационных аспектов человеческой деятельности уделяется много внимания: подчеркивается сложный многоаспектный характер категорий «потребность», «мотив», «интерес»; отмечается, что связь интересов с потребностями не является прямолинейной – интерес рассматривается в качестве мотивационно-регуляционного механизма человеческого поведения, определяемого иерархией сформировавшихся потребностей¹. Исследование обозначенной проблематики в нашу задачу не входит, вместе с тем, ориентируясь на необходимость выявления специфики статуса эксперта как профессионального участника процесса, необходимо указать на взаимосвязь категории интереса в психологии и юриспруденции и одновременно на важность разграничения фактического интереса, побуждающего субъекта к вступлению в общественные отношения (проще говоря, к действию), и интереса, нашедшего отражение в нормах права.

Подмену указанных понятий допускает Е.А. Зайцева, констатируя, что «процессуальные интересы могут быть законными и незаконными», поясняя при этом: «Незаконный интерес участника судопроизводства может определять всю мотивацию его поступков, облаченных как в противоправные деяния, так и в действия (бездействия), формально не подпадающие под признаки какого-либо правонарушения»². Очевидно, что «процессуальные» интересы незаконными быть не могут, потому что речь идет о правоотношениях, урегулированных

¹ См., например: Еникеев М.И. Общая, социальная, юридическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2002. С. 150–155; Енгальчев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии... С. 198–211.

² Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... М., 2008. С. 53.

нормами уголовно-процессуального права, за которыми стоят общественные интересы по поддержанию в стране правопорядка¹.

В фундаментальной работе «Философия права», посвященной проблемам гражданского общества, Г.В.Ф. Гегель, характеризуя человека как «целостность потребностей», писал: «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все другие для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть всего объема своих целей...»². В теории государства и права, когда речь идет об интересах личности и социальных групп, опосредованных правом, связанных с потребностями человека и общества, реализация которых возможна в рамках правового регулирования общественных отношений, категория интереса проявляется в тесной связи с понятием права в объективном смысле. Применительно к интересам личности, нашедшим отражение в нормах права либо нормативного закрепления не получившим, но правовым установлениям соответствующим, используют термин «законные интересы личности», подчеркивая тем самым их связь с государственной волей общества, выраженной в праве. В этом случае категория интереса увязывается с понятием права в субъективном смысле.

Специфика взаимодействия вышеуказанных многоаспектных понятий во многом способствовала в 70–80-е гг. прошлого столетия активной дискуссии отечественных ученых и практиков по вопросу о соотношении общественных и личных интересов, которые сегодня исследуются в совершенно ином ключе, что вполне объяснимо с учетом особенностей менталитета и приоритетов в развитии нынешней России и России времен «развитого социализма». В статье 65 Конституции СССР (1977) непосредственно использовался термин «законные интересы личности». В Конституции Российской Федерации (1993) он не упоминается. Между тем сегодня, когда человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, правильное понимание особенностей функционирования правоотношений, объективная оценка статуса субъекта в системе общественных отношений, урегулированных той или иной отраслью права, без адекватного толкования указанного понятия попросту невозможны.

Как регулятор общественных отношений, право предлагает целый арсенал средств, необходимых для удовлетворения интересов каждого

¹ О недопустимости смешения реальных интересов с интересами, опосредованными правом, также см.: Исаев А.А. Роль судебной экспертизы в квалификации преступлений... С. 158–162.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступит. ст. и прим. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. С. 227–228.

члена социума. К таковым относятся разнообразные правовые явления, выражающиеся в инструментах (установления) и деяниях (технологии), с помощью которых обеспечиваются достижение социально полезных целей и удовлетворение интересов субъектов права: нормы права, правоприменительные акты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы и т.д.¹ В контексте изложенного представляется не совсем верной трактовка понятия «законные интересы», иногда встречающаяся в литературе, как «соответствующих субъективным правам личности»². Права и обязанности — действенные средства удовлетворения интересов участников правоотношений, существование которых обуславливает потребность в нормах права, в том числе закрепляющих полномочия субъектов, но не наоборот.

Интересы личности лежат в основе всякого субъективного права и субъективной обязанности, однако удовлетворение далеко не всех интересов индивида может быть обеспечено подобным образом. Для обозначения стремления субъекта пользоваться тем или иным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла, используется понятие «законный интерес»³.

Законные интересы как правовая конструкция — это необходимый элемент правового статуса личности, позволяющий находить баланс между «шаблонами» поведения, прописанными в нормах права применительно к абстрактной фигуре субъекта права, и удовлетворением потребностей конкретного человека, вступающего в определенные правоотношения в той или иной жизненной ситуации. По справедливому замечанию В.А. Семенцова и О.В. Гладышевой, законные интересы личности — это «первооснова при разработке и совершенствовании процессуального статуса участников уголовного судопроизводства»⁴.

¹ Подробнее см.: Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–67.

² См., например: Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. С. 20.

³ Малько А.В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 66 ; Субочев В.В. Методология исследования категории «законный интерес» // Методология юридической науки (состояние, проблемы, перспективы): сборник. Вып. II / под ред. М.Н. Марченко. М., 2008. С. 65.

⁴ Семенцов В.А., Гладышева О.В. О формировании теории обеспечения законных инте-

Проблема соотношения частного и публичного в праве учеными исследуется давно. Применительно к уголовному судопроизводству категория интереса традиционно привлекает внимание процессуалистов в ситуациях, когда речь идет о субъектах, имеющих в деле материально-правовой интерес, либо их представителях¹. Роль эксперта, а также прочих участников уголовного судопроизводства, не имеющих с точки зрения уголовно-процессуального права своих интересов в деле, в литературе обычно рассматривается с позиции необходимости оказания ими содействия правосудию; при этом особо подчеркивается значение того обстоятельства, что указанные лица в исходе дела не заинтересованы, а также важность соблюдения требований законодательства, эту самую незаинтересованность обеспечивающих².

Безусловно, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства, довольно трудно представить себе коллизию общественных и личных интересов при осуществлении экспертом своих процессуальных функций сродни тем, с которыми сталкиваются подозреваемый или обвиняемый. Однако было бы ошибкой считать, как это случалось ранее, что лицами, несущими бремя доказывания, и теми, кто в этом им помогает, движет исключительно осознание значимости своей миссии в деле борьбы с преступностью. Во-первых, человеческие потребности во всем их многообразии, даже тогда, когда речь идет об общественно полезной деятельности, не могут быть сведены к социально значимым. Во-вторых, в нормах права, в том числе уголовно-процессуального, невозможно конкретизировать способы урегулирования всех обстоятельств, которые могут сложиться в процессе реализации права.

Лицо, назначаемое экспертом, — это обыкновенный человек, имеющий множество потребностей, стремящийся одновременно к удовлетворению если не всех, то большинства из них; человек, находящийся в ситуации выбора приоритетов, осложняемого влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов. Законные интересы, как эле-

ресов личности в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1 (2). С. 171.

¹ Например, об интересе обвиняемого как основном элементе в структуре предмета защиты подробнее см.: Жамиева Р.М. Процессуальные и криминалистические проблемы защиты по уголовным делам: учеб. пособие. Караганды, 2004. С. 24–31 ; О проблемах защиты интересов потерпевшего см.: Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика... С. 314–328.

² Михайленко А.Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан: науч.-практич. издание. Киев, 1999. С. 329–340 ; Семенцов В.А. Уголовно-процессуальное право. Часть Общая... С. 88–98.

мент процессуального статуса эксперта, не только позволяют свести к минимуму число конфликтов, связанных с возникновением противоречий между его насущными потребностями, обусловленными течением жизненных обстоятельств, и необходимостью исполнения процессуальных обязанностей, но и обеспечивают возможность их адекватного правового урегулирования.

К примеру, эксперт не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, что равносильно обязанности явиться по вызову соответствующего должностного лица (п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Надлежащее исполнение экспертом данной обязанности в определенной мере гарантируется возможностью применения к нему в случаях, предусмотренных Кодексом, таких мер процессуального принуждения, как обязательство о явке, привод и денежное взыскание (ч. 2 ст. 111 УПК РФ). Но праву в целом и уголовно-процессуальному, в частности, известно понятие «уважительные причины» (см. ст. 188 УПК РФ), при наличии которых неявка эксперта, объясняемая важностью удовлетворения в тот момент его законных интересов, не связанных с уголовным судопроизводством, может быть признана правомерной (например, в ситуации, когда речь идет о болезни самого эксперта или его близких).

Особую значимость вопрос о сути законных интересов эксперта приобретает в связи с тем, что его процессуальная деятельность тесно переплетается с деятельностью профессиональной. Если вновь обратиться к истории, то можно заметить, что создание ГСЭУ было призвано не только повысить эффективность судопроизводства, но и обеспечить удовлетворение естественных витальных потребностей носителей специальных знаний, которые без адекватной материальной компенсации не могли постоянно отвлекаться от исполнения обычных занятий, приносящих доход, необходимый для их существования. Очевидно, что появление профессии эксперта, будучи ответом государства на необходимость удовлетворения макроинтересов членов общества, обуславливающих функционирование уголовного судопроизводства как такового, неминуемо (коль скоро все явления и процессы в социуме взаимосвязаны между собой) должно было привести и привело к появлению интересов иного порядка – профессиональных интересов эксперта как субъекта труда.

Поскольку человек никогда не утрачивает своей индивидуальности, оптимизация состояния его психики, создание условий для раскрытия способностей, их полноценной и безопасной реализации в той же мере отвечают целям существования прогрессивно настроенного общества, что и совершенствование механизма государственно-правового

регулирования общественных отношений. И с этой точки зрения профессиональные интересы эксперта как участника уголовного процесса должны быть признаны законными и заслуживающими внимания.

Помимо того, надо учитывать, что потребности следственной и судебной практики в использовании специальных знаний при решении вопросов, имеющих значение для дела, не просто нуждаются в удовлетворении, но должны быть удовлетворены, исходя из достижений науки и техники, на самом высоком по качеству уровне. С этой позиции обеспечение законных профессиональных интересов эксперта можно считать залогом повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом.

Тем не менее, с сожалением приходится констатировать, что в сфере действия уголовно-процессуального права законным интересам лиц, избравших профессию эксперта, в настоящее время должного внимания не уделяется. Об этом свидетельствует сохранение в УПК РФ исторически сложившегося способа решения наиболее важного (в контексте вышеизложенного) вопроса о предоставлении эксперту, согласно ч. 2 ст. 131 УПК РФ, права на вознаграждение за исполнение своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, кроме случаев, когда эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания; вознаграждения, как было показано выше, выплачиваемого за исполнение отнюдь не процессуальных обязанностей, а за работу, связанную с проведением исследования и дачей заключения.

Безусловно, в свое время подобный подход к урегулированию проблемы вовлечения в судопроизводство лиц, не имеющих своих интересов в деле, с целью оказания содействия правосудию был оправдан. Но то, что в период утверждения сначала 25 мая 1922 г., а в переработанном виде — 15 февраля 1923 г. первого УПК РСФСР можно было рассматривать как прогресс, после создания разветвленной системы государственных экспертных учреждений к 60-м гг. XX в. перестало быть таковым.

Правда, во время принятия 25 декабря 1958 г. Закона об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и последующего вступления в силу во всех союзных республиках в 1959–1961 гг. Уголовно-процессуальных кодексов, позиция законодателя в этой части каких-либо возражений со стороны ученых и практиков не вызывала. В эпоху «развитого социализма» лица, не являющиеся сотрудниками ГСЭУ, участие в уголовном процессе принимали крайне редко, а появление так называемых частных экспертов в то время невозможно было прогнозировать.

Причины, по которым Уголовно-процессуальный кодекс современной России, введившийся в действие всего лишь через год после ФЗ о ГСЭД, реалии нового времени не отразил, анализировались во второй главе работы. Сейчас важно подчеркнуть, что при наличии формального признания за лицами, назначаемыми экспертами для производства судебной экспертизы и дачи заключения, права на получение вознаграждения за труд, процессуальное законодательство на самом деле не способствует защите их законных интересов как субъектов труда. Более того, косвенно ущемляет интересы всех участников процесса и даже общества в целом, снижая из-за использования морально устаревшей правовой конструкции эффективность судопроизводства в ситуации применения специальных знаний для правильного разрешения возникающих по делу вопросов.

Во-первых, по логике законодателя, в контексте положений ст.ст. 131 и 132 УПК РФ с учетом того, что, согласно ст. 11 ФЗ о ГСЭД, государственные судебно-экспертные учреждения производят судебную экспертизу в соответствии с профилем, определенным для них соответствующими федеральными органами исполнительной власти, следовало бы признать, что производство «непрофильных» видов экспертиз по уголовным делам в данных учреждениях подлежит оплате в общем (установленном п. 7 ст. 131 УПК РФ) порядке. Сотрудники данных учреждений, проводящие «непрофильные» экспертизы, имеют право не на вознаграждение за исполнение своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, а на оплату труда по месту работы, в том числе за счет средств, поступивших в экспертное учреждение после взыскания процессуальных издержек, связанных с производством в этом учреждении экспертизы¹. Однако ничего подобного на практике не происходит.

Во-вторых, в обозначенной ситуации, когда речь идет о реализации назначения уголовного судопроизводства — о защите интересов личности, не стоит упускать из вида фундаментальные положения психологии труда, рассматривающей в качестве трудовой далеко не все социально обусловленные виды и общественно полезные формы человеческой деятельности. Нельзя игнорировать тот факт, что с позиций психологической теории деятельности именно наличие в деятельности лица, назначаемого экспертом, комплекса психологических признаков труда позволяет охарактеризовать ее как деятельность трудовую. В то

¹ В данной ситуации более чем уместно провести параллель с оплатой труда переводчика. Согласно ч. 3 ст. 132 УПК РФ, при исполнении переводчиком своих обязанностей в порядке служебного задания оплата его труда возмещается государством организации, в которой работает переводчик.

время как отсутствие необходимой совокупности данных признаков в деятельности лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в качестве экспертов, не дает к тому оснований.

Очевидно, что стремление получить вознаграждение за исполнение своих обязанностей, свойственное каждому эксперту, в качестве его законного интереса сегодня подлежит защите в общем порядке. Между тем нетрудно заметить, что при отсутствии собственных материально-правовых интересов в деле сотрудник ГСЭУ за счет совпадения его личных законных интересов как профессионала с интересами общества по обеспечению правосудия чаще всего способен в статусе эксперта принести больше пользы, чем субъект, лишенный при участии в судопроизводстве столь мощных дополнительных стимулов.

Автору монографии в 2011–2012 гг. в соответствии со ст. 80 УПК РФ неоднократно приходилось рецензировать заключения частнопрактикующего полиграфолога Н.И.В. За помощью в оценке научной обоснованности составленных им заключений обращались как адвокаты, так и следователи СК РФ. Шесть запросов поступили в 111 ГГЦСМиКЭ Минобороны России, два – в адрес Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Каждое заключение анализировалось в целях ответа на вопрос: было ли оно подготовлено с учетом единого научно-методического подхода к практике проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа, профессиональной подготовке и специализации полиграфологов? Ответ всегда был отрицательный.

О фактах явной дискредитации экспертного метода был проинформирован Председатель СК РФ. Главным управлением криминалистики СК РФ была проведена проверка, результаты которой нашли отражение в уже упоминавшемся в работе Обзоре практики проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений (по итогам I полугодия 2011 года). В нем, в частности, было указано: «Представляется необоснованной практика назначения платных ПФИ частнопрактикующим специалистам или негосударственным экспертным учреждениям, которые, как правило, нацелены на удовлетворение своих финансовых интересов, а также в силу низкой квалификации могут выдать ложные и не основанные общепринятыми методиками результаты исследований. Примером такого непрофессионализма является деятельность по проведению исследований и экспертиз с применением полиграфа частнопрактикующего полиграфолога Н.И.В. Сведения, отрицательно характеризующие его профессиональную деятельность, неоднократно поступали как от сотрудников региональных СУ, так и из других государственных органов».

Одной «паршивой овцы» оказалось достаточно, чтобы навлечь тень сомнения в объективности и профессионализме на множество добросовестных специалистов.

Здесь надо сказать, что здравомыслящие полиграфологи прекрасно понимают, насколько уязвимо любое профессиональное сообщество на этапе своего становления из-за действий непрофессионалов. Отсюда — достойное уважения стремление собственными силами навести порядок, установить стандарты профессии до того, как она окажется опутана сетью необоснованных ограничений. В 2013 г. при информационной и методической поддержке Агентства Стратегических Инициатив от Некоммерческого партнерства «Национальная Коллегия Полиграфологов» Министерством труда и социальной защиты РФ была принята в работу заявка на разработку профессионального стандарта «Специалист по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа»¹.

Приведенный пример подчеркивает значимость скорейшего решения вопроса об ужесточении требований к качеству производства судебных экспертиз и экспертных исследований за счет закрепления на уровне закона профессионального статуса эксперта.

Гарантии.

В качестве гарантий в уголовном процессе рассматриваются правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права.

Средства, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей, чрезвычайно разнообразны. В теории государства и права они классифицируются по множеству оснований (по предмету и виду правового регулирования, по времени, по характеру, по значимости последствий, по информационно-психологической направленности и т.д.)². Поэтому детализировать уголовно-процессуальные гарантии достаточно сложно.

В 70-е гг. XX в. в юридической литературе прошла большая дискуссия по вопросу о соотношении процессуальных гарантий правосудия и гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Не вдаваясь в ее суть, имевшую соответствующую тому периоду отечественной истории идеологическую нагрузку, заметим, что в ходе дискуссии был высказан ряд предложений по систематизации уголовно-процессу-

¹ Информация о Круглом столе «Применение полиграфа: проблемы и перспективы» (Россия, г. Москва, 9 декабря 2013 г.) // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 35–37.

² Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права... С. 465.

альных гарантий, что позволяет представить их в виде нескольких объемных совокупностей. Прежде всего, это процессуальные нормы, закрепленные в них права и обязанности субъектов судопроизводства; принципы судопроизводства; уголовно-процессуальная форма; деятельность субъектов судопроизводства; порядок контроля за законностью процессуальных действий и проверки обоснованности принимаемых решений; система мер процессуального принуждения, процессуальные санкции и пр.¹

Поскольку достаточно часто в уголовном судопроизводстве одни права и обязанности выступают в качестве гарантий по отношению к другим правам и обязанностям в силу их взаимообусловленности, то есть функциональной направленности, В.М. Корнуковым было предложено именовать их функциональными гарантиями, а правовые средства, по своей сути и назначению выполняющие исключительно роль гарантий (даже тогда, когда они выражены в форме прав и обязанностей субъектов судопроизводства), именовать гарантиями органическими².

Чаще всего гарантиями прав и законных интересов одних субъектов судопроизводства являются обязанности других субъектов, принимающих участие в уголовном процессе. Так, реализация права эксперта заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, закрепленного в ч. 1 ст. 119 УПК РФ, и сопряженных с ним прав, предусмотренных п. 2 ч. 3 ст. 57 Кодекса, обеспечивается системой процессуальных гарантий, среди которых можно, в частности, выделить предусмотренную ст. 159 УПК РФ обязанность следователя и дознавателя рассматривать каждое заявленное по уголовному делу ходатайство в порядке, установленном главой 15 УПК РФ.

Но бывают ситуации, когда права кого-либо из лиц, участвующих в деле, обеспечиваются за счет реализации соответствующих прав иными лицами. Права эксперта могут быть гарантиями осуществления прав иных субъектов судопроизводства, а права последних — гарантиями осуществления прав эксперта. Но одно право может являться гарантией другого и тогда, когда речь идет исключительно о правах эксперта.

Интересно в этом контексте проследить взаимосвязь прав эксперта, касающихся возможности использовать родной язык или другой язык,

¹ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе... С. 230–234 ; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс... С. 65.

² Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве... С. 95–97.

которым он владеет (ч.ч. 2 и 3 ст. 18 УПК РФ). Гарантии данного права эксперта многоплановы, в частности, его соблюдение обеспечивается правом эксперта заявить отвод переводчику в случае обнаружения некомпетентности последнего (ст. 69 УПК РФ). «Направление перевода» значения не имеет. Некомпетентность переводчика может быть выявлена, когда эксперт не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, например, если он является гражданином другого государства, либо когда переводчик доводит до сведения иных субъектов уголовного процесса заключение и показания эксперта на языке, на котором судопроизводство ведется, но субъекты, пользующиеся услугами переводчика, им не владеют.

Аналогичным образом одна обязанность, возложенная на эксперта, может дополнять другую его обязанность. К примеру, необходимость исполнения обязанности соблюдать единый порядок судопроизводства, предусмотренная ч.ч. 2 и 3 ст. 1 УПК РФ, предполагает обязательность явки эксперта по вызовам дознавателя, следователя или в суд (п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ), которая, в свою очередь, может быть охарактеризована как частный случай соблюдения экспертом единого порядка судопроизводства.

Обязанности эксперта, а также иных субъектов судопроизводства могут выступать в различных ситуациях гарантиями по отношению друг другу. Так, обязанность эксперта на допросе разъяснить свое заключение дополняется обязанностью следователя или суда не допрашивать эксперта до представления им заключения (ч. 2 ст. 80, ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 282 УПК РФ).

Помимо деления на функциональные и органические процессуальные гарантии реализации прав, законных интересов и обязанностей эксперта, по степени общности, как и его полномочия, могут быть общепроцессуальными (универсальными) и сугубо экспертными (эксклюзивными). С точки зрения данной классификации право на реабилитацию и порядок ее осуществления для эксперта, как и для других лиц, принимающих участие в уголовном процессе, является универсальной гарантией возмещения вреда в случае незаконного применения к ним мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу; а вышеуказанный запрет допрашивать эксперта до представления им заключения является эксклюзивной гарантией не только целого ряда его процессуальных, но и многих профессиональных прав, законных интересов и обязанностей.

Очевидно, что лица, избравшие профессию эксперта, вовлекаемые в производство по конкретному уголовному делу, как субъекты трудовой

деятельности при выполнении процессуальных обязанностей руководствуются множеством иных стимулов, с участием в уголовном процессе не связанных. Тем не менее, уголовно-процессуальное право стоит на страже законных профессиональных интересов эксперта, поскольку их обеспечение, пусть опосредованно, но способствует решению задач уголовного судопроизводства. Данный факт наглядно иллюстрирует ситуация, связанная с регламентацией присутствия участников процесса при производстве судебной экспертизы.

С одной стороны, УПК РФ гарантирует права соответствующих участников судопроизводства на присутствие при проведении экспертизы, а также возможность исполнения экспертом своей обязанности по обеспечению такового. В частности, в ч. 3 ст. 50 УПК РФ прямо указывается: если участвующий в уголовном деле защитник в течение пяти суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных п.п. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

С другой стороны, в ст. 24 ФЗ о ГСЭД отмечается, что в случае, когда участник процесса, присутствующий при производстве судебной экспертизы, мешает эксперту, последний вправе приостановить исследование и ходатайствовать перед органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, об отмене разрешения указанному участнику процесса присутствовать при производстве судебной экспертизы. Согласно ст. 8 ФЗ о ГСЭД, эксперт обязан проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Стремление к добросовестному исполнению профессиональных обязанностей является законным интересом эксперта. Вышеприведенное положение ст. 24 ФЗ о ГСЭД, направленное на его защиту, требованиям УПК РФ не противоречит и при необходимости всегда может быть применено на практике.

В контексте изложенного, поскольку положения ч. 1 ст. 19 и ст. 123 УПК РФ касаются всех лиц, участвующих в уголовном процессе, представляется недопустимым сведение права эксперта на обжалование действий (бездействия) и решений суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя к ситуациям, связанным исключительно с ущемлением его прав, как то указывается в п. 5 ч. 3 ст. 57 Кодекса. Право на обжалование – важная процессуальная гарантия обеспечения высокого качества экспер-

ной деятельности, достигаемого за счет удовлетворения всех законных интересов эксперта, среди которых, как было показано выше, его профессиональные законные интересы играют далеко не последнюю роль.

Ответственность.

На охрану прав, законных интересов и обязанностей эксперта направлен целый ряд норм различных отраслей права, устанавливающих юридическую ответственность отдельных категорий граждан за правонарушения, оказывающие негативное влияние на деятельность эксперта. К примеру, наличие в УК РФ ст. 302, предусматривающей суровые санкции за принуждение эксперта к даче заключения или показаний, можно считать существенным вкладом в обеспечение его личной безопасности и профессиональной независимости. Однако в качестве элемента уголовно-процессуального статуса эксперта следует рассматривать только его юридическую ответственность как субъекта уголовного судопроизводства, поэтому изучение вопроса об ответственности иных лиц, принимающих участие в уголовном процессе, за деяния, ущемляющие права, законные интересы и обязанности эксперта, в задачу не входит.

Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности индивида представляет собой вид и меру принудительного лишения лица известных благ; необходимость для виновного подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные отрицательные последствия¹. Следует согласиться с Л.М. Володиной в том, что ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей должна быть неотъемлемым элементом правового статуса. До тех пор пока констатация обязанности в праве не будет сопровождаться указанием на возможную меру ответственности за ее невыполнение, говорить о реальной защите прав человека, в том числе в рамках уголовного судопроизводства, не приходится: «При этом правовая норма должна содержать не абстрактную формулу ответственности, не упоминание о ней, а четкое указание на последствия неправомерного поведения для каждого участника уголовного процесса, независимо от занимаемого им в процессе положения»².

Среди специалистов в области теории государства и права нет однозначного мнения по вопросу о целесообразности выделения в рамках юридической ответственности как единой категории ответственности «материальной» и «процессуальной»³. В ходе анализа уголовно-

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права... С. 448.

² Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика... С. 264.

³ Общая теория государства и права: академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. С. 600.

процессуального статуса эксперта подобное разграничение уместно, поскольку лишь по вопросу о материальной, прежде всего, уголовной ответственности эксперта есть некоторая ясность, в то время как ответственность эксперта за неисполнение (недобросовестное исполнение) процессуальных обязанностей в действующем законодательстве адекватного отражения не нашла.

Не вдаваясь в дискуссию, следует согласиться с теми учеными-процессуалистами (В.С. Вепревым, И.Л. Петрухиным, В.А. Семенцовым, С.А. Шейфером, П.С. Элькиндр и др.), кто рассматривает уголовно-процессуальную ответственность, наступающую в случае совершения субъектом процессуального правонарушения, в качестве самостоятельного средства обеспечения надлежащего исполнения участниками процесса своих обязанностей, предполагающего применение в отношении нарушителя процессуальных санкций правосстановительного и карательного (штрафного) характера¹.

На первый взгляд в особых комментариях не нуждается как таковая возможность уголовной ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения или показаний при производстве предварительного расследования либо в суде (ч. 1 ст. 307 УК РФ), за те же деяния, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 307 УК РФ), за разглашение без согласия прокурора, следователя или лица, производящего дознание, данных предварительного расследования, если эксперт был предупрежден в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения (ст. 310 УК РФ). Это тот редкий случай, когда в уголовно-процессуальном законе прямо указано на ответственность эксперта (ч.ч. 5 и 6 ст. 57 УПК РФ). Однако факт, что ст. 307 УК РФ на практике «не работает», общеизвестен, да и по поводу ответственности по ст. 310 УК РФ возникают вопросы.

Процессуальная обязанность не разглашать сведения, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле, возлагается на эксперта, согласно ст. 310 УК РФ и п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, в ситуации, когда он об этом заранее предупреждается в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. Действительно, в ч. 2 ст. 161 УПК РФ описывается порядок разъяснения лицам, участвующим в деле, указанной обязанности, но в этой статье ничего не сказано о том, что запрет на разглашение данных предварительного расследования вступает в силу лишь

¹ См., например: Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2006. С. 177–178 ; Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 33.

тогда, когда участник процесса дает подписку с предупреждением об ответственности по ст. 310 УК РФ. Более того, в соответствии с ч. 1 ст. 161 УПК РФ обязанность не разглашать данные предварительного расследования распространяется на всех участников процесса без исключения. Разглашение данных расследования возможно лишь в случаях, предусмотренных ч. 3 указанной статьи, когда на это есть разрешение следователя (дознателя) и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников процесса без их согласия вовсе недопустимо.

Правильное толкование положений ст. 161 УПК РФ предполагает недопустимость разглашения экспертом данных предварительного расследования в любом случае, независимо от того, выполнил ли надлежащим образом следователь (дознатель) возложенную на него Кодексом обязанность по предупреждению об этом эксперта как участника уголовного судопроизводства.

Именно таким образом урегулирован вопрос об обязанности эксперта воздержаться от разглашения информации, полученной им при проведении экспертизы, в ФЗ о ГСЭД. В части 1 статьи 16 оговаривается, что эксперт обязан не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну. Не имея во многих случаях представления о том, какие сведения ту или иную охраняемую законом тайну составляют, эксперту достаточно избегать разглашения любых данных, ставших ему известными в связи с участием в деле, независимо от того, была ли им дана соответствующая подписка¹. Указанную обязанность дополняют положения ч. 3 ст. 16, содержащие запрет, адресованный эксперту, сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших.

Что касается уголовно-процессуальной ответственности эксперта, то действующим законодательством она напрямую увязывается с воз-

¹ Е. Р. Россинская по этому поводу обоснованно замечает, что судебная экспертиза проводится не только по уголовным делам, поэтому путем уточнения ст. 16 ФЗ о ГСЭД и принятия ряда подзаконных нормативных актов целесообразно конкретизировать понятие «разглашение» применительно к экспертной деятельности и условия, когда оно недопустимо (см.: Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону... С. 216).

возможностью применения в отношении эксперта мер процессуального принуждения в случае совершения им процессуального правонарушения. В части 2 статьи 111 УПК РФ оговаривается возможность применения к эксперту в случаях, предусмотренных Кодексом, таких мер процессуального принуждения, как обязательство о явке, привод и денежное взыскание.

Очевидно, что уклонение от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, то есть неисполнение универсальной процессуальной обязанности явиться по вызову соответствующего должностного лица, возлагаемой на эксперта согласно п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, есть тот самый предусмотренный законом случай, когда к эксперту могут быть применены карательные санкции. Другим примером может служить ситуация, предусмотренная ч. 3 ст. 188 УПК РФ, где прямо говорится о том, что при неявке без уважительных причин лицо, вызванное на допрос, может быть подвергнуто приводу либо к нему могут быть применены иные меры процессуального принуждения, предусмотренные ст. 111 УПК РФ (в отношении эксперта, кроме привода, это могут быть обязательство о явке или денежное взыскание).

В связи с вышеизложеннымстораживают суждения некоторых ученых, указывающих на избирательный характер уголовно-процессуальной ответственности эксперта, якобы обуславливаемый спецификой его статуса как субъекта труда. По мнению Е.А. Зайцевой, «до достижения письменной договоренности между частным экспертом и лицом, назначившим экспертизу, не может быть и речи о применении какого-либо процессуального принуждения в отношении данного частного эксперта»¹. Она предлагает ввести в УПК РФ новеллу, предусматривающую заключение договора об оказании экспертных услуг между лицами, не являющимися штатными сотрудниками экспертных учреждений, и следователем, дознавателем, судом, а также вынесение на основании данного договора постановления о назначении экспертизы и поручении ее производства указанным лицам. Е.А. Зайцева свою позицию мотивирует тем, что «в случае недобросовестности таких экспертов при проведении судебной экспертизы нарушаются условия договора возмездных услуг, что влечет возникновение гражданско-правовой ответственности негосударственного эксперта»².

Сложно комментировать такого рода высказывания, поскольку формирование межотраслевого института судебной экспертизы, конечно

¹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 239.

² Там же. С. 243.

же, не предполагает стирание границ между отраслями права, ориентированными на урегулирование различных общественных отношений. Но сам факт озвучивания предложений, изначально не укладывающихся в рамки общепринятого правопонимания, юридическую ответственность должен насторожить. Очевидно, что потребность в радикальных мерах появляется тогда, когда законодательно закрепленные конструкции перестают отвечать действительному положению вещей. Нынешний процессуальный статус эксперта настолько архаичен и далек от современных реалий, что ученые и практики начинают впадать в крайности, пытаясь хоть как-то изменить ситуацию к лучшему.

Возвращаясь к вопросу об уголовно-процессуальной ответственности эксперта, надо отметить, что возможность наложения на него денежного взыскания является пока единственной процессуальной санкцией, в наиболее общем виде отражающей ответственность эксперта за неисполнение процессуальных обязанностей.

В.А. Семенцов заблуждается, полагая, что «круг лиц, на которых может быть наложено денежное взыскание за неисполнение ими процессуальных обязанностей, определяется исключительно теми случаями, когда в законе прямо указана возможность применения данной меры процессуального принуждения к тому или иному участнику следственного действия», потому как денежное взыскание «при действующей формулировке» ч. 2 ст. 111 УПК РФ должно применяться только в случаях, предусмотренных Кодексом¹.

Именно в силу того, что в ч. 2 ст. 111 УПК РФ возможность применения к эксперту мер процессуального принуждения ограничивается случаями, предусмотренными Кодексом, в качестве такового следует рассматривать положения ст. 117 УПК РФ, где указывается, что неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также нарушение ими порядка в судебном заседании может повлечь наложение денежного взыскания. Вдумчивый анализ ст. 117 УПК РФ свидетельствует о том, что неисполнение кем бы то ни было из участников уголовного судопроизводства, включая эксперта, любой из процессуальных обязанностей, предусмотренных Кодексом, является тем самым процессуальным правонарушением, которое влечет применение в отношении нарушителя процессуальной санкции штрафного характера.

С сожалением приходится констатировать, что неоднозначность формулировок статей УПК РФ на практике приводит к тому, что сле-

¹ Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве... С. 185.

дователи, за редким исключением, не используют закрепленные в них нормы права, касающиеся ответственности эксперта, для оказания правомерного воздействия на тех носителей специальных знаний, кто исполняет свои процессуальные обязанности, мягко говоря, без особого рвения. За время работы автора монографии в должности заместителя начальника Саратовской ЛСЭ следователи ссылались на возможность применения мер процессуального принуждения к кому-либо из сотрудников лаборатории (зачастую не без оснований) исключительно в ходе разговора с экспертами и руководством лаборатории по телефону. Впрочем, справедливости ради надо признать, что в подобных случаях сотрудники государственных судебно-экспертных учреждений иногда привлекаются к дисциплинарной ответственности, предусмотренной преимущественно ведомственными нормативными актами, являющейся элементом их правового статуса как субъектов труда.

Данное обстоятельство следует подчеркнуть особо. Производный характер процессуальных функций эксперта – сотрудника экспертного учреждения – от составляющих его профессиональной деятельности позволяет, при необходимости, использовать нормы трудового права, предусматривающие разного рода ответственность субъекта труда, для оказания воздействия на него, в том числе с целью повышения качества работы по производству экспертиз. Кроме того, сотрудники некоторых ГСЭУ одновременно являются военнослужащими, проходят службу в органах внутренних дел, таможенных органах и т.п., а значит, несут ответственность, предусмотренную соответствующими нормативными актами, регулирующими порядок прохождения службы, что так или иначе способствует поддержанию качества экспертиз, проводимых в данных учреждениях, на относительно высоком уровне. Надо ли говорить, что ответственность лиц, назначаемых экспертами из числа тех, кто в экспертных учреждениях не работает, определяется исключительно нормами уголовно-процессуального права, как видно, весьма «размытыми», и дополнительно, пусть косвенным образом, усилена быть не может.

В определенной мере ситуацию стабилизирует существование так называемой позитивной (проспективной) ответственности, предполагающей перенос акцента с негативного (ретроспективного) аспекта юридической ответственности, отражающего ее карательно-принудительную сущность, на ответственность субъекта за свое надлежащее поведение. Идея существования проспективной ответственности была выдвинута и обоснована философами в 60-е гг. прошлого столетия. Изначально настороженно воспринятая юристами, впоследствии дан-

ная идея в теории и на практике прижилась — ответственность, обусловленная спецификой социально-правового и политического статуса субъекта, являющаяся мерой требовательности к себе и другим; активная позитивная обязанность — специалистами в области теории государства и права была обозначена как статусная ответственность¹.

В деятельности эксперта роль позитивной ответственности, органичной составляющей его ответственности в целом как субъекта уголовного судопроизводства, выделяемой в качестве самостоятельного элемента уголовно-процессуального статуса эксперта, исключительно велика. К примеру, согласно п. 3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, эксперту запрещается проводить без разрешения дознавателя, следователя, прокурора, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств. В статье 10 ФЗ о ГСЭД разъясняется, что указанное разрешение должно содержаться в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы либо соответствующем письме. Помимо этого, в этой же статье обязанность эксперта по обеспечению сохранности объектов исследования дополняется ссылкой на позитивную ответственность эксперта за их сохранность: при проведении исследований вещественные доказательства и документы с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, могут быть повреждены или использованы только в той мере, в какой это необходимо для проведения исследований и дачи заключения.

Различие в толковании приведенных положений очевидно — запрет на использование без соответствующего разрешения так называемых разрушающих методов исследования (в контексте излагаемого трактуется данное понятие достаточно широко) и указание на допустимые пределы разрушающего воздействия на объекты исследования — далеко не одно и то же. Тем более что специфика экспертной деятельности, как уже многократно подчеркивалось, не позволяет органу или лицу, назначающим экспертизу, в большинстве случаев определить, было ли в принципе оправданно изменение свойств объекта исследования, и если — да, то насколько². К сожалению, в ч. 3 ст. 10 ФЗ о ГСЭД говорится только о вещественных доказательствах и документах. В данном случае, как и во многих других, ответственность эксперта за надлежа-

¹ См., например: Теория политики (общие вопросы): учеб. пособие. Саратов, 1994. С. 33–36 ; Радько Т.Н. Основные подходы к понятию юридической ответственности в современной юридической науке // Проблемы юридической ответственности: сб. науч. трудов. М.: Изд-во МИЭП, 2006. С. 7–14.

² Подробнее по данному вопросу см.: Теория судебной экспертизы: учебник... С. 124–130.

щее выполнение своих обязанностей предполагает бережное отношение ко всем объектам исследования.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что уголовно-процессуальный и профессиональный статусы эксперта между собой связаны настолько тесно, что целый комплекс, казалось бы, чисто процессуальных вопросов без уяснения специфики его профессиональной деятельности разрешен быть не может. В свою очередь, правильное понимание лицом, вовлекаемым в уголовное судопроизводство в качестве эксперта, своей процессуальной функции представляется важным не только с точки зрения необходимости решения процессуальных задач – речь идет о личностном росте субъекта, осваивающего новую сферу приложения собственных знаний, навыков и умений, о важном слагаемом его профессионального становления и развития.

§ 3. Проблемы разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста

Возможность использования в расследовании не только процессуального, но также иных (процессуальным законодательством не регламентированных) способов получения криминалистически значимой информации послужила отправной точкой при классификации форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Многие ученые, уделявшие внимание этому вопросу, так или иначе приходят к выводу о необходимости их дифференциации на «процессуальные» и «непроцессуальные» (достаточно обратиться к трудам Р.С. Белкина, В.Г. Гончаренко, В.Н. Махова, Ю.Г. Корухова, А.В. Нестерова, Ю.К. Орлова, Т.В. Сахновой, И.Н. Сорокотягина, других видных специалистов в области криминалистики, теории и практики судебной экспертизы). В то же время некоторые (Б.М. Бишманов, В.К. Лисиченко, В.В. Циркаль и др.) употребление словосочетаний «формы использования специальных знаний» и «непроцессуальные» или «не указанные и не регламентированные уголовно-процессуальным законом» считают недопустимым, так как использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве, по их мнению, может осуществляться лишь в процессуальной форме¹.

Категоричность суждений авторов объясняется недостатком внимания к особенностям толкования в русском языке и юридической лите-

¹ См., например: Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности... С. 49–50.

ратуре близких по смыслу понятий. Так, Е.А. Зайцева, А.М. Зинин, Т.Д. Телегина и некоторые другие ученые справедливо указывают, что между терминами «применение» и «использование» знак равенства ставить не следует, поскольку применять собственные специальные знания субъекты могут в разных (не только предусмотренных законом) формах, а вот использовать их в судопроизводстве в непроцессуальной форме действительно нельзя¹.

Вопрос о дифференциации форм применения специальных знаний важен с точки зрения необходимости размежевания деятельности эксперта и специалиста. Законодатель видит в них самостоятельных участников процесса притом, что возможность вовлечения в судопроизводство как в статусе специалиста, так и в статусе эксперта увязывается с наличием у лица специальных знаний, а формы использования результатов их деятельности в настоящее время частично совпадают. Согласно ст.ст. 74 и 80 УПК РФ с учетом изменений, внесенных в УПК РФ летом 2003 г., заключение и показания специалиста признаются самостоятельным доказательством наряду с заключением и показаниями эксперта. Следовательно, различия в деятельности указанных субъектов судопроизводства надо искать в содержании осуществляемых ими процессуальных функций.

Проанализировав специфику использования в теории и на практике термина «специалист», К.Н. Шакиров обратил внимание на то, что некоторые ученые сводят функции специалиста к обнаружению, собиранию, изъятию и фиксации доказательств, другие наряду с перечисленными допускают возможность осуществления специалистом функций исследования и оценки доказательств². Особенности деятельности специалиста по оказанию содействия лицам, несущим бремя доказывания, при производстве процессуальных действий достаточно

¹ См., например: Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 15–16; По своему значению глаголы «применять» и «использовать» в русском языке не совпадают (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999). В теории государства и права определяемые с их помощью формы реализации права обоснованно разграничиваются. Поэтому в процессе совершенствования методического обеспечения производства ПФИ на смену термину «психофизиологическое исследование с использованием полиграфа», употреблявшемуся в период разработки Видовой экспертной методики (2005), пришел термин «психофизиологическое исследование с применением полиграфа», что нашло отражение в Единых требованиях (2008).

² Шакиров К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты... С. 20–27.

хорошо изучены, хотя и не вполне адекватно урегулированы на уровне законодательства. С учетом предпринятого в работе анализа профессиональной составляющей деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве интерес представляет та часть функциональных обязанностей специалиста, которая роднит его работу и труд эксперта.

С момента ввода заключения специалиста в число доказательств среди ученых и практиков не утихают споры о том, итогом какой именно деятельности специалиста может быть его заключение. Анализ положений ст. 80 УПК РФ, где в ч. 1 представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным на разрешение носителя специальных знаний, именуются «заключением эксперта», а в ч. 4 его суждение по вопросам, сформулированным сторонами, называется «заключением специалиста», ясности не прибавляет.

Из психологии и логики известно, что суждение — это определенное знание о предмете, утверждение или отрицание каких-либо его свойств, связей, отношений; форма мышления наряду с умозаключением¹ и понятием, закрепляющая результаты мыслительной деятельности, которая осуществляется в процессе познания². Выделение эмпирического и теоретического уровней познания в гносеологии, практически-действенного, наглядно-образного и понятийного (теоретически-отвлеченного) видов мышления в психологии само по себе не может служить основанием для их обособления. Мыслительная деятельность не является прерогативой ученых и прочих лиц, занятых преимущественно умственным трудом. Практическая деятельность также требует интеллектуальных усилий. Поэтому попытки отдельных исследователей разграничить ситуации обращения к специалисту и эксперту по уровню решаемых задач — в зависимости от того, каким образом они будут решаться: непосредственно (эмпирическим путем) или опосредованно (логически, теоретически)³ — представляются недостаточно убедительными.

Вместе с тем тот факт, что действия специалиста в соответствии с положениями ч. 1 ст. 58 УПК РФ носят преимущественно прикладной

¹ Во второй главе было отмечено, что выводы эксперта в теории судебной экспертизы рассматриваются как его умозаключения, хотя некоторые ученые не видят различий между суждением и умозаключением. См., например: Лазарева Л. В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу... С. 186.

² Еникеев М. И. Общая, социальная, юридическая психология... С. 36–41.

³ Кудрявцева А. В. Уровни решения задач как основание разграничения компетенции эксперта и специалиста // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практич. конференции (г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.). В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2005. С. 487.

характер, а исследование как вид познавательной деятельности по большей части предполагает выработку новых научных знаний, игнорировать тоже нельзя. Данное обстоятельство стало поводом для дискуссии по вопросу о том, может ли специалист проводить какие-либо исследования с использованием своих специальных знаний или же при необходимости их производства в любом случае надо назначать экспертизу.

Казалось бы, с принятием уже упоминавшегося Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» в этой дискуссии можно поставить точку. В пункте 20 Постановления подчеркивается, что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу, но при этом «следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами», в связи с чем «в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза». Однако не стоит рассчитывать ни на то, что положения акта толкования права способны заменить собой нормы Уголовно-процессуального кодекса, ни на то, что таким образом можно внести ясность в научную дискуссию.

В Постановлении отчетливо просматривается тенденция обеспечения сохранности вещественных доказательств, что с процессуальной точки зрения абсолютно правильно. При этом огромный массив психологических, психофизиологических и прочих исследований (в том числе исследований документов, протоколов следственных и судебных действий) под регулирующее воздействие п. 20 не подпадает. Тем более что в ч. 1 ст. 58 УПК РФ прямо указывается на возможность привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях для содействия *в применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела* (выделено авт. — К.Я.).

Как уже было отмечено, наиболее полно специфический характер экспертного исследования, ориентированного на производство дисциплинарно организованного знания — получение «выводного» знания, содержащегося в заключении эксперта, был раскрыт Ю.К. Орловым¹. После придания заключению специалиста статуса доказательства, опираясь на результаты ранее предпринятого им анализа, ученый пришел к выводу, что специалист имеет право высказывать свое суждение

¹ Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании... С. 14–16.

«по вопросам, хотя и требующим специальных знаний, но ответить на которые можно без производства специальных исследований»¹. К сожалению, невзирая на аргументы автора, само по себе использование без должной расшифровки понятия «специальные исследования» оставляет обширное поле для продолжения дискуссии.

К примеру, А.В. Нестеров использовал термин «исследование» для обозначения самостоятельной формы применения специальных знаний, отличной от экспертизы. Указывая на возможность производства такого рода «исследований» вне судопроизводства, например, в порядке, предусмотренном Таможенным кодексом РФ, ученый предложил ввести в оборот термин «экспертно-исследовательская деятельность», поясняя, что необходимо отличать «экспертно-исследовательскую деятельность организаций, выполняющих экспертно-исследовательскую деятельность», от экспертно-исследовательской деятельности конкретного физического лица, а также «экспертно-исследовательскую деятельность как таковую от экспертного исследования конкретного объекта»².

Положительно оценивая стремление автора уточнить многозначные понятия, широко применяемые сегодня в различных ситуациях, связанных с использованием специальных знаний, надо признать, что термин «экспертно-исследовательская деятельность» мало что проясняет, поскольку ни процессуальную, ни познавательную стороны деятельности эксперта и специалиста не конкретизирует.

Признаки, позволяющие отграничить судебную экспертизу от экспертиз, проводимых в иных сферах жизнедеятельности общества, многократно анализировались учеными, в том числе признанными авторитетами в данной области — Т.В. Аверьяновой, В.Д. Арсеньевым, Ю.Г. Коруховым, Н.П. Майлис, Ю.К. Орловым, А.Я. Палиашвили, И.Л. Петрухиным, Е.Р. Россинской, В.А. Снетковым, А.Р. Шляховым и др. Наиболее емко и доходчиво суть гносеологической и юридической составляющих понятия «судебная экспертиза» была раскрыта Т.В. Сахновой, всесторонне исследовавшей проблемы производства экспертизы в гражданском процессе. С гносеологической точки зрения любая экспертиза, независимо от условий и порядка ее производства, представляет собой прежде всего эмпирическое исследование обособленного объекта, проводимое сведущим лицом, основанное на спе-

¹ Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном процессе: учеб. пособие. Вып. 1. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во МГЮА, 2004. С. 26.

² Нестеров А.В. Экспертное дело... С. 32–34.

циальных (профессиональных) знаниях, с применением особых методов (их совокупности — методик), имеющее целью получение нового знания об объекте, которое оформляется в виде заключения; с процессуальной точки зрения судебная экспертиза является юридической формой использования специальных знаний в виде исследования (юридической формой специального исследования)¹. Таким образом, термин «экспертно-исследовательская деятельность» конкретизировать сферу использования специальных знаний не позволяет и на субъектов их применения не указывает.

По мнению В.М. Быкова и Т.Ю. Ситниковой, специалист в своей деятельности должен ограничиваться осмотром представленных объектов — предметов и документов, поскольку свои специальные знания он использует «не для исследования, а только для оценки представленных объектов»². Критикуя обозначенную позицию, И.В. Овсянников, Е.А. Зайцева и некоторые другие ученые верно подчеркивали, что противопоставлять понятия «исследование» и «осмотр» не стоит, так как осмотр является разновидностью исследования³. В русском языке «исследовать» означает не только подвергать научному изучению, но и осматривать для выяснения чего-либо⁴. Невозможность размежевания таким образом деятельности специалиста и эксперта становится очевидной в ситуациях производства так называемых «квалифицированного осмотра» и «простейших исследований».

С гносеологической точки зрения вряд ли оправдано возведение в ранг «экспертного исследования» производства криминалистической экспертизы восстановления целого по частям при наличии у объектов общей поверхности разделения. Времена, когда учеными вопрос о механическом восстановлении целого по частям (равно как и о признании объекта холодным оружием) в большинстве случаев следователю предлагалось решать самостоятельно⁵, остались в прошлом. За годы работы в Саратовской ЛСЭ в качестве эксперта-трасолога автору монографии пришлось провести десятки экспертиз в целях идентифи-

¹ Сахнова Т.В. Судебная экспертиза... С. 23–26.

² Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (9). М.: Спарк, 2004. С. 20–21.

³ См., например: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 33.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

⁵ Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе... С. 35–36.

кации целого по частям путем механического совмещения объектов по явно выраженным поверхностям разделения¹.

С другой стороны, согласно ст. 178 УПК РФ, осмотр трупа (в том числе на месте обнаружения) должен проводить следователь с участием понятых, судебно-медицинского эксперта либо врача, иных специалистов. На практике роль следователя в осмотре трупа в силу объективных причин обычно сводится к фиксации информации, сообщаемой специалистом, действия которого визуальным восприятием признаков, интересующих лиц, несущих бремя доказывания, не ограничиваются. Отрицать факт осуществления специалистом в подобных ситуациях исследовательской деятельности, результаты которой могут иметь самостоятельное доказательственное значение, бессмысленно.

Сложившимся реалиям в большей мере отвечает подход к решению проблемы, продемонстрированный законодателем в Казахстане. В части 8 статьи 203 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК)² содержится новелла, предусматривающая возможность составления специалистом официального документа по результатам исследования, проведенного им в ходе следственного действия, который надлежит прилагать к протоколу, о чем в протоколе делается соответствующая запись. Подобная практика неизвестна процессуальному законодательству СССР и Российской Федерации. Это не помешало авторам опубликованного в 2011 г. Практического руководства по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов весьма своеобразно истолковать положения УПК РФ. В их трактовке заключение специалиста (согласно ст. 80 УПК РФ, оно должно быть представлено в письменном виде) – суждение по вопросам и объектам сторон, которое он дает по устному поручению (разрешению) руководителя процессуального действия в ходе и на месте любых процессуальных действий³.

¹ Так, в июне 1992 г. автором монографии была проведена трасологическая экспертиза по уголовному делу № 9567, возбужденному по факту убийства гр. П. На разрешение эксперта выносились вопросы: составляли ранее единое целое или нет два фрагмента пластмассы (обнаруженные один – на трупе, второй – возле трупа) и ручка утюга, изъятого в месте обнаружения трупа, шнуром которого была удушена женщина. На необходимость восстановления целого по частям экспертным путем указывалось в определении коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда, рассматривавшего дело по первой инстанции, направившей его для производства дополнительного расследования.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206 // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spininform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

³ Практическое руководство по производству судебных экспертиз... С. 35–36.

Нетрудно заметить, что различные подходы к уяснению сущности понятия «исследование», активно используемого в науке и на практике, позволяют ученым обосновывать и отстаивать диаметрально противоположные позиции. Одни полагают, что исследования специалиста, выполненные в информационной среде следственного действия, не могут быть выделены в самостоятельное исследование и представлены в форме заключения, имеющего статус доказательства, в связи с чем заключения специалиста, основанные на исследованиях, проведенных за рамками следственных действий, должны признаваться недопустимыми доказательствами¹. Другие рассматривают суждение специалиста в качестве закономерного результата проводимого им исследования конкретных объектов (предметов, места происшествия и т.п.) в целях решения вопросов, интересующих стороны и суд, — именно к такому выводу пришла Т.В. Аверьянова, предлагая отнести к компетенции специалиста решение диагностических задач в ситуации, когда не требуется «сложных лабораторных исследований»².

Предложение о разграничении деятельности специалиста и эксперта по виду, категории, степени сложности решаемых задач, поддерживаемое рядом ученых³, не стыкуется с действующим законодательством. Согласно ст.ст. 57 и 58 УПК РФ, любое лицо, обладающее специальными знаниями, пределы которых определяются не законодателем, а современным уровнем развития науки, техники, искусства, ремесла, может быть вовлечено в судопроизводство в статусе эксперта или специалиста. При этом специалист прямо уполномочивается давать сторонам и суду разъяснения по всем вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, без каких-либо ограничений.

Классификации экспертных задач, подлежащих решению при производстве экспертом исследования, известные общей теории судебной экспертизы, также не могут быть положены в основу дифференциации процессуальных функций участников судопроизводства. Ранее отмечалось, что потребность в использовании специальных знаний, возника-

¹ Крестовников О.А. Информационное обоснование и правовой режим заключения эксперта и специалиста в судебном процессе // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2006. № 2. С. 326–329.

² Аверьянова Т.В. Некоторые проблемы практики использования статей УПК России и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. 2004. № 1. С. 18.

³ По данному вопросу см., например: Ерёмин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 13–14.

ющая при расследовании преступлений и осуществлении правосудия по уголовным делам, обуславливается необходимостью реализации назначения судопроизводства. Предмет, цель, условия уголовно-процессуальной деятельности являются определяющим фактором при выделении как предмета судебной экспертизы (самостоятельного действия-процесса в структуре доказывания), так и предмета экспертного исследования, проводимого при производстве экспертизы по каждому конкретному уголовному делу, а не наоборот.

В качестве оригинальной, хотя и не совсем удачной попытки урегулирования коллизии можно рассматривать положения ст.ст. 83 и 84 УПК РК, в определенной мере отражающие верно схваченную Ю.К. Орловым, А.В. Кудрявцевой, другими учеными специфику познавательной деятельности эксперта и специалиста. Согласно ч. 1 ст. 83 УПК РК, экспертом может быть не заинтересованное в деле лицо, обладающее *специальными научными знаниями* (здесь и далее выделено авт. — *К.Я.*). В свою очередь, в статусе специалиста для участия в производстве по уголовному делу в соответствии с ч. 1 ст. 84 УПК РК следует привлекать не заинтересованное в деле лицо, обладающее *специальными знаниями*, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств¹.

Уязвимость указанного подхода была наглядно продемонстрирована К.Н. Шакировым, справедливо полагающим, что при буквальном толковании положений УПК РК абсурден сам по себе вывод о невозможности использования специалистом знаний, основанных на данных науки, ибо это прерогатива эксперта². На научный характер не знаний, но проводимого экспертом исследования и связанную с этим возможность дифференциации процессуальных функций эксперта и специалиста обращали внимание и другие ученые³.

¹ Специалистами, согласно ст. 84 УПК РК, являются педагог, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом.

² Шакиров К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты... С. 39–45.

³ См., например: Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности... С. 127–128 ; Савельева Н.В. Оценка заключения эксперта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 14–15.

Не оспаривая того факта, что познавательная деятельность эксперта по сути своей является научно-исследовательской и тем самым достаточно существенно отличается от исследовательской деятельности специалиста, приходится признать, что идея размежевания полномочий указанных участников процесса по данному основанию на практике себя не оправдала. Те, кто за новеллой 2003 г. увидел право специалиста проводить исследования в целях дачи заключения по вопросам, поставленным перед ним сторонами, сочли этот шаг законодателя естественным развитием принципа состязательности сторон¹. Но и те, кто правомерность какой бы то ни было привязки заключения специалиста к результатам производимых им исследований отвергает в принципе, не смогли удержаться от искушения признать возможность оказания специалистом содействия следователю в оценке научной обоснованности заключения эксперта².

Глубоко и всесторонне изучив действие принципа состязательности сторон при проведении судебной экспертизы в досудебном и судебном производстве, Е.А. Зайцева констатировала, что указанный принцип, представляющий собой замкнутую систему элементов, закрепленных в ст. 15 УПК РФ, функционирует исключительно в судебных стадиях уголовного процесса, а в досудебном производстве проявляют себя лишь отдельные его составляющие (состязательные начала)³. Далее, рассматривая сущность заключения специалиста, она пришла к выводу, что данный документ призван отражать не только сведения, сообщенные специалистом защитнику при оказании научно-технической и консультационной помощи либо сторонам и суду при участии в процессуальных действиях, но также сведения, касающиеся «оценки заключения эксперта или заключения другого специалиста, данного в ходе досудебного и судебного производства», поскольку «оценка научной обоснованности заключения судебного эксперта становится непостоянной задачей для большинства правоприменителей»⁴.

Поясняя свою позицию, Е.А. Зайцева слово «суждение» употребляет так, как это характерно для книжного, а не научного изложения материала⁵, полагая, что «любой субъект формулирует свои суждения

¹ Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве... С. 53–69.

² Логвинцев Е.А. Заключение специалиста (проблемы использования в доказывании) // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 33–36.

³ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 19–21.

⁴ Там же. С. 214–215.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 7–8, 779.

произвольно», поэтому «суждения, мнения, консультации специалиста... отражают особенности мышления сведущего лица, глубину его специальных познаний, индивидуальную позицию по дискуссионным вопросам, входящим в его компетенцию», в связи с чем их фиксация в жесткой процессуальной форме и установление уголовной ответственности для специалиста за заведомо ложное заключение, как то предлагают некоторые ученые¹, лишены смысла².

Не исключено, что авторы новеллы, придавшей заключению специалиста статус доказательства, могли рассуждать подобным образом, игнорируя тем самым общеизвестные положения логики и психологии. Разработчики Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» пошли еще дальше. В пункте 19 Постановления сказано: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения».

Такой подход к решению проблемы фактически предопределяет, без весомых к тому оснований, возможность противопоставления одной из сторон (в первую очередь стороной защиты) заключения специалиста, порядок получения которого должным образом не урегулирован, заключению эксперта, что в настоящее время все чаще происходит на практике. Между тем оценка результатов чужого труда в любом случае дело ответственное, а оценка результатов чужого научного исследования, без преувеличения, может быть приравнена к самостоятельному научному исследованию еще более высокого ранга, чем изначально проведенное. Суждение, появляющееся в итоге такого рода «оценочной деятельности», не может быть легковесным, безответственно сформулированным мнением «специалиста», чья компетентность (учитывая положения действующего процессуального законодательства) вызывает не меньше сомнений, чем компетентность «эксперта», а право производства «исследования» оспаривается. В этом случае позиция ученых, полагающих, что специалист в своей деятельности ограничивается лишь простейшими исследованиями, результат которых доступен для

¹ См., например: Гришина Е.П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве... С. 174 ; Белкин А.Р. Показания могут быть получены и вне допроса // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной памяти докт. юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской: сб. науч. трудов. М.: Элит, 2011. С. 346–350.

² Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 221.

восприятия окружающих, одновременно допускающих возможность его участия в оценке заключения эксперта, не выдерживает критики.

Не вдаваясь в анализ сложнейшей проблемы оценки доказательств, надо отметить, что особенности оценки заключения эксперта в процессе доказывания исследовались многими видными учеными: Р.С. Белкиным, А.Р. Белкиным, А.И. Винбергом, В.М. Галкиным, Ю.Г. Коруховым, А.В. Кудрявцевой, И.В. Овсянниковым, Ю.К. Орловым, А.Я. Палиашвили, И.Л. Петрухиным, А.А. Эйсманом и др. Справедливо указывая, что уголовно-процессуальное право закрепляет особенности собирания, проверки и оценки каждого из доказательств, авторы обоснованно предлагали свои варианты детализации процедуры оценки заключения эксперта с учетом общих правил оценки доказательств, согласно которым любое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. При этом они единодушно отмечали, что наибольшую сложность для лиц, несущих бремя доказывания, представляет оценка научной обоснованности экспертного заключения¹.

Обобщая мнения ученых по данному вопросу, А.В. Кудрявцева пришла к выводу, что понятие научной обоснованности охватывает: 1) правильное понимание экспертом поставленных перед ним задач; 2) правильность, разработанность, апробированность применяемых методов и методик исследования; 3) правильную оценку признаков, обнаруживаемых экспертом в ходе исследования объектов; 4) квалифицированность и компетентность эксперта; 5) соответствие выводов исследовательской части заключения; 6) правильность фактических расчетов (добавим – если таковые производились); 7) определенность экспертного заключения; 8) доброкачественность материала, направленного на экспертизу².

Неудивительно, что оценка заключения эксперта с позиций его научной обоснованности для лиц, обращающихся к эксперту за помощью именно по причине отсутствия соответствующих специальных знаний, во все времена была непростым делом. Столкнувшись с этой проблемой в XIX в., процессуалисты разных стран до сих пор предла-

¹ В пункте 19 Постановления Пленума указывается на возможность оказания специалистом помощи в оценке заключения и допросе эксперта без уточнения, позволяющего четко ограничить такого рода помощь вопросами, связанными с оценкой научной обоснованности заключения эксперта, что с процессуальной точки зрения явно не корректно.

² Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права... С. 115–116.

гают свои варианты ее решения, ни один из которых сегодня нельзя признать оптимальным, хотя в каждом есть рациональное зерно.

Корифеи советского доказательственного права рекомендовали следователям и судьям в целях проверки научной обоснованности заключения эксперта использовать такие «методические и процессуальные средства, как: а) ознакомление с научной литературой и экспертными методиками, рекомендуемыми в инструкциях и правилах о производстве экспертиз; б) личный опыт оценки экспертиз определенных видов; в) консультации у специалистов по поводу научной обоснованности методов исследования, примененных экспертом; г) допросы экспертов и проведение дополнительных экспертиз для разъяснения научных положений, примененных экспертами; д) повторные экспертизы»¹.

Несостоятельность первой из перечисленных рекомендаций с учетом отсутствия в стране единых межведомственных стандартов производства судебных экспертиз очевидна. Пример тому – дискуссия членов Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебной экспертизе и экспертным исследованиям (далее – ФМКМС), на общественных началах объединяющего в первую очередь руководителей ведомственных экспертных учреждений, по вопросу об отнесении патронов к категории боеприпасов. В его решении ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ при Минюсте России на протяжении нескольких лет придерживались диаметрально противоположных позиций, в связи с чем выводы в заключениях экспертов указанных учреждений априори не могли совпадать. Это было хорошо известно всем следователям и судьям, так или иначе иницилирующим производство судебно-баллистических экспертиз².

Личный опыт практических работников в оценке экспертиз определенных видов как субъективный критерий обсуждать не имеет смысла, что вовсе не умаляет его значимости. Анализ судебной практики показал, что в 2001–2004 гг. только в 70 (65,4%) из 107 обвинительных приговоров была дана развернутая оценка заключению эксперта. В пяти (4,7%) она отсутствовала вовсе. В 2005–2008 гг. это были 62,2% и 7,1%, а в 2009–2012 гг. – 76,3% и 9% соответственно.

Относительно возможности получения консультации специалистов по поводу научной обоснованности методов исследования, примененных экспертом при производстве той или иной экспертизы, необхо-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе... С. 725–726. (Автор главы XIII «Заключение эксперта» – И.Л. Петрухин).

² Бюллетень Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебной экспертизе и экспертным исследованиям. 2005. № 2 (15). С. 3.

димо заметить следующее. Сама по себе консультативная деятельность широко распространена на практике: следователи, защитники, судьи, прочие участники процесса нередко неофициально обращаются за помощью к специалистам. В этом случае разъяснения специалиста (как профессионала, а не участника судопроизводства в статусе специалиста) процессуального значения не имеют, хотя способны оказать существенное влияние на мнение заинтересованного в консультации лица. Именно поэтому представляется недопустимым прибегать к такого рода средству в ситуации оценки научной обоснованности заключения эксперта.

Впрочем, замена устной, ничем не регламентируемой консультации заключением специалиста проблему не решает. В свое время Л.Е. Владимиров, подчеркивая, что эксперт может ссылаться на мнения авторитетов по исследуемому вопросу, а стороны — нет, обосновывал свое суждение, в том числе, ссылкой на воспринятый впоследствии советским процессуальным правом постулат: «Стороны имеют право опровергать мнение одного эксперта мнением другого, давшего заключение по тому же делу и при тех же условиях»¹. Неслучайно допрос эксперта и проведение дополнительных, а также повторных экспертиз долгое время были единственными процессуально грамотными способами проверки научной обоснованности экспертного заключения. Да и сейчас формулировка ч.ч. 1 и 2 ст. 207 УПК РФ полностью снимает вопрос о том, как надлежит поступать в ситуации недостаточной ясности заключения эксперта или же при возникновении сомнений в его обоснованности.

Вышеизложенное обуславливает целесообразность поиска иного варианта решения проблемы размежевания процессуальных функций эксперта и специалиста в большей степени, чем предлагавшиеся ранее, соответствующего современному пониманию назначения уголовного процесса, точнее отражающего реалии сегодняшнего дня, среди которых наиболее очевидной является рост потребности в использовании специальных знаний как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Отдавая дань опыту, накопленному уголовно-процессуальной наукой и теорией судебной экспертизы, надо признать, что попытки вернуться в прошлое к отжившим свое конструкциям при всей их сбалансированности и апробированности за счет многолетней практики применения, равно как и новации, не имеющие опоры на фундаментальные положения философии, психологии, теории государства и права, вряд ли способны привести к желаемому результату. Сторона, несущая бремя доказывания, всегда нуждалась в общедоступных для понимания и использования критериях выбора квалифицированных

¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах... С. 143.

экспертов и оценки научной обоснованности их заключений. Корректировка правового положения эксперта как участника уголовного процесса в ситуации закрепления его профессионального статуса на уровне федерального законодательства при условии грамотного расширения функций специалиста могла бы оптимизировать этот процесс.

Отправной точкой при определении статуса эксперта в судопроизводстве должен быть тот факт, что деятельность лица, вовлекаемого в процесс в качестве эксперта, по своей природе является профессиональной. Освоение специальностей ВПО, в том числе специальности «Судебная экспертиза», предопределяет особенности формирования общекультурных и профессиональных компетенций экспертов, поскольку освоение профессии подразумевает обязательность соответствующей профессиональной подготовки. Применительно к деятельности прочих лиц ссылка на ее профессиональный характер несет иную смысловую нагрузку – производством судебных экспертиз они занимаются как профессией (речь идет о занятии, приносящем доход независимо от наличия или отсутствия профподготовки).

Обособление в системе специальных статусов статуса эксперта как субъекта труда позволяет в полной мере отразить специфику правового положения эксперта в сфере судопроизводства с учетом вышеуказанных различий в деятельности лиц, которым могут быть поручены проведение исследования и дача заключения. Несмотря на то, что проблемы обучения и занятости находятся вне зоны прямого процессуального регулирования, специальный статус эксперта тесно переплетается с каждым из его отраслевых статусов, прежде всего за счет того, что возможность реализации отраслевой (в частности, уголовно-процессуальной) правоспособности увязывается с наличием у лица правоспособности специальной.

Производный характер процессуальной функции эксперта по отношению к его профессиональной деятельности приводит к выводу о целесообразности сохранения права производства судебных экспертиз за лицами, получившими профессиональный статус эксперта в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (предварительно должен быть принят Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации»). Учитывая необходимость реализации назначения уголовного судопроизводства, исключаящую возможность ограничения каким-либо образом правоприменителей в использовании специальных знаний, предлагается одновременно внести изменения в правовое положение специалиста как участника процесса.

Специалиста следует наделить правом проведения исследования и дачи заключения по его результатам в определенных законом случаях, а именно:

а) при проверке научной обоснованности заключения эксперта (к примеру, для решения вопроса о целесообразности назначения повторной экспертизы, признания заключения эксперта недопустимым доказательством в соответствии со ст. 75 УПК РФ и т.д.);

б) при необходимости уяснения вопроса из той области науки, техники, искусства или ремесла, где реализация программ ВПО в России не предусмотрена;

в) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая ранее производством экспертиз охвачена не была (до того как требования к проведению нового вида экспертизы будут стандартизированы в порядке, определяемом Федеральным законом «О судебной экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации»).

По мнению Е.А. Зайцевой, когда «речь идет об экспертизе, для производства которой еще не подготовили экспертов, значит, эта экспертиза еще не завершила свой процесс оформления как самостоятельный вид судебной экспертизы, значит, для нее еще не разработана методика, не определены экспертные задачи, решаемые с ее помощью, не выделены четко объекты и методы исследования, не выбраны тщательно приборы, оборудование, реактивы и расходные материалы для реализации ее задач», следовательно, «назначать такую экспертизу нельзя»¹.

К сожалению, процесс становления новых видов экспертиз долгов и труден² и сам по себе не может быть поставлен во главу угла при решении вопроса о целесообразности использования определенного рода специальных знаний в судопроизводстве. Потребность в их применении предопределяется характером преступной деятельности, темпы модификации которой значительно превосходят возможности государства по совершенствованию судебной экспертной деятельно-

¹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 348–349.

² Как известно, психологические экспертизы проводились сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ более 20 лет, прежде чем в Перечне экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, появилась специальность «Исследование психологии и психофизиологии человека», согласно приказу Министерства юстиции РФ от 14 мая 2003 г. № 114 (был зарегистрирован в Минюсте РФ 27 мая 2003 г., № 4596). Содержание документов см.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации // URL: <http://www.sudexpert.ru/files/norms/114.pdf> (дата обращения: 19.03.2010).

сти и переоснащению экспертных учреждений, финансируемых из бюджета. Человек, весьма известный как специалист (в непроцессуальном смысле этого слова) в какой-либо области знания или сфере труда, может не иметь доступа к определенному оборудованию, не обязан знать ведомственные методики производства экспертиз различных видов, степень их апробированности и т.д. Однако в ситуации, когда его мнение способно помочь лицу, несущему бремя доказывания, в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимость его участия в процессе не должна подвергаться сомнению. Возможность правоприменителей использовать при отправлении правосудия специальные знания за счет обращения за заключением к лицу, профессиональные предпочтения которого не связаны с получением статуса эксперта, неоспорима. Другой вопрос, в какой процессуальной форме с точки зрения защиты прав и интересов лиц и организаций это следует делать в современных условиях.

Предлагаемый подход к определению правового положения эксперта в судопроизводстве и размежеванию его со статусом специалиста позволяет в полном объеме реализовать комплекс мер (о которых шла речь во второй главе), направленных на поддержание готовности лиц, назначаемых экспертами, к осуществлению процессуальной функции на высоком профессиональном уровне. Прежде всего это касается вовлечения субъекта в производство по делу в качестве эксперта только при наличии у него высшего профессионального образования, что в настоящее время крайне важно, но, к сожалению, в условиях действия УПК РФ в нынешней редакции (как было показано в предыдущем параграфе) невозможно. Профессия судебного эксперта могла бы получить мощный импульс в развитии, а идеи межведомственной аттестации и переподготовки экспертов, принятия экспертами присяги, формирования реестра экспертов – практическое воплощение, адекватное как условиям труда, так и отражающему их новому процессуальному статусу эксперта.

В этом случае с учетом ранее внесенных предложений ч. 1 ст. 57 УПК РФ можно было бы изложить в следующей редакции: «эксперт по уголовному делу – лицо, получившее профессиональный статус эксперта в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, назначенное для производства экспертного исследования и дачи заключения». Одновременно из ст. 195 УПК РФ должна быть исключена ч. 2, согласно которой в настоящее время судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

Подобным образом статус эксперта определен в ч. 1 ст. 69 УПК Украины: «Экспертом в уголовном производстве является лицо, которое владеет научными, техническими или другими специальными знаниями, имеет право в соответствии с Законом Украины «О судебной экспертизе» на проведение экспертизы и которому поручено провести исследование объектов, явлений и процессов, которые содержат сведения об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения, и дать вывод по вопросам, которые возникают во время уголовного производства и касаются сферы его знаний»¹.

Формулировать новеллы, с помощью которых можно было бы закрепить в УПК РФ вышеизложенное предложение автора о наделении специалиста правом проведения исследований в определенных законом случаях, преждевременно. В практическую плоскость решение данного вопроса может быть переведено только после разработки и принятия Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации». Понятие «специалист», его функции нуждаются в изучении с учетом реалий сегодняшнего дня², среди которых – возобновление дискуссии о роли и значении технико-криминалистической деятельности, осуществляемой специалистами-криминалистами различных ведомств в целях решения задач раскрытия и расследования преступлений³.

В то же время необходимо обозначить свою позицию по вопросу о целесообразности развития так называемого института альтернативной экспертизы. Идея процессуальной легализации «независимой», «несудебной», «альтернативной» экспертизы, тесно связанная с проблемой расширения полномочий участников судопроизводства в доказывании, активно обсуждается в юридической литературе с конца 90-х гг. прошлого века⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

² Интерес с этой точки зрения представляют труды Е.П. Гришиной. См., например: Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика / под ред. Н.А. Духно. М.: Изд-во Юридического ин-та МИИТа, 2012.

³ Пресс-релиз межведомственного научно-практического семинара «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт» (г. Москва, 13 декабря 2012 г.) // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 40.

⁴ См., например: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. С. 117–118; Назаров В.А. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 1998.

Согласно результатам проведенного анкетирования большинство следователей категорически против расширения принципа состязательности при проведении экспертиз. В пользу допустимости собирания доказательств участниками судопроизводства путем самостоятельного проведения экспертизы высказались всего 10,8% опрошенных в 2003–2004 гг. и 2,6% – в 2009–2010 гг. Возобладало мнение о необходимости сохранения права назначения экспертизы как процессуального действия за дознавателем, следователем и судом с предоставлением остальным участникам процесса равных прав при проведении экспертизы. Причем процент сторонников данной точки зрения увеличился с 65,5% в 2003–2004 гг. до 78,1% – в 2009–2010 гг.

Эксперты, принимавшие участие в анкетировании, придерживаются иной точки зрения. С 22,3% до 35,8% возросло число тех, кто готов одобрить внесение изменений в УПК РФ в целях предоставления каждому из участников уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, равных прав при назначении экспертизы (то есть допускает возможность собирания доказательств участниками процесса). На мнение экспертов повлиял рост числа обращений, поступающих в ГСЭУ от представителей стороны защиты в порядке, предусмотренном ст. 80 УПК РФ. Учитывая совпадение заключений специалиста и эксперта по процессуальному статусу, а зачастую и по форме, эксперты делают справедливый вывод о том, что содержание проводимых ими исследований не меняется в зависимости от того, кто выступает инициатором их производства.

Не вдаваясь в дискуссию (поскольку подход к выделению оснований размежевания функций эксперта и специалиста ее остроту существенно снижает), хотелось бы высказаться в пользу сохранения права назначения экспертизы за дознавателем, следователем и судом с предоставлением остальным участникам процесса равных прав при проведении экспертизы. При этом надо обратить внимание на недопустимость переложения таким образом бремени доказывания на участников процесса, субъектами правоприменительной деятельности не являющихся.

Согласно ст. 243 УПК Украины, сторона обвинения привлекает эксперта при наличии оснований для проведения экспертизы, в том числе и по ходатайству стороны защиты или потерпевшего. При этом сторона защиты имеет право самостоятельно привлекать экспертов на договорных условиях для проведения экспертизы, в том числе и обязательной. В Кыргызской Республике, по свидетельству К.К. Абакирова, финан-

С. 56–57 ; Внуков В. И. Особенности назначения, производства и использования результатов независимых экспертиз... С. 9–12 ; и др.

сирование производства судебных экспертиз по уголовным делам возможно не только из средств республиканского или местного бюджета, но и в случае назначения экспертизы по инициативе сторон — за счет инициатора назначения экспертизы¹.

В отечественном процессуальном законодательстве для появления подобной новеллы нет оснований. Во-первых, реализация на практике принципа презумпции невиновности, закрепленного в ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, означает, что на обвиняемого и его защитника не может быть возложена обязанность по представлению доказательств невиновности обвиняемого, в том числе косвенным образом — путем оплаты расходов на производство экспертизы, назначаемой по ходатайству стороны защиты. Во-вторых, в силу ст. 52 Конституции РФ и положений главы 3 УПК РФ обязанность осуществления уголовного преследования нельзя в какой-либо части переложить на потерпевшего от преступления.

Как справедливо указывает В.Ю. Шепитько, «сомнительное понимание состязательности в уголовном процессе приводит к необоснованным дискуссиям о целесообразности введения «экспертизы защиты» и «экспертизы обвинения», «о договорных условиях проведения экспертизы», «о состязании экспертов» и «о конкуренции экспертных заключений»².

С этой точки зрения достаточно взвешенной представляется позиция Е.А. Зайцевой, предлагающей «закрепить в законе обязательность удовлетворения мотивированных ходатайств сторон о производстве альтернативной экспертизы, в случае если количество и качество объектов экспертизы позволяет осуществлять их неоднократное исследование» (от себя добавим — при условии оплаты экспертизы в общем, установленном законом порядке); когда «специфика состояния объектов экспертизы не дает возможности провести альтернативное исследование независимому эксперту, приглашенному стороной», следует удовлетворять ходатайство стороны о включении в комиссию такого эксперта³.

Отрицая необходимость ввода в уголовный процесс понятия «альтернативная экспертиза», схожую позицию занимает и Н.П. Кирил-

¹ Абакиров К.К. Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз... С. 123–124.

² Шепитько В.Ю. О новеллах в использовании специальных знаний в уголовном процессе Украины // Материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 341.

³ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы... С. 463–464.

лова, полагая правильным обеспечивать участие в проведении исследования экспертов, предложенных стороной защиты, причем вне зависимости от позиции стороны обвинения¹. Такой подход полностью согласуется с практикой, сложившейся в большинстве европейских стран, где сторона защиты имеет право на выбор эксперта, а решение об удовлетворении ходатайства стороны защиты о проведении судебной экспертизы принимает судья².

Вовлечение подобным образом экспертов со стороны защиты и обвинения в процесс доказывания (как не противоречащее принципам процессуального права) могло бы стать реальным шагом на пути демократизации отечественного уголовно-процессуального законодательства и укрепления состязательных начал на стадии предварительного расследования.

Обобщая изложенное в третьей главе, можно сделать следующие выводы:

1. Степень влияния профессиональной составляющей деятельности участников процессов на выполнение ими своих процессуальных функций позволяет разработанная классификация субъектов уголовного судопроизводства в зависимости от соотношения их процессуального и профессионального статусов.

Освоение специальностей ВПО, в том числе специальности «Судебная экспертиза», предопределяет особенности формирования общекультурных и профессиональных компетенций экспертов, поскольку освоение профессии подразумевает обязательность соответствующей профессиональной подготовки. Применительно к деятельности прочих лиц, обладающих специальными знаниями, ссылка на ее профессиональный характер несет иную смысловую нагрузку — производством судебных экспертиз они занимаются как профессией (речь идет о занятии, приносящем доход независимо от наличия или отсутствия профподготовки).

2. Среди полномочий эксперта как участника уголовного судопроизводства можно выделить процессуальные (универсальные и эксклюзивные), профессиональные и профессионально-процессуальные права и обязанности. Последние возникают в результате эволюции и взаимопроникновения норм процессуального, а также иных отрас-

¹ Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции... С. 258.

² Никитина И. Э. Европейское сотрудничество в сфере судебно-экспертной деятельности... С. 20.

лей права, регулирующих общественные отношения, реализуемые посредством экспертной деятельности.

3. Профессиональный статус эксперта должен быть определен законодательно. За основу при разработке проекта нового Федерального закона «О судебной-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации» целесообразно принять модель нормативно-правового обеспечения деятельности адвокатов.

4. Закрепление на уровне федерального закона профессионального статуса эксперта должно стать основанием для включения эксперта в число профессиональных участников уголовного судопроизводства и последующего внесения изменений в УПК РФ. Предлагается:

а) статью 5 УПК РФ дополнить пунктом 44.1 следующего содержания: «специальные знания – знания за пределами тех, которыми обязаны обладать судья, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, дознаватель, исходя из назначения уголовного судопроизводства»;

б) часть 1 статьи 57 изложить в следующей редакции: «эксперт по уголовному делу – лицо, получившее профессиональный статус эксперта в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, назначенное для производства экспертного исследования и дачи заключения», при этом ч. 2 из ст. 195 УПК РФ исключить.

5. При условии сохранения права производства экспертиз за лицами, получившими профессиональный статус эксперта, специалиста следует наделить правом проведения исследования и дачи заключения по его результатам:

а) при проверке научной обоснованности заключения эксперта;

б) в случае необходимости уяснения вопроса из той области науки, техники, искусства или ремесла, где реализация программ ВПО в России не предусмотрена;

в) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая ранее производством экспертиз охвачена не была (до того как требования к проведению нового вида экспертизы будут стандартизированы в установленном законом порядке).

Глава IV

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ВИДОВ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Предлагая концептуально новый подход к изменению процессуального статуса носителей специальных знаний в целях повышения эффективности российского правосудия, необходимо продемонстрировать значимость сформулированных в работе теоретических положений, выводов и практических рекомендаций на примере одного из видов экспертиз. Выбор пал на судебную психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа. Не только потому, что автор монографии является специалистом в данной области.

Обзор современной литературы, посвященной «проблеме полиграфа», свидетельствует — участники дискуссии сегодня, как и десятилетия назад, занимают диаметрально противоположные позиции. Одни ратуют за широкое применение полиграфа при производстве по уголовному делу¹, другие — за ограничение его использования рамками оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД)². При этом, судя по результатам анкетирования, мнение о допустимости применения полиграфа исключительно в ходе ОРД разделяют всего 10% опрошенных следователей, экспертов государственных судебно-экспертных учреждений и полиграфологов.

Из числа следователей 23,8% (2003—2004 гг.) и 14% (2009—2010 гг.) сочли возможным использование полиграфа при проведении комплексной психолого-психофизиологической экспертизы. С ними солидарны 35,7% и 33,1% экспертов, в то же время участвовавших в анкетировании, а также 24,3% (2003—2004 гг.) и 16,2% (2012 г.) полиграфологов.

¹ См., например: Семенов В.А. Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2008. С. 105—114.

² Ничипоренко Т.Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 45—48.

Примерно 23% следователей, 35% экспертов, 38% полиграфологов сегодня уверены, что речь должна идти о самостоятельном виде экспертизы. Защитники подозреваемых и обвиняемых (и даже потерпевшие) все чаще настаивают на проведении ПФИ, а следователи и судьи назначают СПФЭ по уголовным делам. Заключение экспертов-полиграфологов в совокупности с иными доказательствами, собранными по делу, находят отражение в обвинительных заключениях, ложатся в основу судебных решений¹. Согласно официально полученной автором информации, в 2012 г. результаты 855 исследований, проведенных штатными полиграфологами СК РФ, нашли отражение в обвинительных заключениях, 224 заключения использовались в совокупности с другими доказательствами при вынесении обвинительных приговоров, 9 – при вынесении оправдательных, еще 130 были учтены при принятии решения по делу.

Полагая, что во главу угла в ситуации использования полиграфа в ходе расследования и профилактики преступлений должна быть поставлена недопустимость ущемления прав и свобод человека и гражданина, на примере становления СПФЭ будет сделана попытка доказать, что разграничение понятий объекта и предмета судебной экспертизы как процессуального действия и объекта и предмета экспертного исследования как познавательного действия имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

§ 1. Теоретико-криминалистические проблемы использования полиграфа

В отечественной литературе в разные годы, помимо негативных, преимущественно голословных заявлений о принципиальной невозможности использования полиграфа в советском уголовном процессе, цитировать которые сегодня (с учетом произошедших в стране кардинальных политических и социально-экономических преобразова-

¹ Подробнее по вопросу использования заключений специалистов-полиграфологов в доказывании см., например: Комиссарова Я. В. Результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа как доказательство в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 60–64; Гургенидзе Е. В., Колкутин В. В. Опыт внедрения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в практику государственного судебно-экспертного учреждения // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 31–33; Татарин В. Р. Использование возможностей судебно-психофизиологических экспертиз и исследований в отношении потерпевших и свидетелей на стадии предварительного расследования уголовных дел // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 13–17.

ний) уже не имеет смысла, встречались и более взвешенные суждения. И.Е. Быховский и А.Р. Ратинов, Г.А. Злобин и С.А. Яни, Г.Г. Андреев и М.Г. Любарский, другие ученые пытались привлечь внимание юридической общественности к научной стороне проблемы. В 1967 г. А.Р. Ратинов справедливо писал, что оценка инструментальных методов исследования скрываемой человеком информации как реакционных и ненаучных подчас носит поверхностный характер: «Машина не может быть реакционной, прибор не бывает ненаучным. Он или работает, или не работает»¹.

Новые реалии, сложившиеся в стране в начале 90-х гг. XX в., не могли не повлиять на позицию юридической общественности по «проблеме полиграфа». В 1993 г. во ВНИИ МВД был подготовлен первый в истории современной России сборник научных статей по проблемам использования нетрадиционных методов в раскрытии преступлений. Ученые-криминалисты задумались над вопросом о возможности придания проверкам на полиграфе «статуса» технико-криминалистического средства.

В 1993 г. в правовом общественно-политическом и научно-популярном альманахе «Записки криминалистов» была опубликована статья В.С. Митричева и Ю.И. Холодного, в которой авторы, рассматривая различные аспекты «внедрения полиграфа в деятельность правоохранительных органов», характеризовали «испытания на полиграфе» как «криминалистический метод»².

В 1995 г. в пользу применения полиграфа в ходе допроса высказался В.И. Комиссаров³. Не вдаваясь в дискуссию, надо отметить, что сегодня в юридической литературе еще встречаются суждения в поддержку и развитие данного предложения⁴, хотя подобный вариант решения «проблемы полиграфа» не стыкуется с методическими требованиями, предъявляемыми к проведению ПФИ, а также (несмотря на натяжки) противоречит УПК РФ в части, регламентирующей производство

¹ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 257.

² Митричев В.С., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. Вып. 1. М.: Юрикон, 1993. С. 173–180.

³ Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11. С. 43–47.

⁴ См., например: Бабаева Э.У. Предупреждение изменения показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. М.: Экзамен, 2001. С. 51–54; Семенов В.А. Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий... С. 112–113.

допроса как следственного действия. В связи с этим некоторые ученые и практики пришли к выводу о том, что в перспективе речь могла бы идти о новом процессуальном действии – опросе с использованием полиграфа (не путать с оперативно-розыскным мероприятием. – Прим. К.Я.). Однако в настоящее время применение полиграфа при производстве каких-либо следственных действий (не только допроса, но и обыска, предъявления для опознания и др.) процессуально не оправдано¹.

В 1997 г. В.А. Образцов в подготовленном под его редакцией учебнике по криминалистике в разделе «Криминалистическая техника» посвятил отдельный параграф «криминалистической полиграфологии»². Идея получила развитие. Ю.И. Холодный, проанализировав технологию применения полиграфа с позиций теории криминалистической диагностики³, высоко оценил эффективность его применения не только при раскрытии и расследовании, но и при профилактике преступлений⁴. Он пришел к выводу, что совокупность научно-прикладных знаний о психофизиологическом методе «детекции лжи» с помощью полиграфа или иных аппаратно-программных средств, объединенная наименованием «криминалистическая полиграфология», должна рас-

¹ По данному вопросу см.: Першин А.Н., Аксенов Р.Г., Киселев В.И. К вопросу о возможности использования полиграфных исследований при производстве обыска // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 5-й Международной науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. С.А. Кучерука, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 2002. С. 191–192; Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 107–108, 189–192; Гладышева О.В. О необходимости закрепления процедуры применения полиграфа в рамках нового следственного действия // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. трудов юбилейной 10-й Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 53–57.

² Криминалистика / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. С. 319–329. Предложенный В.А. Образцовым термин «полиграфология» сегодня используется достаточно широко. К примеру, в журнале «Юридическая психология» № 2 за 2011 г. три статьи, посвященные различным аспектам использования полиграфа, были опубликованы под рубрикой «Проблемы полиграфологии».

³ Подшибякин А.С., Холодный Ю.И. Об уточнении и дополнении объектов криминалистической диагностики // Российская юридическая доктрина в XXI в.: проблемы и пути их решения: науч.-практич. конференция (3–4 октября 2001 г.) / под ред. А.И. Демидова. Саратов: Изд-во СГАП, 2001. С. 225–227.

⁴ Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа как системная мера криминалистической профилактики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов к 200-летию МВД России. Ростов-на-Дону: Изд-во РЮИ МВД РФ, 2002. С. 282–292.

смагиваться в современной криминалистике как самостоятельная составная часть раздела «Криминалистическая техника»¹.

Надо признать, что такой подход в определенной мере не лишен оснований. Расцвет марксистско-ленинской философии, разработка психологической теории деятельности, использование категорий теории информации при изучении процесса доказывания в 60–70-е гг. XX в. оказали существенное влияние на формирование общей теории криминалистики. В результате многолетних плодотворных исследований Р.С. Белкин не только сам пришел к твердому убеждению, что теория отражения составляет теоретический и практический фундамент криминалистики, но также, проанализировав философский, криминалистический и уголовно-процессуальный смысл категории отражения, снабдил многие поколения ученых-криминалистов предельно четко сформулированной, внутренне непротиворечивой, адекватно сочетающейся с положениями теории доказательств концепцией, раскрывающей объектно-предметную сущность криминалистики².

Как известно, категория отражения в теории познания характеризует способность материальных объектов в процессе взаимодействия с другими объектами воспроизводить некоторые их особенности в своих изменениях. Применительно к криминалистике речь идет об изменениях, неизбежно происходящих в окружающей среде в связи с совершением преступления. Изменения в неживой природе как форма отражения преступления проявляются в виде материально фиксированных следов (отпечатков, оттисков) отдельных особенностей (чаще всего внешнего строения) взаимодействовавших объектов или их частей; повреждения, разрушения, деформации объектов и т.д. Отражение преступления в живой природе (применительно к жизнедеятельности человека) происходит в виде образов события и обстоятельств преступления, формирующихся в памяти людей. Отсюда – традиционное для криминалистики разграничение следов на материальные и идеальные. Поскольку информация, как уже было отмечено, существовать без материальной основы не может, оперируя термином «идеальные следы», необходимо учитывать, что, с одной стороны, речь идет об информации о преступлении (содержании запечат-

¹ Статья Ю.И. Холодного «Криминалистическая полиграфология как новое направление раздела «Криминалистическая техника», опубликованная в сборнике «Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы» (Академия управления МВД России, 2003 г.) цитируется по кн.: Полиграф в России: 1993–2008: ретроспект. сб. статей / авт.-сост. Ю.И. Холодный. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. С. 55–59.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 47–67.

ленных в памяти человека образов), а с другой — о весьма специфической форме ее кодирования в процессе психического отражения¹.

Схематично процесс формирования идеальных следов (с известной долей условности) можно охарактеризовать так: информация, поступающая из окружающей среды, сначала обрабатывается системами сенсорной памяти, затем переводится в систему кратковременной памяти и далее фиксируется в памяти долговременной.

Описанная «сенсорная модель» была предложена в конце 60-х гг. прошлого столетия и, несмотря на значительную модификацию, до сих пор находит поддержку у большинства психологов и психофизиологов. Однако, по справедливому замечанию ведущих специалистов в области исследования памяти — англичан Алана Баддли, Майкла Айзенка и американца Майкла Андерсона, процесс поступления информации из окружающей среды в долговременную память не следует упрощать, ибо существует множество свидетельств в пользу того, что имеет место движение информации в обоих направлениях: «Так, наши знания о мире, хранящиеся в долговременной памяти, могут влиять на фокус нашего внимания, который, в свою очередь, определяет, какая именно информация поступает в сенсорные системы памяти, как она обрабатывается и запоминается ли после этого»².

Мы воспринимаем не внешний мир как таковой, а информацию о событиях и явлениях, имеющих место в этом мире. Это значит, что сенсорные системы являются не пассивными передатчиками, а активными преобразователями поступающей информации, обеспечивая ее переработку в полном соответствии с теми или иными потребностями индивида, имеющимися в данный момент и при данных обстоятельствах.

В любом случае мысль о том, что при проведении ПФИ полиграфолог имеет дело с идеальными следами, напрашивается, что называется, сама собой. Первым, кто обратил внимание криминалистов на то, что использование полиграфа в целях выявления, возможно, скрываемой человеком информации могло бы пополнить арсенал технико-

¹ Подробно о специфике психического отражения см.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. С. 121–135. Необходимо отметить, что в криминалистике понятие «идеальные следы» является собирательным и не учитывает принятое в психологии деление памяти на виды: моторную (память на действия), эмоциональную (память на чувства), образную (зрительная, слуховая и т.д.), словесно-логическую.

² Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память / пер. с англ.; под ред. Т.Н. Резниковой. СПб.: Питер, 2011. С. 22–23 (автор главы — А. Баддли). Подробно о видах памяти и схемах переработки информации также см.: Общая психология: учебник для студентов высших учеб. заведений. В 7 т. Т. 3. Память / под ред. Б.С. Братуся, В.В. Нуркова. М.: Изд. центр «Академия», 2006. С. 260–270.

криминалистических средств и методов (насколько можно судить по публикациям), стал Ю.И. Холодный. Кратко охарактеризовав идеальные следы в традиционном для криминалистики ключе, подчеркивая, что данные следы, недоступные для непосредственного восприятия, познаются исключительно за счет материализации, которая может осуществляться в разных формах, указывая (что очень важно) на существование множества объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на процессы формирования и материализации идеальных следов, Ю.И. Холодный пришел к весьма оригинальному выводу, что применение полиграфа «делает идеальные следы доступными объективному исследованию до (то есть без) их материализации»¹.

К сожалению, исследователи не всегда осознают сложность изучения с позиций психологии и психофизиологии феномена памяти как процесса запечатления, сохранения, изменения, воспроизведения, узнавания и утраты прошлого опыта, который делает возможным его использование в деятельности и/или восстановление в сфере сознания². В целом верно уловив смысл обозначенной Р.С. Белкиным позиции относительно специфики идеальных следов, отдельные ученые сущность используемых при этом понятий все-таки недопонимают, «греша» упрощенчеством, допускают их смешение и подмену.

Тот же Ю.И. Холодный в процитированной выше статье пишет о запечатлении образов «в сознании» людей, хотя термины «память», «сознание», «мышление» не должны употребляться в качестве синонимов, поскольку обозначают различные феномены, степень изученности которых существенно разнится³. Справедливости ради надо отметить, что в более поздних публикациях автор уточняет, что речь следует вести «о событиях, запечатленных *в памяти*» человека⁴ (не о событиях, а об образах. — Прим. К.Я.). Однако другой свой тезис о том, что идеальные следы, в отличие от материальных, подвержены «исключительно естественному разрушению (то есть забыванию)», но недоступны для

¹ Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и психическое отражение // Вестник Волжского уни-та им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 18. Тольятти, 2001. С. 205–209.

² Общая психология: учебник... С. 11.

³ Чтобы оценить объем и многоуровневый характер понятий, о которых идет речь, достаточно обратиться к энциклопедическим словарям. См., например: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001; Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мешеряков, В.П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

⁴ Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (14). М.: Спарк, 2005. С. 49.

умышленного разрушения, так как «человек неспособен намеренно забыть, «вытравить» из памяти нежелательные для него события прошлого или отдельные их обстоятельства», Ю.И. Холодный с завидным упорством декларирует из публикации в публикацию¹.

Между тем из психологии известно, что преднамеренное забывание (забывание, являющееся следствием процессов, инициированных с сознательной целью забыть) существует. В ситуациях, когда забывание не случайно, но и не «намечено сознательно», говорят о мотивированном забывании. Некоторые ученые различают «вытеснение» и «подавление», полагая, что первый процесс — бессознательный, а второй, напротив, — сознательный, преднамеренный. Но даже когда речь идет о непреднамеренном забывании (забывании, которое происходит без намерения забыть), трудно установить, окончательно ли утрачен след или же просто не был найден признак, который позволил бы человеку воспроизвести нужную информацию².

Не все криминалисты интересуются современными научно-прикладными разработками в тех областях, знания из которых используют, сплошь и рядом цитируя безнадежно устаревшую литературу, воспроизводя в своих публикациях суждения, ошибочность которых очевидна³.

К примеру, в глоссарии к учебнику «Следственные действия» его авторы — преподаватели криминалистики, не обозначая контекста, в котором употребление термина «мысленный образ» можно считать уместным, указывают, что идеальные следы суть: «1) отражения события преступления в сознании и памяти людей, имеющие психофизиологическую природу формирования, проявляющиеся в виде мысленных образов преступления либо отдельных его моментов; 2) информация о преступлении, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных образов»⁴.

¹ Полиграф в России (1993—2008): ретроспект. сб. статей / авт.-сост. Ю.И. Холодный. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. Настораживает, что процитированный, а также многие другие тезисы, на отсутствие научного обоснования которых еще будет указано, были выдвинуты не просто физиком по образованию, доктором юридических наук, но человеком, который в свое время получил ученую степень кандидата психологических наук.

² Баддл А., Айзенк М., Андерсон М. Память... С. 264—335.

³ Проблемы с получением информации, адекватной современному уровню развития науки, возникают не только у теоретиков. Согласно результатам анкетирования, свыше 35% следователей, опрошенных в 2003—2004 гг., и почти 50% из числа опрошенных в 2009—2010 гг., анализируя информацию, в ходе общения поступающую по невербальным каналам от участников судопроизводства, опираются на личный опыт, сведения из научно-популярной литературы, а также данные, приводимые в средствах массовой информации.

⁴ Следственные действия: учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. М.: Юрайт, 2011. С. 258.

Д.А. Степаненко, излагая в монографии основы учения о криминалистической идентификации по мысленному образу, не усматривая различий в толковании понятия «мысленный образ» при изучении проблем моделирования в криминалистике и проблем формирования зрительного образа применительно к габитоскопии, пишет, что «субъективное отображение в памяти одного человека (наблюдателя) внешнего облика другого человека — это и есть мысленный образ»¹. Понятие «идеальные следы» Д.А. Степаненко не использует, предпочитая понятие «след памяти», которое характеризует как «двуединое», отражающее диалектическое сочетание материального и идеального, воплощенных в мысленном образе, когда соотношение объективного и субъективного определяет степень адекватности следа памяти отображенному объекту². В этой части позиция автора, поскольку в последнее время криминалисты все чаще используют термин «след памяти», нуждается в пояснении.

Руководствуясь тезисом о том, что получение криминалистически значимой информации всегда предполагает работу с ее материальным носителем, криминалисты, когда речь заходит об идеальных следах, неизбежно сталкиваются с так называемой психофизиологической проблемой³. Ее суть заключается в поиске ответа на вопрос о соотношении психических и физиологических (нейробиологических) процессов. В настоящее время психофизиологическая проблема весьма далека от урегулирования даже на гипотетическом уровне.

Следует согласиться с Л.И. Полтавцевой в том, что разного рода процессы отражения являются объектом изучения различных наук и напрямую не исследуются криминалистикой; необходимые знания в контексте задач, решаемых криминалистикой, заимствуются ею, что не исключает, но предопределяет необходимость их теоретического осмысления⁴. Это особенно важно при обсуждении вопроса о целесообразности включения в криминалистику нового раздела. В данной ситуации попытки привнести в теорию и практику борьбы с преступностью очередное «ноу-хау» без должного анализа истории вопроса, без уяснения глубины его научной и эмпирической проработки не менее губительны, чем использование морально устаревших конструкций.

¹ Степаненко Д.А. Основы учения о криминалистической идентификации по мысленному образу. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 11–13.

² Там же. С. 22.

³ Общая психология: учебник... С. 272–274.

⁴ Полтавцева Л.И. Криминалистика и психология: теоретические предпосылки и практические потребности интеграции. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 40, 68–69.

В 2005 г. Л.А. Суворова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, включив в число положений, выносимых на защиту, тезис о целесообразности выделения «криминалистической энграммологии» в самостоятельный подраздел «криминалистического следоведения», полагая, что он должен охватывать «криминалистически значимые закономерности и особенности возникновения, существования, искажения, воспроизведения, иных трансформационных процессов идеальной уголовно релевантной информации, а также основанные на познании этих закономерностей законные и допустимые приемы и способы ее использования субъектом уголовно-процессуального исследования преступлений»¹. Очевидно, что «новатор» не знает сути понятий, которыми отважно оперирует.

Слово «энграмма» (в переводе с греч.) означает «внутренняя запись»: так древние греки называли восковые таблички для записи значений различных знаков. В научный оборот термин был введен немецким зоологом и биологом Рихардом Земоном (Richard Wolfgang Semon) в начале XX в. Сторонник представления о памяти как об универсальном свойстве живого, Земон использовал этот термин для обозначения ярких комплексных воспоминаний, вызываемых простыми стимулами. Впоследствии под энграммой стали понимать гипотетическую «запись» в мозге, материальный носитель единичного воспоминания, совокупность изменений в нервной ткани, обеспечивающих сохранение результатов воздействия действительности на человека. Теоретически различают два типа энграмм: энграммы, кодирующие информацию о воспринятых ранее объектах в виде образов, и энграммы, посредством которых закрепляются программы действий².

Изложенное позволяет внести важное уточнение в использование криминалистических терминов. Идеальные следы — это образы, несущие информацию о событии или его деталях, интересующую лиц, ведущих производство по делу, *следы в памяти* (выделено авт. — К.Я.), а энграммы — их физиологическая основа. Именно энграммы в литературе часто именуют «следами памяти».

В последние годы появились экспериментальные данные, позволяющие пролить свет на реальные механизмы функционирования памяти с участием энграмм. Так, группа американских исследователей под руководством Роберто Галана (Roberto Fernandez Galan), изучая

¹ Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 6, 13–15.

² Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

реакции мозга пчелы на новые запахи, использовала методику, позволяющую наблюдать активность множества отдельных клеток в нервных структурах, ответственных за восприятие запаха. Таким образом нашла подтверждение теория, выдвинутая в 1949 г. канадским психологом Дональдом Хеббом (Donald Olding Hebb), объясняющая нейрофизиологическую природу памяти. На уровне экспериментов с пчелами энграмма впервые была «идентифицирована», что само по себе не только не поставило точку в отдельно взятом исследовании, но и незамедлительно привело к появлению новых гипотез, принципиально иначе трактующих совокупность известных науке фактов¹.

Попытки уяснить физиологию памяти посредством изучения электрической активности человеческого мозга предпринимаются на протяжении почти 100 лет. Господствующей в настоящее время является точка зрения², согласно которой в мозге последовательно (иногда перекрывая друг друга) разворачиваются как электрические, так и биохимические процессы. Сначала в ответ на стимуляцию в мозге складываются замкнутые конфигурации активных нейронов (своеобразные «модели» стимулов). Активность нейронов приводит к выработке специфических белков, которые становятся материалом для структурных изменений в нервных клетках. Между клетками складываются устойчивые синаптические соединения – «материальные носители памяти», энграммы. Однако ряд феноменов (к примеру, феномен спонтанного восстановления памяти после воздействия электрошока) не укладывается в рамки гипотезы о последовательных стадиях развития энграммы, что с позиций физиологии не позволяет признать данную гипотезу оптимальной.

С позиций психологии внести таким образом ясность в решение вопроса мешают некоторые выявленные на сегодняшний день закономерности функционирования памяти. С одной стороны, ученым известно, что след в памяти упрочивается благодаря процессу консолидации. Это понятие применяется как в отношении вышеописанных изменений на нейрохимическом уровне (синаптическая консолидация), так и в отношении более масштабного процесса реорганизации зон мозга, поддерживающих память (системная консолидация). С другой стороны, существует феномен «реконсолидации», проявляющийся в том, что следы в памяти становятся уязвимыми (подвергаются опасности разрыва) всякий раз, когда информация воспроизводится,

¹ Подробно см.: Жуков Б. Неуловимая энграмма // Что нового в науке и технике. 2006. № 1–2. С. 108–115 ; О физиологических теориях памяти также см.: Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию... С. 198–206.

² Общая психология: учебник... С. 281.

что привело ученых к новой гипотезе и разработке теории множественного следа¹.

Предельно точным объяснением специфики проблемы, актуальной для уголовного судопроизводства в связи со сложностью решения вопроса о достоверности показаний участников процесса является высказывание М. Андерсона: «Люди склонны считать, что, если они вспоминают что-либо случившееся двадцать лет назад, значит, они воспроизводят воспоминания двадцатилетней давности. Это справедливо только в том случае, если в течение этих двадцати лет мы ни разу не вспоминали об этом эпизоде. Но если мы вспоминали о нем, не исключено, что мы воспроизводим ту информацию, которую воспроизводили ранее. Факт воспроизведения какой-либо информации – сам по себе воспоминание со своим собственным контекстом и особенностями. Чем чаще мы вспоминаем то или иное событие, тем больше этих воспроизведенных событий накапливается в памяти. Если каждый раз информация воспроизводится полно и точно, этот процесс благоприятствует ее сохранению в памяти, если же вследствие вмешательства реконструкции воспроизведение неполное и неточное, может оказаться, что мы помним не то, что произошло на самом деле»².

Таким образом, даже при беглом ознакомлении с сутью «психофизиологической проблемы» предложение о формировании «криминалистической энграммологии» представляется абсурдным. Но и целесообразность пополнения раздела «Криминалистическая техника» за счет «криминалистической полиграфологии» вызывает серьезные сомнения.

Ю.И. Холодный придерживается мнения о том, что по результатам тестирования на полиграфе можно судить о наличии или отсутствии энграммы в памяти человека и о ее состоянии. Указывая, что воспринятая человеком посредством анализаторов (зрительного, слухового и т.д.) информация «в результате деятельности различных структур мозга трансформируется в совокупную активность множества нейронов, которые образуют нейрональный след того или иного события в виде энграммы», он полагает, что в последующем «это нейрофизиологическое отражение конкретного события, запечатленного в памяти, предстает в сознании человека как образ («идеальный след») этого события»³.

Поставив знак равенства между образом и энграммой, подменив диалектическое единство содержания и формы механистической конструк-

¹ Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память... С. 131.

² Там же. С. 272–273.

³ См. статьи, опубликованные в сборнике: Полиграф в России (1993–2008)... С. 45–47, 87–90.

цией, Ю.И. Холодный сложнейший, до сих пор недостаточно изученный процесс формирования следов в памяти низводит до сугубо физиологических процессов (кстати, тоже изученных лишь отчасти), выхолащивая сущность психического отражения, игнорируя криминалистический смысл понятия отражение, о котором в свое время писал Р.С. Белкин. С учетом отмеченного выше отсутствия в науке единого подхода к решению психофизиологической проблемы, варибельности и труднодоказуемости выдвигаемых на этот счет гипотез (включая те, с помощью которых ученые пытаются объяснить природу энграмм), специфики процесса извлечения информации из памяти, такого рода суждения ни чем иным, кроме как проявлением дилетантизма, назвать нельзя.

В свое время А.Н. Леонтьев писал о несводимости психического к физиологическому (невозможности свести психологические законы к законам деятельности мозга), о том, что уже к концу 70-х гг. прошлого столетия сложились достаточно четкое фактическое различие психических процессов, с одной стороны, и реализующих эти процессы физиологических механизмов, с другой, а также система объективных психологических методов, в том числе методов пограничных, психолого-физиологических, исследований¹. За истекшие десятилетия этот постулат не утратил своей актуальности. Связь мозга и психики является системной, а не линейной: «принципиально невозможно найти прямое соответствие любого психического явления каким-то физиологическим процессам головного мозга»². Важно и то, что среди «пограничных» методов психофизиологическим исследованиям с применением полиграфа в рамках психофизиологической диагностики всегда отводилась исключительно вспомогательная роль³ — прибор чаще всего использовался (и зачастую продолжает использоваться сегодня) как обыкновенный регистратор, вне связи с «детекцией лжи»⁴.

Ю.И. Холодным была предпринята попытка обосновать свои суждения ссылками на им же разработанную теорию целенаправленного

¹ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. С. 123.

² См., например: Холмогорова А.Б., Зарецкий В.К. Может ли быть полезна российская психология в решении проблем современной психотерапии: размышления после XX конгресса интернациональной федерации психотерапии (IFP) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 4 // URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru)

³ Обзор методов см., например: Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию... С. 36–72.

⁴ Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю. Применение подпороговой визуальной стимуляции при психофизиологической диагностике расстройств сексуальных предпочтений: пособие для врачей. М.: Изд-во ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2008.

тестирования памяти (далее – ЦТП), согласно которой «в ходе тестирования на полиграфе образы событий (явлений), хранящиеся в памяти человека, могут быть намеренно актуализированы с помощью целевой установки и, далее, обнаружены по регистрируемым физиологическим реакциям, возникающим в ответ на предъявляемые ему (человеку) специальным образом подобранные и сгруппированные стимулы»¹. Данный, сам по себе достаточно общий тезис разработчик теории ЦТП подкрепляет цитатами из трудов отечественных и зарубежных ученых по психологии и психофизиологии, опубликованных в 60–80-е гг. прошлого века, придавая при этом гипертрофированное значение существованию так называемого психофизиологического феномена, который, по его мнению, является «фундаментальным механизмом психофизиологии человека». Суть данного феномена применительно к процедуре тестирования на полиграфе Ю.И. Холодный, цитируя Ю.К. Азарова, излагает так: стимул (слово, предмет, фотография и т.п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, образ которого запечатлен в его памяти, устойчиво вызывает физиологические реакции, превышающие реакции на предъявляемые в тех же условиях сходные, но не связанные с данным событием стимулы, не несущие человеку ситуационно значимой информации.

Позиция Ю.И. Холодного была подвергнута аргументированной критике его оппонентами – специалистами в области прикладной психофизиологии и использования психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа². Один из них – А.Б. Пеленицын – участвовал в качестве инициатора, разработчика и исполнителя в ряде экспериментов, результаты которых не были столь обнадеживающими, как о том пишет Ю.И. Холодный, по мнению коллег, выдавая желаемое за действительное³.

Признавая, что определенную роль в возникновении и развитии психофизиологических реакций человека под воздействием внешних и внутренних стимулов играют все высшие психические функции (включая память, эмоции, мышление и т.д.), А.Б. Пеленицын,

¹ Здесь и далее см.: Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (14). С. 47–57.

² См., например: Инструментальная «детекция лжи»: академический... С. 404–411; Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М.: ООО «Галерея-Принт», 2011. С. 19–23.

³ Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (38). М.: Спарк, 2011. С. 11.

А.П. Сошников и О.В. Жбанкова верно указывают, что собственно процессы памяти не имеют непосредственной связи с теми механизмами функционирования вегетативной нервной системы, внешние проявления активности которых в виде физиологических изменений (реакций) регистрируются с помощью полиграфа: «Дистанция между ними огромна, и на ней есть много чего такого, включая эмоции, познавательные процессы и различные явления чисто физиологического порядка, что не позволяет информации, хранящейся в памяти человека, иметь устойчивое и однозначное отражение во внешних физиологических проявлениях, на основании которых можно было бы делать достоверные выводы как о самом факте наличия этой информации, так и о ее содержании»¹. Поэтому психофизиологический феномен является не «законом психофизиологии», а описанием явления, которое в одних условиях может относительно стабильно наблюдаться, а в других нет. Анализируя явления и процессы, непосредственно связанные с причинами возникновения психофизиологических реакций в ходе тестирования на полиграфе, А.Б. Пеленицын и его соавторы приходят к выводу о том, что приоритетное «пусковое значение» в ходе ПФИ принадлежит такой психической функции, как внимание.

Множественность теорий и моделей, с помощью которых принимаются попытки объяснить суть происходящего в ходе ПФИ, объясняется сложным характером явлений, лежащих в основе психофизиологических реакций человека. В начале XXI в. по ходатайству Министерства энергетики США под патронажем Национальной академии наук по заданию Правительства США был сформирован Комитет по исследованию научной обоснованности полиграфа (Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph). В результате фундаментального анализа практически всех аспектов ПФИ, проводившегося экспертами в течение 19 месяцев, американские ученые констатировали, что «теоретическое обоснование применения полиграфа является весьма слабым», а различные теории оправдывают свое существование в различных ситуациях².

Появление новых теорий³ (при условии их фундаментального научно-экспериментального обоснования) вполне способно при-

¹ Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Указ. соч. С. 8–9.

² Цит. по: Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (13). М.: Спарк, 2005. С. 45–48.

³ Одной из последних научных разработок является так называемая «Эмоциональная модель детекции лжи», предложенная известным практикующим специалистом-полиграфологом,

близить ученых и практиков к пониманию природы психофизиологических реакций, выявляемых в ходе тестирования на полиграфе, но о разработке универсальной теории в обозримом будущем речь не идет. Впрочем, данное обстоятельство, учитывая специфику человеческого знания, не должно служить основанием для отказа от использования полиграфа в борьбе с преступностью и кадровой работе в форме, адекватной существующей степени научной обоснованности психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа. Но может ли в такой ситуации «криминалистическая полиграфология» претендовать на статус отрасли криминалистической техники?

Несмотря на то, что криминалистика (в силу своего предназначения), если можно так выразиться, на академизм попросту не имеет права, попытки модификации ее разделов чаще всего сопровождаются бурными дискуссиями, поскольку затрагивают предметную область науки. Достаточно обратиться к темам докладов, посвященных общетеоретическим проблемам криминалистики, озвученных участниками Международной научно-практической конференции «Криминалистика XXI века», прошедшей в г. Харькове (Украина) 25–26 ноября 2010 г.¹

Не вступая в полемику относительно реалистичности глобальных новаций типа «криминалистической адвокатологии», можно ограничиться констатацией того факта, что своевременное включение в криминалистическую технику новых разделов с учетом тенденций и направлений научно-технического прогресса не только возможно, но и желательно. При этом все предлагаемые авторами нововведения должны опираться на сложившиеся реалии, поскольку, как известно, добавление прилагательного «криминалистическая (ое)» к совокупности данных, заимствованных из других наук, еще не означает, что новое направление криминалистической техники можно считать сформировавшимся.

Согласно классическому подходу к решению проблемы, нашедшему отражение в учебниках по криминалистике, основаниями для «получения прописки» в кримтехнике можно считать: решение специфических криминалистических задач, которые не ставятся при исследовании подобных объектов в других сферах человеческой деятельности; специ-

подробно описанная им в диссертационном исследовании (см.: Поповичев С. В. Взаимосвязь потребности в безопасности субъекта и вероятности распознавания лжи в опросе с применением полиграфа: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011).

¹ См., например: Каминский М. К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века // Криміналістика XXI століття: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (25–26 листоп. 2010 р.). Харьков: Право, 2010. С. 13–17; Шепитько В. Ю. Изменчивость криминалистики в XXI веке и ее задачи в современных условиях // Там же. С. 55–59; и др.

фику объектов исследования и в то же время их распространенность применительно к сфере раскрытия, расследования и профилактики преступлений; методологическую и методическую разработанность нового направления¹.

Об этом же в 2003 г. писал и Ю.И. Холодный², полагая, что есть все основания признать «криминалистическую полиграфологию» новым направлением кримтехники, потому что она: «а) нацелена на решение специфических криминалистических задач, связанных с исследованием идеальных следов преступлений; б) характеризуется распространенностью (неуклонно нарастающий объем прикладного применения ОИП в правоохранительной практике) и спецификой объектов исследования (аппаратурный подход к исследованию памяти человека в криминалистических целях); в) обладает методологической и методической разработанностью (обеспечена собственной частной криминалистической теорией)».

В этой связи надо сказать, что, во-первых, назначение полиграфологии не может быть сведено к решению «специфических криминалистических задач». По справедливому замечанию Е.П. Ищенко, «сложившееся мнение, что полиграф должен решать в основном вопросы, связанные с раскрытием преступлений, безнадежно устарело»³. Практика всех стран мира, где используется полиграф, свидетельствует о востребованности ПФИ не только в борьбе с преступностью, но и в работе с кадрами. Задачи, выносимые на разрешение полиграфологов в рамках профессионального кадрового отбора, не являются собственно криминалистическими (даже при условии чрезвычайно широкого толкования понятия «криминалистическая профилактика»).

Проблемные аспекты материализации идеальных следов при производстве следственных действий, объективно низкий уровень проработки вопросов, связанных с получением криминалистически значимой информации в ходе общения между участниками уголовного судопроизводства (в том числе в процессе невербальной коммуникации), конечно, позволяют говорить о том, что проведение ПФИ при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и расследовании

¹ Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. С. 73–74.

² См. статью Ю.И. Холодного «Криминалистическая полиграфология как новое направление раздела «Криминалистическая техника»», опубликованную в сборнике «Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы» (Академия управления МВД России, 2003 г.). Цит. по кн.: Полиграф в России (1993–2008)... С. 58–59.

³ Ищенко Е.П. Полиграф Полиграфович. М.: Проспект, 2013. С. 155.

преступлений является одним из немногих имеющихся сегодня в арсенале криминалистики средств работы с идеальными следами. Но это не означает, что использование психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа ограничено рамками решения исключительно криминалистических задач.

Об объектах ПФИ речь пойдет в следующем параграфе; с Ю.И. Холодным здесь можно согласиться лишь в общем плане — в том, что сами по себе идеальные следы как объект изучения в криминалистике обладают должной спецификой и распространенностью применительно к сфере раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Однако с учетом высказываний Ю.И. Холодного о возможности по результатам тестирования на полиграфе судить о наличии или отсутствии энграмм в памяти человека, вряд ли его аргументацию по данному пункту можно считать убедительной. Кроме того, анализ «специфики» объектов исследования он подменяет ссылкой на использование «аппаратурного подхода к исследованию памяти человека», а «распространенность» объектов увязывает с ростом числа проводимых в России ОИП. Между тем «распространенность» не является синонимом «востребованности», которая на практике (как это имеет место в отношении исследований с применением полиграфа) может быть обусловлена множеством различных причин.

Относительно методологической и методической разработанности основ «криминалистической полиграфологии» — и вовсе не ясно, что имел в виду Ю.И. Холодный, когда в 2003 г. писал о ее обеспеченности «собственной частной криминалистической теорией»: в публикациях, предшествующих цитируемой, а также последовавших за ней, автору монографии на таковую не удалось обнаружить даже намека¹.

К примеру, в одной из статей², имеющих выраженную теоретическую направленность, Ю.И. Холодный, констатируя, что «накопив-

¹ Холодный Ю.И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации. Серия «Библиотека полиграфа». Вып. 1. М.: Мир безопасности, 1998; Его же. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М.: Мир безопасности, 2000; Его же. Опрос с использованием полиграфа и психическое отражение... С. 205–209; Его же. Опрос с использованием полиграфа и судебно-психофизиологическая экспертиза // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 422–425.

² Холодный Ю.И. Криминалистическая полиграфология и ее применение в правоохранительной практике // Информационный бюллетень по материалам Криминалистических чтений «Запросы практики — движущая сила развития криминалистики и судебной экспертизы». № 21. М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2003. С. 14–19.

шийся в мировой практике объем сведений о психофизиологическом методе «детекции лжи» составляет самостоятельную совокупность научно-прикладных знаний, объединенных наименованием «криминалистическая полиграфология», пишет о том, что ее потенциал не исчерпывается ОИП, полагая, что в рамках «криминалистической полиграфологии» речь должна идти еще о нескольких частных методах, «входящих в единый психофизиологический метод “детекции лжи”», как то: «а) акустический метод, реализуемый с помощью так называемых анализаторов стресса по голосу и ориентированный на диагностику идеальных следов события путем оценки амплитудно-частотных характеристик голоса человека; б) психолингвистический метод, реализуемый в тех же целях путем контроля и оценки темпоральных (временных), лексических и синтаксических характеристик речи человека; в) энцефалографический метод, реализуемый в тех же целях путем контроля и оценки вызванных потенциалов корково-подкорковых структур головного мозга человека; и некоторые другие». Далее по тексту автор статьи излагает, по его мнению, «ряд новых для криминалистической науки теоретических положений», в той или иной мере касающихся работы с идеальными следами.

Как известно, совокупность отдельных теоретических положений, даже если бы они были не сомнительными, а весьма значительными и относились всецело к предметной области криминалистики, еще не есть частная криминалистическая теория¹. По стечению обстоятельств именно в этот период Р.С. Белкин, обеспокоенной ситуацией, сложившейся в науке на рубеже тысячелетий, писал о том, что ознакомление с некоторыми современными источниками «внушает тревогу, в связи с той легкостью, с какой ранг частной криминалистической теории иной раз присваивается либо недостаточно аргументированно, либо вообще малоизвестным теоретическим конструкциям»².

Примечателен тот факт, что уже в 2008 г. Ю.И. Холодный решил отойти от вышеуказанной терминологии «как неадекватной и излишне расширительной», предложив для «тематики, охватывающей теоретические и прикладные аспекты ОИП», наименование «криминалистические диагностические исследования с применением полиграфа» (КДИПП)³. Годом позже в очередной статье, укоряя специалистов-

¹ По вопросу о сущности частной криминалистической теории подробно см.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. Гл. 8. М.: Юристь, 1997.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 224.

³ Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1 (25). М.:

полиграфологов в том, что многие не видят различий «в применении полиграфа в условиях ОРД и в форме СПФЭ», он настаивал, что «технологии тестирования на полиграфе» при этом существенно отличаются¹. А еще спустя год, констатируя, что «криминалистические исследования с применением полиграфа (далее – КИПП) уверенно вошли в систему методов и средств, используемых при раскрытии и расследовании преступлений, а также при отборе и контроле деятельности кадров», отмахнувшись от ранее им же написанного, Ю.И. Холодный пришел к выводу, что КИПП попросту «приобрели различные наименования в зависимости от сферы их использования» (в ОРД – ОИП, при работе с персоналом – СПФИ, в судопроизводстве – СПФЭ и т.п.)².

С учетом изложенного «криминалистическая полиграфология» (КДИПП, КИПП и т.п.) вряд ли может претендовать на нечто большее, чем статус «фантома криминалистики». Решение таким образом научно-прикладных проблем использования психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа чревато его дискредитацией. Автор монографии позицию тех, кому идея «криминалистической полиграфологии» представляется заманчивой, не разделяет³. Слишком велика опасность, что «прописка» в криминалистике может создать иллюзию глубины проработанности проблемы, в то время как на самом деле далеко не все ученые и практики осознают необходи-

Спарк, 2008. С. 27–28. Очевидно, что сама по себе смена терминов проблему «привязки» ПФИ к криминалистике не снимает, косвенным образом подтверждая наши сомнения по поводу обоснованности суждений Ю.И. Холодного.

¹ Холодный Ю.И. Криминалистические исследования с применением полиграфа и судебно-психофизиологическая экспертиза // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. трудов юбилейной 10-й Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 140.

² Холодный Ю.И. Криминалистические исследования с применением полиграфа в форме экспертизы: от теории к практике // Сб. материалов учеб.-метод. сборов специалистов-полиграфологов правоохранительных органов (6–10 декабря 2010 г.). М.: Изд-во БСТМ МВД России, 2010. С. 165.

³ Примечательно, что даже ярый сторонник этой идеи Ю.И. Холодный в последнее время отказался от ее абсолютизации. В 2008 г. для одного из учебников по криминалистике по материалам ранее изданных публикаций им была подготовлена глава под названием «Криминалистические диагностические исследования с применением полиграфа» (см.: Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2008). В учебник, опубликованный в 2014 г., вошла иная по направленности и содержанию глава «Использование полиграфа для получения криминалистически значимой информации», написанная Ю.И. Холодным в соавторстве с А.И. Подшибякиным (см.: Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. Т. 1. М.: Экзамен, 2014). Такой подход возражений не вызывает.

мость целенаправленного использования методов прикладной психофизиологии в борьбе с преступностью.

С позиций юриспруденции есть иной способ решения «проблемы полиграфа». Криминалистика как прикладная наука нуждается не столько в завершенных теориях, сколько в апробированных практикой эффективных методах и средствах, пригодных к использованию при расследовании и профилактике преступлений. Учитывая специфический характер вопросов, интересующих следствие и суд при производстве по уголовному делу, результаты научно-прикладных исследований во все времена достаточно активно использовались (и продолжают использоваться) в судебно-экспертной деятельности.

С этой точки зрения эмпирическим путем доказанная эффективность ПФИ (при условии соблюдения всех «технологических» параметров его проведения), а также знание и понимание природы отдельных, наиболее важных процессов, обуславливающих возникновение психофизиологических реакций, регистрируемых с помощью полиграфа, представляются нам достаточным основанием для того, чтобы вопрос о возможности производства СПФЭ перевести из разряда дискуссионных в практическую плоскость. Главное здесь — не переоценить значимость полученных таким образом доказательств.

§ 2. Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа

Возможность использования полиграфа в рамках психологической экспертизы в постсоветском уголовном процессе впервые достаточно полно была обоснована в начале 90-х гг. прошлого столетия эстонским ученым П. Пруксом¹. Впоследствии аналогичную позицию занял видный российский криминалист Р.С. Белкин, допускавший, что полиграф может быть задействован в двух случаях: при проведении экспертизы и при участии специалиста-психолога в подготовке к производству следственного действия². Данное мнение нашло отражение в первом диссертационном исследовании по юриспруденции, посвященном использованию полиграфа в раскрытии преступлений³.

¹ Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». Инструментальная диагностика эмоциональной напряженности и возможности ее применения в уголовном процессе. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1992. С. 165–176.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. С. 54.

³ Белошина О.В. Правовое регулирование и методика применения полиграфа в раскрытии преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 75, 82.

Именно по такому пути пошли в Болгарии, где с 1995 г. в Институте психологии МВД Республики Болгария функционирует «отделение для проведения оперативно-психологических экспертиз» в отношении лиц, заподозренных в совершении тяжких преступлений, сотрудников, уличенных в нелояльном поведении и коррупции, и составления психологического портрета преступников. Начиная с 1997 г., специалисты отделения, имеющие соответствующую подготовку, при производстве психологических экспертиз используют полиграф¹.

В России обозначенный подход к решению «проблемы полиграфа» практического развития пока не получил.

В мае 2003 г., согласно уже упоминавшемуся приказу № 114 Министерства юстиции РФ, в Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, была включена психологическая экспертиза. При этом род экспертизы был определен как «психологическая», а экспертная специальность названа «Исследование психологии и психофизиологии человека», что предопределило возможность использования полиграфа в судебно-экспертных учреждениях Минюста России в рамках судебно-психологических исследований. Эксперты-психологи из г. Санкт-Петербурга, Саранска, Тамбова прошли подготовку в качестве полиграфологов. В указанных регионах начала накапливаться практика применения полиграфа в судопроизводстве.

В последние три года в Южном региональном центре судебной экспертизы Министерства юстиции РФ стали проводить комплексные психолого-психофизиологические экспертизы с привлечением полиграфологов, не являющихся сотрудниками Центра. В 2011 г. в целях разработки научно-методологической основы нового направления экспертных исследований в указанном Центре была начата НИР по теме «Научные и методологические основы комплексной психолого-психофизиологической экспертизы свидетелей и других процессуальных лиц»².

¹ По данному вопросу см.: Ганчевский Б. Основные теоретические подходы при осуществлении полиграфных исследований институтом психологии – МВД Республики Болгария // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 3-й науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 1999. С. 71–76; Занев С. Опыт применения полиграфа в Болгарии: прошлое и будущее // Юридическая антропология (современные пути развития знаний о человеке): сб. науч. статей / под ред. докт. социол. наук, проф. А.Г. Кузнецова, докт. филос. наук, проф. В.Н. Ярской-Смирновой. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2007. С. 144–151.

² По мнению заместителя начальника ФБУ «Южный региональный центр судебной экс-

Однако вопрос о целесообразности использования полиграфа экспертами-психологами как системы СЭУ Минюста России, так и других государственных судебно-экспертных учреждений по-прежнему остается открытым. В пользу применения полиграфа в ходе психологической экспертизы в 2003–2004 гг. высказались 7,5%, а в 2009–2010 гг. – 5,3% из числа опрошенных сотрудников правоохранительных органов. Их поддержали 15,8% и 14,2% экспертов, в тот же период участвовавших в анкетировании. Аналогичную позицию заняли всего четверо (1,6%) из 243 опрошенных в 2003–2004 гг. полиграфологов, в 2012 г. – пятеро (3%) из 167.

Полагая, что проверка на полиграфе сама по себе «требует применения специальных знаний и проведения соответствующих исследований», некоторые известные российские криминалисты в конце 90-х гг. XX в. пришли к выводу, что со временем СПФЭ сможет занять «свое место в ряду других судебных экспертиз»¹.

Надо признать, что авторами новеллы не только верно была схвачена суть ПФИ, специфика которого, как было показано², никоим образом не позволяет низвести тестирование на полиграфе до «опроса с использованием технических средств». Не менее значимым является указание (пусть косвенное) на возможность закрепления за экспертизой с применением полиграфа «своего», то есть самостоятельного места в классификации судебных экспертиз.

Как известно, судебные экспертизы принято делить на классы, роды, виды и подвиды. Относительно оснований классификации учеными были высказаны различные мнения. Не вступая в дискуссию³, необходимо отметить, что ее характер наглядно отражает вскрытую проблему

пертизы Министерства юстиции Российской Федерации» С.С. Шипшина, «совместное с полиграфологами исследование, проводимое в отношении подсудимых по «неочевидным» делам, позволяет получать взаимодополняемые результаты с помощью психологических и психофизиологических методов, усиливая их доказательственное значение» (см.: Шипшин С.С. Судебные психологическая и психофизиологические экспертизы: по-прежнему врозь? // Сб. материалов Междунар. науч.-практич. конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 г.). Сочи, 2011. С. 272).

¹ Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности / кол. авт.; под науч. ред. Н.А. Селиванова, А.И. Дворкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лига Разум, 1999. С. 38.

² По данному вопросу подробно см.: Комиссарова Я.В. Детектор лжи: теория и практика применения в борьбе с преступностью. Саарбрюкен (Германия): Palmagium Academic Publishing, 2012. С. 5–43; Комиссарова Я.В., Мягких Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 3–37.

³ По данному вопросу см.: Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 299–319.

дифференциации судебной экспертизы как самостоятельного действия-процесса в структуре доказывания и работы эксперта, связанной с проведением исследования, которую он может выполнять не только в рамках судопроизводства. Очевидно, что идея разграничения судебных экспертиз по трехмерному основанию (объект, предмет, методика исследования)¹ и другие схожие предложения в большей степени отвечают интересам формирования классификационных построений применительно к экспертной деятельности в целом, а деление по характеру исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами² оптимально при классификации непосредственно судебных экспертиз.

В любом случае для того чтобы определить, можно ли ПФИ рассматривать в качестве самостоятельного способа использования специальных знаний в форме судебной экспертизы, необходимо уяснить специфику объекта и предмета данного вида исследования, а также очертить круг задач, которые могут быть решены посредством его проведения.

Ранее была наглядно показана соподчиненность процессов, определяемых понятиями «уголовно-процессуальная деятельность» → «доказывание» → «судебная экспертиза», когда результат деятельности носителя специальных знаний, не будучи самоценным, является важным вкладом в достижение целей доказывания. Поэтому начать следует с определения причин, обуславливающих сегодня востребованность ПФИ в судопроизводстве, то есть с выявления материальных предпосылок правоотношений, возникающих в связи с тем, что правоприменители нуждаются в получении информации по вопросам, разрешение которых возможно за счет использования в доказывании результатов ПФИ.

В перечне доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, преобладают показания участников процесса. Получение от них в ходе общения (в первую очередь во время допроса) сведений, имеющих значение для дела, по целому ряду причин (большинство из которых отнюдь не юридического свойства) сопряжено со значительными трудностями, поскольку, как было отмечено ранее, общение — это сложный многоплановый и многоуровневый процесс.

Принято различать коммуникативную (обмен информацией), интерактивную (взаимодействие) и перцептивную (восприятие и понимание) стороны общения³. Коммуникация, как социальный процесс,

¹ Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение... С. 7–15.

² Теория судебной экспертизы: учебник... С. 177.

³ Иногда термины «общение» и «коммуникация» употребляют в качестве синонимов, хотя термин «коммуникация» не отражает полифункциональность общения, привлекая

представляет собой единство технической, семантической и прагматической составляющих: технический аспект коммуникации связывают с передачей информации по соответствующим каналам; семантический отражает передачу и прием информации, включая ее понимание получателем; прагматический учитывает влияние принятой информации на поведение получателей и эффективность использования ими этой информации¹. Интересно, что некоторые ученые (и такой подход представляется достаточно обоснованным) видят в заключении эксперта самостоятельный акт коммуникации².

С «технической» точки зрения в общении могут быть задействованы различные средства (знаковые системы): речь, оптико-кинетическая система знаков (жесты, мимика, пантомимика), пара- и экстралингвистические системы (интонация, неречевые вкрапления в речь и т.д.), пространственно-временные системы организации общения, «контакт глазами». В зависимости от того, какие средства общения оказываются задействованными, различают два вида общения: вербальное, осуществляемое при помощи языковых средств, и невербальное, осуществляемое за счет использования несловесных знаковых систем³.

Проблема соотношения вербальных и невербальных средств в процессе общения не так проста, как может показаться на первый взгляд. Притом, что наиболее распространенным универсальным средством коммуникации является речь, недооценивать значимость невербальной составляющей общения нельзя. Человек для связи с окружающим миром пользуется широким набором средств. К примеру, его имидж, являющийся отражением психологических особенностей личности, формируется за счет использования определенной одежды, украшений, косметики и т.д. Не менее высокой информативностью обладают психофизиологические реакции каждого из партнеров по общению. В литературе было высказано мнение о том, что человек в ситуации общения реализует некую невербальную программу, налагая на нее вербальную форму, при этом невербальное поведение рассматривается

внимание лишь к одной из его сторон – обмену информацией как специфической форме взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. См.: Новая иллюстрированная энциклопедия. Кл.-Ку. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

¹ Математика и кибернетика в экономике: словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1975. С. 197.

² Кискина Е.Е. Заключение эксперта как акт коммуникации // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. 2009. № 3 (19). С. 100–106.

³ Подробнее см.: Комиссарова Я.В., Семёнов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений... С. 13–16.

в качестве средства более эффективного и экономного в достижении целей коммуникации, чем речь¹.

Изложенное свидетельствует: собирание таких доказательств, как показания участников процесса, по сути, является не столько юридической, сколько психологической проблемой². Ситуация усугубляется тем, что на этапе проверки показаний, увеличивая число допрашиваемых, лицо, несущее бремя доказывания, вновь сталкивается с проблемой получения доказательственной информации в процессе общения. Попытка разорвать замкнутый круг приводит к выводу, который сам по себе не вызывает возражений ученых и практиков: проверка достоверности сведений, сообщаемых участниками процесса, должна быть комплексной, а использование при этом современных достижений различных наук о человеке и человеческой деятельности способно повысить результативность доказывания.

За последнее десятилетие преступность претерпела ряд изменений. Качественный скачок в развитии цивилизации обусловил появление новых видов преступлений. Проявилась опасная тенденция снижения процессуальной значимости информации, получаемой в ходе предварительного расследования от обвиняемых, свидетелей и потерпевших, ввиду изменения ими своих показаний в суде. Сегодня сотрудники правоохранительных органов все чаще сталкиваются с необходимостью использования разнообразных средств и методов получения криминалистически значимой информации не только по вербальным, но и по невербальным каналам общения.

На вопрос анкеты о том, может ли быть использована информация, выраженная в невербальной форме, в ходе расследования уголовного дела, только 0,6% следователей из числа опрошенных в 2003–2004 гг. и 9,6% из числа опрошенных в 2009–2010 гг. ответили отрицательно. Соответственно 34,6% и 28,1% сочли допустимым использование указанной информации в качестве ориентирующей, а 60% – не только как ориентирующей, но и как доказательственной после проверки и закрепления в предусмотренном законом порядке³.

¹ Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 58–72.

² Подробно по данному вопросу см.: Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю. Основы юридической психологии: учебник. Харьков: Одиссей, 2005. С. 11–114, 189–201.

³ Судя по докладам участников Международной научно-практической конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел «Научно-теоретические подходы и их прикладное применение в практике инструментальной детекции лжи» (г. Сочи, 2001 г.), а также форумов полиграфологов России «Актуальные аспекты и перспективы применения

Субъект-субъектные взаимодействия пронизывают всю уголовно-процессуальную деятельность. Поэтому ученые и практики вынуждены совершенствовать способы формирования доказательственной базы по уголовным делам, ориентируясь на достижения психологии, психофизиологии и других наук, наработки которых юристы могли бы использовать в общении с участниками процесса, не выходя за рамки дозволенного законом. С этой точки зрения весомый вклад в разработку рекомендаций по оптимизации невербальной коммуникации между участниками процесса (в части систематизации невербальных средств общения и передаваемой с их помощью криминалистически значимой информации) внес В.В. Семёнов. В частности, им была проведена (на основе наработок В.А. Лабунской) классификация невербальных средств общения в зависимости от способа восприятия передаваемой с их помощью информации. Кроме того, было предложено по степени опосредованности восприятия информации в ходе невербальной коммуникации выделять информацию, получаемую субъектами уголовного судопроизводства с помощью органов чувств (и, соответственно, органолептические методы получения информации), а также информацию, получаемую с использованием специальных технических средств (и, соответственно, инструментальные методы ее получения)¹.

Очевидно, что получать криминалистически значимую информацию в процессе общения сотрудники правоохранительных органов могут самостоятельно, вне зависимости от личного волеизъявления обладателей информации, благодаря относительной простоте использования органолептических методов (несмотря на то, что эффективность их применения в определенной мере ограничивается чувствительностью сенсорных систем человека). Инструментальные методы, расширяя границы человеческого восприятия, дают возможность снизить уровень субъективизма при получении и анализе информации, выраженной в невербальной форме. Однако возможность их использования на практике, как правило, обуславливается наличием у лица соответствующих специальных знаний, а также необходимостью соблюдения ряда правовых предписаний и научно-методических рекомендаций. Одним из инструментальных методов получения информа-

полиграфа в России. Современные методы диагностики лжи» (г. Москва, 2011 и 2012 гг.), аналогичную позицию занимают сотрудники правоохранительных органов Украины.

¹ Семенов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 29–69.

ции в ситуации межличностного общения является психофизиологический метод «детекции лжи» с применением полиграфа¹.

Таким образом, целью ПФИ (независимо от формы, в которой оно проводится) с позиции инициатора его производства является проверка достоверности информации, сообщаемой обследуемым лицом (в уголовном судопроизводстве – проверка достоверности показаний участника процесса)².

Здесь следует еще раз подчеркнуть – использование психофизиологического метода «детекции лжи» в целях получения информации, имеющей значение для уголовного дела, не дает оснований для придания исследованию с применением полиграфа статуса «криминалистического» (что было отмечено в предыдущем параграфе). Применительно к решению вопроса о статусе СПФЭ в этом тоже нет нужды. По справедливому замечанию Т.В. Аверьяновой, революционные процессы, связанные с формированием общей теории судебной экспертизы, привели к изменению представлений о классификации судебных экспертиз: «Синтетическая природа общей теории судебной экспертизы позволяет снять ярлыки, которые мы наклеивали на различные виды и роды экспертиз, и рассматривать любой вид и род экспертизы просто как судебную экспертизу»³.

С учетом изложенного, наиболее важным представляется вопрос о том, знаниями в какой области должен обладать субъект, вовлекаемый в судопроизводство в статусе эксперта для проведения исследования с применением полиграфа, чтобы отраженные в его заключении сведения могли позволить правоприменителю проверить показания участника процесса как доказательство – подтвердить или опровергнуть их достоверность. Как писал Р.С. Белкин, среди признаков, обеспечивающих дифференциацию экспертиз, характер специальных знаний играет доминирующую роль при решении задач экспертизы конкретного вида⁴.

¹ Данный вопрос был подробно рассмотрен в работе: Комиссарова Я.В., Семёнов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений... С. 48–69.

² Именно так в п. 1.3 Инструкции об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (первом нормативно-правовом акте, детализировавшем ведомственный порядок использования полиграфа непосредственно при осуществлении уголовного судопроизводства) была определена цель проведения ПФИ (см.: Инструкция об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (Извлечение) // Эксперт-криминалист. 2011. № 1. С. 33).

³ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза... С. 318.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. С. 324.

История метода «детекции лжи» с применением полиграфа не оставляет сомнений относительно значимости его психолого-психофизиологической составляющей. Сторонники идеи использования полиграфа в судебно-экспертной деятельности изначально совершенно верно указывали на то, что в ходе проверки на полиграфе «прикладная задача — выявление у человека возможно утаиваемой им информации — решается двумя способами: психологическим и психофизиологическим»¹.

Сегодня с большей или меньшей степенью детализации в научной, учебной, методической литературе ПФИ (независимо от того, проводится оно в рамках оперативно-розыскной деятельности или в формате судебной экспертизы) рассматривается в качестве многоэтапной процедуры, когда основным материалом для анализа полиграфолог получает в ходе тестирования на полиграфе, предусматривающего, как уже было отмечено, предъявление обследуемому лицу стимулов (вопросов, предметов, изображений), объединенных в тесты в особом, методически обусловленном порядке. На этом этапе с помощью полиграфа осуществляется регистрация динамики психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической активности кожи и других в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков, в совокупности образующих полиграмму.

Описывая таким образом суть тестирования на полиграфе, следует помнить, что в ходе ПФИ психофизиологическое состояние обследуемого, коль скоро речь идет о сложной системе под названием «Человек», непрерывно меняется под действием множества объективных и субъективных факторов, независимо от того — ложные или правдивые сведения он сообщает по делу. Регистрируя с помощью полиграфа внешние признаки изменения психофизиологического состояния организма, полиграфолог априори не может быть уверен в том, что всякий раз, предъявляя стимул, имеет дело с реакцией на него. Поэтому А.Р. Лурия писал не о причинно-следственной связи, а о корреляционной зависимости скрытых и одновременно протекающих доступных для непосредственного наблюдения процессах в организме человека.

Как известно, термин «корреляция» употребляется в математической статистике в целях указания на вероятностную или статистическую зависимость, когда зависимость одного из признаков от другого

¹ Комплексная методика специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. Вып. 1. М., 1995.

осложняется наличием ряда случайных факторов. Выявлению корреляционных связей много внимания уделяется в психологии¹. Корреляция между двумя случайными величинами всегда свидетельствует о существовании статистической связи в определенной выборке, но она не обязательно будет наблюдаться при другой выборке.

Используя корреляционный подход, некоторые исследователи (и полиграфологи среди них не исключение) зачастую делают поспешные, интуитивные, объективно ничем не подкрепленные выводы о наличии прямой причинно-следственной связи между парами признаков там, где коэффициенты корреляции указывают лишь на статистическую взаимосвязь. Именно такую ошибку допустили в своих рассуждениях старший следователь-криминалист и специалист-полиграфолог СК РФ, утверждая, что между «раздражителями (стимулами, вопросами о фактах – частных признаках события преступления) и реакцией организма человека на данные раздражители существует прямая причинно-следственная связь в виде отражения и фиксации параллельно протекающих и взаимосвязанных психофизиологических процессов жизнедеятельности человека»².

Однако в ходе ПФИ нельзя исключать, что при предъявлении конкретного стимула один или несколько из числа вторичных факторов вдруг не подействуют и не повлияют тем самым на величину реакции. При отсутствии действительно значимых стимулов воздействие вторичных факторов, как правило, оказывается случайным и вызываемые ими физиологические реакции не имеют систематического характера, который они приобретают под влиянием значимых для человека стимулов³.

¹ Ряд ученых при решении психофизиологической проблемы используют именно корреляционный подход (см.: Общая психология: учебник... С. 273).

² Комлев Л.А., Кунин Д.В. Работа со следами в памяти человека в рамках психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Предварительное следствие. Вып. 1 (11). М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2001. С. 151. Изложенное звучит весьма странно, поскольку в статье приводится мнение А.Р. Лурии на этот счет, которое авторы разделяют.

³ Поскольку всякий раз необходимо доказывать, что регистрируемые полиграфом изменения физиологических показателей действительно имеют статус реакции на интересующий полиграфолога стимул, А.П. Сошниковым и А.Б. Пеленицыным была разработана Универсальная комбинаторно-вероятностная модель психофизиологического эксперимента, а затем и компьютерный алгоритм ChanceCalc©, реализованный в полиграфах модели «Диана», позволяющий автоматически определять значимость стимулов с учетом положений теории вероятностей (см.: Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Универсальная комбинаторно-вероятностная модель оценки значимости психофизиологических стимулов и ее использование в полиграфе «Диана-01» // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью

В свою очередь, отсутствие корреляции не означает, что между двумя величинами нет никакой связи, и тем более с позиций психологии не может свидетельствовать о том, что событие, характеризующееся набором исследуемых признаков, не имело места в действительности. Общеизвестно: человек запоминает не все, что воспринимает; запоминается только то из воспринятого, что имеет эмоциональную окраску или существенное значение.

Мнение о том, что отсутствие реакций в ходе ПФИ — это «неоспоримый результат», «доказательство невиновности» заподозренного, часто высказывают те из теоретиков и практикующих специалистов-полиграфологов, кто увлекся «теорией целенаправленного тестирования памяти». Про то, что полиграфолог может констатировать «наличие или отсутствие в памяти тех или иных обстоятельств события», Ю.И. Холодный писал неоднократно¹ (что само по себе нонсенс, «обстоятельства события» не являются «единицами хранения» человеческой психики). Его последователь полиграфолог Н.И.В. в одном из составленных по результатам производства СПФЭ заключений эксперта, оценивая в исследовательской части заключения ответы подэкспертного на вопросы тестов как «истинные» или «ложные», пришел к выводам относительно того, что тот делал или не делал в отношении малолетней — предполагаемой жертвы насилия со стороны подэкспертного².

К вопросу о корректности такого рода «заключений эксперта» автор еще вернется, пока же следует подчеркнуть: отсутствие выраженных устойчивых психофизиологических реакций на стимулы (проверочные вопросы), связанные с событием, послужившим поводом для производства СПФЭ, не может служить основанием для вывода об отсутствии в памяти подэкспертного образов, сформировавшихся в связи с указанным событием. Повторим, хотя в экспериментальной психологии различают «доступность» и «присутствие» следов в памяти, в ходе тестирования с применением полиграфа невозможно установить, был ли «след окончательно потерян» либо не был найден признак события

и подборе кадров: материалы VII Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2006. С. 133–139).

¹ См., например: Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8. С. 62.

² Заключение Н.И.В. поступило на рецензирование автору монографии в 2011 г. в результате обращения защитника подсудимого Б.А.Г. в 111 ГПЦСМиКЭ Минобороны России за заключением специалиста в порядке ст. 80 УПК РФ.

(соответственно не был сформирован надлежащий стимул), который позволил бы «извлечь» информацию из памяти подэкспертного¹.

Специфика проведения ПФИ в целях проверки достоверности сообщаемых человеком сведений заключается в том, что для получения соответствующих выводов непосредственно показания прибора не используются. Они по своей природе отражают лишь состояние и динамику физиологических процессов человека и не содержат никакой другой информации, которая могла бы прямо указывать на достоверность/недостоверность утверждений субъекта. В отличие от простых раздражителей, используемых в классических физиологических исследованиях, в качестве стимула во время тестирования на полиграфе выступает не вопрос сам по себе, а сложный комплекс «вопрос – ответ на него – общий контекст ситуации ПФИ», охватывающий широкий круг обстоятельств, так или иначе относящихся к процедуре, оказывающих влияние на обследуемого². Поэтому применение полиграфа в целях «детекции лжи» в обязательном порядке требует создания и соблюдения целого ряда особых, довольно сложных методических условий, благодаря которым появляется возможность определенной логической интерпретации зарегистрированных данных.

Изложенное означает, что в процессе ПФИ имеется типичная ситуация диагностики не по прямым, а по косвенным признакам, диагностики, построенной на методах психологии и психофизиологии, которую не следует смешивать с диагностикой криминалистической, но и к психологической диагностике сводить нельзя.

Диагностика как особый вид познавательной деятельности, процесс распознавания изменений, а также их причин и условий на основе изучения состава, структуры, свойств и состояния объектов широко распространена в различных областях науки и практики. Содержательная сторона диагностического исследования зависит от сферы его проведения. В связи с этим понятие «диагностика», используемое в той или иной области знания и человеческой деятельности, может нести различную смысловую нагрузку.

В методическом пособии, подготовленном коллективом авторов, видный специалист в области криминалистической диагностики Ю.Г. Корухов писал, что «процесс расследования, в рамках которого осуществляется криминалистическая диагностика, направлен на

¹ Баддл А., Айзенк М., Андерсон М. Память... С. 270.

² Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М.: Эксмо, 2009. С. 139.

выявление изменений, имевших место в результате совершения преступления, и на установление того, находятся ли эти изменения в причинной связи с преступлением»¹. При этом В.Ф. Орлова подчеркивала, что диагностическому исследованию подлежат материальные объекты, «отображения в вещной обстановке события в отличие от следов в сознании, памяти и т.п., которые исследуются другими субъектами доказывания и представителями других классов судебной экспертизы (судебно-психологической, судебно-психиатрической)»².

Конструирование и использование методов оценки, измерения, классификации психологических и психофизиологических особенностей людей осуществляются в рамках психологической диагностики, являющейся основой деятельности практикующих специалистов. Психодиагностика-практика измеряют, анализируют, оценивают индивидуальные особенности человека, а также выявляют различия между группами индивидов. Психологическая диагностика предполагает сравнение, благодаря которому устанавливаются критерии для оценки диагностических показателей и ставится «диагноз» — специалист дает заключение о наличии/отсутствии психологического признака (по сравнению с другими индивидами) либо о степени выраженности признака (его ранге, месте среди прочих)³.

Факт, что психодиагностические методики предназначены для классификации и ранжирования разных людей по психологическим и психофизиологическим признакам, для нас имеет принципиальное значение с той точки зрения, что производство ПФИ не предполагает сравнения психофизиологических реакций нескольких лиц с учетом особенностей их реагирования на предъявляемые стимулы, даже если им будут предложены одинаковые тесты. Полиграфолог анализирует диагностические показатели исключительно применительно к ситуации тестирования конкретного субъекта в конкретный период времени.

Рамки психологической диагностики (в ее классическом виде) не позволяют в полном объеме раскрыть сущность и специфику ПФИ. Упор на физиологию не отражает многообразие вариантов решения психофизиологической проблемы. «Прописка» в криминалистике порождает иллюзию обоснованности психофизиологического метода

¹ Криминалистическая экспертная диагностика: метод. пособие / Ю.Г. Корухов, Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова; науч. ред. Ю.Г. Корухов. М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы (РФЦСЭ), 2000. С. 23.

² Там же. С. 39.

³ По данному вопросу подробно см.: Психологическая диагностика: учебник для вузов / под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. СПб.: Питер, 2003. С. 9–18.

«детекции лжи» с применением полиграфа в категориях данной науки, что зачастую ведет к выходу за пределы компетенции полиграфолога¹.

С учетом изложенного возможно солидаризироваться с С.И. Оглоблиным и А.Ю. Молчановым в том, что «полная (включающая в себя все этапы проверки) технология инструментальной «детекции лжи» является комплексным методом, находящимся на стыке экспериментальной психологии, общей физиологии и криминалистики» (курсив *Авт.*)². Именно поэтому попытки увязать проведение ПФИ исключительно с психологической или криминалистической диагностикой не позволили ученым и практикам, их предпринимавшим, предложить оптимальный вариант решения научно-прикладных и нормативно-правовых проблем использования полиграфа в правоохранительной деятельности и кадровой работе.

Что касается наименования области научно-прикладных изысканий, связанных с теоретическим обоснованием эффективности, а также непосредственным применением полиграфа на практике, то здесь употребление термина «полиграфология» без указания на ее «криминалистический» характер вполне уместно. Поскольку речь идет о междисциплинарном исследовании, представляется целесообразным ввести в оборот новый термин во избежание разночтений при обсуждении тех или иных аспектов «проблемы полиграфа», благо слово «полиграфология» сегодня знакомо не только широкому кругу исследователей, но и общественности, и, что немаловажно, ранее оно не имело толкования в русском языке.

На данном этапе со всей очевидностью встает вопрос о разграничении цели назначения СПФЭ, преследуемой инициатором ее производства, и задачи, которая может быть поставлена перед экспертом-полиграфологом, коль скоро, если вспомнить слова А.Н. Леонтьева, деятельность

¹ Яркий пример тому – заключение эксперта, составленное одним из коллег Ю.И. Холодного по Институту криминалистики Центра специальной техники ФСБ РФ (далее – ИК ФСБ РФ), поступившее на рецензирование к автору монографии. При производстве СПФЭ, назначенной следователем по особо важным делам Егорьевской городской прокуратуры, полиграфолог Н.А.Ю. принял к своему разрешению вопросы: «Находился ли Г. в квартире Э. по адресу... во время нанесения ранений Э. и З.?» и «Наносил ли Г. ножевые ранения Э. и З. в ночь с 29 на 30 августа 2005 г.?» Как следует из заключения эксперта, по результатам проведенного исследования он пришел «к следующим однозначным выводам»: 1) Г. не находился в квартире Э. по адресу... во время нанесения ранений Э. и З.; 2) Г. не наносил ножевых ранений Э. и З. в ночь с 29 на 30 августа 2005 г.; 3) Г. не осведомлен о деталях совершения поджога квартиры Э.; 4) Г. достоверно не известны лица, которые нанесли З. и Э. ножевые ранения.

² Инструментальная «детекция лжи»: академический курс... С. 411.

осуществляется посредством совокупности действий, подчиняющихся частным целям (задачам), выделяемым из общей цели. Фактически речь идет о цели познавательной деятельности полиграфолога (действиях и операциях по производству экспертного исследования), реально достижимой с учетом современного уровня развития полиграфологии независимо от того, в какой форме (процессуальной или непроцессуальной) проводится ПФИ. С позиции лица, назначающего СПФЭ, уполномоченного осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, это будет задача, выносимая на разрешение эксперта в виде набора вопросов, а с позиции полиграфолога — цель проводимого исследования, которая в результате может быть, но не всегда бывает достигнута. Учитывая ранее вскрытую соподчиненность познавательной и процессуальной деятельности эксперта в судопроизводстве, одновременно возникает необходимость определения объекта и предмета исследования с применением полиграфа и соответственно объекта и предмета СПФЭ как самостоятельного действия-процесса в структуре доказывания.

В свое время П. Прукс писал, что цель исследования с применением полиграфа «заключается в установлении наличия (отсутствия) психофизиологической связи между предъявленными (связанными с преступлением) раздражителями и записанной с помощью полиграфа динамикой физиологических функций организма испытуемого человека»¹, то есть в выявлении психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы. Если цель ПФИ рассматривать как задачу, решаемую полиграфологом, и при этом поставить знак равенства между понятиями «задача» и «предмет» экспертизы (о чем шла речь в первом параграфе третьей главы), с мнением П. Прукса можно было бы согласиться. В противном случае, оценивая таким образом цель ПФИ, трудно понять, как ее достижение способно помочь заказчику исследования в урегулировании стоящих перед ним проблем, побудивших обратиться к полиграфологу.

Ю. Н. Баранов и Т. В. Попова, справедливо указывая на диагностический характер ПФИ, пришли к выводу, что «в качестве предмета полиграфической экспертизы выступает психофизиологическое состояние испытуемого», «объектом является полиграмма», целью — «установление истинности показаний испытуемого»². Оставляя в стороне вопрос

¹ Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи»... С. 171.

² Баранов Ю. Н., Попова Т. В. О возможности применения полиграфа в экспертном исследовании // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А. Г. Сапрунова, С. Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 2000. С. 25.

о корректности использованных авторами терминов, надо сказать, что ссылка на полиграф, как «регистратор функционального состояния» субъекта, отражает лишь один из подходов к объяснению сущности психофизиологического метода «детекции лжи»¹. Полиграмма используется в качестве объекта изучения в ходе ПФИ, но объектом СПФЭ не является, так как попросту не существует на момент ее назначения. Что касается цели экспертизы, то в вышеприведенной формулировке она отражает стремление инициатора производства СПФЭ проверить достоверность информации, сообщаемой участником процесса, но не позволяет понять, какие задачи следует ставить перед полиграфологом.

А.П. Резван и М.В. Субботина предположили, что эксперт-полиграфолог должен отвечать на вопросы, касающиеся реакций обследуемого на определенные объекты; место преступления, возможно, совершенного с его участием; упоминание о тех или иных лицах². Позже М.В. Субботиной и Р.И. Могутиным было указано, что сущность ПФИ «состоит в объективной регистрации изменений физиологических показателей (отклика) организма опрашиваемого, возникающих в результате эмоционального возбуждения, в основе которого в конечном счете лежит информация о совершенном преступлении, имеющаяся у обследуемого субъекта»³. Несмотря на то что ученые объект и предмет ПФИ и СПФЭ определять не стали, акцентирование внимания на информационной составляющей исследования с применением полиграфа представляется весьма важным.

По мнению автора монографии, целью познавательной деятельности полиграфолога является вынесение суждений, во-первых, о степени информированности обследуемого лица о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения ПФИ, а во-вторых, об обстоятельствах получения обследуемым информации об этом событии⁴.

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи: методология... С. 39–50.

² Резван А.П., Субботина М.В. Теория и практика применения полиграфа («плюсы» и «минусы») // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 3-й науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 1999. С. 230.

³ Могутин Р.И., Субботина М.В. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2005. С. 12.

⁴ Указанный подход к решению проблемы был обозначен в статьях: Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. Проблемы становления психофизиологической экспертизы // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 399–403; Комиссарова Я.В., Шемятенков В.Н. Об актуальности использо-

Позицию автора поддержали коллеги – именно так экспертные задачи были определены в упоминавшейся во второй главе работы Видовой экспертной методике (2005).

Вывод о том, что обследуемое лицо может рассматриваться в качестве унифицированного носителя криминалистически значимой информации, имеет большое значение для правильного понимания соотношения объекта и предмета ПФИ и СПФЭ. С одной стороны, информационный подход (учитывая факт существования психофизиологической проблемы) позволяет в едином концептуальном плане анализировать деятельность мозга и психики, то есть явления двух разных уровней. С другой, появляется реальная возможность не просто приблизиться к решению вопроса о сущности ПФИ, но и выработать внутренне непротиворечивую систему основных понятий СПФЭ в категориях теории доказательств, активно использующей информационную модель доказательства.

Согласно Видовой экспертной методике, объектом ПФИ являются физиологические проявления протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии. Следует подчеркнуть – во всем их многообразии, весь массив доступной для полиграфолога информации.

Надо сказать, что при кажущейся простоте формулировки в данном определении заложен глубокий смысл. Во-первых, в нем указывается на необходимость изучения комплекса процессов (познавательных, волевых, эмоциональных), имеющих значение в контексте решаемых полиграфологом задач. Таким образом, оно отражает многообразие теорий и моделей, позволяющих уяснить сущность ПФИ. Поскольку все известные на сегодня устоявшиеся теории в области полиграфологии содержат рациональное зерно, преувеличение значимости какой-либо из них при формулировании понятия объекта ПФИ могло бы привести к обеднению его содержания и, как следствие, к недостаточно полной характеристике объекта. Во-вторых, обладая высокой степенью общности, предложенная дефиниция тем не менее раскрывает специфику объекта ПФИ, исследование которого ограничено возможностями полиграфологии как раздела человекознания. В-третьих, при таком описании объекта очевидна реальная возможность его изучения, так

вания информационных технологий при проведении исследований естественно-научных основ полиграфических проверок // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом: материалы Международной науч.-практич. конференции. Калининград, 2003. С. 348–352.

как ролевое участие обследуемого лица в том или ином событии (сама возможность участия) и даже факт существования события, послужившего поводом для проведения исследования, не конкретизируются, что обеспечивает максимальный охват ситуаций, обуславливающих востребованность ПФИ.

Изложенное следует учитывать во избежание упрощенного толкования приведенного определения. Приписав разработчикам Видовой экспертной методики формулировку, которой нет в дефиниции, Ю.И. Холодный высказал насчет нее критическое мнение, отметив, «что «физиологические проявления» (то есть регистрируемые с помощью полиграфа реакции) являются не «объектом экспертного исследования», а его инструментом, средством визуализации динамики психической активности человека при исследовании его памяти»¹.

Нетрудно заметить, что разработчики Видовой экспертной методики о «регистрируемых с помощью полиграфа реакциях», указывая на объект ПФИ, не писали. Принимая во внимание сложность выделения психофизиологических реакций из массива данных, отражающих изменение психофизиологического состояния человека, а также проблему их соотнесения с предъявлением конкретных стимулов, понятие объекта ПФИ, педалирующее факт их исследования, вряд ли могло бы считаться универсальным. Оно не было бы одинаково применимым как при наличии в памяти обследуемого образов, связанных с событием, послужившим поводом для назначения СПФЭ, так и при отсутствии таковых. Реакции обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы – неотъемлемая часть объекта ПФИ, поскольку, изучая «информацию», мы имеем дело с ее «носителем». С этой точки зрения они могут рассматриваться в качестве предмета исследования (о чем речь пойдет далее). В любом случае к «средствам визуализации» динамики психической активности человека исключительно при исследовании его памяти, реакции, возникающие в ходе ПФИ, сведены быть не могут, так как «исследование памяти» в современной психологии – отнюдь не манипуляции с неким «инструментарием», а сложная многоуровневая система фундаментальных и прикладных исследований.

Помимо объекта ПФИ, в Видовой экспертной методике были перечислены объекты СПФЭ – носители информации, необходимой для решения экспертных задач, которые могут быть представлены в распоряжение эксперта в установленном законом порядке: обследуемое

¹ Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (25). С. 33.

лицо, материалы дела, вещественные доказательства. Таким образом, были обоснованно разграничены объекты судебной экспертизы с применением полиграфа и познавательной деятельности эксперта-полиграфолога, осуществляемой в рамках экспертного исследования.

Относительно предмета ПФИ и СПФЭ необходимо пояснить следующее. Видовая экспертная методика разрабатывалась в соответствии с требованиями к содержанию Типовой экспертной методики, подготовленными совместно ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ при Минюсте России. Структура Типовой экспертной методики была утверждена 18 ноября 1998 г. в ходе заседания Федерального межведомственного координационно-методического совета по проблемам экспертных исследований (в настоящее время – ФМКМС). Вместо указания на предмет и объект ее элементами стали «экспертная задача» и «объект исследования», в соответствии с распространенным в теории и практике судебной экспертизы подходом к предмету экспертизы как совокупности разрешаемых экспертом вопросов и, соответственно, разграничению судебных экспертиз по характеру изучаемых объектов в сочетании с решаемыми задачами.

С учетом изложенного, в Видовой экспертной методике был обозначен предмет ПФИ и СПФЭ одновременно – отмечалось, что при ее назначении экспертные задачи могут быть представлены в виде вопросов: выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что гражданин(ка) – Ф.И.О. располагает информацией о деталях случившегося? Вследствие отражения каких обстоятельств могла быть получена обследуемым лицом эта информация? Могла ли она быть получена в момент события? Кроме того, в Пояснительной записке, являющейся составной частью методики, была указана цель проведения ПФИ – проверка сообщаемой обследуемым лицом информации.

Разумеется, положения Видовой экспертной методики нельзя считать истиной в последней инстанции. Ее появление ознаменовало начало работы по формализации методического обеспечения производства исследований и экспертиз с применением полиграфа по уголовным делам. Данное обстоятельство имеет немаловажное значение, поскольку методику исследования, наряду с объектом и предметом, некоторые ученые рассматривают в качестве составляющей основания разграничения родов и видов экспертиз.

Особо следует подчеркнуть, что разработчикам Видовой экспертной методики применительно к СПФЭ удалось сформировать совокупность понятий, достаточно точно, хотя и не совсем полно, отражающих

специфику профессиональной деятельности эксперта в судопроизводстве, развернутое теоретическое обоснование которых было позже дано автором монографии¹.

Попытки подвергнуть критике положения Видовой экспертной методики были предприняты Ю.И. Холодным. Учитывая научную несостоятельность предложенной им теории ЦТП (ввиду упрощенческого подхода к анализу сложнейших психофизиологических функций и механизмов, на что было указано в предыдущих параграфах главы), даже если бы критика была обоснованной, дискуссия априори не имела бы смысла. Однако в статьях Ю.И. Холодного (во многом дублирующих друг друга) каких-либо существенных аргументов нет². Зато есть сожаления по поводу того, что в доступной литературе не удалось обнаружить работы, в которых Видовая экспертная методика подвергалась бы критике³, и что «практически все государственные экспертные учреждения во главе с... ФМКМС «не видят» этой проблемы»⁴.

Проблему не видит сам автор «критических» статей, настойчиво повторяющий, что им были определены объект, предмет и задачи СПФЭ, по всей видимости, исключая возможность существования иных точек зрения по данному вопросу. Аккумулируя изложенное в своих более ранних статьях, Ю.И. Холодный констатировал:

– «предметом СПФЭ является установление фактических данных, имеющих значение для уголовного дела, путем исследования ком-

¹ Подробно см.: Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.

² В качестве таковых вряд ли можно рассматривать голословные заявления и несоответствующую действительности информацию. К примеру, в статье, включенной в сборник материалов Международной научно-практической конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел, состоявшейся в 2011 г., было указано: «Получив вначале значительное распространение в практической работе некоторых федеральных ведомств, «Видовая методика» постепенно стала «уходить» из практики: в частности, согласно имеющимся данным, Главное управление криминалистики Следственного комитета России в 2010 г. дало указание полиграфологам ведомства воздерживаться от применения этой методики в своей работе» (см.: Холодный Ю.И. Применение полиграфа в ходе следствия: по обе стороны барьера // Сборник материалов Международной науч.-практич. конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 г.). Сочи, 2011). В ходе доклада на этой Конференции представитель ГУК СК РФ – заместитель руководителя Управления организации экспертно-криминалистической деятельности был вынужден указать на недостоверность информации, изложенной в публикации Ю.И. Холодного.

³ Холодный Ю.И. Трудности на пути внедрения в практику экспертизы с применением полиграфа // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 111.

⁴ Холодный Ю.И. Применение полиграфа в ходе следствия: по обе стороны барьера... С. 267.

понентов психики человека, в частности — его памяти», «предметом конкретной СПФЭ является установление фактических данных, представляющих интерес для конкретного уголовного дела и сформулированных в виде конкретных вопросов, на которые предстоит ответить полиграфологу в результате исследования в ходе ОИП памяти конкретного лица»¹;

— «объектом СПФЭ, в широком смысле, является память человека как неотъемлемая составная часть его психики, а объектом конкретного СПФЭ — память человека, направленного для производства экспертизы по конкретному делу, а также материалы этого дела»²;

— «общими экспертными задачами СПФЭ является определение, а точнее — диагностирование: совершения подэкспертным действий, связанных с событием преступления; осведомленности подэкспертного о каких-либо обстоятельствах события преступления; мотивов действий подэкспертного, связанных с событием преступления»³.

Очевидно, что многократное использование слова «память» ничего конкретного, что бы позволило уяснить сущность и специфику СПФЭ, к общеизвестным дефинициям объекта и предмета судебной экспертизы, анализировавшимся в предыдущей главе, не добавило. О том, что ссылка на память на самом деле ничего не проясняет и равносильна заявлению, что полиграфолог работает с живым человеком, писали многие специалисты в области прикладной психофизиологии⁴; безосновательность абсолютизации роли памяти в том виде, в каком это

¹ Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (25). С. 29.

² Там же. С. 33.

³ Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (29). М.: Спарк, 2009. С. 59. Примечательно, что, критикуя Видовую экспертную методику, Ю.И. Холодный почему-то решил в дополнение к изложенной использовать еще одну формулировку экспертных задач СПФЭ, указав в подстрочнике, что: «Применительно к лексике “Видовой методики” экспертные задачи могут быть сформулированы следующим образом: 1) Вынесение суждения о совершении подэкспертным каких-либо действий, связанных с событием преступления; 2) Вынесение суждения об осведомленности подэкспертного о каких-либо обстоятельствах события преступления; 3) Вынесение суждения о возможных мотивах действий подэкспертного, связанных с событием преступления».

⁴ См., например: Трофимов Т.Ф. Определение мотивации в технике детекции лжи // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы VII Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006. С. 140; Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же все-таки определяет полиграф? С. 8.

было предложено разработчиком теории ЦТП, была продемонстрирована во втором параграфе данной главы.

Что касается задач СПФЭ, то, невзирая на термин «диагностирование», первая и третья из указанных Ю.И. Холодным задач «экспертными» не являются. Их решение предполагает выявление обстоятельств, согласно ст. 73 УПК РФ подлежащих доказыванию, в то время как в соответствии со ст. 74 УПК РФ заключение эксперта является источником сведений, на основе которых наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, устанавливает суд (прокурор, следователь, дознаватель).

По поводу вынесения суждения об осведомленности подэкспертного о каких-либо обстоятельствах события преступления надо сказать, что при некотором сходстве с формулировкой первой из двух задач, указанных в Видовой экспертной методике, данный вариант отличается от нее не в лучшую сторону. Будучи ошибочно заподозренным, лицо может быть не осведомлено ни о деталях, ни о самом событии преступления. Отсутствие психофизиологических реакций на стимулы, связанные с преступным событием, в этом случае малоинформативно, поскольку не может расцениваться как свидетельство непричастности субъекта к случившемуся. Но это вовсе не означает, что производство СПФЭ лишено смысла. Возможность проверки показаний подозреваемого (к примеру, его алиби) в данной ситуации сохраняется.

Единственное, в чем можно согласиться с Ю.И. Холодным, так это в том, что «появление скоропалительных, научно необоснованных «теоретических концепций»... создает лишь «информационный шум», приносящий больше вреда, чем пользы»¹.

Не исключено, что под воздействием такого рода «шума» в пособии, посвященном использованию полиграфа в уголовном судопроизводстве², один из разработчиков Видовой экспертной методике — Л.Н. Иванов — частично отошел от закрепленных в ней положений относительно характеристики объекта ПФИ, солидаризировавшись с мнением соавтора — В.В. Семёнова, одновременно с опубликованием пособия изложившего свою позицию в отдельной статье³.

¹ Холодный Ю.И. Криминалистические исследования с применением полиграфа в форме экспертизы: от теории к практике... С. 171.

² Семенов В.В., Иванов Л.Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 65–106.

³ Семенов В.В. К вопросу об объекте и предмете психофизиологической экспертизы

Используя известную классификацию объектов судебной экспертизы на общий, родовой, специальный и конкретный, В.В. Семёнов и Л.Н. Иванов пришли к выводу, что родовым объектом СПФЭ является личность, а специальным — память, с тем уточнением, что «исследование памяти человека (идеальных следов преступления) в рамках данной экспертизы производится опосредованно, через исследование сопряженных с психическими процессами физиологических проявлений, фиксируемых при помощи полиграфа»¹.

На первый взгляд не лишённая логики «расширительная» трактовка объекта исследования (притом что предмет СПФЭ в пособии описывается, как и в Видовой экспертной методике, через экспертные задачи) сразу же — на этапе формулирования вопросов, выносимых на разрешение полиграфолога, привела авторов пособия к выходу за пределы компетенции эксперта. Полагая, что в ходе СПФЭ «на основе применяемых методик исследования происходит «сверка» или сравнение содержания информации, запечатленной в идеальных следах, хранящихся в памяти субъекта, с содержанием той информации, которая была сообщена им в ходе допроса», к имеющимся в Видовой экспертной методике они добавили еще один вопрос: «Согласуются ли выявленные в ходе исследования с использованием полиграфа психофизиологические реакции гр. Н. с его показаниями об обстоятельствах... (указывается характеристика преступления), а именно, что... (указываются требующие проверки показания)?»².

Очевидно, что реакции (внешние признаки изменения психофизиологического состояния организма, регистрируемые с помощью полиграфа) и показания участника процесса (совокупность сведений о чем-либо) — явления разноуровневые. Реакции не имеют ценности сами по себе. Всякий раз следует разбираться в причинах, повлекших изменение состояния организма; выявлять корреляционные связи между предъявленными стимулами и реакциями на них. Тот факт, что в ходе тестирования на полиграфе при ответах обследуемого на одни вопросы были выявлены психофизиологические реакции, превышающие по степени выраженности его реакции при ответах на другие

с применением полиграфа // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 96–104.

¹ Семёнов В.В., Иванов Л.Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа... С. 91.

² Там же. С. 68, 84.

вопросы, в итоге может свидетельствовать о том, что человек располагает информацией, согласующейся (или не согласующейся) с той, что ранее была сообщена им по делу (в части, охватываемой предъявленной совокупностью вопросов). Однако непосредственно утверждать, что «психофизиологические реакции согласуются с информацией», ранее сообщенной обследуемым, нельзя.

Стремление таким образом конкретизировать вопросы, выносимые на разрешение эксперта, обрекает полиграфологов на выход за пределы не только профессиональной, но и процессуальной компетенции. Согласно ст. 88 УПК РФ, эксперт не является субъектом оценки доказательств. Как это уже было неоднократно указано, оценка доказательств в их совокупности – прерогатива лиц, несущих бремя доказывания. На недопустимость «делегирования» полномочий по оценке доказательств эксперту-полиграфологу был вынужден обратить внимание Верховный Суд Российской Федерации.

При производстве СПФЭ, порученной следователем по особо важным делам Гурьевского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Кемеровской области, согласно постановлению от 12 февраля 2010 г. по уголовному делу № 09400552, частнопрактикующему полиграфологу К.А.В., на разрешение эксперта были вынесены следующие вопросы:

1. Выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с использованием полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что подозреваемый Б.Н.В. располагает информацией о деталях умышленного причинения им телесных повреждений М., повлекших по неосторожности ее смерть?

2. О каких деталях преступления располагает сведениями Б., исходя из его психофизиологических реакций?

3. Вследствие отражения каких обстоятельств могла быть получена обследуемым лицом информация?

4. Могла ли быть получена информация в момент совершения преступления?

Полиграфолог не обратил внимания на некорректность формулировок вопросов № 1 (в вопросе фактически констатируется факт причинения Б.Н.В. телесных повреждений М., повлекших ее смерть) и № 2 (проводится прямая линия там, где ее априори не может быть), а в выводной части своего заключения и вовсе перешел к оценке имеющихся в деле доказательств, констатируя, что:

В ходе ПФИ с использованием полиграфа у подозреваемого Б.Н.В. выявляются психофизиологические реакции, свидетельствующие о том,

что он располагает информацией о деталях умышленного причинения им телесных повреждений М., повлекших по неосторожности ее смерть.

В ходе ПФИ с использованием полиграфа в отношении подозреваемого Б. выявлено, что: психофизиологические реакции подэкспертного подтверждают ранее сообщенную им информацию о том, что в момент преследования М. умысла на изнасилование и убийство не было; не подтверждают ранее сообщенную им информацию о том, что он не пытался вступить с М. в половую связь и не принуждал ее к этому; не подтверждают ранее сообщенную им информацию о том, что он не наносил ударов М. (наиболее полная информация отражена в исследовательской части); не подтверждают ранее сообщенную им информацию о том, что он не душил М.

Информация об обстоятельствах причинения тяжкого вреда здоровью М. могла быть получена подэкспертным в момент совершения преступления.

Верховный Суд Российской Федерации вынесенный по делу приговор Кемеровского областного суда от 28 февраля 2011 г. отменил и направил дело на новое судебное разбирательство, со стадии судебного разбирательства, в тот же суд в ином составе судей. При этом в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. было указано:

«В качестве доказательств, подтверждающих вину подсудимых, суд в приговоре сослался на имеющиеся в деле психофизиологические исследования подсудимого Б.Н.В. и свидетеля Б.К.В., полученные в ходе предварительного следствия с использованием «полиграфа», которые судом расценены как «заключения эксперта». В соответствии со ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Требования к заключению эксперта содержатся в ст. 204 УПК РФ. В частности, в заключении эксперта, согласно п.п. 9 и 10 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, должны быть указаны содержание и результаты исследований с указанием примененных методик, а также выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование. Это означает, что в заключении эксперта должны быть приведены научно обоснованные методики исследования, которые при необходимости могут быть проверены и не должны вызывать никаких сомнений у суда при разрешении уголовного дела. В данном случае имеющиеся в деле заключения «специалиста с правом работы с полиграфными устройствами при опросе граждан» К.А.В., которые судом расценены как

«заключения эксперта», не могут быть признаны таковыми, поскольку не отвечают требованиям, предъявляемым законом к заключению эксперта. Кроме того, судом оставлены без внимания следующие обстоятельства. Выводы специалиста К.А.В., проводившего психофизиологические исследования подсудимого Б.Н.В. и свидетеля Б.К.В., состоят в том, что психофизиологические реакции Б.Н.В. «не подтверждают ранее сообщенную им информацию о том, что он не наносил ударов М., а также о том, что он не душил М.», а психофизиологические реакции Б.К.В. подтверждают ранее сообщенную им информацию о том, что со слов Ш. «он знает, как и когда было совершено преступление в отношении М.». То есть, по сути, специалист К.А.В. в так называемых «заключениях эксперта» после проведения исследований высказал суждения относительно достоверности, с его точки зрения, сведений, которые сообщили Б.Н.В. и Б.К.В. следователю на допросах. Согласно ст.ст. 87 и 88 УПК РФ, проверка и оценка доказательств (в данном случае показаний обвиняемого Б.Н.В. и свидетеля Б.К.В.), в том числе с точки зрения их достоверности, относятся к компетенции следователя, если дело находится в стадии предварительного следствия, или суда при вынесении приговора. По смыслу главы 27 УПК РФ вопросы, поставленные перед экспертом, и заключения по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой собранных в ходе предварительного или судебного следствия доказательств, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (в данном случае достоверности или недостоверности показаний допрошенных лиц), как не относящихся к компетенции эксперта, недопустима. Именно следователь и суд, согласно закону, оценивают доказательства путем сопоставления их с другими доказательствами по делу. Ни следователь, ни суд не вправе передавать свои полномочия по оценке доказательств (достоверности сообщенных допрошенными лицами сведений) иным лицам, в том числе специалистам или экспертам».

На нецелесообразность определения предмета экспертизы через вопросы, выносимые на разрешение эксперта, было указано в третьей главе. Поэтому сегодня положения Видовой экспертной методики в части определения предмета ПФИ и СПФЭ нуждаются в оптимизации. С этой точки зрения интерес представляют наработки Ф.К. Свободного, предпринявшего попытку представить ПФИ в качестве нового направления судебной психологической экспертизы.

В монографии, опубликованной в соавторстве с В.Ю. Долженко, Ф.К. Свободный предлагает следующие варианты формулировок основных понятий СПФЭ:

– объект – психолого-физиологическая деятельность субъекта правовых отношений (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля, истца, ответчика), отражающая ситуации, имеющие юридическое значение в рамках расследуемого события¹;

– предмет – «имеющая юридическое значение взаимосвязь физиологических реакций живого лица (опрашиваемого) с психологическими раздражителями (стимулами), несущими информацию о расследуемом событии»²;

– задачи: диагностическая – вынесение суждения о наличии в динамике психофизиологических показателей, отображаемых с помощью полиграфа, психофизиологических реакций, свидетельствующих о субъективной значимости для подэкспертного предъявляемых ему в ходе исследования психологических стимулов, несущих информацию о расследуемом событии; каузальная – установление причинной связи (действительно ли физиологическая реакция вызвана предъявляемым стимулом) и на объяснение причины выявленной связи³.

Что касается понятия объекта СПФЭ, нетрудно заметить его сходство с понятием объекта исследования эксперта-психолога, сформулированным Ф.С. Сафуановым, как психической деятельности подэкспертного в юридически значимых ситуациях⁴. Правда, известный специалист в области комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы писал не об объекте экспертизы, а об объекте исследования, принимая во внимание возможность распространения правового режима исключительно на материальные объекты. Суть термина «психолого-физиологическая деятельность» авторы в монографии не

¹ Долженко В.Ю., Свободный Ф.К. Психофизиологические исследования с использованием полиграфа как новое направление судебной психологической экспертизы. Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического ин-та МВД России, 2011. С. 120, 134.

² Там же. С. 121. (Для сравнения: предмет исследования эксперта-психолога – закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия. См.: Сафуанов Ф.С. Теоретические основы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 3-е изд. М.: Генезис, 2009. С. 360).

³ Долженко В.Ю., Свободный Ф.К. Психофизиологические исследования с использованием полиграфа... С. 122.

⁴ Сафуанов Ф.С. Теоретические основы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы... С. 359.

раскрывают; каким образом эта деятельность «отражает» некие ситуации и что собой представляют «ситуации, имеющие юридическое значение» — не поясняют; на вопрос: что будет объектом исследования в случае непричастности подэкспертного к каким-либо «юридически значимым ситуациям» — ответа не дают.

Относительно дефиниции предмета СПФЭ надо сказать, что Ф.К. Свободный в известной мере солидаризировался с процитированным выше мнением П. Прукса о цели проверки на полиграфе. Однако предложенное понятие предмета вряд ли можно признать приемлемым с той точки зрения, что никакого юридического значения сама по себе взаимосвязь физиологических реакций живого лица с психологическими раздражителями априори не имеет.

Обособление диагностической и каузальной задач в работе ничем не мотивировано¹. В целом формулировка «диагностической задачи» представляется удачной, особенно если сконцентрировать внимание на «выявлении психофизиологических реакций, свидетельствующих о субъективной значимости для подэкспертного предъявляемых ему в ходе исследования психологических стимулов, несущих информацию о расследуемом событии». Понятие каузальной задачи оставляет желать лучшего, поскольку автор за корреляционной зависимостью, о которой писали А.Р. Лурия и П. Прукс, видит исключительно причинно-следственные связи, причем аргументация авторской позиции в монографии отсутствует.

Таким образом, приходится констатировать, что новации, содержащиеся в монографии В.Ю. Долженко и Ф.К. Свободного, имеют весьма слабое обоснование. Иллюстрацией тому является заключение эксперта, составленное Ф.К. Свободным, включенное в работу в качестве приложения № 4.

Из текста заключения следует, что экспертом был принят к разрешению вопрос: известны ли В. обстоятельства преступления, совершенного... в отношении Б., а именно: кто, каким орудием и в какие части тела, в каком количестве наносил удары потерпевшей; пребывала ли Б. в состоянии испуга после убийства Д. и одновременно перед совершением с ней полового акта Д.; кто и когда предложил совершить убийство Б.И.И.?

¹ Судя по тексту, при характеристике предмета и задач СПФЭ были использованы работы А.Ю. Бутырина, который, в свою очередь, цитировал Ю.К. Орлова, но их фамилии в монографии не упоминаются (см., например: Бутырин А.Ю. Строительно-техническая экспертиза в судопроизводстве России... С. 27).

Ответ был дан в следующей форме: В. действительно знает фамилию, но не знает дату рождения человека, который бил ножом Б.; В. действительно знает о том, что сексом с Б. занимался один человек; В. скрывает информацию о том, что Б. после убийства Д. находилась в испуганном состоянии; В. скрывает тот факт, что ему известно о том, что Д.Г. наносил удары Б. ножом; В. действительно нанес Б. удар отверткой; В. действительно знает о том, что фамилия человека, который после убийства Д. занимался сексом с Б., начинается на букву Д; В. скрывает тот факт, что ему известно о том, что убить Б. предложили после секса с ней.

Комментировать указанные выводы нет смысла — эксперт явно вышел за пределы своей компетенции. На этапе становления СПФЭ аналогичные формулировки, отражающие не критичное отношение к опыту других стран, в первую очередь США, использовали многие практикующие специалисты¹. Но и сегодня подобные заключения — не редкость. Однако цена ошибок существенно возросла и достигла критического уровня.

Стоило полиграфологу — сотруднику СК РФ ответить на правовые вопросы, аналогичные вышеуказанным, как последовала неоправданно жесткая реакция Верховного Суда РФ. В пункте 5.2.1 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г., утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 3 апреля 2013 г., без аргументации и разъяснения причин было указано, что заключения по результатам психофизиологических экспертиз не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, психофизиологические исследования не относятся к доказательствам согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ².

С учетом изложенного сегодня крайне важно не только подчеркнуть недопустимость расширительного толкования содержания вопросов, выносимых на разрешение эксперта, когда Видовая экспертная методика используется как руководство к действию, но и разграничить экспертные задачи и предмет ПФИ и, соответственно, СПФЭ.

¹ Не избежала такого рода ошибок и автор монографии. В одной из статей был приведен пример вынесения обвинительного приговора, в основу которого в числе прочих доказательств были положены два заключения эксперта, где на основе анализа психофизиологических реакций подэкспертных были сделаны выводы о дифференциации ролей соучастников преступления (см.: Комиссарова Я.В. Результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа как доказательство в уголовном процессе... С. 60—64).

² Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // Верховный Суд Российской Федерации // URL: (<http://www.vsrfr.ru/second.php> (дата обращения: 11.04.2014)).

Предметом ПФИ являются психофизиологические реакции, обусловленные корреляционной зависимостью между предъявляемыми стимулами и изменением психофизиологического состояния организма человека, выявленные в ходе тестирования на полиграфе.

Актуализируя образы, хранящиеся в памяти обследуемого лица (в том числе за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных), изучая выраженность, устойчивость, соотношение реакций на вопросы тестов и т.д., используя различные системы оценки зарегистрированных данных, полиграфолог может выделить совокупность стимулов, значимых для обследуемого. В зависимости от того, что это будут за стимулы и какая методика использовалась в ходе тестирования на полиграфе, полиграфолог может утвердительно или отрицательно ответить на вопрос: выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что субъект располагает информацией об интересующем инициатора ПФИ событии (или его конкретных деталях)? Формулируя таким образом (с учетом объема и характера выявленных реакций) вывод о степени информированности обследуемого лица о случившемся, полиграфолог также должен высказать суждение о возможных обстоятельствах получения обследуемым информации о событии и вероятности ее получения непосредственно в момент события.

Изложенное свидетельствует: в форме СПФЭ осуществляется диагностика информационного состояния субъекта с использованием специальных знаний из области полиграфологии¹. Это значит, что предмет СПФЭ образуют сведения о том, является или нет подэкспертный носителем информации о конкретном событии (его деталях), судя

¹ Психологи и криминалисты внесли значительный вклад в тактику допроса за счет разработки критериев диагностики информационного состояния допрашиваемого. Много лет плодотворно в данном направлении трудился О.Я. Баев, который поднял вопрос о необходимости выработки тактических рекомендаций в зависимости от отношения допрашиваемого к искомой следователем информации. Предложив классификацию состояний, в одном из которых может находиться лицо, вызванное на допрос, он фактически ввел понятие «диагностика информационного состояния допрашиваемого» в криминалистическую тактику (см.: Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. С. 93, 102–103. Дополнительно по данному вопросу см.: Филонов Л.Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979; Носенко Э.Л., Нестеренко Н.В. Проблема распознавания скрываемых мысленных образов // Журнал практикующего психолога. Вып. 6. Киев: Центр консультативной психологии, 2000. С. 127–139; Семенов В.В., Решетников В.Я. Исследования с использованием полиграфа как способ объективизации показаний ранее допрошенных лиц // Криминалистика. Экспертиза. Розыск: сб. науч. статей. Вып. 1. Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / под ред. В.М. Юрина. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2007. С. 132–139; и др.

по результатам исследования физиологических проявлений протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и воспроизведением им информации об этом событии. Предложенная трактовка предмета СПФЭ полностью согласуется с ранее обозначенным нами на основе деятельностного подхода понятием предмета судебной экспертизы как сведений, которые могут быть получены в результате использования специальных знаний в установленном законом порядке.

Необходимо подчеркнуть, что полиграфолог не должен опережать современный уровень развития науки и решать, «какая именно информация содержится в памяти человека»¹. Здесь следует добавить еще несколько аргументов к тому, что уже было сказано по поводу ограниченных возможностей психологии и прикладной психофизиологии в изучении следов в памяти.

Во-первых, при проведении любых экспертных исследований наличие определенного процента ошибок неизбежно. Существует два типа ошибок, которые могут быть допущены при применении полиграфа в целях диагностики информационного состояния субъекта: ложноположительные («ложная тревога») и ложноотрицательные («пропуск цели»). Любая из этих ошибок может быть допущена не только в результате проведения ПФИ, но и при предъявлении отдельных тестов. Принимая верное решение относительно осведомленности обследуемого об одних деталях события, учитывая избирательность психического отражения, эксперт может заблуждаться относительно осведомленности обследуемого о других деталях случившегося, что не мешает рассматривать человека в качестве унифицированного носителя информации о событии в целом, но не позволяет конкретизировать информацию, которой он располагает.

Во-вторых, информация, в том числе криминалистически значимая, может классифицироваться по различным основаниям. Поэтому на вопрос, какой именно информацией располагает обследуемое лицо, однозначный ответ заведомо невозможен. Кроме того, зачастую назначающего СПФЭ не интересует содержание сведений, известных участнику процесса, в то время как уяснение обстоятельств их получения актуально всегда (типичный пример – ситуация проверки явки с повинной при наличии доказательств, подтверждающих изложенное). Вот почему полиграфолог, помимо вынесения суждения о сте-

¹ Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: проблема допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 86.

пени информированности обследуемого лица о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения ПФИ, должен каждый раз указывать на вероятность получения обследуемым информации об этом событии в определенных обстоятельствах.

В-третьих, имеет смысл сослаться на опыт США в части нормативного регулирования проведения проверок на полиграфе и использования полученных при этом результатов.

Согласно «Акту о защите работников от полиграфа» (The Employee Polygraph Protection Act), утвержденному Конгрессом США в 1988 г., термин «полиграф» означает прибор, который: а) осуществляет непрерывную, сохраняемую запись и визуальное представление одновременного изменения показателей состояния сердечно-сосудистой, дыхательной деятельности и электрической активности кожи, что является минимальным стандартом для подобной аппаратуры; б) результаты применения которого используются для вынесения суждения относительно правдивости или неправдивости высказываний тестируемого лица¹.

В «Правилах осуществления контрразведывательного изучения и оценки персонала» (Counterintelligence Evaluation Regulations), вступивших в силу в США 30 октября 2006 г., содержится расшифровка выводов, которые могут быть сделаны полиграфологом по результатам ПФИ: «значительная реакция» – вывод, указывающий на то, что полиграфом зафиксированы устойчивые, выраженные и «привязанные по времени» реакции в ответ на предъявление проверочных вопросов, или «нет мнения» – вывод по завершении тестирования на полиграфе, по результатам которого полиграфолог не может сделать однозначного заключения о наличии или отсутствии «значительных реакций»². Также Правила (§ 709.25) содержат запрет предпринимать какие-либо не предусмотренные нормами права действия в отношении лица, прошедшего проверку на полиграфе, равно как и давать неблагоприятные рекомендации относительно его допуска к секретным материалам или работе с некоторыми ядерными материалами, основываясь исключительно на результатах тестирования на полиграфе, определенных как «значительная реакция» или «нет мнения».

Очевидно, что при таком подходе проверка достоверности сообщаемых человеком сведений не входит в компетенцию полиграфолога, полностью возлагается на инициатора ПФИ, который самостоятельно принимает решение об их соответствии или несоответствии действительности.

¹ Комиссарова Я.В., Мягих Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США... С. 98–99.

² Там же. С. 137–138.

В связи с вышеизложенным автор монографии, в 2008 г. в составе рабочей группы принимавшая активное участие в подготовке ранее уже упоминавшихся Единых требований, была против включения в текст тезиса, согласно которому «в компетенцию полиграфолога входит формулирование по результатам проведенного ПФИ вывода о степени соответствия действительности утверждений обследуемого, относящихся к событиям или фактам, интересующим инициатора ПФИ». В этой части положения Единых требований (документа, с научно-методической точки зрения проработанного достаточно хорошо) и Видовой экспертной методики не совпадают. Данное замечание является принципиальным.

Указывая на цель назначения СПФЭ – проверку достоверности информации, сообщаемой участником процесса, не следует забывать о том, что такого рода проверка должна быть комплексной. Использование психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа позволяет снизить уровень субъективизма при проверке личных доказательств, но не должно рассматриваться как средство их оценки. Полученные в результате производства СПФЭ сведения подлежат оценке наряду с другими доказательствами. Более того, следует согласиться с Ю.К. Орловым в том, что «при косвенном подтверждении проверяющие доказательства самостоятельного значения не имеют» и действуют только в совокупности с проверяемыми¹.

В завершение параграфа, возвращаясь к вопросу о месте СПФЭ в системе экспертиз, надо сказать, что проблема его определения также обусловлена комплексным характером ПФИ.

В свое время А.Р. Шляховым было указано на существование класса «судебно-медицинские и психофизиологические экспертизы», объединяющего три рода экспертиз – судебно-медицинскую, судебно-психиатрическую и судебно-психологическую². В настоящее время некоторые ученые продолжают придерживаться этой точки зрения, что само по себе говорит о значимости использования в уголовном процессе знаний из области психофизиологии в форме экспертизы³. Но все чаще в теории судебной экспертизы, а также на уровне практических руководств указанные роды экспертиз рассматриваются как самостоятельные классы.

¹ Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе... С. 113.

² Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение... С. 12.

³ См., например: Волчещкая Т.С. Основы судебной экспертологии... С. 34 ; Ткаченко А.А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Университетская книга; Логос, 2006. С. 75.

Так, подчеркивая, что судебно-психологическая экспертиза представляет собой именно класс, а не род экспертиз, С.С. Шипшин полагает, что в него должны входить: экспертиза личности в уголовном процессе, экспертиза личности в гражданском процессе, экспертиза личности в ювенальной юстиции и психофизиологическая экспертиза, в рамках которой он выделяет инженерно-психофизиологическую экспертизу водителя – участника дорожно-транспортного происшествия и экспертизу юридически значимых психофизиологических особенностей процессуального лица (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего)¹.

Т.Н. Секераж тоже видит психофизиологическую экспертизу в составе класса психологических экспертиз, обособляя при этом экспертизу психофизиологических особенностей нервной деятельности и психофизиологических реакций и состояний².

Очевидно, что указанные авторы возможность проведения ПФИ в форме экспертизы не исключают, хотя непосредственно для СПФЭ место в системе судебных экспертиз не предусматривают. Впрочем, у идеи выделения в качестве отдельного класса судебно-психофизиологической экспертизы (наряду с классами судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз), в рамках которого СПФЭ могла бы обрести статус самостоятельного вида, есть свои сторонники³.

Поскольку существует большое количество работ, посвященных проблемам классификации судебных экспертиз, в том числе связанных с исследованием личности, указывая на принципиальную возможность включения СПФЭ в классификацию судебных экспертиз, в дополнение к изложенным сошлемся еще на одно мнение. На основе глубокого и всестороннего анализа проблем исследования личности в уголовном судопроизводстве Л.Н. Иванов предложил оригинальную функциональную модель судебной экспертизы личности как класса с выделением в его структуре рода экспертизы – психологическая, вида – пси-

¹ Шипшин С.С. Новый взгляд на систему судебно-психологической экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы: доклады и сообщения на Международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе» (Н.Новгород, 6–10 сентября 2004 г.). Н.Новгород: РФЦСЭ при Минюсте России, 2004. С. 222–225.

² Секераж Т.Н. Проблемы классификации судебной психофизиологической экспертизы // Там же. С. 230–234.

³ Холопова Е.Н., Кравцова Г.К. Место судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в системе судебных экспертиз // Актуальное состояние и перспективы развития метода инструментальной «детекции лжи» в интересах государственной и общественной безопасности: материалы Международной науч.-практич. конференции (2–4 декабря 2008 года, г. Москва). Казань, 2009. С. 131–138.

хофизиологическая, подвида — с использованием полиграфа¹. Данный подход представляется весьма перспективным.

§ 3. Перспективы использования в судопроизводстве специальных знаний из области полиграфологии

Становление экспертизы с применением полиграфа началось в 1996 г., когда в ИК ФСБ России была организована подготовка экспертов-полиграфологов по «Программе подготовки специалистов по опросам с использованием полиграфа (полиграфологов) для федеральных органов исполнительной власти, их подразделений, а также органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации и стран — участниц СНГ» объемом 380 учебных часов. Обучение завершалось выдачей свидетельства на право производства экспертиз по специальности «Специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа (опрос с использованием полиграфа)».

Автор монографии (в тот период занимавшая должность старшего эксперта в Саратовской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации) одна из первых (среди тех, кто не являлся сотрудником органов ФСБ на момент обучения) прошла подготовку по указанной Программе в 1997–1998 гг. Поэтому, как уже было отмечено, в Саратовской ЛСЭ была освоена новая форма использования специальных знаний в целях оказания содействия правоохранительным органам, помощи государственным и негосударственным учреждениям и организациям, а также гражданам — проведение ПФИ. Первоначально, учитывая специфику деятельности экспертного учреждения, была обоснована возможность введения заключения специалиста-полиграфолога в материалы уголовного дела в соответствии со ст. 88 УПК РСФСР в качестве документа — источника доказательств.

В сентябре 2000 г., впервые в практике российского судопроизводства, к материалам уголовного дела № 26/13/0015—00Д старший следователь военной прокуратуры Саратовского гарнизона приобрел в качестве документов — источников доказательств два заключения специалиста-полиграфолога Саратовской ЛСЭ, составленных по результатам опросов с использованием полиграфа рядового в/ч 3709 П. и гражданина А., обвиняемых в совершении 8 сентября 1999 г. преступлений, предусмо-

¹ Иванов Л. Н. Полисистемные исследования личности в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 260–262.

тренных ст. 131 ч. 2 п.п. «б», «в», «д» УК РФ и ст. 105 ч. 2 п.п. «в», «ж», «к» УК РФ (изнасилование и убийство несовершеннолетней Ш.). Уголовное дело в июле 2000 г. было направлено для рассмотрения в военный суд Приволжского военного округа. В сентябре 2000 г. военный суд вынес по делу обвинительный приговор, назначив гр. П. наказание в виде 17 лет лишения свободы, а гр. А. — в виде девяти лет лишения свободы.

Следователи органов прокуратуры Саратовской области при наличии достаточных к тому оснований в числе иных документов стали приобщать к материалам уголовных дел заключения, составленные автором монографии, и ссылаться в обвинительном заключении на полученные в результате ПФИ сведения¹.

Несмотря на ввод в действие УПК РФ, эта практика и сегодня сохраняет свою актуальность. Как уже было отмечено, в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 возможность исследования вещественных доказательств (не слишком удачно, но достаточно четко) была увязана исключительно с производством судебной экспертизы. Пока речь идет об обеспечении таким образом сохранности вещественных доказательств. Однако не секрет, что инициаторы новеллы, среди которых видные специалисты в области теории и практики судебной экспертизы А.М. Зинин, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, С.А. Смирнова и др., изначально преследовали несколько иную цель — размежевание по указанному основанию двух доказательств — заключений специалиста и эксперта. Если мнение сторонников точки зрения, согласно которой специалист исследование проводить не должен, возобладает и получит поддержку законодателя, можно будет вернуться к использованию в доказывании (помимо производства СПФЭ) заключений полиграфологов в числе «иных документов».

В литературе было высказано предположение о том, что при использовании полиграфа в ходе ОРД непосредственно материалам ОИП может быть придан статус вещественного доказательства. Об этом со ссылкой на Инструкцию «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд», утвержденную Приказом МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСМН РФ, ФСКОН РФ, МО РФ от 17 апреля 2007 г., пишут в своем пособии В. В. Семёнов и Л. Н. Иванов². Практика

¹ В практическом пособии, подготовленном отделом криминалистики прокуратуры Саратовской области, разъяснялся данный порядок использования полиграфа в уголовном судопроизводстве (см.: В помощь следователю: прак. пособие... С. 43–44).

² Семёнов В.В., Иванов Л.Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа... С. 62–63.

пошла еще дальше. При вынесении обвинительного приговора по уже упоминавшемуся в работе одному из самых резонансных уголовных дел 2011 г. Таганский районный суд г. Москвы доказательством вины М. счел приобщенное следователем к материалам дела как вещественное доказательство заключение полиграфолога Н.И.В., к которому М. обратился по собственной инициативе¹.

Трудно понять логику тех, кто придерживается подобного мнения. Особенности вещественных доказательств учеными исследованы достаточно подробно². В их число априори не могут быть включены суждения полиграфолога, закрепляющие результаты его мыслительной деятельности, осуществляемой в процессе познания, независимо от того, в процессуальной или непроцессуальной форме проводится ПФИ. Несмотря на то, что в теории доказательств вопрос о правомерности классификации доказательств на личные и вещественные дискутируется, в юридической литературе данная классификация используется достаточно широко, поскольку наглядно отражает субъективный характер всех «личных доказательств», обуславливающий специфический порядок их проверки и оценки³.

В 2000–2001 гг. сотрудниками ИК ФСБ России было положено начало использованию полиграфа в рамках комплексных психолого-психофизиолого-психиатрических и психолого-психофизиологических экспертиз, а с 2002 г. – в формате СПФЭ⁴.

Надо признать, что до ввода в действие ФЗ о ГСЭД и нового УПК РФ автор работы оптимизм коллег из ИК ФСБ России относительно пер-

¹ Копии материалов дела, в том числе постановления от 9 сентября 2010 г. о признании и приобщении к делу вещественных доказательств (при отсутствии видеозаписи процедуры) – «заключения с приложением по проведенному независимым экспертом по специальным психофизиологическим исследованиям Н.И.В., исследованию с использованием полиграфа М.», были предоставлены автору монографии вместе с запросом адвоката на рецензирование указанного заключения.

² См., например: Егоров Н.Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе... С. 257–263; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2005.

⁴ Подробнее об этом см., например: Комиссарова Я.В., Сошников А.П. Заключение полиграфолога как источник доказательств // Актуальные проблемы современной криминалистики: материалы науч.-практич. конференции. В 2 ч. Ч. 1. (Симферополь–Алушта, 19–21 сентября 2002 г.). Симферополь: Доля, 2002. С. 67–72; Холодный Ю.И., Николаев А.Ю. Психофизиологическая экспертиза: первый опыт применения // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы 2-й Всероссийской науч.-практич. конференции по криминалистике и судебной экспертизе (1–3 марта 2004 г.). В 3 т. Т. 1. М., 2004. С. 147–150.

спектив СПФЭ не разделяла. К выводу о принципиальной возможности использования специальных знаний из области полиграфологии в форме СПФЭ с изложением результатов исследования в заключении эксперта-полиграфолога автор пришла¹ не только в связи с существенным обновлением процессуального законодательства, но и по причине того, что в июле 2001 г. заместителем Министра образования РФ были утверждены Гостребования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов»².

Поскольку профессиональная компетентность всецело определяет обоснованность выводов судебного эксперта по поставленным перед ним вопросам, сам по себе факт появления документа, призванного повысить качество подготовки специалистов-полиграфологов, следовало оценивать положительно. Опасения вызывал только один момент: согласно п. 9.2 указанных Гостребований, любое образовательное учреждение, имеющее лицензию на реализацию дополнительных образовательных программ в области юриспруденции или психологии, автоматически получало право на подготовку полиграфологов. Свыше тысячи вузов страны, невзирая на отсутствие в штате специалистов в области полиграфологии, теоретически³ могли приступить к подготовке «дипломированных полиграфологов», вовлечение которых в уголовное судопроизводство в статусе эксперта в силу проанализированных особенностей действующего процессуального законодательства предотвратить было бы невозможно.

Именно поэтому по инициативе автора монографии в октябре 2002 г. под эгидой УМО образовательных учреждений профессио-

¹ Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. Проблемы становления психофизиологической экспертизы... С. 399–403.

² Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов» // Федеральный портал «Российское образование» // URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/dop_zip/02.htm (дата обращения: 01.08.2011).

³ «Теоретически», так как данные Гостребования не были введены в действие в установленном порядке, в связи с чем в январе 2007 г. не вошли в Перечень гостребований, на тот момент подлежащих реализации в России (см.: Письмо Министерства образования и науки РФ от 26 января 2007 г. № АС-73/03 «О перечне государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительных квалификаций на 31 декабря 2006 года» // Законы России // URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_216/doc216a408x688.htm (дата обращения: 02.01.2013).

нального образования в области судебной экспертизы была начата работа по изучению возможностей и перспектив становления новых экспертных специальностей, связанных с внедрением методов прикладной психофизиологии не только в оперативно-розыскную, но и в следственно-судебную деятельность. Одним из итогов работы, как уже было отмечено, стало утверждение заместителем Министра образования Российской Федерации 5 марта 2004 г. Гостребований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», возможность реализации которых, согласно п. 8.2, была ограничена списком вузов, имеющих лицензию на реализацию дополнительных образовательных программ в области судебной экспертизы.

К сожалению, к реализации программы вузы в России не приступили, поэтому в настоящее время в рамках образовательной деятельности подготовка судебных экспертов по проведению психофизиологического исследования с применением полиграфа в стране не ведется. Тем не менее, надо признать, что с вводом в действие указанных Гостребований впервые не только в отечественной, но и в мировой практике был сделан реальный шаг по пути унификации порядка подготовки полиграфологов и организации ее на принципиально ином, качественно более высоком уровне.

Разработанные документы в первую очередь были нацелены на подготовку лиц к профессиональной деятельности в качестве экспертов-полиграфологов за счет приобретения ими знаний в области теории и практики судебной экспертизы, а также навыков и умений по производству экспертного исследования с применением полиграфа. Согласно действовавшему на тот момент законодательству, профессиональная переподготовка специалистов осуществлялась на основе договоров, заключаемых образовательными учреждениями с органами исполнительной власти, органами службы занятости населения и другими юридическими и физическими лицами. Это значит, что на базе утвержденной образовательной программы профессиональной переподготовки специалистов для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» вузом, ответственным за формирование научно-методического обеспечения ее реализации, могли быть разработаны по заданию заказчика профессиональные образовательные программы меньшего объема, необходимые для решения соответствующих задач.

Эта возможность ответственным за реализацию Гостребований вузом — СЮИ МВД России была использована. В 2004 г. ЭКЦ МВД России инициировал подготовку программы переподготовки специалистов для выполнения нового вида профессиональной деятельности — проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Коллектив авторов¹ соответствующую программу (объемом 560 часов) подготовил — в 2005 г. она прошла согласование с заказчиком и была рекомендована к реализации. Данная программа была взята за основу при разработке программ переподготовки специалистов-полиграфологов в Московской государственной юридической академии (2006), Саратовском юридическом институте МВД России (2007) и другими вузами страны.

Возвращаясь к пусть недавней, но все же истории становления СПФЭ, следует отметить, что в 2004 г. производство данного вида экспертиз было начато в 111 Центре судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России (в настоящее время — 111 ГГЦСМиКЭ). В январе 2005 г. первый специалист-полиграфолог появился в штате ЭКЦ при ГУВД г. Москвы. Кроме того, инициатива автора монографии по внедрению в отечественное уголовное судопроизводство психофизиологической экспертизы с применением полиграфа нашла поддержку в прокуратуре г. Москвы: Информационное письмо (исх. № 28—05/06—05 от 16 ноября 2005 г.) «О проведении психофизиологических экспертиз» положило начало производству нового вида экспертизы на базе негосударственных экспертных учреждений.

В марте 2006 г. по инициативе руководства МВД по Республике Татарстан, по согласованию с руководством ЭКЦ МВД России, в ЭКЦ МВД по РТ начался эксперимент по внедрению в практику работы комплексных психолого-психофизиологических экспертиз, непосредственное участие в проведении которого приняла автор монографии².

В 2005—2006 гг. управление криминалистики Генеральной прокуратуры РФ провело обобщение практики применения полиграфа по уголовным делам, по итогам которого было подготовлено и направлено

¹ В авторский коллектив вошли: Л.Н. Иванов, кандидат медицинских наук (СЮИ МВД России); Я.В. Комиссарова, кандидат юридических наук (МГЮА); В.Н. Федоренко, кандидат биологических наук (ФСКН РФ).

² Подробнее см.: Степушенко О.А., Игнатъева М.Ю. Опыт организации судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в Экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел по Республике Татарстан // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 29—31.

на места Письмо Генеральной прокуратуры России (исх. № 28–15–05 от 14 февраля 2006 г.) «Обобщение практики использования возможностей полиграфа при расследовании преступлений», свидетельствующее об эффективности использования инструментальной «детекции лжи» в борьбе с преступностью.

С 2009 г., как уже было отмечено, ПФИ и СПФЭ стали проводить специалисты-полиграфологи территориальных подразделений криминалистики Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

С 2010 г. экспертизы с применением полиграфа проводятся в Экспертно-криминалистическом управлении ФСКН России.

Кроме того, сегодня СПФЭ проводятся в нескольких негосударственных экспертных учреждениях, а также множеством частнопрактикующих специалистов-полиграфологов, что создает ряд проблем, связанных: во-первых, с низкой квалификацией отдельных «специалистов»; во-вторых, с незнанием полиграфологами основ юриспруденции, теории и практики судебной экспертизы и, как следствие, непониманием места и роли полиграфолога в судопроизводстве; в-третьих, с не критичным отношением к разночтениям в научных подходах к обоснованию методик проведения исследования.

Ситуация порой доходит до абсурда. Так, в одной из своих статей Ю.И. Холодный пришел к выводу, что введение понятия «единый научно-методический подход к практике проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа, профессиональной подготовке и специализации полиграфологов» в юридическую и научную лексику в настоящее время не обосновано и, как следствие, указанное понятие не может быть использовано в юридически значимых документах¹. Утверждение для бывшего сотрудника государственного судебно-экспертного учреждения более чем странное. В соответствии с ч. 6 ст. 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» ГСЭУ одного и того же профиля должны осуществлять деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов. Если такой подход не выработан, производство соответствующего вида экспертизы в ГСЭУ невозможно.

¹ Холодный Ю.И. О «едином научно-методическом подходе» к применению полиграфа // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 11–13.

Положения ст. 11 ФЗ о ГСЭД не являются препятствием для разработки и утверждения в установленном законом порядке ведомственных методик проведения отдельных видов экспертиз. Надо признать, что в связи с этим на практике возникают определенные проблемы. Немногочисленные полиграфологи, уверовавшие в так называемую теорию целенаправленного тестирования памяти, при производстве экспертиз, как правило, ссылаются на использование Комплексной методики специального психофизиологического исследования с применением полиграфа либо Методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа, разработанных в ИК ФСБ России. Между тем, согласно официальной информации ИК ФСБ России, Комплексная методика, утвержденная в 1995 г., в настоящее время экспертной методикой проведения судебных психофизиологических экспертиз не является. Текст Методики, подготовленной в ИК ФСБ России в 2009 г., абсолютному большинству специалистов-полиграфологов неизвестен и недоступен для юридической общественности.

Подобные проблемы в той или иной мере характерны и для других видов экспертиз. Но на этапе становления нового направления они, что называется, колют глаз, порождая иллюзию, будто на уровне закона, санкционировав или, напротив, запретив применение отдельно взятого технического средства, можно решить проблему использования методов прикладной психофизиологии в доказывании. С этой точки зрения весьма показательна позиция практических работников по вопросу о причинах, препятствующих эффективному использованию полиграфа в уголовном судопроизводстве.

В 2003–2004 гг. 35,8% сотрудников правоохранительных органов, из числа принимавших участие в анкетировании, в качестве основной проблемы назвали отсутствие прямого предписания в действующем законодательстве, санкционирующего применение полиграфа в процессе доказывания; 24% указали на недостатки в материально-техническом обеспечении деятельности правоохранительных органов; 19,5% – на отсутствие квалифицированных специалистов на местах; 14% – на слабую осведомленность сотрудников правоохранительных органов об особенностях производства исследования и его результативности.

В 2009–2010 гг. следователи, прежде всего, отметили нехватку квалифицированных специалистов на местах (38,6%) и недостатки в материально-техническом обеспечении деятельности правоохранительных органов (33,3%). Еще 8,8% сообщили о загруженности специалистов-полиграфологов. И только двое опрошенных (1,8%) сослались на

отсутствие в действующем законодательстве положений, позволяющих использовать полиграф в уголовном судопроизводстве.

Полиграфологи на первое место среди причин, осложняющих эффективное использование полиграфа в ходе расследования преступлений, поставили недостаточную осведомленность сотрудников правоохранительных органов об особенностях производства исследования и его результативности. Этот вариант ответа выбрали 49,8% опрошенных в 2003–2004 гг., в 2012 г. – 61,1%. Об отсутствии предписаний в законодательстве (особого «закона о применении полиграфа») на втором этапе вспомнили только 17,4% полиграфологов по сравнению с 47,7% опрошенных на первом этапе. На недостатки в материально-техническом обеспечении деятельности правоохранительных органов и вовсе указали лишь два человека (1,2%), хотя на первом этапе так считали 93 человека (38,3% опрошенных). В то же время нехватку квалифицированных специалистов на местах и отдельные эпизоды низко квалифицированной работы полиграфологов, получающие большой общественный резонанс, в 2012 г. отметили 42,6% опрошенных. Причем мнения по указанным позициям разделились поровну – 21,6% и 21%.

Опыт разных стран мира свидетельствует: ответ на вопрос о легитимности ссылок на результаты ПФИ в уголовном судопроизводстве не является таким простым, как кажется на первый взгляд, поскольку определяется установившимися правовыми принципами и национально-культурными традициями и не зависит от природы и научной обоснованности самого метода¹.

Пример тому – трансформация отношения к доказательственному значению результатов проверки на полиграфе в США от «стандарта Фрая» (в 1923 г. при рассмотрении дела об убийстве суд отказался принять таковые в качестве доказательства по причине их недостаточной научной обоснованности) до «стандарта Дауберта». В 1993 г. Верховным Судом США было указано, что правило, согласно которому достижения в области науки, позволившие добыть какое-либо доказательство, должны быть общепризнанными в соответствующей научной сфере, не так важно, как то, могут ли показания эксперта помочь судье и присяжным заседателям разобраться в обстоятельствах дела².

Здесь надо сказать, что в США результаты ПФИ используются в судопроизводстве в качестве доказательства гораздо реже, чем в Рос-

¹ Комиссаров В.И., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному праву // Правоведение. 1999. № 1. С. 183.

² Подробно см.: Гольцов А.Т. «Детектор лжи» в уголовном судопроизводстве США // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 72–85.

сии. Действующая в американских судах система допуска к рассмотрению доказательств, полученных с помощью научных методов, заставляет судей предельно тщательно и серьезно разбираться не только в обоснованности и надежности самих методов, но и в том, насколько правильно они были применены в той или иной ситуации. Не все заключения полиграфологов могут выдержать такую проверку. Судьи никогда не ориентируются на формальные усредненные показатели валидности¹ метода психофизиологической «детекции лжи» с применением полиграфа, которые, по результатам разных исследований, составляют 80, 90 или даже 95%. Каждый раз судья в формате перекрестного допроса внимательно изучает обоснованность метода, а также правильность и качество его применения в конкретных условиях; в суде в обязательном порядке выступает эксперт-полиграфолог, который в мельчайших деталях отчитывается о том, как он выполнял свою работу².

Применение полиграфа в Польше (первой среди стран Восточной Европы еще в 30-е гг. проявившей интерес к его использованию в борьбе с преступностью) имеет схожую историю. В период с середины 60-х до конца 90-х гг. XX в., пока в обществе шли дискуссии относительно правомерности и нравственной допустимости использования полиграфа в уголовном процессе, профессор Яном Видацки (впоследствии избранным председателем основанного в 1994 г. «Общества польских полиграфистов») и его коллегами были проведены тысячи проверок на полиграфе. Указанные лица чаще всего вовлекались в процесс в качестве экспертов по запросам органов прокуратуры, оформляли результаты исследований в форме отчетов, которые включались в материалы уголовных дел, а затем выступали в роли судебных экспертов в суде, где давали устные разъяснения. Постановление Верховного суда от 21 декабря 1998 г. (IY КО 101/98) поставило точку в многолетнем споре польских ученых и практиков по поводу процессуального статуса результатов проверок на полиграфе, так как было признано, что «экспертиза с применением полиграфа может быть засчитана в число доказательственных материалов и может являться одним из оснований доказательства вины»³.

¹ Подробно о сущности понятия «валидность» применительно к проведению ПФИ см.: Пеленицын А.Б., Сошников А.П. О научной обоснованности применения полиграфа // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 12–15.

² Пример такого допроса см.: Комиссарова Я.В., Мягких Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения... С. 153–222.

³ Гаерски Е. Применение полиграфа органами уголовного розыска в Польше // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы

С учетом обосновываемого в работе подхода к производству СПФЭ, как способу диагностики информационного состояния субъекта, интерес представляет опыт Японии, где с 1959 г. результаты проверок на полиграфе суды различных инстанций стали учитывать наряду с другими доказательствами, а в 1968 г. Верховный суд Японии впервые в качестве такового принял заключение эксперта-полиграфолога¹.

Ранее в работе указывалось, что в своей деятельности эксперт руководствуется методиками двух типов – общей (чаще всего ведомственной), в формально-юридическом ключе описывающей схему производства данного вида экспертизы, и несколькими научно-прикладными, определяющими порядок проведения исследования в зависимости от характера решаемых задач. Среди основных методик тестирования на полиграфе, апробированных в мировой практике использования психофизиологического метода «детекции лжи», были названы три: Методика контрольных вопросов, Методика нейтральных и проверочных вопросов, Методика выявления скрываемой информации.

В Японии первые две из указанных методик являются вспомогательными. Чтобы результаты ПФИ могли быть в Японии приняты судом в качестве доказательства, оно должно быть проведено с соблюдением условий, определяемых Методикой выявления скрываемой информации, когда полиграфолог знает конкретные, имевшие место в действительности детали события:

- каждый тест должен быть ориентирован на изучение одной такой детали, заведомо известной полиграфологу и тому обследуемому, который скрывает свою осведомленность по данному факту, но не известной добросовестному, не владеющему соответствующей информацией, обследуемому;

- изучаемая деталь произошедшего по возможности должна быть приметной для участников события (предполагается, что они могли и должны были обратить на нее внимание и запомнить);

- у искреннего обследуемого не должно быть информации, полученной из каких-либо источников, относительного того, какой из вопросов теста связан с реально имевшим место фактом; он также не должен догадаться об этом, исходя из контекста вопросов или по иным косвенным признакам; все предлагаемые в тесте варианты должны быть для обследуемого равновероятными;

3-й науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 1999. С. 65–69.

¹ Холодный Ю.И. Применение психофизиологического метода детекции лжи в Японии // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (28). М.: Спарк, 2008. С 30.

— с одной стороны, вымышленные детали развития события (описание тех или иных исследуемых признаков и т.п.) в альтернативном ряду должны быть той же природы, что и подлинная деталь произошедшего, но не иметь с ней явных общих признаков и логико-смысловых связей, четко отличаться от нее и друг от друга; с другой — истинная деталь произошедшего не должна во время предъявления теста выделяться по лексико-акустическим и другим характеристикам¹.

Таким образом, применение Методики выявления скрываемой информации возможно лишь тогда, когда предположение об осведомленности обследуемого о деталях случившегося предопределяется тем, что он мог быть участником или очевидцем конкретного события (является носителем соответствующей информации). Возможность получения обследуемым сведений о событии из иных источников (от других участников произошедшего, лиц, ведущих расследование), а также возможность распознавания реальных деталей, известных инициатору ПФИ и полиграфологу, должны быть исключены.

Столь жесткие требования определяются основным принципом выявления корреляционной зависимости между предъявляемыми стимулами и изменением психофизиологического состояния организма человека при применении указанной методики. Обследуемый, имеющий непосредственное отношение к событию, послужившему поводом для проведения ПФИ, неизбежно узнаёт реальные конкретные детали при их предъявлении в ряду других, аналогичных, не связанных с событием, что ведет к появлению соответствующих психофизиологических реакций, в то время как для обследуемого, не имеющего отношения к случившемуся, характеризующие событие детали ничем не отличаются от остальных предъявляемых в общем ряду, и все его психофизиологические реакции на стимулы носят случайный характер.

Очевидно, что эффективность применения МВСИ зависит от уровня правовой культуры в обществе. Тот факт, что средства массовой информации сотрудничают с японской полицией, а сами стражи правопорядка добросовестно выполняют свои обязанности, должен служить примером для подражания, а не аргументом в пользу смягчения требований к качеству проведения ПФИ ввиду того, что в нашей стране уровень правосознания многих журналистов и правоприменителей далек от идеала. Учитывая опасность бесконтрольного расширения практики использования полиграфа в России, обозначенный подход к использованию результатов ПФИ в доказывании по уголовным

¹ Подробно см.: Единые требования... С. 33–36.

делам заслуживает пристального внимания, дополнительной научно-методической проработки и, возможно, закрепления на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Принимая во внимание необходимость ужесточения методических требований к проведению ПФИ, с позиций юриспруденции интерес представляет еще один аспект проблемы. С учетом специфики психофизиологического исследования в отношении живых лиц ведение видеозаписи, не предусмотренное действующим законодательством при проведении судебных экспертиз, при производстве ПФИ чрезвычайно важно. Лишь при наличии видеозаписи у сторон есть реальная возможность оценить адекватность действий конкретного полиграфолога выработанным международной практикой научно-методическим стандартам и требованиям этики¹. Присутствие кого-либо при проведении тестирования на полиграфе, помимо обследуемого и полиграфолога, может способствовать решению вопроса о том, не было ли допущено в отношении обследуемого лица каких-либо действий, ущемляющих его права, унижающих честь и достоинство, и пр. Однако присутствие третьих лиц без ведения видеозаписи не позволяет объективно решить вопрос о том, были или не были соблюдены лицом, проводившим тестирование на полиграфе, все существенные методические требования.

Оптимизация процедуры проведения ПФИ за счет совершенствования ее научно-методической составляющей сама по себе не может служить гарантией обеспечения прав участников процесса при использовании специальных знаний из области полиграфологии. Исходя из необходимости всеобъемлющей реализации назначения уголовного

¹ Об актуальности ведения видеозаписи в ходе ПФИ свидетельствуют результаты рецензирования в 111 ГГЦСМиКЭ МО РФ заключений экспертов-полиграфологов по уголовным делам. Просмотр видеозаписи проведения тестирования на полиграфе, кассета с которой была приобретена полиграфологом Н.И.В. к заключению эксперта, показал, что на пятой минуте беседы с подэкспертным М. полиграфолог начинает набирать текст смс-сообщения, параллельно отвечает на поступивший звонок и далее на протяжении всего тестирования многократно принимает и отправляет SMS-сообщения, таким образом утрачивая контроль за процедурой тестирования (рецензирование автор монографии проводила в мае 2011 г.). Просмотр видеозаписи проведения тестирования на полиграфе, DVD-диск с которой был приобретен полиграфологом П.Л.С. к заключению эксперта, показал, что на десятой минуте тестирования С. на полиграфе верхний из двух датчиков дыхания (изначально правильно установленный на груди подэкспертного над линией сосков) сползает ниже линии сосков (впоследствии и вовсе съезжает на уровень живота), а на 23-й минуте сползает на уровень пупка нижний датчик (изначально правильно установленный на уровне верхней границы живота подэкспертного), на что эксперт не обращает внимания, хотя подобное смещение датчиков не могло не сказаться на качестве отображения сигнала (рецензирование автор монографии проводила в мае 2012 г.).

судопроизводства, указанного в ст. 6 УПК РФ, представляется крайне важным осознание (как в науке, так и на уровне правоприменения) всей глубины различий, обуславливающих разграничение функций участников процесса и, как следствие, специфику их правового положения. История легализации использования полиграфа в России — лучшее тому подтверждение.

Востребованность ПФИ на практике очевидна, как и то, что СПФЭ пока находится на этапе становления. Предложенная в предыдущем параграфе система понятий СПФЭ, отражающих особенности профессиональной деятельности полиграфолога в судопроизводстве, должна пройти проверку временем. Если бы лицо, поручая специалисту-полиграфологу проведение ПФИ и дачу заключения, отдавало себе отчет в том, что речь идет о получении доказательства, принципиально отличного от заключения эксперта по той причине, что новый вид экспертизы находится в стадии формирования, в какой-то мере можно было бы избежать преувеличения его доказательственной значимости. Процессуально грамотное решение комплекса вопросов, связанных с использованием в доказывании результатов ПФИ, а также иных современных достижений науки и техники, лежит именно в этой плоскости.

Изложенная в монографии позиция автора относительно выбора оснований размежевания статусов эксперта и специалиста в уголовном процессе нашла поддержку у правоприменителей. Хотя отдельные теоретики в своих публикациях, искажая смысл ранее цитировавшегося Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28, продолжают, как заклинание, повторять, что специалист «никаких исследований проводить не может»¹, практика пошла по иному (следует подчеркнуть — основанному на Законе) пути.

В соответствии с упоминавшейся выше Инструкцией об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации проведение ПФИ по поручениям должностных лиц СК РФ при осуществлении уголовного судопроизводства осуществляется в порядке, определенном ст. 80 и ст. 58 УПК РФ. При этом по результатам проведения ПФИ полиграфолог готовит заключение специалиста, в котором описывает ход исследования и выводы по вопросам, поставленным инициатором.

В любом случае заключение по результатам ПФИ (СПФЭ) представляет собой косвенное доказательство, позволяющее проверить за

¹ Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 28–35.

счет использования специальных знаний из области полиграфологии показания участника процесса¹. Эффективность использования полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений можно повысить, если проводить ПФИ не в виде обособленного мероприятия, осуществляемого по ходу ОРД или предварительного следствия, а в рамках целенаправленно разрабатываемой тактической операции.

Несмотря на отсутствие в криминалистической тактике единства мнений относительно условий использования термина «тактическая операция», само по себе явление, о котором идет речь, изучено достаточно хорошо. Рассматривая тактический прием как наиболее эффективный при данных обстоятельствах способ действия (линию поведения) лица, ведущего расследование, криминалисты сходятся в том, что урегулирование большинства складывающихся по делу ситуаций требует применения не одного, а целого ряда приемов, реализация которых в полном объеме на практике зачастую оказывается связана с производством сразу нескольких оперативных мероприятий и следственных действий. Использование комплекса мер, направленных на решение отдельной задачи расследования, некоторые ученые именуют «тактической комбинацией», другие – «тактической операцией», третьи предлагают ввести в научный обиход понятие «оперативно-тактическая комбинация»².

Осознавая значимость унификации научной терминологии, надо признать, что в данном случае, по справедливому замечанию Р.С. Белкина, результат полемики не принципиален³. Будет ли это дифференциация тактических комбинаций на простые (сочетание тактических приемов) и сложные (объединение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий) либо употребление терминов «комбинация» – в первом случае и «операция» – во втором, не столь важно.

¹ По вопросу о возможности использования в доказывании результатов ПФИ см., например: Гладышева О.В., Челяпина Н.Н. Доказательственное значение результатов психофизиологической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 28–34; Балакшин В.С. Перспективы использования полиграфа в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. тр. юбилейной 10-й Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 17–21.

² Обзор мнений по данному вопросу и обоснование последнего, в известной мере компромиссного суждения, см.: Мерецкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации: науч.-практич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 21–31.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 87–90.

Главное — правильное понимание сущности данного организационно-тактического средства как единого комплекса неразрывно связанных составляющих, использование которых в совокупности (а не порознь) позволяет решить частную задачу расследования¹.

На эффективность использования полиграфа в сочетании с проведением иных оперативных мероприятий и следственных действий неоднократно указывали многие ученые и практики². Научный подход к проблеме был обозначен В.В. Семёновым и Л.Н. Ивановым³.

Надо сказать, что таким образом специалисты акцентировали внимание лишь на одном аспекте проблемы — проведении ОИП или ПФИ в цепи разнородных по своему содержанию действий для получения разноплановых доказательств, то есть в целях решения сразу нескольких задач.

Несомненно, диапазон тактических операций, в ходе которых может быть задействован полиграф, чрезвычайно широк. Например, тесное взаимодействие оперативных и следственных подразделений позволяет сначала опросить заподозренных в убийстве, потом провести в отношении одного или нескольких из них ОИП, затем (к примеру, при получении данных об осведомленности обследуемых о месте сокрытия трупа) — обыск, результативность которого может стать базой для допроса конкретного лица в статусе подозреваемого. С уче-

¹ В русском языке слово «комбинация», в интересующем криминалистику аспекте, может использоваться в значении: 1) сочетание, взаимное расположение чего-либо; 2) сложный замысел, система приемов для достижения чего-нибудь; в то время как под «операцией» следует понимать отдельное действие в ряду других подобных или координированные военные действия разнородных войск, объединенные единой целью. (См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 286, 454.) При таком подходе, в контексте задач, решаемых криминалистической тактикой (если рассматривать ее как часть военного искусства в приложении к борьбе с преступностью), разграничение по смыслу понятий «тактическая комбинация» и «операция» представляется не лишним оснований. Поэтому далее в работе применение полиграфа рассматривается именно в рамках тактической операции.

² См., например: Эккерт В.Ю. Практика применения психофизиологических исследований в Пермском крае // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 149–154 ; Звягинцева А.В. Применение полиграфа в ГУ МВД России по Краснодарскому краю при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств // Сб. материалов Международной науч.-практич. конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 г.). Сочи, 2011. С. 80–83.

³ Семёнов В.В., Иванов Л.Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа... С. 139–151.

том требований процессуального законодательства возможна реализация иной схемы: допрос субъекта → производство в отношении него СПФЭ → еще один допрос с учетом полученной информации.

Разработка типовых тактических операций, как справедливо указывает В.Ю. Шепитько, предполагает постановку и решение промежуточных задач расследования, определение их вектора и системы¹. Поэтому имеет смысл подойти к проблеме использования полиграфа в доказывании как к самостоятельной тактической операции по выявлению, проверке и закреплению конкретной информации, касающейся определенного набора фактов; операции, ограниченной рамками проведения ОИП при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и последующего получения заключения специалиста или эксперта по результатам проведения ПФИ в процессуальной форме.

В свое время Р.С. Белкин, критикуя некоторых ученых, необоснованно, с его точки зрения, рассматривавших простой перечень действий по установлению личности умершего в качестве тактической операции «атрибуция трупа», подчеркивал, что самым существенным признаком тактической операции служит достижение цели за счет проведения всех входящих в нее действий, а не одного или нескольких из них². По мнению И.М. Комарова, задачи криминалистических операций значительно шире задач отдельных следственных действий: «...фактически это системная задача, которую следственные действия решить не в состоянии, и ее комплексно решают все компоненты структур криминалистических операций» (следственные действия, организационно-технические мероприятия, иные процессуальные и непроцессуальные действия следователя)³.

С учетом изложенного автор монографии полагает, что последовательное производство: а) ОИП в отношении нескольких лиц в рамках оперативно-розыскной деятельности (в целях сужения круга заподозренных); б) исходя требований ст. 89 УПК РФ, допроса полиграфолога, проводившего опрос; в) ПФИ (СПФЭ) в отношении ранее опрошенного субъекта, если в ходе ОИП (либо иным путем) была получена криминалистически значимая информация, нуждающаяся в проверке; г) допроса специалиста (эксперта), его проводившего, может рассматриваться

¹ Шепитько В.Ю. О целях и предмете расследования преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика / под общ. ред. С.П. Кушниренко. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012. С. 154.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 89.

³ Комаров И.М. Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 139.

в качестве самостоятельной тактической операции, при условии изначальной направленности всех перечисленных действий на достижение одной цели – диагностику информационного состояния субъекта

Разумеется, проведение ПФИ (СПФЭ) возможно в отношении нескольких лиц, предварительно прошедших проверку на полиграфе, а также иных лиц, независимо от их процессуального статуса. Главное, чтобы для этого были веские основания – полученные в результате ОИП конкретные сведения, нуждающиеся в легализации в установленном УПК РФ порядке, либо иным путем добытая ориентирующая и (или) доказательственная информация. Также следует добавить, что в отличие от допроса полиграфолога, проводившего ОИП, допрос специалиста (эксперта) может быть необходим в конкретной ситуации, но обязательным элементом указанной тактической операции он не является.

Актуальность вносимого предложения очевидна. Как показал анализ правоприменительной практики, предпринятый О.А. Зайцевым, в последнее десятилетие XX в. «незаконное воздействие на судей, следователей, свидетелей, потерпевших, обвиняемых, адвокатов и других участников процесса приобрело характер масштабной социально-правовой проблемы», нуждающейся в скорейшем урегулировании¹. На фоне множества случаев неправомерного воздействия на субъектов судопроизводства, оказывающих содействие правосудию, скорейшее закрепление их показаний, изобличающих виновных в совершении преступлений, представляет собой пусть частную, но весьма важную задачу расследования.

Обобщая изложенное в четвертой главе, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ научно-методических, криминалистических и правовых проблем использования полиграфа в борьбе с преступностью, предпринятый автором, свидетельствует о том, что «промежуточный» характер задач, решаемых посредством использования в доказывании специальных знаний, очевиден лишь тогда, когда речь идет о производстве известных процессуальной практике видов судебной экспертизы. В ситуациях востребованности знаний из областей, определенным видом экспертизы не охваченных, а также обуславливающих необходимость проведения междисциплинарных исследований, существующая процессуальная конструкция использования специальных знаний не в полной мере гарантирует защиту прав и законных интересов личности.

¹ Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации... С. 4.

2. Закрепленное УПК РФ правовое положение эксперта и специалиста, отражающее исторически сложившееся отношение к указанным участникам процесса как лицам, оказывающим содействие правосудию, сегодня позволяет частнопрактикующим полиграфологам (вне зависимости от степени научной обоснованности психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа и собственной компетентности) обеспечивать правоприменителей сомнительного качества доказательствами и получать вознаграждение за исполнение своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства.

3. Включение в криминалистику таких разделов, как «криминалистическая полиграфология» и «криминалистическая энграммология» нецелесообразно. Использование психофизиологического метода «детекции лжи» не связано с решением специфических криминалистических задач, не может быть методологически обосновано исключительно с позиций криминалистики и не укладывается в рамки собственно криминалистического исследования.

4. Полиграфология – система знаний о научно-методических основах, технических, организационных и правовых условиях проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа в целях диагностики информационного состояния субъекта в рамках судопроизводства, оперативно-розыскной и трудовой деятельности. ПФИ является способом, а СПФЭ – процессуальной формой использования специальных знаний из области полиграфологии.

5. С учетом результатов предпринятого в предыдущих главах работы анализа профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве систему понятий, отражающих возможности, особенности и перспективы участия специалистов-полиграфологов в уголовном судопроизводстве, можно представить следующим образом.

Цель назначения СПФЭ – проверка достоверности показаний участника процесса.

Задача познавательной деятельности полиграфолога (частная цель применительно к ситуации производства СПФЭ) – диагностика информационного состояния субъекта.

Объекты СПФЭ – носители информации, необходимой для решения экспертных задач, которые могут быть представлены в распоряжение эксперта в установленном законом порядке: обследуемое лицо, материалы дела, вещественные доказательства.

Объекты экспертного исследования – физиологические проявления протекания психических процессов, связанных с восприятием,

закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии.

Предмет СПФЭ – сведения о том, является или нет участник процесса, в отношении которого проводится экспертиза, носителем информации о конкретном событии (его деталях), судя по результатам исследования физиологических проявлений протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и воспроизведением им информации об этом событии.

Предмет экспертного исследования – психофизиологические реакции, обусловленные корреляционной зависимостью между предъявляемыми стимулами и изменением психофизиологического состояния организма человека, выявленные в ходе тестирования на полиграфе.

6. Последовательное производство: ОИП в отношении нескольких лиц в рамках оперативно-розыскной деятельности → допроса полиграфолога, проводившего ОИП → ПФИ (СПФЭ) в отношении ранее опрошенного субъекта → при необходимости, допроса специалиста (эксперта), является самостоятельной тактической операцией по выявлению, проверке и закреплению информации, касающейся изначально определенных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Заключение

В целях защиты прав и свобод граждан при использовании специальных знаний в ходе осуществления правосудия по уголовным делам правовые основы производства судебных экспертиз и процессуальный статус эксперта нуждаются в совершенствовании. При этом необходимо учитывать специфику общественных отношений, обуславливающих использование специальных знаний в судопроизводстве, а также степень сложности воплощающей их в жизнь деятельности участников процесса. Комплексный междисциплинарный подход к анализу проблем судебно-экспертной деятельности в целом и деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве, в частности, позволил автору монографии сформулировать нижеследующие выводы и рекомендации.

Понятия «экспертная деятельность», «судебно-экспертная деятельность», «государственная судебно-экспертная деятельность» соотносятся по принципу «от общего к частному» и не должны употребляться как синонимы. Любая деятельность представляет собой систему действий — относительно самостоятельных процессов, подчиняющихся сознательно поставленным целям (задачам). В рамках уголовно-процессуальной деятельности ключевую роль играет доказывание. С позиций деятельностного подхода судебную экспертизу надлежит рассматривать в качестве структурного элемента одновременно уголовно-процессуальной, судебно-экспертной, экспертной деятельности, а производство экспертного исследования как элемент познавательной деятельности эксперта.

Поскольку предмет деятельности следует соотносить с возможностью удовлетворения потребности, предопределившей ее существование, объект и предмет судебной экспертизы (процессуального действия) и объект и предмет экспертного исследования (познавательного действия) необходимо разграничивать.

Назначение и производство экспертизы охватывает множество разнообразных действий и операций, осуществляемых различными субъектами судопроизводства. Задачи, решаемые посредством судебной экспертизы, определяются целями уголовно-процессуальной деятельности и оговоренными в законе условиями. Это означает, что совокупность действий лица, назначенного экспертом, по проведению исследования и даче заключения, а также напрямую связанных с ними, не следует возводить в ранг «деятельности судебного эксперта», поскольку вне рамок судебно-экспертной и процессуальной деятельности они

какой-либо ценности не имеют. О деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве можно говорить лишь при условии комплексного изучения ее процессуального, познавательного и профессионального компонентов с учетом направленности на удовлетворение потребностей участника процесса как целостной личности.

С точки зрения психологии и материального права деятельность лиц, вовлекаемых в уголовный процесс в статусе эксперта, является не просто трудовой, но и профессиональной, что обусловило обособление судебно-экспертной деятельности как вида общественно полезной деятельности и появление профессии судебного эксперта.

В юриспруденции применительно к трудовой деятельности принято различать профессии (подразумевается обязательная профессиональная подготовка) и занятия (любой вид деятельности, в том числе не требующий специальной подготовки, приносящий заработок или доход). Участие носителя специальных знаний в судопроизводстве с наличием у него профессиональной подготовки в настоящее время не связано. Процессуальное право допускает возможность производства экспертных исследований по трудовому договору (контракту) и по гражданско-правовому договору. При этом остается открытым вопрос о том, каким образом лица, назначаемые экспертами, овладевают специальными знаниями, востребованными при производстве по делу, и в какой степени на момент проведения экспертизы ими владеют.

Изложенное предопределяет необходимость совершенствования подготовки экспертов по специальности ВПО «Судебная экспертиза», а также актуальность разработки комплекса мер, направленных на поддержание готовности эксперта к выполнению процессуальных обязанностей на высоком профессиональном уровне.

С позиций психологии труда осознание экспертом социальной ценности результата своей деятельности (первый из четырех психологических признаков труда) невозможно без знания требований, предъявляемых к искомому обществом результату. Выводы эксперта по итогам познавательной деятельности должны быть облечены в процессуальную форму. В связи с этим, на первый план выходят проблемы оптимизации подготовки судебных экспертов и организации лицензирования судебно-экспертной деятельности юридических лиц.

Осознание субъектом обязательности достижения социально фиксированной цели (второй психологический признак труда) немислимо без понимания технологии производства экспертного исследования и процессуально-правового режима его осуществления, а также лич-

ной ответственности эксперта за ход и результаты работы (в широком смысле этого слова). С этой точки зрения важны межведомственная аттестация экспертов на право самостоятельного производства экспертиз, принятие ими присяги и т.п. меры в сочетании с усилением контроля за качеством деятельности экспертов (в том числе за счет ужесточения дисциплинарной и процессуальной ответственности).

Сознательный выбор, применение, совершенствование или создание орудий труда (третий психологический признак труда) возможны лишь тогда, когда субъект обладает знаниями о средствах экспертной деятельности и навыками их использования. Необходимы: унификация и паспортизация методик производства экспертиз, аккредитация экспертных учреждений, организация регулярной переаттестации экспертов.

Осознание межлюдских производственных зависимостей (четвертый психологический признак труда) связано с адаптацией субъекта в профессиональной среде, формированием у него целостного представления о сферах, в которых востребована деятельность эксперта. Здесь положительную роль могут сыграть мероприятия по повышению квалификации экспертов, ведение реестра на федеральном уровне, принятие кодекса профессиональной этики эксперта.

Реализация вышеуказанных, а также иных, перечисленных в работе мер по обеспечению качества при производстве экспертных исследований и экспертиз, предполагает обособление профессионального статуса эксперта и его правовое закрепление на уровне федерального закона. За основу при разработке проекта нового Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации» целесообразно принять модель нормативно-правового обеспечения деятельности адвокатов.

Специализация законодательства не препятствует согласованию норм различных отраслей права. Степень влияния профессиональной составляющей деятельности участников процессов на выполнение ими своих процессуальных функций позволяет определить разработанная нами классификация субъектов уголовного судопроизводства в зависимости от соотношения их процессуального и профессионального статусов. Закрепление на уровне федерального закона профессионального статуса эксперта (отражающее производный характер его процессуальной функции по отношению к профессиональной деятельности) должно стать основанием для включения эксперта в число профессиональных участников уголовного судопроизводства и внесения изменений в УПК РФ.

Следует сохранить право производства судебных экспертиз за лицами, которые будут получать профессиональный статус эксперта в установленном законом порядке. При этом привлекать носителей специальных знаний к производству судебных экспертиз надлежит на основании договора оказания консультационных услуг, а не по договору подряда, поскольку: а) деятельность лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в статусе экспертов, является профессиональной; б) эксперт снабжает орган или лицо, назначившие экспертизу, новым — «выводным» знанием; в) оплате подлежит производство экспертного исследования, а не его результат; г) согласно нормативным правовым актам, судебная экспертиза и некоторые другие виды экспертиз подпадают под категорию «услуги».

Одновременно необходимо наделить специалиста правом проведения исследования и дачи заключения по его результатам в определенных законом случаях (когда производство экспертизы лицом, получившим профессиональный статус эксперта, невозможно либо не требуется). Такой подход не ограничивает возможность использования при отправлении правосудия помощи любого лица, по мнению правоприменителя, обладающего специальными знаниями, но позволяет четко размежевать заключение эксперта и заключение специалиста как доказательства.

Предпринятый анализ концептуальных основ деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве показал, что в ситуациях востребованности знаний из областей, определенным видом экспертизы ранее не охваченных, а также обуславливающих необходимость проведения междисциплинарных исследований, существующая процессуальная конструкция использования специальных знаний не в полной мере гарантирует защиту прав и законных интересов личности. Этот вывод подтверждает отечественная история легализации проверок на полиграфе.

В начале 90-х гг. прошлого столетия под лозунгом борьбы с преступностью полиграф стал активно использоваться в рамках ОРД, когда проверить соблюдение в ходе процедуры конкретным полиграфологом всех научно-методических требований и рекомендаций достаточно сложно. В 2000—2001 гг. было положено начало применению полиграфа в рамках комплексных психолого-психофизиолого-психиатрических и психолого-психофизиологических экспертиз, а в 2002—2003 гг. — в формате СПФЭ.

Подход к ПФИ как способу использования специальных знаний из области полиграфологии позволил автору монографии разграничить

объект и предмет ПФИ и объект и предмет СПФЭ, сформулировать систему понятий, достаточно полно отражающих возможности, особенности и перспективы участия специалистов-полиграфологов в уголовном судопроизводстве. Таким образом, на примере СПФЭ была продемонстрирована значимость использования в ходе становления нового вида экспертизы теоретических положений, выводов и практических рекомендаций, содержащихся в работе.

Полагая, что СПФЭ назначается в целях проверки показаний участника процесса, надо подчеркнуть – лица, несущие бремя доказывания, с учетом сведений, предоставляемых полиграфологом по результатам проведенного исследования, самостоятельно принимают решение о достоверности или недостоверности информации, содержащейся в показаниях.

Результаты исследования являются вкладом в развитие судебной экспертологии, призванной за счет изучения закономерностей судебно-экспертной деятельности и закономерностей профессиональной деятельности эксперта в статусе участника процесса обеспечивать своевременную выработку мер, направленных на повышение эффективности использования специальных знаний в судопроизводстве.

Достижению указанной цели также могло бы способствовать переосмысление (с учетом обосновываемых в монографии выводов и рекомендаций) отдельных положений криминалистического учения об использовании специальных знаний в расследовании преступлений. С точки зрения расширения технико-тактических возможностей криминалистики по противодействию преступности избранное направление исследования имеет хорошие перспективы для дальнейшей разработки.

Библиография

1. Нормативные правовые акты, ведомственные, иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации // СПС «Гарант» // URL: <http://www.garant.ru/doc/constitution/> (дата обращения: 19.03.2010).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/10900200/> (дата обращения: 19.03.2010).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/10164072.htm> (дата обращения: 19.03.2010).
4. Таможенный кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/12171455/> (дата обращения: 19.03.2010).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации // Информационно-правовое издание LEGIS // URL: <http://www.legis.ru/misc/doc/2583/> (дата обращения: 19.03.2010).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 26.12.2012).
7. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (с изм. и доп.) «О воинской обязанности и военной службе» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 892; № 33. Ст. 1912.
11. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Информационно-правовое издание LEGIS // URL: <http://www.legis.ru/misc/doc.php?id=406> (дата обращения: 19.03.2010).

12. Закон Российской Федерации от 10 июня 1993 г. № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Конвенция от 22 января 1993 г. (по состоянию на 10 января 2011 г.) «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОКДП) (ОК 004–93, утв. постановлением Госстандарта РФ от 6 августа 1993 г. № 17) // СПС «Гарант» // URL: <http://www.garant.ru/search/?text=%CE%CA%C4%CF&part=base> (дата обращения: 19.03.2010).
22. Общероссийский классификатор занятий ОК 010–93 (ОКЗ) (утв. постановлением Госстандарта РФ от 30 декабря 1993 г. № 298) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/179057.htm> (дата обращения: 19.03.2010).
23. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) (принят поста-

- новлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 367) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/1548770.htm> (дата обращения: 19.03.2010).
24. Постановление Государственного комитета РФ по стандартизации и метрологии от 29 августа 2001 г. № 362-ст (в ред. Изменения № 1, утв. Приказом Ростехрегулирования от 03.10.2006 № 218-ст) «О принятии и введении в действие рекомендаций по каталогизации» // СПС «КонсультантПлюс».
 25. Постановление Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст (вместе с «ГОСТ Р 6.30—2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов») «О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 26. Приказ Министерства юстиции РФ от 14 мая 2003 г. № 114 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Российский Федеральные центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации // URL: <http://www.sudexpert.ru/files/norms/114.pdf> (дата обращения: 19.03.2010).
 27. Приказ Министерства юстиции РФ от 12 июля 2007 г. № 142 «Об утверждении Положения об аттестации государственных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» // Российский Федеральные центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации // URL: <http://sudexpert.ru/files/norms/142.pdf> (дата обращения: 19.03.2010).
 28. Приказ Министерства образования РФ от 2 марта 2000 г. № 68б «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования» // Федеральный портал «Российское образование». URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_05/m4.html (дата обращения: 19.03.2010).

29. Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 21 мая 2010 г. № 17337) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/198430/> (дата обращения: 02.01.2013).
30. Приказ Министерства образования и науки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 01.02.2011 № 19648) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/55170501/> (дата обращения: 02.01.2013).
31. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 40 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031003 Судебная экспертиза (квалификация (степень) «специалист»)» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 6 апреля 2011 г. № 20438) // СПС «Гарант» // URL: <http://base.garant.ru/55171092/> (дата обращения: 02.01.2013).
32. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов» // Федеральный портал «Российское образование» // URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/dop_zip/02.htm (дата обращения: 28.07.2011).
33. Перечень Поручений Президента Российской Федерации по вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности. Утвержден Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 3 февраля 2012 г. Пр-267 (извлечение) // Эксперт-криминалист. 2012. № 2.
34. Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности //

- ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО – гортал правовой поддержки предпринимательской деятельности // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_55764.html (дата обращения: 28.07.2011).
35. Инструкция о порядке проведения оперативно-розыскного мероприятия – опроса в виде специального психофизиологического исследования в федеральных органах налоговой полиции // ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО – портал правовой поддержки предпринимательской деятельности // URL: http://businesspravo.ru/docum/documshow_documid_78512.html (дата обращения: 28.07.2011).
 36. Инструкция об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. № 5511. 24 июня.
 37. Инструкция по организации и проведению инструментальных психофизиологических опросов // ПРОГНОЗ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ – проект Института экономической безопасности // URL: <http://bre.ru/laws/5420.html> (дата обращения: 28.07.2011).
 38. Инструкция по организации и проведению профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности // Российская газета // Опубликовано на сайте 3 июня 2011 г. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/03/psixotbor-site-dok.html> (дата обращения: 28.07.2011).
 39. Временная инструкция о порядке проведения опросов с использованием компьютерного полиграфа в таможенных органах Российской Федерации // СПС «Гарант» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/683424/#683424> (дата обращения: 28.07.2011).
 40. Инструкция об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (Извлечение) // Эксперт-криминалист. 2011. № 1. С. 32–40.
 41. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Верховный Суд Российской Федерации // URL: <http://www.vsrp.ru/second.php> (дата обращения: 28.07.2011).
 42. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития от 11 марта 2005 г. № 01И-91/05

- «О бюро судебно-медицинской экспертизы» // Правотека // URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/965/482089.html> (дата обращения: 19.03.2010).
43. Письмо Министерства образования и науки РФ от 26 января 2007 г. № АС-73/03 «О перечне государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительных квалификаций на 31 декабря 2006 года» // Законы России // URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_216/doc216a408x688.htm (дата обращения: 02.01.2013).
 44. Правила функционирования Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы. М., 2004.
 45. Выявление факторов «группы риска» при профессиональном отборе и комплексном медико-психологическом сопровождении личного состава органов внутренних дел. Методические указания. М., 2008.
 46. Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа: практич. пособие / Б.Н. Мирошников и др. М., 2008.
 47. Использование специальных психофизиологических исследований при профессиональном психологическом отборе в органах внутренних дел. Методические указания. М., 2000.
 48. Комплексная методика специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. М., 1995.
 49. Бюллетень Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебной экспертизе и экспертным исследованиям. 2005. № 2 (15).
 50. Пресс-релиз Круглого стола по вопросу защиты прав человека при производстве исследований с применением полиграфа, проведенного 2 ноября 2011 г. Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукиным // URL: <http://ombudsmanrf.org/soobshcheniya/983-2011-11-07-12-24-40> (дата обращения: 02.01.2013).
 51. Закон Российской Федерации о судебной экспертизе (проект) // Записки криминалистов. Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. Вып. 4. М.: Изд-во «Юрикон», 1994. С. 315–343.

52. Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (проект) / АНО «Центр Судебных Экспертиз» // URL: <http://forum.sud-expertiza.ru/viewtopic.php?f=99&t=912> (дата обращения: 02.01.2013).

2. Нормативные правовые акты зарубежных стран

1. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ // URL: <http://www.iacis.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206 // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
6. Закон Республики Казахстан от 20 января 2010 г. № 240-IV «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
7. Закон Украины от 25 февраля 1994 г. № 4038-XII «О судебной экспертизе» // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).
8. Закон Эстонской Республики от 30 мая 2001 г. «О судебной экспертизе» (объявлен постановлением Президента Республики от 14 июня 2001 г. № 1079) // СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ // URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 26.12.2012).

3. Монографии, учебники, пособия

1. Абашева Ф.А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2008. 216 с.
2. Аверьянова Т.В. Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата: Казахский НИИ судебных экспертиз, 1991. 233 с.
3. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.
4. Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М.: ООО «Галерея-Принт», 2011. 108 с., с илл.
5. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев; науч. ред. Н.С. Алексеев. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 252 с.
6. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций. В 2 т. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права / науч. ред. Р.К. Русинов; отв. за вып. В.М. Семенов. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1972. 396 с.
7. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
8. Алимджанов Б.А., Вальдман В.М. Компетенция эксперта в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты. Ташкент: Изд-во «УЗБЕКИСТАН», 1986. 156 с.
9. Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. 152 с.
10. Бабаева Э.У. Предупреждение изменения показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. М.: Экзамен, 2001. 80 с.
11. Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память / пер. с англ.; под ред. Т.Н. Резниковой. Серия «Мастера психологии». СПб.: Питер, 2011. 560 с.
12. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 208 с.
13. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: науч.-практич. пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 432 с.

14. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
15. Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М.: Норма, 1999. 429 с.
16. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Ч. V. Доказательства и доказывание. М.: Изд-во МГУПИ, 2011. 60 с.
17. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристь, 1997. 512 с.
18. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юристь, 1997. 521 с.
19. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристь, 1997. 538 с.
20. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики (частные криминалистические теории): пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 2. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1978. 410 с.
21. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 496 с.
22. Белкин Р.С. Криминалистика: учеб. словарь-справочник. М.: Юристь, 1999. 268 с.
23. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма; НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 240 с.
24. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.
25. В помощь следователю: практич. пособие / под ред. начальника отдела криминалистики прокуратуры Саратовской области старшего советника юстиции В.А. Будылева. Саратов, 1999. 92 с.
26. Варламов В.А., Варламов Г.В. Компьютерная детекция лжи. М.: Печатный Дом «Илигар», 2010. 944 с.
27. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1949. 133 с.
28. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспер-

- тиз): учеб. пособие / отв. ред. Б.А. Викторов. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1979. 184 с.
29. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
 30. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ; НОРМА-ИНФРА-М, 1997. 304 с.
 31. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Изд. группа «Юрист», 2006. 352 с.
 32. Волчецкая Т.С. Основы судебной экспертологии: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калининградского государственного ун-та, 2004. 197 с.
 33. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступит. ст. и прим. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 [2] с., 1 л. порт. (Филос. наследие).
 34. Гирько С.И. Деятельность милиции в уголовном судопроизводстве. М.: Московский ин-т права, 2004. 368 с.
 35. Гордон С.Э. Судебно-медицинская экспертиза: проблемы и решения / отв. ред. Ю.К. Орлов. Ижевск: Удмуртия, 1990. 180 с.
 36. Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Л.Д. Кокорев, П.С. Элькин. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 304 с.
 37. Григорьев В.Н. Уголовный процесс: учебник / А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М.: Эксмо, 2005. 832 с. (Российское юридическое образование).
 38. Гришина Е.П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. М.: Академия управления МВД России, 2007. 185 с.
 39. Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика / под ред. Н.А. Духно. М.: Изд-во Юридического ин-та МИИТа, 2012. 272 с.
 40. Грязин И. Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий / отв. ред. А.А. Порк. Таллин: Ээсти раамат, 1983. 187 с.
 41. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов и факультетов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, 2000. 400 с.

42. Долженко В.Ю., Свободный Ф.К. Психофизиологические исследования с использованием полиграфа как новое направление судебной психологической экспертизы. Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2011. 212 с.
43. Досудебное производство: науч.-практич. пособие / Б.Я. Гаврилов, М.С. Алексанян, Р.И. Акжигитов, Г.А. Казаров. М.: ВивидАрт, 2012. 528 с.
44. Егоров Н.Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. 304 с.
45. Енгальчев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. М.: Высшая школа психологии, 2004. 436 с.
46. Еникеев М.И. Общая, социальная, юридическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2002. 400 с.
47. Жамиева Р.М. Процессуальные и криминалистические проблемы защиты по уголовным делам: учеб. пособие. Караганды: Изд-во КарГУ, 2004. 161 с.
48. Забродин Ю.М. Очерки теории психической регуляции поведения. М.: Магистр, 1997. 208 с.
49. Зайцева Е.А. Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2003. 188 с.
50. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. 320 с.
51. Иванов Л.Н. Полисистемные исследования личности в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. 356 с.
52. Иванова Е.М. Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. 208 с.
53. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С.И. Оглоблин, А.Ю. Молчанов. Ярославль: Ньюанс, 2004. 464 с.
54. Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М.: ЮРМИС, 2003. 304 с.
55. Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М.: Юрлитинформ, 2013. 320 с.
56. Ищенко Е.П. Полиграф Полиграфович. М.: Проспект, 2013. 200 с.

57. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, 1988. 199 с.
58. Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 400 с.
59. Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. 221 с.
60. Князев В. «Детекторлжи» на страже истины. Минск: ООО «Принт-центр», 2010. 360 с.
61. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1971. 160 с.
62. Кокорин П.А. Судебная экспертология в вопросах и ответах: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. 134 с.
63. Колкутин В.В. Судебные экспертизы / С.М. Зосимов, Л.В. Пустовалов, С.Г. Харламов, С.А. Аксенов. М.: Юрлитинформ, 2001. 288 с.
64. Комаров И.М. Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства. М.: Юрлитинформ, 2010. 160 с.
65. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. 240 с.
66. Комиссарова Я.В. Криминалистика + Криминалисты = Опыт борьбы с преступностью / Е.Г. Килессо, В.О. Перч. М.: Юрлитинформ, 2005. 200 с.
67. Комиссарова Я.В. Полиграф в России и США: проблемы применения / Н.И. Мягких, А.Б. Пеленицын. М.: Юрлитинформ, 2012. 224 с.
68. Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. 224 с.
69. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части 2 (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. М.: Контракт; НОРМА-ИНФРА-М, 1996. 800 с.
70. Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю. Основы юридической психологии: учебник. Харьков: Одиссей, 2005. 352 с.
71. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.А. Познанского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 180 с.

72. Криминалистика / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. 744 с.
73. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2008. 943 с.
74. Криминалистика: учебник /Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 944 с.
75. Криминалистическая экспертная диагностика: метод. пособие / Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова; науч. ред. Ю.Г. Корухов. М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы (РФЦСЭ), 2000. 200 с.
76. Крылов И.Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. 189 с.
77. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 213 с.
78. Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия. 2-е изд. Серия «Хрестоматия» СПб.: Питер, 2009. 464 с.
79. Курс лекций по теории государства и права. В 2 ч. / под общ. ред. Н.Т. Разгельдеева, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ПКЦ, 1993.
80. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. 569 с.
81. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 593 с.
82. Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2009. 224 с.
83. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000. 511 с.
84. Лекции по общей части гражданского права: учеб. пособие. Владимир: ВГПУ, 2003. 280 с.
85. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
86. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с. (Труды д. чл. и чл.-корр. АПН СССР).

87. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 320 с. (Труды д. чл. и чл.-корр. АПН СССР).
88. Лимонова Н.А. Права и свободы человека и гражданина в России и роль адвокатуры в их защите: учеб. пособие / Г.Б. Мирзоев, К.С. Метлова, М.Г. Назарян; под ред. засл. юриста РФ, докт. юрид. наук, проф. Т.Н. Радько. М.: Российская академия адвокатуры, 2004. 216 с.
89. Линдмяэ Х. Управление проведением судебных экспертиз в Советском уголовном судопроизводств. Таллинн: Ээсти раамат, 1988. 231 с.
90. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
91. Майлис Н.П. Моя профессия – судебный эксперт. М.: Щит-М, 2006. 168 с.
92. Макарова Л.В. Преподаватель: модель деятельности и аттестация. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1992. 161 с.
93. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. 228 с.
94. Манохин В.М. Российское административное право: учебник / Ю.С. Адушкин, З.А. Багишаев. М.: Юристь, 1996. 472 с.
95. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с.
96. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Флинта, 2001. 400 с.
97. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристь, 2003. 512 с.
98. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
99. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 3-е изд. М.: Генезис, 2009. 606 с.
100. Мерещкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации: науч.-практич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2007. 368 с.

101. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / Л.П. Гримак, А.И. Скрыпников, А.Ю. Лаговский, И.С. Зубрилова. М.: ВНИИ МВД России, 1999. 176 с.
102. Мирзоев Г.Б. Некоторые вопросы развития юридического образования / А.Д. Бойков, М.В. Крестинский. М.: Российская Академия адвокатуры, 2007. 144 с.
103. Михайленко А.Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан: науч.-практич. издание. Киев: Юринком Интер, 1999. 448 с.
104. Могутин Р.И., Субботина М.В. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 84 с.
105. Москвина Т.П. Аккредитация в судебной экспертизе. М.: Юрлитинформ, 2010. 320 с.
106. Мохов А.А. Институт сведущих лиц в гражданском процессе России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 352 с.
107. Настольная книга следователя / под ред. Л.Р. Шейнина, П.И. Тарасова-Родионова, С.Я. Розенблита; общ ред. Генерального Прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1949. 880 с.
108. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2003. 1007 с.
109. Нестеров А.В. Экспертное дело. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2003. 352 с.
110. Нестеров А.В. Основы экспертной деятельности: учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2009. 165 с.
111. Никандров В.В. Вербально-коммуникативные методы в психологии (беседа и опрос): учеб. пособие. СПб.: Речь, 2002. 72 с.
112. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. М.: Право и Закон, 1996. 448 с.
113. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М.: ИД «Камерон», 2006. 400 с.
114. Обухов А.Н., Обухова И.П. Теоретические и методические основы применения полиграфных устройств: учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2010. 230 с.

115. Общая психология: учебник для студентов высших учеб. заведений. В 7 т. Т. 3. Память / под ред. Б.С. Братуся; В.В. Нуркова. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 320 с.
116. Общая теория государства и права: академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. 640 с.
117. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. 160 с.
118. Организационно-правовые основы судебной экспертизы: учеб. пособие для экспертов / отв. ред. В.Д. Арсеньев. М.: ВНИИСЭ, 1979. 326 с.
119. Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном процессе: учеб. пособие. Вып. 1. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М.: МГЮА, 2004. 32 с.
120. Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Вып. 2. Судебная экспертиза: общие понятия. М.: МГЮА, 2004. 23 с.
121. Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Вып. 3. Судебная экспертиза: процессуальная форма. М.: МГЮА, 2004. 78 с.
122. Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Вып. 4. Заключение эксперта и его оценка. Показания эксперта. М.: МГЮА, 2005. 28 с.
123. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. 175 с.
124. Производство экспертизы в уголовном процессе: учеб. пособие / Ю.К. Орлов; отв. ред. П.А. Lupинская. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1982. 80 с.
125. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: науч. издание. М.: Ин-т повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. 264 с.
126. Основы судебной экспертизы. Ч. I. Общая теория / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. 431 с.
127. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. 266 с.

128. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1989. 328 с.
129. Полещук О.В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве / С.В. Саксин, В.В. Яровенко. М.: Юрлитинформ, 2007. 232 с.
130. Полтавцева Л.И. Криминалистика и психология: теоретические предпосылки и практические потребности интеграции. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 124 с.
131. Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности / кол. авт.; под науч. ред. Н.А. Селиванова и А.И. Дворкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лига Разум, 1999. 508 с.
132. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. пособие с альбомом схем / под ред. В.К. Боброва. М.: МЮИ МВД России; Щит-М, 1999. 212 с.
133. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В.П. Божьева. 4-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. 400 с.
134. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2011. 720 с. (Настольная книга специалиста).
135. Прасолова Э.М. Теория и практика криминалистической экспертизы: учеб. пособие. М.: Изд-во УДН, 1985. 72 с.
136. Протасов В.Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие. М.: Юристь, 1995. 96 с.
137. Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». Инструментальная диагностика эмоциональной напряженности и возможности ее применения в уголовном процессе. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1992. 199 с.
138. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 352 с.
139. Пряжникова Е.Ю. Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров. Серия «Бакалавр. Базовый курс». М.: Юрайт, 2012. 520 с.
140. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. 368 с.

141. Психологическая диагностика: учебник для вузов / под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. СПб.: Питер, 2003. 652 с.
142. Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 288 с.
143. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
144. Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госюриздат, 1953. 262 с.
145. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
146. Российское государство и правовая система: современное развитие проблемы, перспективы / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1999. 704 с.
147. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
148. Россинская Е.Р. Профессия – эксперт (введение в юридическую специальность). М.: Юристь, 1999. 192 с.
149. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. 384 с.
150. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 656 с.
151. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.
152. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Серия «Практическая юриспруденция. Судебная экспертиза». М.: Право и закон, 2001. 416 с.
153. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Серия «Мастера психологии». СПб.: Питер, 2000. 712 с.
154. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999. 368 с.
155. Сборник нормативных актов и методических материалов по вопросам использования полиграфных устройств / под ред. А.И. Скрыпникова. М.: ВНИИ МВД России, 1996. 84 с.
156. Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. 144 с.

157. Семенов В.В., Иванов Л.Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. 184 с.
158. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2006. 300 с.
159. Семенцов В.А. Уголовно-процессуальное право. Часть общая: курс лекций. Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2008. 156 с.
160. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. 272 с.
161. Ситдикова Л.Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание информационных услуг. М.: Изд. группа «Юрист», 2007. 136 с.
162. Ситдикова Л.Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание консультационных услуг. М.: Изд. группа «Юрист», 2007. 160 с.
163. Ситдикова Л.Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М.: Изд. группа «Юрист», 2008. 344 с.
164. Следственные действия: учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. М.: Юрайт, 2011. 273 с. (Магистр).
165. Смирнов С.Д. Психология и педагогика высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2001. 304 с.
166. Смирнова Е.Э. Пути формирования модели специалиста с высшим образованием. Л.: ЛГУ, 1977. 136 с.
167. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. 875 с.
168. Советский уголовный процесс. Вопросы Общей части / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.Я. Чеканова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. 192 с.
169. Советский уголовный процесс. Вопросы Особенной части / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. 200 с.
170. Соколов В.М. Основы проектирования образовательных стандартов (методология, теория, практический опыт). М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1996. 116 с.

171. Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии): науч.-практич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2003. 264 с.
172. Сошников А.П. Полиграф в практике расследования преступлений. Методические рекомендации / Я.В. Комиссарова, А.Б. Пеленицын, В.Н. Федоренко. М.: Изд-во Московского государственного ин-та радиотехники, электроники и автоматики, 2008. 186 с.
173. Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М.: Эксмо, 2009. 240 с. (HR-библиотека).
174. Степаненко Д.А. Основы учения о криминалистической идентификации по мысленному образу. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 240 с.
175. Стецовский Ю.И., Мирзоев Г.Б. Профессиональный долг адвоката и его статус. М.: Юнити-Дана, 2003. 159 с.
176. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия»; Высшая школа, 2001. 360 с.
177. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
178. Суворова Г.А. Психология деятельности: учеб. пособие для студентов психологических и педагогических вузов. М.: Пер Сэ, 2003. 176 с.
179. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 168 с.
180. Суходольский Г.В. Введение в математико-психологическую теорию деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. 220 с.
181. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: ЛГУ, 1987. 549 с.
182. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 776 с.
183. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1997. 527 с.

184. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
185. Теория политики (общие вопросы): учеб. пособие. Саратов, 1994. 186 с.
186. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галляшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. 384 с.
187. Теория судебной экспертизы: учеб. пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 440, [1] с. (Библиотека студента).
188. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985. 192 с.
189. Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 г.: учеб. пособие для высшей школы. М.: Изд-во МГУ, 1961. 220 с.
190. Ткаченко А.А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. 2-е изд., доп. и переб. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 504 с.
191. Ткаченко А.А. Применение подпороговой визуальной стимуляции при психофизиологической диагностике расстройств сексуальных предпочтений: пособие для врачей / Г.Е. Введенский, М.Ю. Каменсков. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрави», 2008. 24 с.
192. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. 429 с.
193. Уголовно-процессуальный кодекс России: сб. нормативных актов и документов. В 3 ч. Ч. 1. Официальные тексты / сост. Ю.В. Астафьев, В.А. Ефанова, Т.М. Сыщикова, В.А. Панюшкин; под ред. и с предисл. В.А. Панюшкина. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1998. 456 с.
194. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. 797 с.
195. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. 704 с.
196. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В.С. Овчинский. М.: Инфра-М, 2005. 658 с.

197. Филонов Л.Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М.: Изд-во Московского уни-та, 1979. 99 с.
198. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. 608 с.
199. Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 320 с.
200. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
201. Хлынцов М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. 160 с.
202. Холодный Ю.И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации. Серия «Библиотека полиграфа». Вып. 1. М.: «Мир безопасности», 1998. 96 с.
203. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М.: «Мир безопасности», 2000. 160 с.
204. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ.; под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во МГУ, 1972. 258 с.
205. Хэссет Дж. Введение в психофизиологию / пер. с англ. канд. биол. наук И.И. Полетаевой; под ред. докт. биол. наук Е.Н. Соколова. М.: Мир, 1981. 249 с.
206. Чельшева О.В. Объект и предмет криминалистики (генезис, содержание, перспективы развития) / под ред. И.А. Волгина. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. 158 с.
207. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1962. 504 с.
208. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1954. 280 с.
209. Чеховских М.И. Психология: учеб. пособие. М.: Новое знание, 2003. 380 с.
210. Чучаев А.И., Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика. М.: Проспект, 2010. 184 с.
211. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. 185 с.

212. Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2008. 224 с.
213. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юридическая литература, 1981. 128 с.
214. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.
215. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.
216. Шнайдер А.А. Теоретические основы судебной экспертизы: курс лекций. Вып. 3. Гносеологические основы судебной экспертизы. Саратов: СЮИ МВД России, 2002. 112 с.
217. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.
218. Экман П. Психология лжи. Серия «Мастера психологии». СПб.: Питер, 2003. 277 с.
219. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб.: ИД С.-Петербургского государственного ун-та; Изд-во юридического факультета С.-Петербургского государственного ун-та, 2005. 280 с.
220. Эксперт: руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. докт. юрид. наук, проф. Т.В. Аверьяновой, канд. юрид. наук В.Ф. Статкуса. М.: КноРус; Право и закон, 2003. 592 с.
221. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 146 с.

4. Сборники статей, статьи, тезисы

1. Аверьянова Т.В. Организационные и методические проблемы развития и внедрения методов экспертного исследования // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 15–18.
2. Аверьянова Т.В. Некоторые проблемы практики использования статей УПК России и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. 2004. № 1. С. 15–20.

3. Арсеньев В.Д. Процессуальный статус субъектов судебной экспертизы по уголовным делам // Процессуальные аспекты судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М.: ВНИИСЭ, 1986. С. 39–52.
4. Балакшин В.С. Перспективы использования полиграфа в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. трудов. Юбилейной 10-й Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 17–21.
5. Баранов Ю.Н., Попова Т.В. О возможности применения полиграфа в экспертном исследовании // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 2000. С. 20–28.
6. Белкин А.Р. Показания могут быть получены и вне допроса // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной памяти докт. юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской: сб. науч. трудов. М.: ООО Изд-во «Элит», 2011. С. 346–350.
7. Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (9). М.: Спарк, 2004. С. 19–25.
8. Вараксин В.И., Смирнова С.А. Судебно-экспертное право. Этапы становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (13). М.: Спарк, 2005. С. 70–77.
9. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в криминалистике // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 77–80.
10. Габдеев Р.В. Профессиональные составляющие образа мира // Психология системного функционирования личности: материалы Международной науч. конференции. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 14–18.
11. Гаерски Е. Применение полиграфа органами уголовного розыска в Польше // Теория и практика применения полиграфа в право-

- охранительной деятельности: материалы 3-й науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 1999. С. 64–70.
12. Галяшина Е.И., Галяшин Н.В. К вопросу об оценке адвокатом-защитником заключения негосударственного судебного эксперта // Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов V ежегодной науч.-практич. конференции (2008 г.) / Федеральная палата адвокатов РФ. М.: Информ-Право, 2008. С. 221–233.
 13. Галяшина Е.И., Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Lex Russica. 2006. № 6. Декабрь. С. 1033–1055.
 14. Ганчевский Б. Основные теоретические подходы при осуществлении полиграфных исследований институтом психологии – МВД Республики Болгария // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 3-й науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 1999. С. 71–76.
 15. Гладышева О.В. О необходимости закрепления процедуры применения полиграфа в рамках нового следственного действия // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. тр. юбилейной 10-й Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 53–57.
 16. Гладышева О.В., Челяпина Н.Н. Доказательственное значение результатов психофизиологической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 28–34.
 17. Гольцов А.Т. «Детектор лжи» в уголовном судопроизводстве США // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 72–85.
 18. Горянов Ю.И. К вопросу о независимости государственных судебных экспертов // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. 2004. № 1. С. 53–56.
 19. Григорьев Ф.А. Методологические проблемы подготовки юристов, экспертов-криминалистов // Использование достижений

- науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 3–6.
20. Гургенидзе Е.В., Колкутин В.В. Опыт внедрения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в практику государственного судебно-экспертного учреждения // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 31–33.
 21. Денисов П.В. Особенности использования специальных знаний в контексте действующего законодательства // Судебная экспертиза: научно-практический журнал. 2004. № 1. С. 57–58.
 22. Дмитриева М.А., Дружилов С.А. Уровни и критерии профессионализма: проблемы формирования современного профессионала // «Сибирь. Философия. Образование». Альманах Сибирского отделения Российской академии образования. 2000. Вып. 4. С. 18–30.
 23. Европейские конвенции: образовательные стандарты / сост. Г.В. Игнатенко. Екатеринбург, 2002. 72 с.
 24. Жуков Б. Неуловимая энграмма // Что нового в науке и технике. 2006. № 1–2. С. 108–115.
 25. Занев С. Опыт применения полиграфа в Болгарии: прошлое и будущее // Юридическая антропология: современные пути развития знаний о человеке: сб. науч. статей / под ред. докт. социол. наук, проф. А.Г. Кузнецова, докт. философ. наук, проф. В.Н. Ярской-Смирновой. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 144–151.
 26. Звягинцева А.В. Применение полиграфа в ГУ МВД России по Краснодарскому краю при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств // Сборник материалов Международной науч.-практич. конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 г.). Сочи, 2011. С. 80–83.
 27. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
 28. Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: материалы Международного науч.-практич. форума / под ред. В.Н. Хрусталева, Л.Н. Иванова. Саратов: СЮИ МВД России, 2006. 104 с.

29. Интервью с Руководителем управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации С.А. Рябовым // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 37–40.
30. Каминский М.К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века // Криміналістика XXI століття: матеріали Міжнар. наук.-практич. конф. (25–26 листоп. 2010 р.). Харьков: Право, 2010. С. 13–17.
31. Каширкина А.А. Новые тенденции в доктрине международной правосубъектности // Lex Russica. 2004. № 3. Июль. С. 819–837.
32. Кискина Е.Е. Заключение эксперта как акт коммуникации // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. 2009. № 3 (19). С. 100–106.
33. Кискина Е.Е. Содержание и структура профессиограммы судебного эксперта // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 3 (27). М.: Спарк, 2008. С. 77–83.
34. Кленова Т. О совместимости публичного и частного интереса в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 2. С. 41–45.
35. Климов Е.А. Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 5–14. (Доклад на пленарном заседании Центрального совета Общества психологов СССР 2 апреля 1984 г.).
36. Климов Е.А. Профессиональное самоопределение личности // Интеллект и творчество: сб. науч. трудов. М.: ИП РАН, 1999. С. 239–254.
37. Климов Е.А. Об образе мира у представителей разнотипных профессий // Психологическое обозрение. 1995. № 1. С. 26–30.
38. Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11. С. 43–47.
39. Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. Проблемы становления психофизиологической экспертизы // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 399–403.
40. Комиссаров В.И., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному праву // Правоведение. 1999. № 1. С. 180–185.

41. Комиссарова Я.В. Прецедент признания заключения специалиста-полиграфолога документом – источником доказательств // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 2000. С. 101–104.
42. Комиссарова Я.В. Результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа как доказательство в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 60–64.
43. Комиссарова Я.В., Сошников А.П. Заключение полиграфолога как источник доказательств // Актуальные проблемы современной криминалистики: материалы науч.-практич. конференции. В 2 ч. Ч. 1. (Симферополь – Алушта, 19–21 сентября 2002 г.). Симферополь: Доля, 2002. С. 67–72.
44. Комиссарова Я.В., Шемятенков В.Н. Об актуальности использования информационных технологий при проведении исследований естественнонаучных основ полиграфных проверок // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом: материалы Международной науч.-практ. конференции. Калининград, 2003. С. 348–352.
45. Комкова Е.А., Комиссарова Я.В. Саратовская ЛСЭ: прошлое, настоящее, будущее... // Актуальные вопросы экспертной практики: сб. науч. статей. Саратов: СЮИ МВД России, 2001. С. 5–16.
46. Комлев Л.А., Кунин Д.В. Работа со следами в памяти человека в рамках психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Предварительное следствие. Вып. 1 (11). М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2001. С. 144–159.
47. Коровин В.В. Современные проблемы практики полиграфных обследований // Инструментальная детекция лжи – 15 лет на страже закона в России: итоги пройденного и перспективы развития: материалы Международной науч.-практич. конференции (21–23 сентября 2009 г.). Казань, 2009. С. 13–23.
48. Корухов Ю.Г. Экспертные и неэкспертные трасологические исследования в уголовном процессе // Проблемы трасологических исследований: сб. науч. трудов. Вып. 35. М., 1978. С. 3–105.
49. Корухов Ю.Г., Орлова В.Ф. Значение общей теории для развития института судебной экспертизы // Актуальные проблемы судеб-

- ной экспертизы и криминалистики: тезисы науч.-практич. конференции. Киев, 1993. С. 60–61.
50. Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2010. 286 с.
 51. Крайник В. О проблемах подготовки судебных (криминалистических) экспертов в Словакии / М. Крайникова, И. Фазекаш // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 36–37.
 52. Крестовников О.А. Информационное обоснование и правовой режим заключения эксперта и специалиста в судебном процессе // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2006. № 2. С. 326–329.
 53. Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика / под общ. ред. С.П. Кушниренко. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012. 676 с.
 54. Кудрявцева А.В. Уровни решения задач как основание разграничения компетенции эксперта и специалиста // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практич. конференции (г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.). В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2005. С. 485–489.
 55. Логвинец Е.А. Заключение специалиста (проблемы использования в доказывании) // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 33–36.
 56. Любарский М.Г., Дрейден В.Г. Содержание понятия «компетенция эксперта» // Судебная экспертиза (V сборник проблемных научных работ по судебной экспертизе). Л.: Медицина, 1977. С. 127–133.
 57. Мазунин Я.М. Становление института использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве России // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2 (13). Май. С. 56–61.
 58. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.
 59. Малько А.В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 65–72.
 60. Мартынов В.В. Экспертная служба: новые рубежи // Министерство внутренних дел Российской Федерации // URL:

- http://www.mvd.ru/mvd/structure/unit/criminalistic/publications/show_103426/ (дата обращения: 24.08.2012).
61. Масленникова Л. Н. Методологические подходы к развитию уголовно-процессуальной теории и законодательства // *Lex Russica*. 2006. № 6. Декабрь. С. 1198–1214.
 62. Матушанский Г. У., Фролов А. Г. Проектирование моделей подготовки и профессиональной деятельности преподавателей высшей школы / *Казанский государственный технологический ун-т // Educational Technology & Society*. 2000. № 3 (4). P. 183–192.
 63. Мелконян Х. Г. О профессии судебного эксперта и некоторых проблемах подготовки экспертных кадров // *Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. трудов*. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1984. С. 73–93.
 64. Мирский Д. Я. Предмет и система фототехнической экспертизы // *Теоретические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. трудов*. Вып. 48. М., 1981. С. 44–67.
 65. Митричев В., Холодный Ю. Правовые аспекты применения полиграфа в оперативно-розыскной деятельности // *Записки криминалистов*. Вып. 5. М.: Юрикон, 1995. С. 218–223.
 66. Митричев В. С., Холодный Ю. И. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // *Записки криминалистов*. Вып. 1. М.: Юрикон, 1993. С. 173–180.
 67. Москвина Т. П., Усов А. И. Обеспечение единого научно-методического подхода в судебной экспертизе на основе сертификации // *Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы 3-й Всероссийской науч.-практич. конференции по криминалистике и судебной экспертизе (15–17 марта 2006 г.)*. В 2 т. Т. 1. Теоретические, организационные, процессуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. М., 2006. С. 154–157.
 68. Мохов А. А. К вопросу о создании Агентства экспертных исследований // *Эксперт-криминалист*. 2008. № 3. С. 6–8.
 69. Мягих Н. И. Вопросы организации специальных психофизиологических исследований при отборе кандидатов в органы внутренних дел // *Эксперт-криминалист*. 2011. № 1. С. 29–30.
 70. Мягих Н. И. Использование полиграфных устройств при профессиональном психологическом отборе в органы внутренних

- дел // Актуальное состояние и перспективы развития метода инструментальной «детекции лжи» в интересах государственной и общественной безопасности: материалы Международной науч.-практич. конференции (2–4 декабря 2008 г., г. Москва). Казань, 2009. С. 108–111.
71. Ничипоренко Т.Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 45–48.
 72. Носенко Э.Л., Нестеренко Н.В. Проблема распознавания скрываемых мысленных образов // Журнал практикующего психолога. Вып. 6. Киев: Центр консультативной психологии, 2000. С. 127–139.
 73. Оверчук Д.С. Анализ правовых основ функционирования судебно-экспертной системы Чешской Республики // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 37–40.
 74. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 32–35.
 75. Омельянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20–23.
 76. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 28–35.
 77. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: проблема допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 83–88.
 78. Орлова В.Ф. Законодательная регламентация судебной экспертизы: состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза: научно-практический журнал. 2004. № 1. С. 12–14.
 79. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной 50-летию докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации О.А. Зайцева (3 июня 2011 г.). М.: МАЭП, 2011. 526 с.

80. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. О научной обоснованности применения полиграфа // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 12–15.
81. Пеленицын А.Б. Так что же все-таки определяет полиграф? / А.П. Сошников, О.В. Жбанкова // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (38). М., 2011. С. 7–18.
82. Першин А.Н. К вопросу о возможности использования полиграфных исследований при производстве обыска / Р.Г. Аксенов, В.И. Киселев // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 5-й Международной науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края / под ред. С.А. Кучерука, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 2002. С. 191–192.
83. Плешаков С.М. К вопросу о возникновении судебно-экспертного права // Научные труды. Российская академия юридических наук. В 3 т. Т. 3. Вып. 9. М.: Изд. группа «Юрист», 2009. С. 1146–1149.
84. Подшибякин А.С., Холодный Ю.И. Об уточнении и дополнении объектов криминалистической диагностики // Российская юридическая доктрина в XXI в.: проблемы и пути их решения: науч.-практич. конференция (3–4 октября 2001 г.) / под ред. А.И. Демидова. Саратов: СГАП, 2001. С. 225–227.
85. Полиграф в России (1993–2008): ретроспект. сб. статей / авт.-сост. Ю.И. Холодный. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. 177 с.
86. Пресс-релиз межведомственного научно-практического семинара «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт» (г. Москва, 13 декабря 2012 г.) // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 40.
87. Психология влияния / сост. А.В. Морозов. СПб.: Питер, 2001. 512 с.
88. Радько Т.Н. Основные подходы к понятию юридической ответственности в современной юридической науке // Проблемы юридической ответственности: сб. науч. трудов. М.: МИЭП, 2006. С. 7–14.
89. Резван А.П., Субботина М.В. Теория и практика применения полиграфа («плюсы» и «минусы») // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: материалы 3-й науч.-практич. конференции ГУВД Краснодарского края /

- под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи: ГУВД Краснодарского края, 1999. С. 224–231.
90. Репешко П.И. К вопросу о допустимости поручения проведения судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве Украины иностранным специалистам // Научные труды. Российская академия юридических наук. В 3 т. Т. 3. Вып. 4. М.: Изд. группа «Юрист», 2004. С. 250–252.
 91. Россинская Е.Р. О предмете и системе теории судебной экспертизы – судебной экспертологии в современных условиях // Материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 3–10.
 92. Россинская Е.Р. О статусе негосударственного экспертного учреждения // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы IV Всероссийской науч.-практич. конференции по криминалистике и судебной экспертизе (4–5 марта 2009 г.). М.: ЭКЦ МВД России, 2009. С. 68–72.
 93. Россинская Е.Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 2–6.
 94. Ростов М.Н. О содержании понятий, обозначаемых терминами «объект (экспертизы, экспертного исследования)», «качество», «свойство» и «признак» // Методология судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1986. С. 41–55.
 95. Ручкин В.А. О формах подготовки специалистов в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2003. № 1. С. 66–85.
 96. Секераж Т.Н. Проблемы классификации судебной психофизиологической экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы: доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе» (Н.Новгород, 6–10 сентября 2004 г.). М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2004. С. 230–234.
 97. Селиванов Н.А. Спорные вопросы судебной экспертизы // Социалистическая законность. 1978. № 5. С. 63–66.

98. Семенов В.В. К вопросу об объекте и предмете психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 96–104.
99. Семенов В.В., Решетников В.Я. Исследования с использованием полиграфа как способ объективизации показаний ранее допрошенных лиц // Криминалистика. Экспертиза. Розыск: сб. науч. статей. Вып. 1. Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / под ред. В.М. Юрина. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 132–139.
100. Семенцов В.А. Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 105–114.
101. Семенцов В.А., Гладышева О.В. О формировании теории обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1 (2). С. 163–173.
102. Сереброва С.П. О цели современного уголовного судопроизводства России // Российский судья. 2005. № 6. С. 18–20.
103. Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Универсальная комбинаторно-вероятностная модель оценки значимости психофизиологических стимулов и ее использование в полиграфе «Диана-01» // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы VII Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2006. С. 133–139.
104. Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (12). М.: Спарк, 2004. С. 4–15.
105. Степутенкова В.К. Предмет судебной экспертизы и экспертное исследование обстоятельств, образующих основание уголовной

- ответственности // Актуальные теоретические и общеметодические проблемы судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 16. М., 1975. С. 59–60.
106. Степущенко О.А., Игнатьева М.Ю. Опыт организации судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в Экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел по Республике Татарстан // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 29–31.
107. Субочев В.В. Методология исследования категории «законный интерес» // Методология юридической науки: состояние проблемы, перспективы: сборник / под ред. М.Н. Марченко. Вып. II. М.: Изд. группа «Юрист», 2008. С. 65–84.
108. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. 544 с.
109. Судебная экспертология: методические материалы по спецкурсу / сост. В.С. Позий. Симферополь: Доля, 2001. 100 с.
110. Татарин В.Р. Использование возможностей судебно-психофизиологических экспертиз и исследований в отношении потерпевших и свидетелей на стадии предварительного расследования уголовных дел // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 13–17.
111. Трофимов Т.Ф. Определение мотивации в технике детекции лжи // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы VII Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2006. С. 140–142.
112. Убийство Александра Меня – в зеркале КГБ // Московский комсомолец. 1991. 5 декабря.
113. Усов А.И. Сотрудничество судебно-экспертных учреждений министерств юстиции как одно из практических звеньев международной интеграции государств – членов ЕврАзЭС // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 27–31.
114. Федин А.А. Трудовая правосубъектность работника // Lex Russica. 2004. № 3. Июль. С. 718–733.
115. Федоренко В.Н. О межведомственной инструкции о порядке проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа / Я.В. Комиссарова, В.В. Федоренко // Индивидуальная работа с сотрудниками ОВД и новые технологии

- в психологическом обеспечении: материалы науч.-практич. конференции. Геленджик, 2005. С. 213–219.
116. Федоренко В.Н., Шапошникова В.В. О состоянии и перспективах проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа в органах наркоконтроля // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы VII Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2007. С. 195–200.
 117. Холмогорова А.Б., Зарецкий В.К. Может ли быть полезна российская психология в решении проблем современной психотерапии: размышления после XX конгресса интернациональной федерации психотерапии (IFP) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журнал. 2010. № 4 // URL: <http://medpsy.ru>
 118. Холодный Ю.И. Криминалистические исследования с применением полиграфа в форме экспертизы: от теории к практике // Сборник материалов учеб.-метод. сборов специалистов-полиграфологов правоохранительных органов (6–10 декабря 2010 г.). М.: БСТМ МВД России, 2010. С. 165–172.
 119. Холодный Ю.И. Криминалистические исследования с применением полиграфа и судебно-психофизиологическая экспертиза // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. тр. Юбилейной 10-й Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 135–142.
 120. Холодный Ю.И. Криминалистическая полиграфология и ее применение в правоохранительной практике // Информационный бюллетень № 21 по материалам Криминалистических чтений «Запросы практики – движущая сила развития криминалистики и судебной экспертизы». М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 14–19.
 121. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (13). М.: Спарк, 2005. С. 39–48.
 122. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (14). М.: Спарк, 2005. С. 47–57.

123. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8. С. 58–64.
124. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и психическое отражение // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 18. Серия «Юриспруденция». Тольятти, 2001. С. 205–209.
125. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и судебно-психофизиологическая экспертиза // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 422–425.
126. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа как системная мера криминалистической профилактики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов к 200-летию МВД России. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2002. С. 282–292.
127. Холодный Ю.И. Применение метода психофизиологической детекции лжи в Японии // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (28). М.: Спарк, 2008. С. 30–35.
128. Холодный Ю.И. Применение полиграфа в ходе следствия: по обе стороны барьера // Сб. материалов Международной науч.-практич. конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 г.). Сочи, 2011. С. 262–267.
129. Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (25). М.: Спарк, 2008. С. 25–33.
130. Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (29). М.: Спарк, 2009. С. 50–59.
131. Холодный Ю.И. Трудности на пути внедрения в практику экспертизы с применением полиграфа // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 109–112.
132. Холодный Ю.И., Николаев А.Ю. Психофизиологическая экспертиза: первый опыт применения // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений:

- материалы 2-й Всероссийской науч.-практич. конференции по криминалистике и судебной экспертизе (1–3 марта 2004 г.). В 3 т. Т. 1. М., 2004. С. 147–150.
133. Холодный Ю.И., Савельев Ю.И. Проблема использования испытаний на полиграфе: приглашение к дискуссии // Психологический журнал. Т. 17. 1996. № 3. С. 61–66.
 134. Холопова Е.Н., Кравцова Г.К. Место судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в системе судебных экспертиз // Актуальное состояние и перспективы развития метода инструментальной «детекции лжи» в интересах государственной и общественной безопасности: материалы Международной науч.-практич. конференции (2–4 декабря 2008 г., г. Москва). Казань, 2009. С. 131–138.
 135. Хрусталев В.Н. Подготовка экспертов-криминалистов в Саратовском юридическом институте МВД России (воспоминание о будущем) // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: Материалы чтений, посвященных памяти проф. Е.И. Зуева. Саратов: СЮИ МВД России, 2005. С. 3–8.
 136. Хрусталев В.Н. Перспективы академической подготовки судебных экспертов в России // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 20–22.
 137. Хуторской А. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
 138. Цепелев В. Исполнение Россией международно-правовых обязательств в уголовно-правовой сфере // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 27–29.
 139. Чикурова Е.В. Доказательственное значение мнения эксперта при вынесении решения по уголовному делу, осложненному симулятивным поведением подозреваемого, обвиняемого // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной памяти докт. юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской: сб. науч. трудов. М.: ООО «Изд-во “Элит”», 2011. С. 387–392.
 140. Шагеева Р.М. К вопросу об интересе в уголовном процессе // Актуальные вопросы государства и гражданского общества на современном этапе: материалы Международной науч.-практич.

- конференции (10–11 апреля 2007 г.). Ч. 2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 276–279.
141. Шашкин С.Б., Трубицын Р.Ю. Тенденции совершенствования подготовки экспертных кадров в рамках участия России в Болонском процессе // Материалы Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.). М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. С. 308–311.
 142. Шепитько В.Ю. Изменчивость криминалистики в XXI в. и ее задачи в современных условиях // Криміналістика XXI століття: матеріали Міжнар. наук.-практич. конф. (25–26 листоп. 2010 р.). Харьков: Право, 2010. С. 55–59.
 143. Шепитько В.Ю. О новеллах в использовании специальных знаний в уголовном процессе Украины // Материалы 4-й Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 340–342.
 144. Шепитько В.Ю. Проблемы разработки и использования профессиограммы судебного эксперта // Материалы 2-й Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.). М.: Проспект, 2009. С. 452–454.
 145. Шепитько М.В. Учредительная конференция Конгресса Криминалистов (Украина, г. Харьков, 17 февраля 2012 г.) // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 18–20.
 146. Шипилов А.П. Использование полиграфных устройств в раскрытии преступлений // Проблемы использования нетрадиционных методов в раскрытии преступлений: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 1993. С. 68–71.
 147. Шипшин С.С. Новый взгляд на систему судебно-психологической экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы: доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе» (Н.Новгород, 6–10 сентября 2004 г.). М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2004. С. 222–225.
 148. Шипшин С.С. Судебные психологическая и психофизиологические экспертизы: по-прежнему врозь? // Сб. материалов Между-

- нар. науч.-практич. конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 г.). Сочи, 2011. С. 268–272.
149. Эккерт В.Ю. Практика применения психофизиологических исследований в Пермском крае // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практич. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 149–154.
150. Яковлев Я.М. Психологическая структура экспертной деятельности // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 7. М.: ВНИИСЭ, 1973. С. 117–138.
151. Яковлев Я.М. Профессиональные качества судебного эксперта // Актуальные теоретические и общеметодические проблемы судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 16. М.: ВНИИСЭ, 1975. С. 18–34.
152. Яковлев Я.М. Основы психологии судебно-экспертной деятельности // Вопросы психологии и логики в судебно-экспертной деятельности: сб. науч. трудов. Вып. 30. М.: ВНИИСЭ, 1977. С. 3–172.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абакиров К.К. Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз (по материалам Российской Федерации и Кыргызской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 188 с.
2. Абызова Е.Р. Правовой статус сотрудников органов внутренних дел (общетеоретические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
3. Азаренко В.М. Тактические основы взаимодействия участников подготовки и проведения криминалистической экспертизы по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 24 с.
4. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 533 с.
5. Барабаш А.С. Публичные начала российского уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2006. 48 с.

6. Белюшина О.В. Правовое регулирование и методика применения полиграфа в раскрытии преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 172 с.
7. Бикмаева Н.Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России (XIX – конец XX века): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006. 27 с.
8. Бикмаева Н.Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России (XIX – конец XX века): дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. 212 с.
9. Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 308 с.
10. Бутырин А.Ю. Строительно-техническая экспертиза в судопроизводстве России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 459 с.
11. Внуков В.И. Особенности назначения, производства и использования результатов независимых экспертиз при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 26 с.
12. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 460 с.
13. Джавадов Ф.М. Концептуальные основы развития судебной экспертизы в современных условиях: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев, 2000. 32 с.
14. Еремин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 24 с.
15. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 446 с.
16. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 54 с.
17. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. Т. 1. 535 с.; Т. 2. Приложения. 206 с.

18. Исаев А.А. Роль судебной экспертизы в квалификации преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. Алматы, 1998. 366 с.
19. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: дис. ... докт. юрид. наук. Кн. 1. СПб., 2008. 509 с.
20. Кискина Е.Е. Криминалистические и психологические аспекты деятельности судебного эксперта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 31 с.
21. Козявин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.
22. Комиссарова Я.В. Процессуальные и нравственные проблемы производства экспертизы на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. 212 с.
23. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. 392 с.
24. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2001. 497 с.
25. Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность (общие положения): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 206 с.
26. Назаров В.А. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 1998. 162 с.
27. Нестеров А.В. Концептуальные основы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании таможенных преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. 346 с.
28. Никитина И.Э. Европейское сотрудничество в сфере судебно-экспертной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
29. Николук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1990. 448 с.
30. Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. 511 с.
31. Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1985. 54 с.

32. Плешаков С.М. Современные экспертные технологии в деятельности судебно-экспертных учреждений России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. 26 с.
33. Полосков П.В. Правоспособность и дееспособность в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 25 с.
34. Поповичев С.В. Взаимосвязь потребности в безопасности субъекта и вероятности распознавания лжи в опросе с применением полиграфа: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 22 с.
35. Прорвич В.А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы (структурно-содержательный анализ правовых, организационных и методологических проблем): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 49 с.
36. Руденко А.В. Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 24 с.
37. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2011. 64 с.
38. Савельева Н.В. Оценка заключения эксперта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 29 с.
39. Семенов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 240 с.
40. Сизов А.А. Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
41. Смирнова С.А. Организационно-тактические проблемы развития судебно-экспертной деятельности (по материалам Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. 45 с.
42. Степаненко Д.А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Иркутск, 2006. 52 с.
43. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 24 с.

44. Сухова Т.Э. Интеграция знаний как фактор развития теории и практики судебной экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2001. 174 с.
45. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
46. Толстухина Т.В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 320 с.
47. Фролычева Е.А. Процессуальное действие «судебная экспертиза» в судопроизводстве стран Скандинавии и России (сравнительное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2011. 34 с.
48. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 640 с.
49. Шакиров К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. Алматы, 2003. 292 с.
50. Шейфер С.А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. Куйбышев, 1981. 424 с.
51. Шепель В.Н. Экспертиза в суде по уголовным делам в свете нового законодательства и перспектив ее развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 214 с.
52. Шматов В.М. Развитие частной криминалистической теории изучения личности и обеспечения ее прав: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 208 с.

6. Энциклопедии и словари

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с. (Проект «Психологическая энциклопедия»).
2. Большой юридический словарь / под ред. проф. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2007. VI, 858 с. (Б-ка словарей «Инфра-М»).
3. Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: Прогресс, 1994. 576 с.

4. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
5. Математика и кибернетика в экономике: словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1975. 700 с.
6. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 7. Жа-Ит. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 255 с.: ил.
7. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 9. Кл-Ку. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 255 с.: ил.
8. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 16. Ро-Ск. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 255 с.: ил.
9. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. 448 с.
12. Словарь-комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. И.В. Смольковой. М.: Юрлитинформ, 2008. 184 с.
13. Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. 672 с.
14. Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. 526 с.
15. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1967. 592 с. с ил.
16. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
17. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М.: Юристь, 1999. 552 с.
18. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристь, 2001. 1272 с.

Оглавление

Введение	3
Глава I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	14
§ 1. Деятельностный подход к исследованию судебной экспертизы	14
§ 2. Проблемы исследования деятельности эксперта.....	32
§ 3. Объект и предмет деятельности эксперта при участии в доказывании.....	49
Глава II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА	69
§ 1. Психолого-правовая характеристика труда эксперта	69
§ 2. Становление и развитие института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве России: ретроспективный анализ.....	90
§ 3. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности	102
§ 4. Специфика профессиональной подготовки экспертов	126
Глава III. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧАСТНИКА СУДОПРОИЗВОДСТВА	149
§ 1. Соотношение специального и отраслевого статусов лица, назначаемого экспертом при производстве по уголовному делу.....	149
§ 2. Характеристика уголовно-процессуального статуса эксперта как профессионального участника судопроизводства	166
§ 3. Проблемы разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста	219
Глава IV. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ВИДОВ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)	241

§ 1. Теоретико-криминалистические проблемы использования полиграфа.....	242
§ 2. Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа	261
§ 3. Перспективы использования в судопроизводстве специальных знаний из области полиграфологии.....	295
Заключение	315
Библиография	320

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРЛИТИНФОРМ»

ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ ПО ВСЕМ АСПЕКТАМ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

- ☞ Издательство находится в Москве, что ускоряет и упрощает ваше взаимодействие с нами.
- ☞ Мы выполняем полный комплекс работ от подготовки рукописи к изданию, изготовления тиража до реализации книги.
- ☞ Мы гарантируем быстрое и качественное издание вашего труда и его распространение по всей России.
- ☞ Результат нашего сотрудничества — книга — станет достойным приобретением для студентов, преподавателей, практикующих юристов и научных работников.

**За дополнительной информацией
обращайтесь
по тел.: (495) 697-77-45, 697-16-13
www.urlit.ru**

Комиссарова Ярослава Владимировна

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕРТА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Монография

Компьютерная верстка – Горонец Н.Е.

Лицензия ЛР № 066272 от 14 января 1999 г.
Сдано в набор 19.08.2014. Подписано в печать 17.09.2014
Формат 60X88/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23
Тираж 3000 экз. (1-й завод — 1000 экз.) Заказ № 336

ООО Издательство «Юрлитинформ»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6.
<http://www.urlit.ru>; e-mail: post@urlit.ru

Отпечатано в типографии ООО «Галлея-Принт»
111024, г. Москва, ул. 5-я Кабельная, д. 2Б
<http://galleyaprint.ru>